

А-02

В 387

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXIX.

ОКТАБРЬ

1899.

№ 8

Проб. 3г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1899

Проверено 1964 г.

-- МАЙ 2008

СПбГУ

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

Вѣстникъ Права

Журналь Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXIX.

ОКТАБРЬ

1899.

№ 8.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,
1899

СНГГ

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИГИ „ВѢСТНИКА ПРАВА“.

I.	Политическія воззрѣнія Сперанскаго до его знакомства съ Императоромъ Александромъ I. Н. М. Коркунова	1—40
II.	Обезпеченіе доказательствъ въ уголовномъ процессѣ. Я. К. Городыскаго	41—68
III.	Расторженіе брака вслѣдствіе помѣшательства супруга. Проф. В. Ѡ. Чижъ	69—88
IV.	Къ вопросу о профессиональномъ нищенствѣ. А. А. Левенстима	89—104
V.	Недѣйствительность учрежденія акціонерной компаніи. В. Е. Бѣлинскаго	105—120
VI.	Новый германскій проектъ закона объ авторскомъ правѣ. Г. Б. Сліозберга	121—137
VII.	Юридическое обозрѣніе:	138—224
	1. Законъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ. Д. Л.	138
	2. Наказъ земскимъ начальникамъ. Д. Л.	149
	3. Вопросъ о земской адвокатурѣ	157
	4. Текущая практика Гражданскаго Кассационнаго Департамента. Г. Сл.	168
	5. Указъ Перваго Общаго Собранія Сената о непримѣнимости ст. 121 уст. пенз. къ изданіямъ не прекратившимся, а прекращеннымъ	191
	6. Дѣло Скитскихъ въ Сенатѣ	195
	7. Новый германскій уставъ военно-уголовнаго судопроизводства	215
	8. Избраніе Министра Юстиціи почетнымъ членомъ Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ	223
VIII.	Литературное обозрѣніе:	225—252
	1) А. Эсменъ . Основныя начала государственнаго права. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. М. Ковалевскаго . Изданіе К. Т. Сохадатенкова . Томы I и II. С. Шуманова .	225

II

- 2) Т. Фауль. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Пер. съ англійскаго А. М. Бѣлова. Графъ д'Оссонвилъ. Нужда, пороки и благотворительность. Пер. съ французскаго и введеніе Б. К. Ордина. П. Ганзенъ. Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Д. Л. 233
- 3) Н. Растеряевъ. Таможенныя законоположенія и правила по Европейской границѣ. 239
- 4) Крафтъ. Судебная часть въ Туркестанскомъ краѣ и степныхъ областяхъ 240
- 5) Prof. Heimberger. Strafrecht und Medicin. Н. Розина. 241
- 6) Симферопольское общество исправительныхъ пріютовъ. Отчетъ о дѣятельности за 1896, 1897 и 1898 годы. 247
- 7) Систематическій сборникъ узаконеній и распоряженій правительства по поземельному устройству крестьянъ Царства Польскаго. Составилъ М. Д. Скрабинъ. 250
- 8) Г. О. Розенцвейгъ. Изъ залы суда. Судебныя очерки и картинки 252
- 9) М. Шрамченко. Уставъ о промышленности. 252

IX. Приложения:

1. Труды Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ:
 Протоколъ Общаго Собранія Юридическаго
 Общества 9 октября 1899 г. 159
 Протоколы засѣданій Гражданскаго Отдѣ-
 ленія 11 января 1899 г. и 1 октября 1899 г. 160
2. Извлеченія изъ рѣшеній Гражд. Кассац. Департ.
 и Общаго Собранія Кассац. Департ. Правит.
 Сената за 1898 г. (окончаніе). Н. И. Цуханова 57—92
- Объявленія I—IV

I.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ СПЕРАНСКАГО ДО ЕГО ЗНАКОМСТВА СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I.

Очень распространено мнѣніе, будто бы Сперанскій убѣдилъ Александра Павловича въ необходимости и возможности ввести въ Россіи ограниченное народнымъ представительствомъ монархическое правленіе. Но такое мнѣніе совершенно ошибочно и легко можетъ быть опровергнуто архивными данными, до сихъ поръ неизданными. Высокій историческій интересъ, представляемый этими документами, не только съ точки зрѣнія характеристики идей Сперанскаго, но и исторіи развитія политическихъ идей вообще, побуждаетъ насъ подѣлиться этими данными съ читателями.

Александръ Павловичъ усвоилъ либеральныя идеи еще въ ранней своей юности, когда еще вовсе не зналъ Сперанскаго, подъ вліяніемъ своего воспитателя, республиканца Лагарпа, и тѣхъ молодыхъ людей, въ общеніи съ коими онъ росъ,—съ Новосильцевымъ, Кочубеемъ, Чарторижскимъ, Воронцовымъ, Строгановымъ. При вступленіи на престолъ Александра I, въ Петербургѣ находился только одинъ графъ Строгановъ, всѣ другіе изъ этихъ друзей его были за границей, но, узнавъ объ его вступленіи на престолъ, стали съѣзжаться въ Петербургъ, а въ августѣ прибылъ и Лагарпъ, сдѣлавшійся къ этому времени гораздо умѣреннѣе въ своихъ воззрѣніяхъ, чѣмъ

былъ въ пятидесятихъ годахъ прошлаго вѣка, главнымъ образомъ, вслѣдствіе восемнадцатилѣтняго управленія Гельветической республикой, такъ что предостерегалъ Александра противъ прозрачной свободы народныхъ собраній и совѣтывалъ дорожить своею властью, твердой и непоколебимой. Впрочемъ, Александръ не призвалъ его къ участию въ негласномъ комитетѣ, состоявшемъ изъ графа П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева, князя Адама Чарторижскаго и графа В. П. Кочубея и имѣвшемъ цѣлью реформу государственнаго управленія. Правильныя засѣданія этого комитета начались только во второй половинѣ іюня, послѣ удаленія графа Палена отъ должности петербургскаго военнаго губернатора и высылки его изъ Петербурга въ его Курляндское имѣніе, откуда ему было запрещено выѣзжать.

Что же касается Сперанскаго, то хотя онъ получилъ званіе статсъ-секретаря Его Величества еще 19 марта 1801 года, но лично сталъ извѣстенъ Императору только съ 1806 г., когда графъ Кочубей сталъ часто прихварывать и потому былъ вынужденъ вмѣсто личнаго доклада изготавлявшихся для него Сперанскимъ проектовъ, посылать его съ ними къ Государю. Государь вскорѣ догадался, что и представлявшіея самимъ Кочубеемъ проекты и теперь представляемые самимъ Сперанскимъ, были составлены послѣднимъ, такъ какъ онъ увидѣлъ, что свои устные объясненія Сперанскій даетъ тѣмъ же самымъ яснымъ и изящнымъ языкомъ, какимъ были написаны и самые проекты, чего вовсе не было при личныхъ докладахъ Кочубея, устные объясненія котораго вовсе не отличались ни особой ясностью, ни изящностью; Александръ думалъ всегда, что Кочубей пишетъ лучше, чѣмъ говорить. Но когда Александръ Павловичъ узналъ лично Сперанскаго и оцѣнилъ его способности, то оцѣнка въ его глазахъ Кочубея значительно понизилась. Превосходный докладчикъ, ловкій, смѣтливый исполнитель порученій, умѣвшій на лету ловить каждое слово Александра, вскорѣ очаровалъ его, и Государь сталъ ему давать многія личныя порученія. Въ октябрѣ 1807 года, отправляясь въ Витебскъ, Александръ взялъ Сперанскаго съ собою, хотя поѣздка эта имѣла цѣлью только осмотръ первой арміи,

и конечно, эта совмѣстная ихъ поѣздка привела къ еще большему сближенію. Въ это же время Александръ получилъ извѣщеніе о большихъ злоупотребленіяхъ саратовскаго губернатора Бѣлякова, пользовавшагося большимъ расположеніемъ Кочубея. Онъ былъ преданъ Александромъ суду и осужденъ, безъ всякаго извѣщенія о томъ Кочубея, который узналъ объ удаленіи отъ должности Бѣлякова лишь изъ сенатскаго указа о назначеніи новаго саратовскаго губернатора. Кочубей, обиженный этимъ, подалъ прошеніе объ отставкѣ, по давней дружбѣ будучи совершенно увѣренъ, что прошеніе не будетъ принято Государемъ, и что онъ останется министромъ, и былъ очень удивленъ когда Государь, безъ всякихъ возраженій, исполнилъ его прошеніе въ ноябрѣ 1807 года и назначилъ на его мѣсто малороссійскаго генераль-губернатора князя Алексѣя Борисовича Куракина, того самого который въ свое время взялъ къ себѣ въ домашніе секретари Сперанскаго, а будучи назначенъ Павломъ генераль-прокуроромъ выхлопоталъ ему увольненіе изъ духовнаго званія, опредѣлилъ его на службу въ свою канцелярію и вскорѣ назначилъ экспедиторомъ одной изъ экспедицій этой канцеляріи. Еще раньше отставки Кочубея, но уже въ ожиданіи ея, 19 октября, Сперанскій былъ Государемъ уволенъ отъ службы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ съ сохраненіемъ за нимъ, по званію статсъ-секретаря Его Величества, прочихъ его должностей. Но такъ какъ въ то время Сперанскій, кромѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, нигдѣ никакихъ должностей не занималъ, то на дѣлѣ это было признаніемъ его ближайшимъ къ Александру Павловичу его статсъ-секретаремъ. Онъ былъ уже тогда дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ еще съ 9 іюня 1801 года, получилъ, кромѣ того, въ 1804 году 12-лѣтнюю аренду мызы Аагофъ въ Лифляндской губерніи, дававшую ему 12,000 рублей дохода ежегодно, въ 1806 году 18 ноября онъ награжденъ былъ орденомъ Св. Владиміра 3 степени, пожалованнымъ ему помимо четвертой, и въ 1807 году марта 15—орденомъ Св. Анны 1 степени.

Къ этому времени негласный комитетъ, окружавшій Александра Павловича, совсѣмъ распался. Кочубей, отставлен-

ный отъ должности министра, взялъ отпускъ и уѣхалъ изъ Петербурга. Новосильцевъ, назначенный сенаторомъ, съ лишеніемъ права личныхъ докладовъ Государю, уѣхалъ за границу, а съ нимъ вмѣстѣ и Воронцовъ. Чарторижскій, смѣненный генераломъ Будбергомъ, сохранилъ только должность попечителя виленскаго учебнаго округа; графъ Строгановъ назначенъ командующимъ нашей арміей въ войну 1807 года. Всѣ эти члены негласнаго комитета замѣнились для Александра Павловича однимъ Сперанскимъ, ставшимъ вмѣсто Новосильцева докладчикомъ ему дѣль и единственнымъ его совѣтникомъ. Онъ ѣздилъ съ нимъ въ 1808 году въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ, гдѣ Сперанскій сблизился съ Талейраномъ и имѣлъ съ нимъ частыя и продолжительныя бесѣды о кодификаціи, а по возвращеніи въ Россію продолжалъ съ нимъ письменныя сношенія. Наполеонъ, зная мнительность Александра, ни съ кѣмъ изъ его окружавшихъ не сблизился.

По возвращеніи въ Петербургъ, Александръ Павловичъ, постоянно занятый съ начала царствованія вопросомъ преобразованія государственнаго устройства Россіи, вручилъ Сперанскому всѣ прежніе проекты по этому вопросу и нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ въ Гатчинѣ съ глазу на глазъ о томъ же. Сперанскій съ его геніальнымъ умомъ, прекраснымъ языкомъ, умѣньемъ отдѣльныхъ мнѣнія и соображенія приводить въ единую стройную систему, полный стремленіемъ къ славѣ, въ способности къ дѣятельности нигѣмъ не превзойденный, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ тогдашнимъ желаніямъ Александра Павловича и явился лучшимъ исполнителемъ его замысловъ.

Къ октябрю 1809 года весь планъ преобразованія государственнаго устройства Россіи былъ готовъ. Сперанскій считалъ болѣе полезнымъ и даже необходимымъ сразу осуществить его во всѣхъ его частяхъ, дабы общество могло получить правильное и полное понятіе о совершившемся преобразованіи. Но Александръ Павловичъ, въ силу своей мнительности и нерѣшительности, послѣ обсуждения съ Сперанскимъ въ теченіи октября и ноября составленнаго имъ плана сталъ

колебаться и находить болѣе предпочтительнымъ постепенное установленіе отдѣльныхъ учреждений, составляющихъ все преобразование, и Сперанскій вынужденъ былъ подчиниться и уже самъ сталъ предлагать Государю „не терять времени, но избѣгать всякой торопливости; переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ учредить, чтобъ онъ казался самымъ простымъ и естественнымъ, чтобы новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ, чтобъ ничего не отваживать и имѣть всегда способы остановиться и удержать прежній порядокъ во всей его силѣ, ежели-бы, паче чаянія, встрѣтились къ новому какія-либо неопреоборимыя препятствія“. Поэтому предполагалось преобразование въ такой послѣдовательности: начать съ установленія новаго Государственнаго Совѣта, затѣмъ перейти къ новому устройству Министерства и Сената, правительствующаго и судебного, и завершить все преобразование призваніемъ народнаго представительства къ участию въ законодательствѣ въ формѣ установленія думъ волостныхъ, окружныхъ, губернскихъ и единой Государственной Думы.

Но первоначальныя политическія воззрѣнія Сперанскаго были совершенно иными. Бывши сыномъ сельскаго священника, хорошо знавшимъ условія тогдашней жизни нашего народа и жизни мѣстныхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ тогда очень низкій уровень просвѣщенія, — не всѣ были даже грамотны, — онъ представлялъ себѣ условія возможности установленія въ Россіи ограниченнаго народнымъ представительствомъ монархическаго правленія, называемаго имъ тогда истиннымъ монархическимъ правленіемъ, совершенно иначе, чѣмъ члены негласнаго комитета. Между чѣмъ какъ они признавали возможнымъ совершеніе такой реформы безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ, какъ уничтоженіе крѣпостного права, подъемъ уровня просвѣщенія хотя бы только дворянства и установленія свободы печати, безъ чего невозможно образование единственной основы силы и значенія народнаго представительства, — Сперанскій предварительное осуществленіе всѣхъ этихъ измѣненій въ дѣйствовавшемъ тогда въ Россіи законодательствѣ признавалъ необходимымъ условіемъ возмож-

ности приступить къ установленію въ Россіи истиннаго монархическаго правленія.

Доказательствомъ дѣйствительной своеобразности и разумности первоначальныхъ политическихъ воззрѣній Сперанскаго служатъ два документа, хранящихся въ собраніи бумагъ, относящихся къ Сперанскому, составленномъ очень близкимъ къ нему человекомъ, Кузьмой Григорьевичемъ Рѣпинскимъ, и находящемся теперь въ Рукописномъ отдѣленіи Публичной бібліотеки: 1) Составленный Трошинскимъ въ 1801 году проектъ *коронаціонной Всемилостивѣйшей грамоты русскому народу*, подъ очевиднымъ вліяніемъ состоявшаго тогда при немъ Сперанскаго и 2) Записка, написанная всецѣло самимъ Сперанскимъ въ бытность его на службѣ въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по порученію Императора Александра, сдѣланному чрезъ министра этого министерства графа В. П. Кочубея.

Въ проектѣ коронаціонной грамоты предполагалось установить почти всѣ виды гражданской свободы. Такъ, въ статьѣ 3 устанавливалась полная свобода передвиженія въ Россіи и внѣ ея:

„Подтверждаемъ и даемъ дворянству полную свободу жительства имѣть въ той губерніи, гдѣ кто пожелаетъ, перемѣнять свое пребываніе, выѣзжать изъ государства и возвращаться въ оное по своему благоусмотрѣнію, не опасаясь ни мало, чтобы по отбытіи за предѣлы Россіи остающееся имѣніе или права могли подвергнуться опасности или нарушенію: ибо пребываютъ они подъ защитою законовъ, собственность ограждающихъ. Свобода выѣзжать за предѣлы государства да будетъ навсегда ненарушимымъ правомъ Россійскаго дворянина и да не будетъ онъ обязанъ испрашивать на сіе каждый разъ монаршаго соизволенія, исключая случаевъ только чрезвычайныхъ, какъ на примѣръ, пресѣченія сообщенія съ какою-либо державою и тому подобное, о чемъ однако-жъ, всегда будетъ обнародовано“.

Статья 7: „Утверждаемъ и постановляемъ впредь навсегда и ненарушимо, что безопасность есть право, Россійскому поддан-

ному существенно принадлежащее, почему каждый да пользуется оною сообразно съ званіемъ и чиновостояніемъ своимъ. Правосудіе пребудеть всегда подь священною охраною закона“, а статья 18 подкрѣпляетъ это постановленіе заимствованнымъ изъ англійскаго Habeas corpus act правиломъ: „Если кто будетъ взятъ подь стражу или посаженъ въ тюрьму, или задержанъ гдѣ насильственнымъ образомъ и если въ теченіи трехъ дней не будетъ ему объявлено о причинѣ, для которой онъ взятъ подь стражу, и если въ сей предѣльный срокъ онъ не будетъ представленъ предъ законный судъ для учиненія ему допросовъ и для произведенія надъ нимъ суда, то по единственному его требованію свободы отъ ближайшаго начальства, да освободится непременно въ тотъ часъ, ибо преступленіе еще неизвѣстно, а потому въ законѣ (такъ въ подлинникѣ!) не существуетъ. Освобожденный такимъ образомъ можетъ произвести искъ на взявшаго его“.

Статья 13: „Судимый въ какомъ либо преступленіи или подь судомъ состоящій да не вправѣ будетъ считаться преступникомъ и да не лишается добраго въ обществѣ мнѣнія о немъ и да пользуется всеми личными преимуществами, доколѣ дѣйствительно не будетъ доказано, что онъ преступленіе учинилъ и доколѣ не будетъ оно объявлено рѣшительнымъ приговоромъ законныхъ судей“.

Статья 14: „Объщаемъ Императорскимъ нашимъ словомъ, обратить все вниманіе наше къ усовершенствованію права, отчасти въ Русской юриспруденціи уже существующаго, дабы всякій подданный Россійскій судимъ былъ судіями равнаго съ нимъ состоянія. Ничего сердцу нашему не будетъ пріятнѣе, какъ основать на твердыхъ и единыхъ для всѣхъ званій правилахъ правосудіе въ Имперіи нашей“.

Статья 15. „Обвиняемому въ преступленіи или подь судомъ находящемуся да будетъ позволено во всѣхъ случаяхъ, не только когда пожелаетъ, но да будетъ ему предложено избрать себѣ для суда защитника; сіе предложеніе о избраніи защитника долженствуетъ быть къ обряду судопроизводства принадлежащимъ“.

Статья 19. „Если кто будетъ взятъ подъ стражу и представленъ суду, пожелаетъ, узнавъ причину для коей взятъ, быть освобожденъ, предъявляя законами определенное поручительство въ томъ, что являться будетъ въ судъ каждый разъ, когда то востребуется, тотъ да имѣть на то право и да получить личное освобожденіе, исключая нижеписанныхъ случаевъ: когда обвиняемъ кто будетъ въ умышенномъ оскорбленіи Величества; въ измѣнѣ; въ умышенномъ смертоубійствѣ; въ разбоѣ; въ дѣланіи фальшивой монеты, ассигнацій или векселей; въ заговорѣ, клонящемся къ нарушенію общаго покоя или личной безопасности, и когда ясно въ судѣ будетъ постановлено, что содержащій совершилъ точно такое преступленіе, содѣлалъ умышленно: въ сихъ только случаяхъ поручительство не пріемлется и личное освобожденіе возбраняется. Но и тутъ, желая оградить личную безопасность, закономъ непремѣннымъ постановляемъ и учреждаемъ на всегда: 1) Когда обвиняемый въ умышенномъ оскорбленіи Величества и т. д.—будетъ требовать освобожденія за поручительствомъ, то долгъ суда да будетъ постановить предварительно и ясно: а) что преступленіе есть нѣчто умышенное и такое, какъ показываетъ обвиненіе, б) что взятый подъ стражу точно и умышленно сіе преступленіе содѣлалъ, и тогда судъ можетъ отвергнуть поручительство, а не иначе, ибо простое подозрѣніе не есть доказательство; и 2) Дабы именованіе преступленія въ оскорбленіи Величества не было подвергнуто неопредѣленному толкованію и дабы оградить всѣхъ отъ злоупотребленія самопроизвольна власти, устанавлиемъ на точномъ смыслѣ Наказа о сочиненіи новаго уложенія блаженныя памяти Екатерины II, главы XX, чтобы слова и сочиненія не почитать никогда преступленіемъ; ибо суть предлоги только градскаго самоуправленія, а преступленіемъ оскорбленія Величества почитаться должны слѣдующія дѣянія: чѣмъ кто сдѣлаетъ и производить будетъ самымъ дѣйствиємъ заговоръ на ниспроверженіе Высшей власти въ государствѣ“.

Статья 20: „Если взятому подъ стражу дана будетъ свобода или по неизвѣстности преступленія, или по учиненному

о невинности его въ судѣ рѣшенію, то да не будетъ онъ паки требованъ къ суду, взять подъ стражу, или обезпочною другой разъ по тому же дѣлу“.

Статья 21: „Въ случаѣ какого либо тяжёбнаго или законнаго разбирательства между казною и частнымъ лицомъ, казна не иначе въ законѣ почитаема, какъ обыкновенный истецъ или отвѣтчикъ. Повѣренный, обязанный защищать право казенное, не долженъ имѣть никакого преимущества“.

Но Трощинскому не удалось убѣдить Александра издать такую коронаціонную грамоту и была издана самый заурядный всемилостивѣйшій манифестъ.

Еще любопытнѣе другая записка самого Сперанскаго, составленная, по предположенію К. Г. Рѣпинскаго, въ 1803 или въ 1804 году, подъ заглавіемъ „Изслѣдованія о порядкѣ государственнаго управленія“, гдѣ конституціонный порядокъ Сперанскій называетъ „истиннымъ монархическимъ“. Вотъ мѣста этого Изслѣдованія, содержащаго изложеніе его первоначальныхъ, имъ самимъ составленныхъ, воззрѣній на разумъ тогдашняго управленія въ Россіи, на вопросы о томъ какимъ образомъ можно приступить къ усовершенствованію системы государственнаго управленія и о томъ, какія части управленія могутъ быть прежде всѣхъ исправлены?

„Часть III. 1. О разумъ настоящаго управленія въ Россіи“.

„Сколь ни просто на первый взглядъ кажется правленіе самодержавное, но когда оно смѣшано съ разными установленіями монархическими и покрыто формами, къ другому порядку вещей принадлежащими, составъ его дѣлается многосложенъ и разрѣшить его на первыя его стихіи не есть дѣло удобное.

„Первое начало власти въ Россіи, весьма кажется просто. Государь, соединяющій въ особѣ своей всѣ роды силъ, единый законодатель, судія и исполнитель своихъ законовъ: вотъ въ чемъ состоитъ на первый взглядъ вся конституція сего государства. Но когда разсматриваешь тотъ образъ, коимъ Верховное сіе начало дѣйствуетъ и средства, коими она силы свои распределяетъ и приводитъ въ упражненіе, сія простота

перваго понятія исчезнетъ и на мѣстѣ ея являются разныя системы управленія, къ разнымъ началамъ принадлежащія и никакой между собою вещественной связи не имѣющія.

„Въ самомъ дѣлѣ, какими способами, какимъ образомъ опредѣлить взаимныя отношенія первыхъ государственныхъ мѣстъ Совѣта, Сената и Министерствъ? Въ чемъ состоитъ существенное ихъ различіе между собою? Какую степень власти каждая изъ нихъ имѣетъ? Какой родъ дѣлъ каждому изъ нихъ принимать? Разрѣшеніе всѣхъ сихъ вопросовъ одно можетъ обнаружить истинный разумъ правленія въ Россіи.

„И *во первыхъ* очевидно, что ни одно изъ сихъ мѣстъ *собственной политической силы* не имѣетъ: всѣ они зависятъ и въ началѣ, и въ концѣ, и въ бытіи и въ дѣйствіи ихъ отъ единой воли и мановенія силы самодержавной; слѣдовательно, *второе*, ни одно изъ нихъ ни коимъ образомъ органомъ политическимъ, а тѣмъ менѣе законодательнымъ признано быть не можетъ; *третье*, ни правъ, ни преимуществъ, свойственныхъ государственнымъ установленіямъ, въ отношеніи къ первому ихъ началу, имѣть онѣ не могутъ; *четвертое*, различія существеннаго (constitutive) между собою они не имѣютъ, ибо различіе сіе можетъ быть только двояко: 1) въ предметахъ и 2) въ правилѣ. Но предметы во всѣхъ сихъ мѣстахъ одинаковы: сенатъ занимается тѣми же дѣлами полиціи, экономіи и суда, какія вносятся въ совѣтъ и къ министрамъ. Правило дѣйствія въ нихъ такъ же одинаково: всѣ они соображаютъ дѣло съ закономъ или, когда закона нѣтъ или, по обстоятельствамъ, находятъ его неудобнымъ, представляютъ мнѣніе свое о новомъ установленіи. Все различіе состоитъ только въ разности канцелярскаго обряда, но нѣтъ нужды доказывать вамъ, сколь различіе сіе маловажно.

„Правда, что Сенатъ отличается тѣмъ отъ прочихъ, что дѣйствія его считаются публичными и что онъ имѣетъ власть повелительную, а дѣйствія прочихъ лишь есть дѣйствія, внутри Кабинета Государева совершающіяся и къ исполненію непосредственно не исходятъ. Но примѣтить должно: 1) что Се-

нать ни чего не можетъ повелѣть своимъ именемъ: указы, отъ него исходящіе не суть его указы, но Императорскаго Величества, чрезъ него только идущіе; 2) министры могутъ и во многихъ случаяхъ должны мимо его, прямо въ губерніи посылать указы, кои въ послѣдствіи вносятъ къ нему только за извѣстіе; 3) обязанность публиковать указы есть обязанность^о полицейская и всякое нижнее мѣсто именемъ Государя то же бы самое могло дѣлать.

„Итакъ данное понятіе, которое можно себѣ сдѣлать о государственномъ управленіи въ Россіи есть слѣдующее: верховное начало въ Россіи есть Государь Самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власти законодательную и исполнительную и располагающій неограниченно всѣми силами государства.

„Начало сіе не имѣетъ никакихъ вещественныхъ предѣловъ. Но оно имѣетъ нѣкоторыя умственные границы, мнѣніемъ, привычкою и долготѣнимъ употребленіемъ постановленныя въ томъ, что власть сего начала не иначе приводится въ дѣйствіе, какъ всегда единообразнымъ порядкомъ и установленными формами“. „При этомъ, говоритъ Сперанскій, припомнить здѣсь должно, что Юмъ твердость Англійской конституціи полагаетъ въ привычкѣ, въ духѣ, въ образѣ мыслей народа, поэтому сколько бы ничтоженъ и ненуженъ сенатъ ни былъ въ настоящемъ образѣ бытія его и сколько ни вѣроятнымъ кажется, что теченіе дѣлъ, основанное на единствѣ министерскаго управленія, было бы несравненно успѣшнѣе, но можно быть увѣреннымъ, что совершенное уничтоженіе этого мѣста (т. е. сената) изгладило бы собою и самую тѣнь монархической свободы въ разумѣ народномъ. Многочисленное сословіе и формы древности могутъ быть весьма вредны теченію дѣлъ, но онѣ имѣютъ всегда нѣчто священное и столько уважительное въ глазахъ народа, что и самое правосудіе будетъ народу подозрительно, если оно не будетъ изливаться сообразно общему ему о вещахъ понятію. Сей порядокъ, коимъ власть Государя въ законодательствѣ и частяхъ управленія изливается къ народу, вмѣщается разными отдѣленіями ея въ сенатъ, совѣтъ, министерствѣ.

Но три сіи установленія имѣютъ каждое свою степень необходимости и, служа нѣкоторымъ умѣреніемъ власти и точкою соединенія народному мнѣнію, по недостатку связи ихъ между собою, по точному разграниченію ихъ предметовъ, по разнообразности и несовершенствѣ формъ въ существенномъ отпращиваніи, великія представляютъ неудобства.

„Неудобства сіи умножаются, когда установленія сіи разсматриваются въ отношеніи ихъ къ мѣстамъ губернскимъ.

„Система губернскаго управленія по необходимости связана съ системою управленія государственнаго, такъ какъ средина связана съ началомъ. Сколько бы первая вся ни была въ себѣ совершенна, но, стоя подъ вліяніемъ второй, она по необходимости должна разстроиться. Изъ сего слѣдуетъ, что усовершеніе губернскаго управленія не можетъ быть безъ усовершенія управленія государственнаго. Здѣсь припомнить должно то, что сказано вообще о системахъ управленія, кои составляются по частямъ и не по одинаковому плану. Учрежденіе министерства есть, конечно, важный шагъ къ лучшему устройству управленія, но онъ только первый шагъ, а чтобы достигнуть къ совершенству надобно сдѣлать первый, и второй, и третій и такъ дальше, ибо совершенство никогда не достигается однимъ приемомъ. Надобно только идти всегда по одной линіи.

„*Какимъ образомъ можно приступить къ усовершенію системы государственнаго управленія*“. Этотъ вопросъ Сперанскій разрѣшаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Надобно только сравнить образъ управленія монархическаго и управленія, нынѣ въ Россіи существующаго, чтобы удостовѣриться, что никакая сила человѣческая не можетъ сего послѣдняго прекратить, не призвавъ въ содѣйствіе времени и постепеннаго всѣхъ вещей въ ней движенія и совершенствованія. Въ настоящемъ порядкѣ мы не находимъ самыхъ первыхъ элементовъ необходимо нужныхъ къ составленію Монархическаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе по образцу, выше нами предложенному, въ странѣ, гдѣ половина населе-

нія находится въ совершенномъ рабствѣ, гдѣ сіе рабство связано со всѣми почти частями политическаго устройства и воинскою системою и гдѣ сія воинская система необходима по пространству границъ и по политическому положенію? Какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе безъ государственнаго закона и уложенія? Какимъ образомъ можно постановить Государственный законъ и уложеніе безъ отдѣленія власти законодательной отъ власти исполнительной? Какимъ образомъ отдѣлить власть законодательную безъ сословія независимаго, ея составляющаго и безъ общаго мнѣнія, его поддерживающаго? Какимъ образомъ установить общее мнѣніе, сотворить духъ народный безъ свободы тисненія? Какимъ образомъ ввести или дозволить свободу тисненія безъ просвѣщенія? Какимъ образомъ составить сословіе независимое безъ великаго и, можетъ быть, опаснаго превращенія всего существующаго порядка,—съ рабствомъ—и безъ просвѣщенія? Какимъ образомъ установить истинную министерскую отвѣтственность тамъ, гдѣ отвѣчать некому и гдѣ отвѣтствующій и вопрошающій составляютъ одно лицо и одну сторону? Какимъ образомъ безъ отвѣтственности можетъ быть истинное охраненіе законовъ въ исполненіи? Какимъ образомъ можетъ быть обезпечено самое исполненіе безъ просвѣщенія и обилія въ исполнителяхъ?

„Всѣ эти вопросы разрѣшить нужно прежде, нежели можно съ нѣкоторою основательностью предположить возможность превращенія настоящаго порядка въ монархическій. Я смѣю быть увѣреннымъ, что они не разрѣшима и что одно время разрѣшить ихъ можетъ.

„Итакъ, вопросъ о усовершеніи настоящаго управленія въ Россіи не въ томъ состоитъ, какимъ образомъ можно превратить его въ истинное управленіе монархическое, но въ томъ, какимъ образомъ составить образъ управленія, который бы соединялъ въ себѣ слѣдующія свойства: 1) онъ долженъ (быть) весь расположенъ на настоящее (вѣроятно, пропущено по недосмотру слово „состояніе“) самодержавной конституціи государства, безъ всякаго раздѣла власти законодательной отъ власти исполнительной; 2) онъ долженъ сохра-

нить и усилить народное мнѣніе, власть сію ограничивающее не въ существѣ ея, но въ формѣ ея дѣйствія; 3) онъ долженъ сколь можно (быть) приближенъ къ образцу монархическаго управленія, выше изображеннаго; 4) онъ долженъ содержать въ себѣ разныя установленія, которыя бы, постепенно раскрываясь, приготавливали истинное монархическое управленіе и приспособили бы къ нему духъ народный.

„Сіи четыре свойства суть столько существенны предположенному въ Россію управленію, что всякой порядокъ вещей имъ противный или въ себѣ не включающій, долженъ быть отвергнутъ, яко ложный и неосновательный“.

„Какія части управленія могутъ прежде всего исправлены“?

„Прилагая свойства вышеприведенныя къ управленію нынѣ существующему, мы находимъ, во первыхъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ представляетъ оно болѣе удобства, по неусовершенствованности въ другихъ.

„Здѣсь припомнить должно то различіе, какое выше было постановлено между временными учрежденіями, регламентами и законами, и что части управленія, какъ то: полиція и экономія, дѣйствуютъ всегда на правилахъ учреждений, а судъ утверждается на законѣ. Учрежденія наши несостоятельны, но ихъ можно усовершенствовать и исправить. Но исправить гражданскій и уголовный законы скоро нѣтъ никакой возможности, ибо не только въ Россіи, но и нигдѣ въ Европѣ нѣтъ еще теоріи ни гражданскаго, ни уголовного законовъ.

„Сіи части законодательства доселѣ были и нынѣ суть предметомъ учености, историческихъ изысканій, и можно сказать, глубокаго педанства; духъ истинной аналитики къ ней еще не прикоснулся и понинѣ. До сихъ поръ нѣтъ ничего о точности понятія закона, всѣхъ опредѣленій права и закона и категорическаго раздѣленія преступленій, о разграниченіи дѣла уголовного отъ дѣла гражданскаго и чтобы сказать все самимъ однимъ словомъ о самыхъ первыхъ началахъ сего знанія; не умъ обыкновенный, но разумъ творческій, гений, долженъ рѣшить сіи споры, которымъ лучшее

основаніе сей найды, можетъ быть, перемѣнить въ ней самый языкъ съ уничтоженіемъ его варварскихъ формъ.

„Можно съ нѣкоторою основательностію предполагать, что мы стоимъ при самомъ рожденіи лучшей теоріи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Никогда въ Европѣ не занимались сею наукою съ толикимъ вниманіемъ, какъ нынѣ; лучшіе умы обратили на нее свои розысканія и, можетъ быть, не пройдетъ десяти лѣтъ, какъ мы увидимъ въ сей части политическихъ понятій важное превращеніе. Настоящее поколѣніе Россіи даетъ ей всю удобность ожидать сего превращенія: если бы и существовала въ Европѣ система добрыхъ законовъ въ сей части, она не могла бы у насъ скоро приведена быть въ дѣйствіе: ибо право по необходимости предполагаетъ не токмо просвѣщенныхъ судей, но и просвѣщенную публику и методическое сей части ученіе: безъ сего самая лучшая система судовѣднія произведетъ одно только вредное дѣйствіе новости. Но что сдѣлать должно правительству въ Россіи, чтобы приготовить добрыхъ судей, чтобы окружить ихъ здраво мыслящей публикой, чтобы просвѣтить совѣтомъ судовѣдцовъ? Гдѣ установленія, въ коихъ юношество наше образуется къ сей части? Можетъ быть въ одной Россіи судьи творятся одною волею и приказаніемъ правительства, и человѣкъ, едва по слуху знающій о законѣ, о правѣ, о обязанности, вдругъ по слову власти становится органомъ закона и рѣшителемъ всѣхъ споровъ о правахъ и обязанностяхъ. Съ нѣкотораго времени вошло у насъ въ обыкновеніе всѣ недостатки управленія сваливать на несовершенство нашихъ законовъ. Не бывъ въ пользу ихъ слѣпо предубѣжденнымъ, можно однако же быть увѣреннымъ, что сіе мнѣніе весьма несправедливо. Вы жалуетесь на несовершенство вашихъ законовъ уголовныхъ и гражданскихъ. Можно бы было возразить симъ цензорамъ, столь скорымъ, столь готовымъ давать совѣты правительству: но измѣрили ли вы вредное вліяніе прочихъ частей управленія на сію вѣтвь законодательства? Опредѣлили ли до какой степени недостаточная и связанная полиція затрудняетъ теченіе суда, попуская преступленіямъ старѣться безъ слѣдствій, представ-

для слѣдствія безъ обстоятельствъ, теряя обстоятельства временемъ и небреженіемъ? Какимъ образомъ на пространствѣ пяти или шестисотъ верстъ земскій исправникъ, для куска хлѣба изъ бѣдныхъ дворянъ выбранный, съ подобными ему нищими засѣдателями можетъ привести законъ въ движеніе, прежде наступить на мѣстѣ, предохранить собственность отъ похищеній и тѣмъ отвратить раззорительныя тяжбы? Какимъ образомъ въ государствѣ, гдѣ земельныя владѣнія по большей части не обмежеваны, гдѣ права и на общественныя еще не удостовѣрены, гдѣ вся экономическая часть въ крайнемъ беспорядкѣ и упущеніи, могутъ быть тяжбы немногочисленными и незапутанными? Какимъ образомъ законъ можетъ дѣйствовать, когда не поддерживается разумомъ и просвѣщеніемъ исполнителей и когда исполнители сіи еще не образованы?—и, наконецъ, чтобы все заключить въ одномъ словѣ, гдѣ самый текстъ закона извѣстенъ только по секретарскимъ письменнымъ тетрадамъ отъ одного къ другому переходящими и нигдѣ въ порядокъ не приведенными. Познавали ли вы, до какой степени судѣ трудно быть честнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ общаго мнѣнія, гдѣ нѣтъ публичности въ дѣяніяхъ суда, нѣтъ ответственности, нѣтъ совѣта, нѣтъ способовъ ученія. Исправьте всѣ сіи несовершенства, суду побочныя, и отъ другихъ управленій зависящія и тогда разсуждайте о дѣйстви нашихъ законовъ.

„Вы жалуетесь на продолжительность и запутанность нашихъ судебныхъ формъ и обрядовъ, но гдѣ они не таковы? Раскройте прусское уложеніе, вы найдете въ немъ слѣдующія понятія о законахъ, въ Германіи существующихъ. Загляните въ судебныя законы Англіи, вы найдете слѣдующее о нихъ изложеніе одного изъ славнѣйшихъ ихъ юрисконсультовъ. (Тутъ на поляхъ написано рукою же Сперанскаго „здѣсь надо выписать изъ книгъ“, но выписка не сдѣлана).

„Но отчего (недостатки) въ прочихъ государствахъ не столь ощутительны, какъ у насъ? Отъ того, что тамъ законъ, хотя не совершенный, но съ точностью обезпеченъ въ исполненіи, отъ того, что тамъ судьи учатся, а не творятся, отъ того, что прочія части управленія пособляютъ, а не затрудняютъ

дѣйствія закона; отъ того, наконецъ, что добрая монархическая конституція покрываетъ множество частныхъ недостатковъ.

„По вѣсѣмъ симъ замѣчаніямъ въ общемъ начертаніи системы управленія часть суда оставлена въ настоящемъ ея составѣ и очищена только отъ смѣшенія, въ коемъ доннынѣ находилась“.

Въ *главѣ V: О системѣ государственныхъ мѣстъ*, — Сперанскій говоритъ:

„Государственнымъ установленіямъ, безъ связи и порядка нынѣ существующимъ, дабы дать нѣкоторое между собою отношеніе, должно во первыхъ раздѣлить предметы ихъ на два главные рода: къ одному отнести все то, что касается до части законодательной, къ другому все, что принадлежитъ къ власти исполнительной.

„Обѣ власти соединены въ лицѣ Государя, не иначе какъ его волею дѣйствовать могутъ; а потому нѣтъ для каждой изъ нихъ установленныхъ (правиль), въ разумѣ настоящей Государственной конституціи не сами собою, но силою самодержавною существовать могутъ. Они въ существѣ своемъ суть два отдѣленія внутренняго Государева Кабинета: но въ мнѣніи народномъ представляютъ мѣста внѣшнія и умѣряютъ собою самодержавіе.

„Все то, что принадлежитъ до постановленія, усовершенія и охраненія Государственнаго закона и уложенія, будетъ входить въ первое сословіе.

„Все то, что принадлежитъ до постановленія временныхъ учрежденій и исполненія законовъ изъ существующихъ, будетъ входить во второе сословіе.

„Первое можно назвать Сенатомъ законодательнымъ, второе Сенатомъ исполнительнымъ. Держась точнѣ естественныхъ раздѣленій, должно бы было назвать сей послѣдній родъ власти *министерствомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, она не что другое есть, какъ администрація, состоящая изъ извѣстнаго числа

министровъ, изъ коихъ каждый управляетъ своимъ департаментомъ. Не отступая въ существенномъ образованіи сей части отъ сихъ простыхъ и естественныхъ понятій единства, признано однако же нужнымъ объять ее именемъ Сената по двумъ слѣдующимъ причинамъ: 1) есть во всѣхъ департаментахъ министровъ нѣкоторыя общія дѣла, ни къ одному изъ нихъ прямо не принадлежація и требующія соединенія: таково есть обнародованіе уставовъ и узаконеній, производство въ чины, опредѣленіе по нѣкоторымъ высшимъ мѣстамъ чиновниковъ, храненіе актовъ, веденіе общихъ Государственныхъ архивовъ. Для всѣхъ сихъ дѣлъ необходимо быть мѣсту соединенія; 2) вездѣ, а наипаче въ Россіи, повелѣнія, издаваемыя въ народъ именемъ цѣлаго сословія представляютъ народу нѣчто болѣе уважительное, нежели отъ лица подчиненнаго и единственнаго идущія. Понятіе народа сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе. А потому вездѣ, гдѣ совокупность сія не вредитъ успѣху дѣла, гдѣ она представляется только по наружности, а не въ существѣ, гдѣ не уменьшается она личной отвѣтственности, гдѣ можно сохранить ее по виду, сохранить кажется нужно.

„Сенатъ исполнительный дѣлится до времени на двѣ части: судную и управленія. Въ части судной вѣдаются всѣ дѣла по апелляціи и жалобамъ на мѣста губернскія судныя. Она содержитъ въ себѣ 2 департамента—гражданскій и уголовный; въ части управленія будутъ вѣдомы всѣ тѣ предметы, кои принадлежать къ разнымъ департаментамъ министерства.

„Часть судная оставляется до времени на тѣхъ правилахъ, на коихъ она нынѣ существуетъ.

„Части управленія или Сенатъ управляющій составляютъ министерства. Министры каждый своею частію управляютъ по уставу. Въ случаяхъ, уставомъ непредусмотрѣнныхъ, или требующихъ исправленія, министры предлагаютъ новыя мѣры въ Сенатѣ. При утвержденіи сихъ мѣръ они публикуются отъ Сената. Сенатъ исполнительный сообщаетъ всѣ новыя мѣры Сенату законодательному, исключая тайныхъ подлежащихъ“.

„*Составъ и образованіе Сената законодательнаго.* Сенатъ законодательный составляется изъ сенаторовъ по избранію Государя. Сенатъ законодательный собирается два дня въ недѣлю.

„Упражненія его есть: 1) составленіе и дополненіе уложеній; 2) ревизія актовъ Сената исполнительнаго, по отношенію ихъ къ кореннымъ государственнымъ законамъ.

1) Постановленія закона гражданскаго и уголовнаго. Для сего каждый разъ, когда въ Сенатѣ судномъ встрѣтится случай, закономъ не опредѣленный, онъ посылаетъ на разрѣшеніе Сената законодательнаго, который, опредѣливъ его согласно государственному закону, представляетъ на утвержденіе Государю.

2) Усовершеніе закона гражданскаго и уголовнаго. Сюда принадлежитъ комиссія о составѣ уложенія, коею управляетъ одинъ изъ сенаторовъ законодательнаго Сената и въ ней всю работу производятъ четыре юрисконсульта—сія комиссія занимается единственно приведеніемъ въ порядокъ законовъ существующихъ. Сюда принадлежатъ также и тѣ случаи, когда въ Сенатѣ судномъ встрѣтится дѣло, на которое изданные законы неясны или противорѣчащи, или общей пользѣ противорѣчать.

3) Охраненіе закона въ исполненіи его. Сюда принадлежатъ: 1) жалобы на министровъ, по Высочайшему повелѣнію вносимыя; 2) ревизіи всѣхъ новыхъ актовъ Сената исполнительнаго по отношенію ихъ не къ внутренней добротѣ ихъ, но къ кореннымъ государственнымъ законамъ.

„Порядокъ, коимъ дѣла входятъ, производятся и кончаются въ Сенатѣ законодательномъ есть слѣдующій: 1) *дѣла входятъ* отъ Сената суднаго а) по недостатку закона, б) по неясности его; отъ комиссіи—по мѣрѣ приведенія законовъ въ порядокъ; отъ Сената управляющаго вносятся всѣ мѣры, вновь имъ принимаемыя или съ отмѣною прежнихъ уставовъ сопряженныя; отъ Государя жалобы, прямо на министровъ приносимыя; отъ министровъ—ихъ отчеты ежегодные; 2) *дѣла производятся.* Какъ Сенатъ законодательный не есть корпусъ внѣшній политическій, но отдѣленіе Государева кабинета, въ

коемъ всегда почитается онъ присутствующимъ, то дѣла въ немъ производятся журнальною запискою, означающею краткое содержаніе дѣла и мнѣніе Сената. Для производства дѣлъ находится при Сенатѣ 5 дѣлопроизводителя и нѣсколько писцовъ. За письмоводствомъ надзираетъ одинъ изъ сенаторовъ, который представляетъ и журналы Государю. Въ предварительномъ разсмотрѣніи актовъ Сената исполнительнаго Сенатъ законодательный наблюдаетъ только, не противорѣчатъ ли они законамъ существующимъ и какимъ именно, не занимаясь пользою ихъ или вредомъ, понеже разсужденія сіи почитаются уже оконченными въ Сенатѣ исполнительномъ. Сенатъ законодательный никогда долге одного собранія внесенныхъ къ нему предварительныхъ актовъ не удерживаетъ; 3) *дѣла кончатся*: Представленіемъ Государю журнальной записки. Никакого внѣшняго акта Сенатъ законодательный издать не можетъ. Объ окончаніи дѣлъ и о выходящихъ указахъ узнаетъ онъ изъ сообщеній Сената исполнительнаго, который одинъ получаетъ на имя свое указы и приводитъ ихъ въ дѣйствіе. Министры присутствуютъ въ Сенатѣ законодательномъ съ голосомъ разсужденія (*voix deliberative*), но журналовъ не подписываютъ и мнѣнія по онимъ не даютъ. Безсущество (такъ именно: это невозможное выраженіе, образованное, очевидно, въ противоположность присутствію, означало отсутствіе) министра замѣщается товарищемъ его; отсутствіе обоихъ не останавливаетъ собранія.

„Сенаторъ законодательнаго отдѣленія не можетъ быть министромъ, не сложа съ себя сего званія, и напротивъ сенаторъ законодательнаго отдѣленія можетъ вмѣстѣ быть сенаторомъ суднаго.

„Для различія и большаго въ народѣ впечатлѣнія каждое отдѣленіе Сената имѣетъ свойственное одѣяніе“.

„*Составъ и образованіе Сената исполнительнаго*. I. Отдѣленіе управленія (администраціи). Сенатъ управляющій составляется единственно изъ министровъ. Сенатъ управляющій присутствуетъ два дня въ недѣлю. Упражненія его суть: 1) разсмотрѣніе и соображеніе новыхъ мѣръ, каждымъ

министромъ принимаемыхъ. Сюда принадлежитъ все, что превышаетъ уставъ, данный министру на ввѣренную ему часть и требуетъ особеннаго положенія; 2) внесеніе въ акты (l'enregistrement) исходящихъ указовъ и узаконеній; 3) сообщеніе ихъ законодательному Сенату и обнародованіе какъ указовъ, такъ и рѣшеній Сената суднаго; 4) опредѣленіе чиновниковъ; 5) производство въ чины; 6) храненіе актовъ и вѣдомство всѣхъ государственныхъ архивовъ.

„Порядокъ, коимъ дѣла входятъ, производятся и исходятъ въ Сенатъ управляющій есть слѣдующій:

1) *дѣла входятъ*: а) отъ министровъ: всѣ новыя поставленія на разсужденіе и всѣ указы, частно въ губерніи посылаемые за извѣщеніемъ; б) отъ Сената суднаго — рѣшенія его для общаго обнародованія; в) всѣ Государевы указы, къ исполненію Сената управляющаго принадлежащіе.

2) *дѣла производятся*: посылаемыя дѣла въ Сенатъ управляющій входятъ совершенно каждое въ своей части приготовленными, и какъ Государь въ Сенатѣ всегда почитается самъ присутствующимъ, то всѣ дѣла производятся внутри Сената краткою журнальною запискою о заключающемъ содержаніи дѣла и о принятомъ рѣшеніи. Для производства дѣлъ находится въ Сенатѣ одинъ общій дѣлопроизводитель съ помощникомъ и нѣсколько писцовъ. При Сенатѣ находится Государственный актуаріусъ, коего должность есть вносить въ акты Сената всѣ исходящія узаконенія въ книги, печатію Государственною утвержденныя. Особа 3 или 4 класса. При Сенатѣ находится начальникъ Государственныхъ архивовъ и экспедиція управленія и вѣдомства всѣхъ архивовъ, — особа 3 или 4 класса.

3) *дѣла исходятъ*: дѣла отъ Сената управляющаго исходятъ тою же формою, какъ нынѣ изъ перваго департамента съ нѣкоторымъ поправленіемъ для краткости и удобства теченія.

„II. Отдѣленіе суда. Часть суднаго Сената оставляется въ настоящемъ ея положеніи. Къ ней принадлежитъ межевой департаментъ до времени окончанія межеваній. Министръ занимаетъ въ ней мѣсто генераль-прокурора. Части судной Се-

ната подчиняются одни тѣ мѣста, гдѣ дѣйствительно происходитъ судъ, и въ другія части управленія они не входятъ. Судные департаменты имѣютъ свое общее собраніе, на которое нѣтъ апелляціи; но могутъ быть жалобы на нарушеніе обряда и какъ хранитель обрядовъ въ Сенатѣ судномъ есть генераль-прокуроръ, то жалобы сіи идутъ тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ жалобы на министровъ, то есть отъ Государя препровождаются въ законодательный Сенатъ, а дабы подъ видомъ жалобъ на обрядъ не принимали жалобы на существо дѣла, то прежде разсматриваетъ ихъ генераль-рекетмейстеръ и докладываетъ Государю. По мнѣнію законодательнаго Сената Государь можетъ только повелѣть генераль-прокурору предложить вновь дѣло Сенату судному съ введеніемъ упущеннаго обряда. Но самъ его не рѣшить и никакихъ указовъ Сенату судному не даетъ“.

„Примѣчанія на образованіе государственнаго управленія. Если бы свойства управленія выше означенныя настоящимъ расположеніемъ достигнуты были, то можно утвердительно заключить, что оно правильно и основано на твердыхъ началахъ. Но единое приложеніе, или образъ управленія, къ свойствамъ выше приведеннымъ показываетъ ясно, что онъ всѣхъ ихъ вмѣщаетъ, ибо: 1) онъ основанъ на недѣлимости власти самодержавной. Ни Сенатъ законодательный, ни Сенатъ исполнительный не могутъ сдѣлать никакого движенія безъ воли Государя. Въ существѣ своемъ они суть непосредственныя только его орудія и собственной силы не имѣютъ. 2) Между тѣмъ, наружною важною своею и составомъ они утверждаютъ въ народѣ мнѣніе, возводятъ его ближе къ идеямъ монархическимъ и сливаютъ Россію на одной чредѣ съ прочими государствами монархическими, не отнимая ничего отъ силы ея необходимаго самодержавія. Государь благонамѣренный не найдетъ, конечно, въ сихъ установленіяхъ никакихъ препятствій къ совершенію своихъ предположеній. Но Самодержецъ, который бы захотѣлъ употребить во зло неограниченную его власть, встрѣтилъ бы твердую преграду своимъ насиліямъ, если не въ самихъ сихъ установленіяхъ, то въ мнѣніи, въ укоренности и привычкахъ на-

родныхъ, особливо, когда привычки сіи долготѣннѣе продолженіемъ добраго царства въ сердцахъ укрѣплятся. Сіе укрѣпленіе всегда было прочнѣйшимъ, надежнѣйшимъ оплотомъ политической свободы и можетъ быть лучшею гарантіею закона. 3) Сей образъ управленія столько сближенъ съ монархическимъ, сколько конституція Россіи можетъ сіе дозволить, не вводя великихъ переломовъ. 4) Но то, что довершаетъ тяготѣніе въ его пользу, состоитъ въ удобности, какую сей образъ управленія имѣетъ, чтобъ современемъ превратиться въ совершенную монархическую систему. Въ самомъ дѣлѣ, приучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ опредѣленіи, онъ воспитываетъ, такъ сказать, духъ его къ другому порядку вещей. Когда пріспѣетъ время, то есть когда развитіе, просвѣщеніе и сопряженіе многихъ обстоятельствъ, отъ времени зависящихъ и созрѣетъ возможность лучшаго управленія, тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣ же, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство не на воздушномъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанно. Тогда надобно только будетъ Сенатъ законодательный составить другой—по лучшей системѣ, переименовать Сенатъ судный Высшимъ судомъ и основавъ его, подобно прочимъ частямъ управленія, на единствѣ ввести съ ними въ параллельное положеніе: тогда все превратится въ истинную монархическую систему. 5) Было должно, (что) если бы сія организація и ничего другого не осуществляла кромѣ раздѣленія сего неустроеннаго и, можно сказать, постояннаго хаоса, какой теперь существуетъ въ Сенатѣ и въ отношеніяхъ его къ прочимъ частямъ правительства, то подъ симъ единственно видомъ необходимо бы приняли его. 6) Отдѣливъ отъ части судной всѣ другія части управленія, доставить правительству удобства усовершенствовать ихъ одну за другою, чего теперь по всеобщему дѣлу смѣшенію невозможно, не низпровергнувъ вмѣстѣ и суднаго порядка. Усовершенствіе сихъ частей будетъ проявлять спасительное дѣйствіе и надъ судомъ. Точность исполненія, обезпеченность силъ его движенія, освобожденіе изъ подъ бремени разныхъ побочныхъ злоупотребленій, нынѣ судъ тяготящихъ, онъ обно-

вится, не перемѣняя даже своей формы. Что обезпечиваетъ собственность главнымъ образомъ? Не метафизическое понятіе о справедливости судной, но точность исполненія. Зная законъ, хотя бы онъ былъ и не совершенъ, но зная, что онъ съ точностью будетъ исполненъ, всякій дѣлаетъ всѣ разчисленія жизни: и вѣрность сего расчета составляетъ первое основаніе собственности. Никакой напротивъ увѣренности быть не можетъ, когда законъ и судъ извращены и исполненіе закона зависитъ отъ случая. Тогда всѣ расчеты жизни приходятъ въ замѣшательство и неизвѣстность. 7) Какимъ образомъ можно исправить систему губернскаго управленія, не перемѣнивъ системы государственной? Здѣсь должно припомнить то, что выше было сказано объ организаціи отрывками. Они всегда вредны, когда не утверждаются на общемъ планѣ. 8) Можно ввести вмѣстѣ съ симъ планомъ нѣкоторыя общія распоряженія (по) устройству суда, пособить полиціи и къ совершенству прочихъ частей служащее, какъ-то: а) первымъ и скорымъ дѣйствіемъ законодательнаго Сената, быть можетъ, и должно быть изданіе законовъ не новыхъ и не сочиненныхъ, но прежнихъ, въ порядке и ясность приведенныхъ. Одна сія простая и механическая операція сдѣлаетъ въ Россіи болѣе добра и произведетъ въ народѣ ощущенія болѣе, нежели многія другія предположенія. Я не знаю, извѣстно ли правительству, что въ Сенатѣ нѣтъ книгъ законныхъ, и что въ тѣхъ губерніяхъ судьба людей и имуществъ рѣшится по письменнымъ тетрадамъ, содержащимъ въ себѣ самыя безобразныя и невѣрныя выписки законовъ. 9) Выше было признано, что лучшее средство отвѣтственности и по настоящему положенію вещей единственное есть публичность дѣяній правительства. Должно ввести въ самый составъ Сената исполнительнаго, чтобъ всѣ его дѣянія были опубликованы: это есть черта не обряда, но монархической конституціи, которую нынѣ же принять можно. Пользы отъ сего установленія неисчислимы. Оно ознакомитъ народъ съ правительствомъ, родитъ общее мнѣніе, просвѣтитъ нижнихъ исполнителей, приуготовитъ людей къ дѣламъ, поставитъ министровъ подъ судомъ общаго

разума; добрый министр найдетъ въ актахъ сихъ лучшую себѣ похвалу и самъ отторгнетъ клевету, министр неблагонадежный въ нихъ же будетъ имѣть явное уличеніе. Можетъ быть, что въ первый мѣсяцъ установленія не принесутъ потребнаго дѣйствія; но если оно будетъ съ разумомъ образовано и поддержано разными публичными дѣйствіями, можно быть удостовѣреннымъ, что Россія скоро пожелаетъ знать, что дѣлаетъ правительство и познавая его труды, научится почитать его, любить свои законы, свой образъ правленія: ибо тогда они дѣйствительно будутъ для нихъ свои, когда они ихъ познаютъ. Теперь управляются они, повидимому, для нихъ силою и какъ можно послѣ сего требовать, чтобъ они имѣли довѣренность къ силѣ имъ неизвѣстной?

„Если планъ управления, коего однѣ главныя черты здѣсь представлены, будетъ принять, то къ постепенному исполненію его можно приступить слѣдующимъ образомъ:

„I. Должно открыть въ одно время четыре главныя работы: 1) Составить подробное положеніе для сената законодательнаго и исполнительнаго. Сіе положеніе для сената должно содержать: составъ сената, число чиновъ, порядокъ и формы ихъ опредѣленія. 2) Точное означеніе или табель всѣхъ предметовъ сената. 3) Образъ производства въ немъ дѣлъ, источники и обрядъ ихъ вступленія, обрядъ производства внутренняго и внѣшняго, канцеляріи и проч.. 4) Сношенія сихъ мѣстъ между собою. 5) Означеніе мѣстъ, кои сенату исполнительному подчинены.

„II. вмѣстѣ съ симъ должно на началахъ, выше изображенныхъ, сдѣлать Уставъ полиціи и означить обрядъ производства дѣлъ полицейскихъ.

„III. Уставъ экономическій или правило, по коему часть сія должна дѣйствовать.

„IV. Составить новое губернское положеніе въ замѣну Учрежденія о губерніяхъ.

„Между тѣмъ какъ работы эти будутъ производиться, можетъ быть признано будетъ нужнымъ приуготовить нѣко-

торыя переменны и въ обрядѣ управленія внѣшнихъ дѣлъ и воинской части.

„Когда всѣ сіи матеріалы будутъ приготовлены, соображены и утверждены, тогда всѣ мѣста на семь новомъ планѣ расположенныя, открыть въ одно время, дабы вступили всѣ вмѣстѣ въ новый вещей порядокъ, представляли они стройное цѣлое, котораго всѣ части покорны одному закону.

„Въ общемъ планѣ должно всегда имѣть въ виду однѣ общія главныя и необходимыя отдѣленія, ибо въ вѣтвяхъ, имъ подчиненныхъ, части ихъ не могутъ имѣть каждая соотвѣтственнаго себѣ порядка безъ крайняго раздробленія и замѣшательства. Такъ, напримѣръ, если бы въ губерніяхъ учреждено было столько разныхъ начальствъ, сколько есть министерствъ, то система губернскаго управленія сдѣлалась бы весьма сложна и имѣла бы много частей, для симметріи только существующихъ“.

„2) Для чего не полагается въ управленіи нижнихъ никакого внѣшняго надзора?

„Надзоръ, если онъ не есть тайный, всегда предполагаетъ отвѣтственность. Въ самомъ дѣлѣ надзоръ, который бы не потребовалъ на мѣстѣ объясненій, доносилъ бы только первыя свои примѣчанія высшему начальству, былъ бы самое тщетное и вредное фискальство. Надзоръ, который бы могъ требовать отъ главныхъ мѣстныхъ начальниковъ, долженъ быть отъ нихъ независимъ. Такимъ образомъ въ каждой губерніи установилась бы внѣшняя сила (*status in statu*), первымъ понятіямъ единства противная и всякому истинному порядку чуждая.

„И какимъ образомъ надзоръ сей могъ бы дѣйствовать? Чтобы могъ онъ быть нѣсколько вѣренъ и не превратился бы въ пустой доносъ, основанный на слухахъ, онъ долженъ имѣть въ тѣхъ мѣстахъ своихъ агентовъ. Агентамъ симъ должны быть всѣ дѣла сообщаемы на предварительное усмотрѣніе; чтобы усмотрѣніе могло имѣть свою пользу, должно имъ дать право протеста (иначе злоупотребленія будутъ видимы, но не исправлены); съ протестомъ соединить право приостановить рѣшеніе дѣла. Такимъ образомъ, чтобы

замѣтить одну ошибку или злоупотребленіе, надо ввести во все производство дѣль цѣлый рядъ формъ, столько же затруднительныхъ, сколь и противныхъ первому началу— скорости. Ввѣрить сей надзоръ дворянскому обществу есть вѣрный способъ всё дѣла остановить и разслабить, чтобы не сказать еще чего нибудь болѣе.

„И къ чему можетъ послужить сей надзоръ? Изъ понятій о двухъ родахъ отвѣтственности мы видѣли, что истинная отвѣтственность падаетъ на тѣ мѣста, кои могутъ давать новыя учрежденія. Но ни одно изъ нижнихъ управленій, начиная съ губернскаго, не можетъ вводить никакихъ новыхъ учрежденій; а за точнымъ исполненіемъ прежнихъ уставовъ наблюдаетъ мѣстный начальникъ каждаго отдѣленія. Въ семь состоитъ существенная его должность. Слѣдовательно опредѣлить сверхъ сего надзоръ есть опредѣлить двухъ чиновниковъ къ одной должности и нѣтъ причины для чего не опредѣлить надъ ними третьяго и четвертаго.

„Волостной только отвѣчаетъ за точное исполненіе даннаго ему устава въ волости—окружному начальнику, начальникъ окружной отвѣчаетъ за округу губернатору, губернаторъ отвѣчаетъ за губернію—министру, министр—Государю. Въ сей цѣпи отвѣтственности каждое высшее звено столько заинтересовано въ исправности низшаго, за которую оно отвѣчаетъ, что ему одному должно предоставить избирать средства надзора; разсмотрѣніемъ ли жалобъ или частыми осмотрами или публичностію дѣяній: вводить же въ сей рядъ надзоръ посторонній значитъ разрывать его естественныя связи.

„Но для чего въ высшемъ государственномъ управленіи устанавливается побочный надзоръ законодательнаго сената, когда не нуженъ онъ въ высшихъ начальствахъ? Для того, что высшее управленіе имѣетъ два различныя начала своего дѣйствія: введеніе новыхъ учрежденій и точное исполненіе прежнихъ; посему и должно оно имѣть два рода отвѣтственности: во-первыхъ, отвѣчать законодательному сенату, что они согласны съ коренными законами, и во-вторыхъ, Государю, что они съ точностію исполнены.

„3) Для чего въ общемъ планѣ не полагаются окружные сенаты?

„Въ учрежденіи сенатовъ окружныхъ три только могутъ быть намѣренія:

1) уменьшить стеченіе дѣлъ раздѣленіемъ ихъ на восемь или болѣе частей;

2) облегчить народъ въ дальнемъ пути;

3) дать мѣстнымъ рѣшеніямъ болѣе справедливости, нежели сколько могутъ они ихъ имѣть въ палатахъ.

„Но не пройдетъ можетъ быть десяти лѣтъ, какъ дѣла въ каждомъ изъ сихъ сенатовъ столько же столпятся, какъ и здѣсь, ибо съ учрежденіемъ сихъ сенатовъ дѣйствіе палатъ совершенно будетъ ничтожно: близость и удобность переноса заставитъ всякаго отвѣдать своего счастья въ сей новой лоттерей, а отъ сего неминуемо произойдетъ, что палаты еще менѣе будутъ радѣть о справедливости рѣшенія. Судъ ихъ будетъ самый тщетный обрядъ, какъ бывали нѣкогда суды мѣстъ среднихъ. Впрочемъ какая палата рѣшитъ дѣла свои отъ одного года къ другому. Между тѣмъ каждая палата имѣть будетъ только десятую часть дѣлъ противъ окружнаго сената. И такъ въ 10 лѣтъ сенатъ будетъ имѣть дѣла 10 лѣтніе и такъ далѣе.

„4) Для чего полагаются волостныя управленія?

„Усовершенать высшія части управленія и суда, оставляя нижнія въ бездѣйствіи или безпорядкѣ, значить тоже, что хотѣтъ удержать рѣку, не заградивъ ея источниковъ. Между тѣмъ рѣдко правительства доводили свои планы до сихъ источниковъ: они останавливали ихъ именно тамъ, гдѣ они наиболѣе могли быть нужны. Можно ли желать, чтобы тяжбы не были многочисленны и не установить законныхъ средствъ погашать ихъ въ самомъ ихъ рожденіи? чтобы полиція уѣздная была дѣятельна и не дать постоянныхъ способовъ ея дѣйствію въ волостяхъ?

„Въ Россіи давно уже было помышляемо о составѣ волостныхъ правленій, но доселѣ они существуютъ только именемъ, и между тѣмъ какъ десять человѣкъ низкихъ ремесленниковъ имѣютъ точныя и подробныя правила и цѣховую

управу въ городскомъ положеніи, цѣлыя волости оставлены безъ всякаго учрежденія на произволь исправниковъ и за-сѣдателей.

„По раздѣленіи собственности въ Россіи волостныя управленія должны быть двухъ родовъ: въ имѣніяхъ казенныхъ и помѣщичьихъ. Сіи послѣднія нужно образовать согласно существу ихъ собственности.

„Должно безъ сомнѣнія оставить помѣщикамъ обширную власть въ ихъ владѣніяхъ, но ничто не препятствуетъ установить, чтобы власть сія дѣйствовала на постоянныхъ правилахъ и съ извѣстными формами. Напримѣръ. Для чего не предоставитъ крестьянамъ помѣщичьимъ въ тяжбахъ ихъ и спорахъ по движимымъ имѣніямъ и даже по землямъ отъ помѣщика въ оброкъ отданнымъ разбираться въ волостномъ правленіи, отъ міра выбранномъ. Власть помѣщика конечно отъ сего не стѣснится, такъ какъ власть Государя не стѣсняется отъ того, что судъ идетъ порядкомъ особенно установленнымъ.

„Полиція въ селеніи принадлежать должна безъ сомнѣнія помѣщику; но права его ничѣмъ не оскорбятся, если наказанія будутъ опредѣлены въ томъ же волостномъ правленіи. Вліяніе, которое онъ всегда будетъ имѣть надъ симъ мѣстомъ, доставитъ ему всѣ способы располагать мѣрою исправленія и хотя власть его въ существѣ своемъ не переменится,—но обрядъ сей мало по малу притупитъ самовластіе и образомъ безвреднымъ будетъ нечувствительно и самими малыми приѣмами приучать населеніе къ гражданскому бытію, такъ какъ слѣпыхъ прозрѣвшихъ приучаютъ къ свѣту.

„Економію деревенскую должно оставить до времени не прикосновенною въ личномъ расположеніи помѣщика. Чтобы положить нѣкоторую мѣру помѣщичьему сбору, въ Россіи много еще надобно сдѣлать приуготовительныхъ распоряженій. Должно думать, что личный интересъ болѣе подѣйствуетъ въ семь, нежели внушеніе правительства. Въ прочемъ рождающейся свободѣ сіи самыя волостныя правленія, временемъ и привычкою утвержденныхъ, представляютъ нѣкогда (конечно не нынѣ и можетъ быть не въ настоящемъ рожденіи) первую

такъ сказать точку соединенія и силы. Доброе крестьянское уложеніе (Code rural), хотя и не полное, есть самый скромный и тѣмъ болѣе неоцѣненный даръ, какой можетъ дать добрый Государь своему народу. Тотъ много сдѣлалъ, кто умѣлъ избрать и насадить первые коренья, хотя одно время и стеченіе стихій можетъ возрастить древо“.

Только самимъ Александромъ Павловичемъ Сперанскій былъ убѣжденъ въ возможности ввести въ Россіи тогда же ограниченное народнымъ представительствомъ монархическое правленіе. Въ томъ же собраніи К. Г. Рѣпинскаго сохраняется, изложенная со словъ Сперанскаго очень близкимъ его другомъ Цейеромъ, французская бесѣда съ нимъ Государя. Цейеръ не указалъ времени и мѣста этой бесѣды, но надо думать, что это одна изъ бесѣдъ, происходившихъ между Александромъ Павловичемъ и Сперанскимъ въ Гатчинѣ, по возвращеніи изъ Эрфурта въ 1808 году.

Вотъ русскій переводъ этой любопытной бесѣды озаглавленной Цейеромъ: „Разсужденіе о духѣ и зрѣлости политической реформы въ Россіи“.

Во всѣхъ политическихъ предпріятіяхъ первый и главный вопросъ, подлежащій рѣшенію, вопросъ объ ихъ зрѣлости. Политическая исторія народовъ и современное положеніе вещей въ нашемъ отечествѣ представляетъ намъ рядъ истинъ, пригодныхъ помочь намъ рѣшить этотъ вопросъ.

Три великія системы раздѣляли политическій міръ: системы республиканская, феодальная и деспотическая. Первая подъ различными формами и названіями, имѣла одно отличительное свойство: верховная власть была въ ней умѣряема закономъ, къ участию въ установленіи коихъ, граждане допускались въ большемъ или меньшемъ объемѣ. Вторая была основана на абсолютной власти, не имѣвшей границъ ни въ какомъ политическомъ законѣ, а только въ матеріальномъ раздѣленіи этой самой власти. Третья недопускала ни умѣренія, ни ограниченія.

Образцомъ первой системы служатъ республики греческія и въ особенности республика римская. Вторая система

получила свое начало на сѣверѣ и распространилась отсюда по всей всей Европѣ. Третья пустила свои корни на востокѣ.

Всѣ политическія революціи, происшедшія въ Европѣ, представляютъ намъ единообразную картину борьбы системы республиканской съ феодальной. Съ распространеніемъ просвѣщенія первая получала новыя силы; вторая—соотвѣтственно слабѣла.

Одно великое событіе ускорило успѣхъ этой борьбы на западѣ Европы. Крестовые походы привлекли виды крупныхъ вассаловъ къ далекимъ завоеваніямъ и доставили абсолютной власти случай и возможность захватить въ свои руки власть, бывшую у вассаловъ и объединить ее въ центрѣ. Это соединеніе укрѣпилось въ послѣдствіи установленіемъ устроеннаго войска и введеніемъ однообразной формы взиманія налоговъ. Такимъ образомъ на развалинахъ стараго феодальнаго строя водрузилась другая система, которую можно назвать абсолютнымъ феодализмомъ. Она сохранила остатки старыхъ учреждений, но онѣ уже не имѣли болѣе прежняго своего значенія. Правленіе вполнѣ произвольное сосредоточилось въ рукахъ одного. Еще не существовало ни политической, ни гражданской свободы; но первичныя основы ихъ уже крылись въ томъ или другомъ положеніи вещей. На этихъ первичныхъ основаніяхъ, со временемъ, цивилизація и индустрія предприняли созидать новый порядокъ вещей, и надо замѣтить, несмотря на различія ихъ усилій, мотивъ ихъ направлявшій, былъ тотъ же самый у всѣхъ, то есть завоеваніе политической свободы. Такимъ образомъ подготовлялся послѣдній переходъ отъ феодализма къ режиму свободы и основалась третья эпоха политическаго развитія Имперій.

Англія была передовой въ новомъ теченіи дѣлъ; другія государства слѣдовали за ней, какъ Швейцарія, Голландія, Венгрія, Соединенные Штаты Америки и, послѣднею, Франція. Установившееся со временемъ состояніе цивилизаціи было главнымъ двигателемъ этихъ преобразованій. Напрасно абсолютная власть старалась ихъ остановить; ея сопротивленіе воспламеняло страсти, возбуждало сильныя потрясенія и не

помѣшало вовсе взрыву. Сколько бы бѣдствій, сколько пролитія крови можно было избѣжать, если бы властители, внимательно относясь къ общественному настроенію, согласились съ нимъ принципы своей политики и не захотѣли принуждать народъ быть слабымъ предъ правительствомъ, а сообразовали бы правленіе съ нравственнымъ сознаниемъ народа. Къ тому же развѣ это не противорѣчіе: желать прогресса наукъ и искусствъ, расширенія торговли и промышленности и не хотѣть допустить ихъ самыхъ непосредственныхъ послѣдствій; хотѣть свободы ума и рабства воли; возбуждать гордыя страсти и притязать на уничтоженіе ихъ предмета: жажды свободы; желать богатства народа и не желать предоставить ему самый драгоцѣнный его плодъ. Исторія доказываетъ, что ни одинъ народъ торговый и просвѣщенный не оставался долго въ рабствѣ.

Исторія нашего отечества представляетъ ту же послѣдовательность явленій. Развитіе удѣльныхъ князей подобно эпохѣ феодализма и, что весьма замѣчательно, переходъ отъ этой эпохи ко второй, то есть, къ абсолютной власти имѣлъ у насъ подобныя же причины. Дѣйствіе крестовыхъ походовъ замѣнилось у насъ борьбой съ татарами, результаты ея были тѣ же самыя. Ослабленіе удѣльныхъ князей и побѣды царя Іонна III, также какъ и могущественный геній этого могущественнаго монарха привели къ уничтоженію власти крупныхъ вассаловъ и къ установленію абсолютнаго феодализма.

Съ этого времени до нашихъ дней увеличивающееся стремленіе народнаго духа къ политической свободѣ всегда болѣе или менѣе чувствовалось; оно проявлялось въ различныхъ признакахъ; мы отмѣтимъ нѣкоторые. Со времени царя Алексѣя Михайловича чувствуется необходимость ограничить абсолютную власть; правда, уровень просвѣщенія не позволялъ установить правильныя учрежденія, способныя обезпечить народъ отъ гнета этой власти, но тѣмъ не менѣе внѣшнія формы управленія уже носили въ себѣ ихъ первичныя черты. Для всѣхъ важныхъ мѣръ считалось обязательнымъ совѣщаться съ боярами и получить согласіе Патріарха

и это не было дѣломъ кабинета, но публичная форма; законодательные акты начинались такъ: по благословенію патриарха, царь повелѣвалъ и бояре приговаривали.

Петръ Великій не установилъ никакого особаго учрежденія въ интересахъ политической свободы, но все таки кое что сдѣлалъ для возможности развитія свободы, открывъ доступъ въ свою Имперію наукамъ и искусствамъ. Онъ не имѣлъ прямого намѣренія дать народу политическую свободу, но побуждаемый счастливымъ инстинктомъ, онъ приготовилъ все, что должно было привести къ ея зарожденію. Въ его время просвѣщеніе еще не успѣло распространиться на столько, чтобы могли сложиться точныя понятія о политической свободѣ. Это, кажется, доказывается постановленіемъ Петра въ 1714 г. о правѣ первородства; этотъ институтъ чисто феодальный, если бы не былъ скоро отмѣненъ, могъ бы заставить Россію отступить въ своемъ развитіи на нѣсколько вѣковъ назадъ. Вскорѣ, однако, посѣянные имъ сѣмена настолько окрѣпли, что, при восшествіи на престолъ Анны Іоановны, Сенатъ пытался требовать политическаго бытія и встать между престоломъ и народомъ. Въ этомъ видно первое доказательство бесполезности политическихъ стремленій, опережающихъ обычный ходъ вещей: придворная интрига свела ни къ чему эту попытку.

Царствованіе Императрицы Елисаветы прошло безплодно для славы Имперіи и для политическаго ея освобожденія; однако зародыши свободы, скрытые подъ успѣхами промышленности и торговли, развивались безпрепятственно.

Наконецъ наступило царствованіе Екатерины II. Она назначила коммисію для составленія законовъ. Ничего не было упущено для обезпеченія успѣха этого установленія. Совѣщались съ тѣми, кто участвовалъ за границей въ образованіи генеральныхъ штатовъ, черпали въ лучшихъ политическихъ писателяхъ того времени, искали тамъ принципы наиболѣе пригодные ускорить развитіе свободы, хотѣли воспользоваться всѣмъ, что было во Франціи къ подготовкѣ революціи. И такъ были созваны депутаты отъ всѣхъ состояній, въ формахъ самыхъ строгихъ народнаго представитель-

ства. Имъ былъ данъ Наказъ, излагавшій лучшіе принципы того времени. Не скупилась ни жертвами, ни издержками, дабы облечь эти учрежденія всѣми признаками величія и свободы, словомъ, устроили это дѣло съ цѣлью дать ему политическое бытіе такъ же, какъ и Имперіи, представляемой этой комиссіей. Но все это было, такъ поспѣшно, такъ незрѣло, что величіе намѣренія и блескъ послѣдующихъ событий едва могли спасти это учрежденіе отъ общаго неодобренія. Толпа этихъ законодателей не понимала ни цѣли, ни существа той задачи, къ осуществленію которой они были призваны; можно даже сомнѣваться, было ли между ними хотя одно лицо, одна голова, способныя подняться до высоты ихъ назначенія и усвоить всю его ширину.

Такимъ образомъ эта огромная масса, вызванная безъ соотвѣтствія времени однимъ гениемъ, сокрушилась вскорѣ своею собственною тяжестью и покрыла долгимъ и тягостнымъ упрекомъ всѣ предпріятія подобнаго рода.

Послѣ того мысли Императрицы измѣнили всецѣло свое направленіе, какъ это показываютъ достаточно позднѣйшія ея учрежденія. Ея умъ, наученный этой неудачей, сталъ, такъ сказать, индифферентнымъ и робкимъ въ вопросѣ политическихъ реформъ. Отвлекаемая событіями войны и вѣдшихъ отношеній, она довольствовалась начертаніями первыхъ линій управленія и не сдѣлала для установленія основныхъ законовъ ничего, кромѣ двухъ грамотъ: дворянству и городамъ.

Въ царствованіи Императора Павла былъ изданъ важный актъ, устанавлиющій порядокъ престолонаслѣдія и организацію Императорской фамиліи. И кромѣ того постановленіе относительно распределенія сельскихъ работъ, постановленіе очень замѣчательное; со времени укрѣпленія нашихъ поселянъ оно было первымъ въ этомъ родѣ.

Изъ числа постановленій, явившихся въ настоящее царствованіе, къ основнымъ законамъ должно отнести слѣдующія: 1) предоставленіе права покупки земель всѣмъ свободнымъ состояніямъ; 2) образованіе состоянія свободныхъ хлѣбопашцевъ; 3) устройство отвѣтственныхъ министерствъ; 4) сельскій статутъ Лифляндіи, какъ ограниченія сборовъ съ поселянъ.

Надо къ этому присоединить нѣкоторые принципы управленія не менѣе дѣйствительные, хотя они и не выражены въ публичныхъ актахъ. Таковы суть: принципы, принятые для уменьшенія по частнымъ жалобамъ помѣщичьихъ оброковъ. Принципъ не обращенія казенныхъ крестьянъ въ крѣпостные. Таковы попытки, какія правительство дѣлало въ различныя эпохи, дабы приготовить народъ къ политическому освобожденію.

Изъ этого слѣдуетъ сдѣлать два вывода: 1) что проекты Императрицъ Анны и Екатерины II были слишкомъ незрѣлы и по этой причинѣ не имѣли никакого успѣха; 2) что общее движеніе политическаго просвѣщенія поставило Россію во вторую эпоху феодализма, т. е., абсолютнаго феодализма и ему, безъ противорѣчія, придало сильное, но правильное направленіе къ свободѣ. Это направленіе у насъ есть проявленіе болѣе правильное, чѣмъ у другихъ народовъ. Вотъ основанія этого: 1) право первородства было у насъ уничтоженіе почти вслѣдъ за его установленіемъ; но это установленіе было великимъ камнемъ опоры для всѣхъ государствъ, слѣдовавшихъ тому же пути; 2) созерцанія революцій, совершившихся на нашихъ глазахъ, безъ сомнѣнія, имѣло большое вліяніе на наши умы; 3) вообще говоря, успѣхи цивилизаціи въ Россіи болѣе быстры, чѣмъ въ тѣ же эпохи у другихъ народовъ.

Но какъ опредѣлить въ этомъ общемъ направленіи истинный пунктъ настоящаго положенія Россіи и по какимъ признакамъ его узнать? Это опредѣленіе имѣетъ очень большое значеніе, только оно можетъ разрѣшить поставленный выше вопросъ о готовности у насъ политической реформы. Слѣдующіе признаки кажутся быть вѣрными: *измѣненіе совершившееся въ предметахъ общественнаго сужденія*. Правительство воздѣйствуетъ на страсти народа и ихъ подчиняетъ меньше силою разума, нежели силою воображенія. Въ этомъ одна изъ цѣлей установленія ранговъ и почетныхъ наградъ. Они почитаются настолько, насколько сила воображенія ихъ поддерживаетъ на извѣстной высотѣ, они теряютъ свое значеніе, когда стеченіе обстоятельствъ лишаетъ ихъ

этой силы. Тогда они могутъ еще льстить, но только по отношенію къ сознанію довѣрія и благоволенія, коихъ они служатъ свидѣтельствомъ; что касается ихъ внутренняго волшебства, вліянія на духъ народа, оно исчезало не замѣтно и, наконецъ, совсѣмъ уничтожилось.

Не надо думать, что это явленіе только случайное и что оно происходитъ у насъ только отъ особой манеры смотрѣть на Государя; его появленіе было тоже самое во всѣхъ государствахъ въ эпоху, когда феодальная система бывала близка къ крушенію. За нѣкоторое время передъ революціей французское дворянство должно было само первое смѣяться надъ титулами и почетными отличіями. Въ это время добрый тонъ требовалъ проявлять извѣстную популярность и не казаться ничѣмъ другимъ, какъ только простымъ гражданиномъ. Причина этого очевидна. Какъ только духъ народа начинаетъ чувствовать близость свободы, онъ отвергаетъ, такъ сказать, съ презрѣніемъ, игрушки, которыми онъ забавлялся въ своемъ дѣтствѣ.

Ослабленіе власти. Надо различать два рода власти: физической и нравственной. Если первая не потеряла своей силы, несомнѣнно, что вторая ослабла. Есть ли какая-либо правительственная мѣра, которая бы не была осуждаема? Найдѣмъ ли хотя одно его дѣйствіе съ благотворнымъ намѣреніемъ, которое не искажалось бы ложнымъ толкованіемъ? Духъ партіи, злобы участвуетъ въ этомъ, безъ сомнѣнія много, но духъ этотъ имѣлъ ли бы онъ дѣйствіе, если бы общественное мнѣніе не было склонно воспринимать его впечатлѣніе? Приходится признать поневолѣ, что въ современномъ положеніи вещей всякая правительственная мѣра, которая бы требовала нравственнаго повиновенія больше, чѣмъ физическаго, не могло бы имѣть дѣйствія. Напрасно ищутъ объяснить это зло личнымъ поведеніемъ или личными качествами министровъ. При взвѣшиваніи числа злоупотребленій старыхъ и новыхъ, мы увидимъ навѣрно перевѣсъ на сторонѣ старыхъ. Этому нельзя найти, какъ только одну причину: что состояніе общественнаго мнѣнія представляется въ полномъ противоположеніи формъ правленія.

Невозможность частных реформ. Обыкновенно жалуются на сложность и неопредѣленность нашихъ гражданскихъ законовъ. Но какъ ихъ улучшить и дать имъ крѣпость, когда нѣтъ законовъ основныхъ? Чему будутъ служить законы, опредѣляющіе переходъ имущества между частными лицами, когда владѣнія собственностью ничѣмъ не обезпечено? Къ чему гражданскій законъ, когда сержанты этого закона могутъ разбиться при первомъ ударѣ деспотизма? Жалуются на плохія положенія финансовъ, но какъ организовать управленія финансами тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, что могло бы обезпечить порядокъ въ этомъ управленіи? Было бы даже невозможно при современномъ положеніи вещей имѣть новый налогъ, какъ бы онъ ни былъ необходимъ, для восстановления финансовъ, такъ какъ всякая новая тяжесть была бы приписана единственно произволу. Единственно личность Государя была бы отвѣтственна предъ народомъ за всѣ регламенты. Совѣтъ и министры могутъ всегда отрицать свое участіе въ мѣрахъ, отягощающихъ народъ, когда нѣтъ политическихъ учрежденій. Жалуются на медленность прогресса народнаго просвѣщенія и нѣкоторыхъ отраслей народной промышленности. Но къ чему служило бы просвѣщеніе рабу?—болѣе ясному пониманію горечи своего положенія?

Наконецъ, это общее недовольство, эта склонность давать всему, что дѣлается, мрачное истолкованіе, есть только выраженіе утомленія и скуки, причиняемое существующимъ порядкомъ управленія. Правда, тяжесть войны и политическихъ событій содѣйствуютъ также мрачному настроенію общества, но мы имѣли и прежде войны и тягости, безъ того, чтобы когда либо угнетеніе было такъ велико какъ теперь. И по чистой совѣсти можно ли видѣть въ дороговизнѣ сахара и кофе причину всѣхъ нареканій? Уменьшается ли роскошь? Народъ дѣйствительно ли обѣднѣлъ? Гдѣ бѣдствія его угнетающія? Положеніе вещей приблизительно тоже, какъ и прежде; тѣмъ не менѣе общественный судъ беспокоится и возбуждается. Эта смута можетъ ли быть объяснена иначе, какъ общимъ измѣненіемъ

во взглядахъ народа, глухимъ, но энергичнымъ, желаніемъ другого порядка вещей?

Таковы общіе признаки, отмѣчающіе положеніе Россіи на лѣстницѣ цивилизаціи. Можно, казалось бы, изъ этого заключить съ увѣренностью, что существующая нынѣ форма правленія болѣе не согласуется съ общественнымъ духомъ, что моментъ измѣненія ея наступилъ и что настоятельно основать новый порядокъ вещей. Всѣ частныя реформы, всѣ попытки поддержать дѣйствующую систему будутъ весьма мало солидны; будетъ ли составлено другое министерство, установятъ ли новое раздѣленіе дѣлъ управленія; улучшатъ ли и укрѣпятъ ли состояніе финансовъ, издадутъ ли новый гражданскій кодексъ, всѣ эти мѣры, будучи поддерживаемы только личными качествами должностныхъ лицъ, не будутъ имѣть ни силы, ни солидности. Но въ моментъ предпринятія измѣненія столь важнаго, необходимо искать внимательно познанія того духа, въ какомъ великое преобразование должно быть сдѣлано. Общій предметъ преобразования состоитъ въ обоснованіи абсолютнаго правленія на почвѣ основныхъ законовъ. Нельзя имѣть правленіе, опирающееся на основные законы, покуда абсолютная власть будетъ въ то же время творцомъ и исполнителемъ закона.

Отсюда необходимость установить учрежденія для содѣйствія въ составленіи и исполненіи закона. Эти учрежденія должны быть согласованы съ тройнымъ порядкомъ политическихъ властей.

И такъ одно учрежденіе содѣйствовало бы составленію закона, другое—его исполненію, третье—осуществляло бы правосудіе. Духъ cadaго изъ этихъ учрежденій допускаетъ различіе.

Первое и важнѣйшее различіе происходитъ отъ степени силы и отъ существа внѣшнихъ формъ, какими они будутъ надѣлены. Два рода преобразования представляются съ перваго раза. Первый состоитъ въ облеченіи абсолютной власти кажущимися конституціонными формами, ничего не отымая отъ широкаго свойственнаго ей могущества. Второй способъ состоитъ не въ прикрытіи абсолютной власти кажущимися

конституціонными формами, а въ ея дѣйствительномъ ограниченіи народными учрежденіями, надѣленными внутренней и реальной силой и постановленіи абсолютной власти на почвѣ основного закона. Прежде всего надо рѣшить выборъ между этими двумя способами преобразованія. Выборъ того или другого опредѣлитъ духъ преобразованія. Если выбрать первый способъ, учрежденія будутъ казаться дѣйствовавшими по волѣ народа, между тѣмъ въ дѣйствительности этого не будетъ. Главныя черты самого устройства суть слѣдующія: 1) установить сословіе, кажущееся носителемъ независимой законодательной власти, но въ дѣйствительности находящееся подъ вліяніемъ и въ полной зависимости отъ абсолютной власти; 2) опредѣлить исполнительную власть въ законѣ, такъ какъ буква подѣлала бы ее отвѣтственной, между тѣмъ какъ внутренней смыслъ этого самаго закона тотъ, что въ дѣйствительности она независима ни отъ кого; 3) предоставить судебной власти прерогативы кажущейся свободы, но въ дѣйствительности окружить ее учрежденіями, ставящими ее въ полное распоряженіе абсолютной власти.

Если, напротивъ, предпочесть второй родъ преобразованія, новыя учрежденія должны быть основаны на слѣдующихъ началахъ: 1) законодательное учрежденіе не можетъ имѣть власти санкціонировать свои собственныя постановленія, но ея мнѣнія совершенно свободныя должны быть точнымъ выраженіемъ народныхъ желаній; 2) существованіе судебного учрежденія не зависитъ ни отъ кого, какъ только отъ свободнаго выбора народа; но наблюденіе за соблюденіемъ судебныхъ формъ и поддержаніе общей безопасности атрибутовъ правительства; 3) исполнительная власть должна быть предоставлена исключительно правительству, но какъ подъ предлогомъ исполненія можно не только исказить законъ, но и воспрепятствовать его дѣйствію, необходимо сдѣлать правительство отвѣтственнымъ предъ законодательнымъ учрежденіемъ.

Таковъ духъ двухъ способовъ преобразованія. Первый способъ даетъ только кажущуюся видимость конституціи; второй, напротивъ, осуществляетъ конституцію въ дѣйстви-

тельности; первый, подъ предлогомъ единства власти, устанавливаетъ настоящій деспотизмъ, а второй ищетъ осуществить дѣйствительное ограниченіе деспотизма. Первый самъ ведетъ къ революціи; второй, поддерживаемый обстоятельствами, можетъ все болѣе и болѣе укрѣпиться и слѣдовать постепенно за развитіемъ цивилизаціи, не испытывая глубокихъ измѣненій. Первый родъ преобразованія можетъ быть оправданъ у народа мятежнаго, непостояннаго, склоннаго къ новшествамъ, и, особенно, выходя изъ анархіи и сохраненія привычекъ, разрушительныхъ для общественнаго порядка; но второй свойственъ народу, имѣющему больше здраваго смысла, чѣмъ любопытства, и духъ простой и прямой, легко поддающійся простому убѣжденію, однимъ словомъ,—такому народу, съ какимъ было бы бесполезно дѣйствовать обманомъ и оболъщеваніемъ, въ виду доброты его характера и извѣстной безопасности—естественнаго настроенія сѣверныхъ народовъ, каковъ и русскій народъ“.

Вотъ чему училъ Александръ Павловичъ иначе думавшаго прежде Сперанскаго.

Н. Коркуновъ.

II.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ.

Такъ называемое „предварительное слѣдствіе“ въ обширномъ смыслѣ, слагающееся изъ дѣятельности полиціи, въ видѣ дознанія, и изъ судебныхъ дѣйствій судьи-слѣдователя, безспорно, принадлежитъ къ числу наиболѣе слабыхъ сторонъ нашего уголовного процесса. Еще въ началѣ судебного преобразованія по уставамъ Императора Александра II-го, когда новые судебные порядки, по сравненію съ дореформеннымъ строемъ, казалось, должны были вызывать лишь восторгъ современниковъ, въ отношеніи предварительнаго слѣдствія почувствовалась нѣкоторая неудовлетворенность, а въ концѣ 60-хъ годовъ послышались отзывы о необходимости измѣненій въ этой области производства. Отзывы эти нашли отголосокъ и въ центральномъ управленіи Министерства Юстиціи, при которомъ образована была особая, подъ предсѣдательствомъ сенатора Петерса, коммисія для выясненія причинъ, вызвавшихъ обнаруженные практикою недостатки слѣдственнаго производства. Въ то же время и въ печати стали появляться все чаще и чаще труды, посвященные выясненію разныхъ слабыхъ сторонъ предварительнаго слѣдствія и къ началу 80-хъ годовъ образовалась довольно обширная литература о такъ называемыхъ „недостаткахъ предварительнаго слѣдствія.“ Такимъ образомъ былъ поставленъ на очередь

вопросъ о „реформѣ“ этой стадіи процесса. Какъ въ литературѣ, такъ и въ официальной разработкѣ означеннаго вопроса, мнѣнія раздѣлились на два лагеря: одни требовали кореннаго преобразованія слѣдственной части на началахъ процесса чисто состязательнаго, другіе отстаивали существующую систему, признавая достаточнымъ ограничиться лишь нѣкоторыми частичными измѣненіями въ ходѣ слѣдствія и, главнымъ образомъ, улучшеніемъ условій слѣдственного производства. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ въ свое время высказался и авторъ настоящаго очерка („Обстановка дѣятельности судебныхъ слѣдователей“, журн. гражд. и угол. права за 1884 г., кн. IX и X). Однако, относительно взглядовъ лицъ, отстаивавшихъ существующую систему предварительнаго слѣдствія, надлежитъ отмѣтить, что необходимость сохраненія этой системы очень часто мотивировалась не ея достоинствами, а невозможностью связать каеую либо другую форму слѣдствія съ нашимъ уголовнымъ процессомъ, въ его общей постановкѣ. Мнѣніе это, несомнѣнно, представлялось вполне правильнымъ. Коренная реформа предварительнаго слѣдствія, конечно, вызвала бы ломку и въ другихъ частяхъ процесса, что въ то время, по новизнѣ судебного преобразованія, было неудобно и нежелательно. Тѣ многочисленныя измѣненія и дополненія, какимъ подверглись судебныя уставы впоследствии, тогда еще и не предвидѣлись. Большинство судебныхъ дѣятелей отстаивало неприкосновенность судебныхъ уставовъ, опасаясь, что всякая ломка и передѣлка отдѣльныхъ частей можетъ нарушить ихъ общій строй и гармонию. Такимъ образомъ, многіе сторонники сохраненія существующей системы предварительнаго слѣдствія отстаивали свои мнѣнія условно и, не отрицая въ принципѣ доводовъ сторонниковъ реформы, находили лишь, что такія положенія, какъ гласность и защита на предварительномъ слѣдствіи, не могутъ быть согласованы съ общою постановкою нашего уголовного процесса. Такого взгляда держались, несомнѣнно, и въ законодательныхъ сферахъ, почему поставленный на очередь вопросъ о реформѣ предварительнаго слѣдствія не получилъ тогда окончательнаго разрѣшенія и былъ отложенъ.

Въ настоящее время, когда судебные уставы подвергнуты общему пересмотру, при чемъ можно ожидать коренныхъ измѣненій въ уголовномъ процессѣ, вновь выступилъ вопросъ о возможно лучшей постановкѣ предварительнаго слѣдствія. Правда, вопросъ этотъ не вызываетъ уже той оживленной полемики, какая имѣла мѣсто въ литературѣ въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, но онъ, конечно, не утратилъ своего жизненнаго значенія.

Противъ нынѣ существующей системы предварительнаго слѣдствія приводятся, главнымъ образомъ, слѣдующія два возраженія: 1) судья-слѣдователь, собирающій матеріалъ для выясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла и вынужденный, поѣтому, прибѣгать къ приемамъ, которые имѣютъ характеръ розыска, легко увлекается и не всегда можетъ сохранить должное безпристрастіе, и 2) обвиняемый, не имѣя въ каждый данный моментъ предварительнаго слѣдствія свидѣній о тѣхъ уликахъ, которыя противъ него собираются, въ сущности является не субъектомъ, а объектомъ процесса. Опираясь на эти доводы, сторонники коренной реформы предварительнаго слѣдствія находятъ необходимымъ допустить гласность слѣдственныхъ дѣйствій и защиту на предварительномъ слѣдствіи. Но осуществленіе такихъ требованій встрѣтило бы, какъ это признается значительнымъ большинствомъ практиковъ, не только серьезныя, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и непреодолимая затрудненія.

Невозможность допущенія гласности и защиты на предварительномъ слѣдствіи лучше всего доказывается тѣмъ, что сторонники реформы въ этомъ направленіи всегда ограничивались лишь общими положеніями и никто изъ нихъ до сихъ поръ не представилъ проекта такихъ правилъ, которыя могли бы вести къ практическому примѣненію этихъ положеній. Дѣйствительно, едва ли было бы цѣлесообразно и желательно въ интересахъ правосудія преждевременно оглашать свидѣтельское показаніе, въ виду котораго необходимо произвести въ извѣстномъ мѣстѣ или у извѣстнаго лица обыскъ для отобранія похищенныхъ вещей или орудія преступленія; равнымъ образомъ, врядъ ли было бы удобно заблаговременно

давать понять обвиняемому, что участь его зависит от подтверждения тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ дѣла, при чемъ для выясненія этихъ обстоятельствъ будутъ предприняты извѣстные слѣдственные дѣйствія. Этому не могутъ отрицать даже наиболѣе убѣжденные сторонники гласности и защиты на предварительномъ слѣдствіи. Неудобства и даже вредъ такого порядка на столько очевидны, что вопросъ о гласности на предварительномъ слѣдствіи въ послѣднее время находятъ очень мало сторонниковъ; что же касается защиты, то она отстаивается многими, хотя и по этому предмету замѣтны уже колебанія: такъ, нѣкоторые изъ сторонниковъ реформы ограничиваются требованіемъ защиты на предварительномъ слѣдствіи лишь въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ или же ставятъ опредѣленіе времени и предѣловъ защиты на предварительномъ слѣдствіи въ зависимость отъ усмотрѣнія судебного слѣдователя. Какъ бы ни были скромны предѣлы защиты на предварительномъ слѣдствіи, во всякомъ случаѣ участіе ея въ этой стадіи процесса не можетъ не нарушать тѣхъ положеній, въ виду которыхъ гласность слѣдственныхъ дѣйствій представляется неудобною. Съ другой стороны, условное или ограниченное допущеніе защиты было бы едва ли особенно полезною полумѣрою, а зависимость ея отъ усмотрѣнія судебного слѣдователя вела бы къ постояннымъ нареканіямъ на произволь. Нельзя упускать также изъ вида, что допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи, не говоря уже о необходимости участія для противовѣса ей и обвиненія, вызывало бы еще и другія, чисто практическія затрудненія. Судебный слѣдователь не можетъ быть увѣренъ, что назначенныя имъ на извѣстный день слѣдственные дѣйствія дѣйствительно будутъ произведены. Случается, что слѣдователь прерываетъ только что начатыя слѣдственные дѣйствія, напр., допросъ свидѣтелей, для того чтобы немедленно отправиться на мѣсто важнаго происшествія или для производства, въ виду вновь полученныхъ свѣдѣній, безотлагательныхъ слѣдственныхъ дѣйствій. Въ уѣздахъ защитники должны были бы ѣздить вслѣдъ за судебнымъ слѣдователемъ, который, отправляясь въ участокъ на болѣе или менѣе продолжительное время,

иногда дней на десять, не можетъ въ точности опредѣлить, когда именно успѣетъ побывать въ каждомъ данномъ пунктѣ уѣзда, такъ какъ это зависитъ не только отъ количества не всегда предвидѣннаго труда, но и отъ состоянія путей сообщенія, погоды и даже наличности во время проѣзда слѣдователя лошадей на земскихъ почтовыхъ станціяхъ.

Если принять во вниманіе все вышеизложенное, то необходимо прийти къ заключенію, что постановка слѣдственной части на началахъ чисто состязательнаго процесса, къ чему такъ стремятся сторонники реформы, едва ли когда либо можетъ осуществиться. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что практика должна вѣчно мириться съ тѣми недостатками предварительнаго слѣдствія, на которые указываютъ и наши судебные дѣятели и теоретики, и вопросъ объ улучшеніи слѣдственной части будетъ занимать нашихъ юристовъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ разрѣшенія, соответственнаго требованіямъ теории и практики.

Считая, поэтому, далеко не запоздалымъ или безцѣльнымъ новое обсужденіе упомянутаго вопроса, авторъ настоящаго очерка находитъ, что для правильнаго его разрѣшенія необходимо предварительно рассмотретьъ другой весьма существенный вопросъ о томъ, какое именно значеніе имѣетъ предварительное слѣдствіе въ современномъ уголовномъ процессѣ, а именно—представляется ли оно безусловно необходимою стадіею процесса? Само собою разумѣется, что отрицательное разрѣшеніе этого послѣдняго вопроса можетъ въ корнѣ измѣнить и вопросъ о самой постановкѣ предварительнаго слѣдствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и о тѣхъ измѣненіяхъ, какія могутъ быть желательны и необходимы въ досудебномъ изслѣдованіи преступленій.

I.

Предварительное слѣдствіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ у насъ, несомнѣнно, составляетъ остатокъ стараго судебного процесса. Въ дореформенномъ порядкѣ судопроизводства оно именовалось у насъ „формальнымъ слѣд-

ствіемъ“ и обставлено было многочисленными обрядами, присущими судебному разбирательству. Въ свое время формальное слѣдствіе было безусловно необходимо и, служа матеріаломъ для постановленія приговора, оно замѣняло теперешнее судебное слѣдствіе, ибо судъ, разсматривавшій дѣло по существу, не производилъ повѣрки выясненныхъ на формальномъ слѣдствіи данныхъ. Тогда судебный процессъ распадался на двѣ совершенно отдѣльныя части: изслѣдованіе преступленія и постановленіе приговора, при чемъ то и другое ввѣрялось различнымъ органамъ власти и раздѣлялось весьма значительнымъ промежуткомъ времени, опредѣлявшимся иногда цѣлыми годами. Нынѣшній гласный, состязательный процессъ создаетъ совершенно иное положеніе. При разсмотрѣніи дѣла, судъ, въ судебномъ засѣданіи, на такъ называемомъ судебномъ слѣдствіи, провѣряетъ имѣющіяся по дѣлу доказательства, выслушиваетъ объясненія подсудимаго, показанія свидѣтелей и заключеніе экспертовъ, осматриваетъ вещественныя доказательства и вообще производитъ всѣ тѣ дѣйствія, изъ которыхъ слагается изслѣдованіе дѣла, и за тѣмъ, по выслушаніи объясненій сторонъ, постановляетъ приговоръ. Это начало непосредственности повѣрки доказательствъ судьями, обязанными рѣшить дѣло по существу, и, если можно такъ выразиться, цѣльности процесса въ судебномъ засѣданіи проводится со всею строгостью. Въ случаѣ, если начатое судебное засѣданіе по чему либо откладывается или рѣшенное уже дѣло, по кассациіи приговора, снова разсматривается, произведенныя въ прежнихъ засѣданіяхъ судебныя дѣйствія должны быть возобновляемы, и лишь апелляціонная инстанція имѣетъ право въ отношеніи провѣрки доказательствъ ограничиться предѣлами, указанными жалобщикомъ, а въ остальномъ принять въ основу приговора данныя, выясненныя при разбирательствѣ дѣла въ первой инстанціи. Къ уликамъ, установленнымъ на предварительномъ слѣдствіи, судъ обращается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное обстоятельство, по уважительной причинѣ, не можетъ быть провѣрено въ судебномъ засѣданіи, при чемъ судъ нисколько не связанъ этими уликами и можетъ постановить приговоръ исключительно

на основаніи данныхъ, установленныхъ судебнымъ слѣдствіемъ.

Такимъ образомъ, нынѣшнее предварительное слѣдствіе теряетъ то важное значеніе, которое нѣкогда имѣло слѣдствіе формальное. Производимыя судебнымъ слѣдователемъ дѣйствія—допросы свидѣтелей, экспертовъ и обвиняемыхъ, осмотры вещественныхъ документовъ, освидѣтельствванія поврежденій—въ огромномъ большинствѣ случаевъ повторяются на судѣ. По своей цѣли, слѣдственные дѣйствія должны служить лишь матеріаломъ для разрѣшенія вопроса о томъ, есть ли достаточно данныхъ для постановки дѣла на судѣ. Въ числѣ слѣдственныхъ дѣйствій встрѣчаются такія, которыя не могутъ быть воспроизведены на судѣ; къ нимъ относятся обыски и нѣкоторые осмотры и освидѣтельствванія, главнымъ образомъ—вскрытія труповъ. Но обыски, казалось бы, давно пора исключить изъ числа судебныхъ дѣйствій; что же касается осмотровъ и освидѣтельствваній, которые не могутъ быть возобновлены на судѣ, то, ихъ во-1-хъ, очень немного и, во-2-хъ, на практикѣ принято добытыя этими дѣйствіями данныя по возможности провѣрять другими способами установленія доказательствъ, напр., въ подтвержденіе того факта, что при осмотрѣ извѣстнаго предмета или мѣстности дѣйствительно найдены были тѣ признаки или слѣды, какіе отмѣчены въ протоколѣ осмотра, допрашиваются бывшіе при томъ понятые. Вообще же, для нынѣшняго уголовного процесса, въ основѣ котораго лежитъ гласное производство судебного слѣдствія съ участіемъ обвиненія и защиты, предварительное слѣдствіе не составляетъ существенно необходимой его части. Это видно уже изъ того, что еще при первоначальномъ изданіи судебныхъ уставовъ признано было возможнымъ нѣкоторыя, подсудныя окружному суду, дѣла разсматривать въ судебныхъ засѣданіяхъ и безъ производства по нимъ предварительнаго слѣдствія, не говоря уже объ огромной категоріи дѣлъ мировой юстиціи, по которымъ никакихъ предварительныхъ изслѣдованій съ характеромъ судебныхъ дѣйствій не производится. Тотъ фактъ, что предварительное слѣдствіе не можетъ почитаться безусловно необходимымъ моментомъ

судебнаго процесса, явствуетъ, между прочимъ, изъ дѣлъ, подсудность которыхъ измѣнилась вслѣдствіе пониженія наказуемости преступныхъ дѣяній. Еще въ недавнее, сравнительно, время, когда дѣла о кражахъ со взломомъ изъ не обитаемыхъ помѣщеній или посредствомъ подобранныхъ ключей были подсудны окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, направленіе подобнаго дѣла въ судъ безъ производства предварительнаго слѣдствія было бы не только отступленіемъ отъ закона, съ чисто внѣшней, обрядовой стороны, но почиталось бы и со стороны внутренней, по цѣлесообразности дѣйствія, чуть ли не ересью въ области судопроизводства. Между тѣмъ, въ настоящее время такіа дѣла разсматриваются въ судебныхъ засѣданіяхъ и рѣшаются уѣздными членами окружнаго суда и мировыми судьями, во всемъ согласно съ интересами правосудія, и безъ предварительнаго слѣдствія, и думается, что въ свое время ихъ такъ же, т. е. безъ такого слѣдствія, могли бы рѣшать и окружные суды съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ послѣднее время мысль объ изъятіи изъ вѣдѣнія окружныхъ судовъ и отнесеніи къ компетенціи участковыхъ судей многихъ другихъ дѣлъ находитъ все больше и больше сторонниковъ, съ осуществленіемъ же этого предположенія всѣ подобныя дѣла также разсматривались бы и рѣшались бы безъ предварительнаго слѣдствія, которое въ настоящее время производится, вѣроятно, по огромному ихъ большинству. Наряду съ уменьшеніемъ числа дѣлъ, по которымъ должны производиться предварительныя слѣдствія, многіе юристы признаютъ желательнымъ ограничить изслѣдованіе по нѣкоторымъ дѣламъ производствомъ, вмѣсто, цѣлаго предварительнаго слѣдствія, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ формальностей, лишь отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій.

Мы имѣли уже случай отмѣтить, что наиболѣе желательный порядокъ отправленія правосудія долженъ бы состоять въ томъ, чтобы каждое дѣло о преступникѣ, совершившемъ противозаконное дѣяніе, было тотчасъ по совершеніи преступленія передано въ подлежащій судъ для разсмотрѣнія его по существу (журн. гражд. и угол. права за 1884 г., кн. X,

стр. 34), при томъ, конечно, условіи, если бы возможно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить суду весь необходимый матеріалъ для постановленія справедливаго приговора. Смѣемъ думать, что положеніе это едва ли подлежитъ оспариванію уже потому, что высшіе интересы правосудія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и судебная политика, въ смыслѣ охраненія правомѣрнаго порядка, требуютъ, чтобы между совершеніемъ преступленія и наказаніемъ преступника протекалъ минимальный промежутокъ времени. Къ сожалѣнію, такой порядокъ недостижимъ на практикѣ. Огромное большинство преступленій совершается тайно, при чемъ виновные принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы скрыть слѣды своихъ противозаконныхъ дѣяній и избѣжать отвѣтственности. Мѣры эти обставляются иногда весьма тонкими, хитро задуманными комбинаціями, и власти, призванной къ раскрытію преступленія, приходится иногда потратить немало труда и энергіи, а также и времени, чтобы обнаружить и уличить виновнаго. Отсюда и вытекаетъ необходимость предварительнаго изслѣдованія, если не всѣхъ, то, надо полагать, большинства преступленій.

Но, если такое изслѣдованіе необходимо, то, съ другой стороны, необходимо ли, чтобы оно имѣло характеръ производства судебного, ввѣряемаго безусловно органу судебной власти?

Какъ уже указано выше, законъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ отношеніи весьма значительнаго количества дѣлъ отрицательно. Производство предварительнаго слѣдствія безусловно обязательно лишь по дѣламъ, рассматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или сословныхъ представителей, или вообще о преступленіяхъ, влекущихъ отвѣтственность, сопряженную съ лишеніемъ правъ состоянія или особенныхъ правъ и преимуществъ. Такое постановленіе закона, несомѣнно, основано на томъ соображеніи, что подобныя дѣла представляются наиболѣе сложными, почему и вызываютъ необходимость въ предварительномъ слѣдствіи.

Однако, практика убѣждаетъ, что такой чисто внѣшній признакъ, какъ подсудность, далеко не можетъ служить мѣриломъ для опредѣленія сложности дѣла. Въ числѣ дѣлъ, раз-

сма­три­вае­мыхъ съ уча­стіемъ присяжныхъ засѣдате­лей или сословныхъ представи­телей, нерѣдко встрѣчаются весьма не­сложныя съ фактической стороны дѣла, по которымъ, если нѣтъ созна­нія подсудимаго, все судебное слѣдствіе сводится къ до­просу одного или двухъ сви­дѣтелей. Производ­ство пред­варительнаго слѣдствія по такимъ дѣламъ совершенно беспо­лезно и имѣетъ значеніе исполненія одной лишь формальности. Съ другой стороны, въ числѣ дѣлъ о преступленіяхъ, не вле­кущихъ лишенія правъ, встрѣчаются крайне сложныя и запутанныя дѣла, по которымъ, кромѣ до­проса многочисленныхъ сви­дѣтелей, необходимы осмотры, освидѣтельствованія и за­ключеніе экспертовъ. Не взирая на это, законъ предоставляетъ полную возможность постановки такихъ дѣлъ прямо на судъ, безъ предварительнаго слѣдствія, если прокуроръ или судъ не встрѣтятся къ тому препятствій. Но, разсмотрѣніе дѣлъ кол­легіальнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдате­лей или сословныхъ представи­телей вовсе не создаетъ особыхъ, и при томъ болѣе легкихъ, условій выясненія истины, чѣмъ разборъ дѣла съ уча­стіемъ означенныхъ лицъ. Разница между тою и другою формою процесса состоитъ лишь въ порядкѣ поста­новленія приговора, а отнюдь не въ способахъ установленія и повѣрки доказательствъ. Направленныя къ выясненію истины судебныя дѣйствія, какъ то: допросъ подсудимыхъ, потер­пѣвшихъ, сви­дѣтелей и экспертовъ, осмотры и освидѣтель­ствованія, очныя ставки, чтеніе документовъ и въ заключеніе пренія сторонъ одинаково исполняются въ судебныхъ засѣда­ніяхъ, какъ безъ участія, такъ и съ уча­стіемъ присяжныхъ засѣдате­лей или сословныхъ представи­телей, и при совершенно одинаковыхъ условіяхъ возможности прочтенія показанія не­явившагося сви­дѣтеля, дѣленія документовъ на подлежащія и не подлежащія оглашенію, предѣловъ заключенія сви­дущихъ лицъ и т. п.

Въ виду изложеннаго, мы позволяемъ себѣ утверждать, что, если законъ допускаетъ возможность разсмотрѣнія кол­легіальнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдате­лей или сословныхъ представи­телей даже наиболѣе сложныхъ дѣлъ, по которымъ не было произведено пред­варительнаго слѣдствія,

то, казалось бы, не должно быть никакихъ серьезныхъ причинъ къ отрицанію возможности разсмотрѣнія такихъ же дѣлъ и при участіи присяжныхъ засѣдателей или сословныхъ представителей. Положеніе это представляется одинаково вѣрнымъ какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія. Съ принятіемъ же означеннаго положенія, необходимость производства предварительнаго слѣдствія могла бы быть болѣе или менѣе основательно выводима не изъ подсудности, а исключительно изъ сложности каждаго даннаго дѣла.

На практикѣ между полицейскимъ дознаніемъ и дѣйствіями судебного слѣдователя обыкновенно проводятъ то различіе, что слѣдственные акты заслуживаютъ большаго довѣрія и представляются болѣе точными, обстоятельными и цѣлесообразными, чѣмъ протоколы чиновъ полиціи. Несомнѣнно, что подобные отзывы имѣютъ основаніе, но въ то же время нельзя не смущаться тѣми выводами, которые можно сдѣлать изъ такого положенія вещей. Если производство предварительнаго слѣдствія чрезъ судебного слѣдователя признается необходимымъ для извѣстной категоріи дѣлъ потому, что полицейскія дознанія представляются недостаточными для заключенія о томъ, имѣются ли основанія къ привлеченію виновныхъ къ отвѣтственности и къ передачѣ дѣла въ судъ, то изъ этого само собою слѣдуетъ, что по всемъ остальнымъ дѣламъ, по которымъ предварительное слѣдствіе необязательно, а такихъ дѣлъ очень много, судебная практика должна мириться съ сомнительнымъ, ненадежнымъ матеріаломъ по изслѣдованію преступленій. Затѣмъ, необходимо еще принять во вниманіе, что такъ какъ постановленія, касающіяся полицейскаго дознанія, помѣщены въ раздѣлѣ о предварительномъ слѣдствіи, то самое дознаніе признается какъ бы составною частью этого слѣдствія. Производя розыски и собирая необходимыя для выясненія дѣла свѣдѣнія, полиція, въ извѣстныхъ случаяхъ, имѣетъ право замѣнять судебного слѣдователя, т. е. производить судебныя дѣйствія, въ качествѣ органа судебной власти (258 ст. уст. угол. суд.). Теоретически можно представить себѣ цѣлое предварительное слѣдствіе, произведенное чиновникомъ полиціи, вступившимъ въ права отсутствующаго судебного слѣ-

дователя, и составленные этимъ чиновникомъ протоколы съ точки зрѣнія закона имѣли бы то же значеніе, какъ и акты, составленные судьей-слѣдователемъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма своеобразнымъ положеніемъ: производство изслѣдованія чрезъ судью признается необходимымъ потому, что дѣйствія чиновъ полиціи по дознанію представляются неудовлетворительными, и въ то же время тѣмъ же чинамъ дается право заступать мѣсто судьи и, въ качествѣ такового, производить тѣ судебныя дѣйствія, которыя вызываются именно предполагаемою неудовлетворительностью дознанія; полицейскій чиновникъ въ собственной роли признается неспособнымъ къ производству такого дознанія, которое устраняло бы необходимость въ производствѣ предварительнаго слѣдствія чрезъ судью, но, заступая мѣсто послѣдняго, онъ получаетъ какъ бы привилегію на признаніе его вполне пригоднымъ къ производству слѣдственныхъ дѣйствій. Допускаемая закономъ возможность производства слѣдственныхъ дѣйствій чинами полиціи несомнѣнно ослабляетъ значеніе предварительнаго слѣдствія, производимаго судебнымъ слѣдователемъ, и сама по себѣ составляетъ лишній аргументъ въ пользу признанія отсутствія безусловной необходимости въ предварительномъ изслѣдованіи преступленій судебною властью.

Указаніе на то, что протоколы полицейскаго дознанія не всегда внушаютъ необходимое довѣріе, представляются неточными и неполными, не можетъ и не должно имѣть рѣшающаго значенія при обсужденіи вопроса о необходимости предварительнаго слѣдствія въ томъ видѣ, въ какомъ оно производится въ настоящее время, ибо факты, служащіе матеріаломъ для такихъ указаній, зависятъ отъ индивидуальныхъ качествъ исполнителей, а не отъ процессуальныхъ приѣмовъ изслѣдованія. Дознаніе, произведенное умѣло и съ должнымъ безпристрастіемъ, несомнѣнно можетъ дать вполне удовлетворительные результаты и служить надежнымъ матеріаломъ для правильной постановки дѣла на судѣ. Взглядъ, по которому предварительное слѣдствіе представляется болѣе вѣрнымъ путемъ къ обнаруженію истины, чѣмъ полицейское дознаніе, долженъ быть признанъ весьма спорнымъ.

Наиболѣе дѣйствительными способами къ раскрытію преступленій, къ обнаруженію и изобличенію виновныхъ, несомнѣнно, располагають производящіе дознаніе чины полиціи. Судебная власть, въ лицѣ судебного слѣдователя, оказалась бы въ совершенно безпомощномъ положеніи, если бы чины полиціи не оказывали ей содѣйствія при производствѣ предварительнаго слѣдствія. На практикѣ нерѣдко слышатся отзывы о неудовлетворительности содѣйствія чиновъ полиціи. Несомнѣнно, что за полиціею въ этомъ отношеніи имѣются и, быть можетъ, даже значительные недочеты, но мы беремъ въ данномъ случаѣ чисто теоретическое положеніе. Раскрытіе преступленія требуетъ розыска, а послѣдній цѣликомъ находится въ рукахъ полиціи. Слѣдователь не можетъ непосредственно заниматься розыскомъ и всякая попытка его въ этомъ направленіи порицается обществомъ. Все, что въ предѣлахъ, такъ сказать, корректнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ можетъ быть сдѣлано судебнымъ слѣдователемъ въ видахъ успѣшнаго раскрытія преступленія, сводится къ дачѣ полиціи надлежащихъ указаній, на что именно слѣдуетъ обратить особенное вниманіе при производствѣ розысковъ, но если полиція будетъ бездѣйствовать, всѣ заботы судебного слѣдователя, конечно, окажутся безполезными.

Въ числѣ аргументовъ въ пользу необходимости производства предварительнаго слѣдствія судьей-слѣдователемъ едва ли не болѣе сильнымъ является ссылка на тѣ случаи, когда извѣстныя слѣдственные дѣйствія никоимъ образомъ не могутъ быть ни воспроизведены на судѣ, ни замѣнены другими дѣйствіями для установленія извѣстныхъ фактовъ. Указанія на подобные случаи, между прочимъ, лежатъ въ основѣ мысли о возможности ограничиться по нѣкоторымъ дѣламъ, вмѣсто полнаго слѣдствія, производствомъ лишь нѣкоторыхъ дѣйствій и именно тѣхъ, которыя не могли бы быть возобновлены на судѣ или устанавливаютъ факты, не внушающіе полной увѣренности въ томъ, что они подтвердятся и въ будущемъ. Цѣлесообразность производства слѣдственныхъ дѣйствій въ подобныхъ случаяхъ была бы несомнѣнною, если бы

принятіе констатированныхъ ими обстоятельствъ въ основу судебного приговора было обязательно. Но такого положенія законъ не устанавливаетъ, при чемъ мы видимъ, что случаи оспариванія на судѣ правильности дѣйствій судебныхъ слѣдователей составляютъ далеко не рѣдкія явленія. Зароненное сомнѣніе всегда смущаетъ судью и въ особенности присяжнаго засѣдателя. И въ самомъ дѣлѣ, если отъ показанія свидѣтеля зависитъ участь подсудимаго, а между тѣмъ свидѣтель этотъ на судѣ не явился, при слѣдствіи же былъ допрошенъ слѣдователемъ съ глазу на глазъ, такъ что никто другой не слышалъ его показанія; если отъ наличности извѣстныхъ слѣдовъ зависитъ установленіе самаго факта преступленія, а между тѣмъ слѣдователь осматриваетъ эти слѣды въ отсутствіе сторонъ, при понятыхъ, которые не могли постигнуть значенія этихъ слѣдовъ и, по своей безграмотности, не расписались даже на протоколѣ,—то вопросъ о томъ, правильно ли слѣдователь изложилъ въ протоколѣ показаніе свидѣтеля и вѣрно ли описалъ видѣнные имъ признаки преступленія, не произошло ли при этомъ какой либо ошибки или неточности, представляется весьма естественнымъ, что, въ связи съ толкованіемъ всякаго сомнѣнія въ пользу подсудимаго, ведетъ къ исключенію такихъ, неустановленныхъ на судѣ, обстоятельствъ, изъ числа принимаемыхъ въ основу приговора.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что предварительное слѣдствіе далеко не представляется необходимою стадіею уголовного процесса, а отдѣльныя слѣдственные дѣйствія не всегда приносятъ ту пользу, какая отъ нихъ ожидается, и мы не рѣшились бы утверждать, что удачный исходъ на судѣ тѣхъ уголовныхъ процессовъ, которые получаютъ вполнѣ отвѣчающее интересамъ правосудія разрѣшеніе, зависитъ именно отъ предварительнаго слѣдствія. Смѣемъ утверждать, что въ правильномъ разрѣшеніи дѣла, въ особенности разсматриваемаго съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, наиболѣе важное значеніе имѣетъ возможность провѣрки на судѣ всѣхъ существенныхъ для дѣла обстоятельствъ. Практика воочію доказываетъ, что многія дѣла, по которымъ предварительное слѣдствіе произведено не только безукоризненно, но даже и

виртуозно, тѣмъ не менѣе, какъ принято выражаться, проваливаются на судѣ именно по тому, что существенные свидѣтели не явились на судѣ, а подсудимому удалось вселить въ сознаніе присяжныхъ засѣдателей сомнѣніе въ точности изложенія показаній этихъ свидѣтелей въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія. Если бы мы располагали статистическими данными относительно уликъ, провѣрка которыхъ на судѣ была невозможна и которыя оставалось констатировать лишь актами предварительнаго слѣдствія, то несомнѣнно выяснилось бы, что тѣ дѣла, въ которыхъ больше такихъ уликъ, даютъ и болѣшій процентъ неожиданныхъ и неотвѣчающихъ чувству справедливости оправдательныхъ приговоровъ.

Не вызываясь безусловною необходимостью и не обеспечивая вполнѣ установленія доказательствъ на судѣ, производство слѣдственныхъ дѣйствій представляется излишне обременительнымъ для вызываемыхъ по дѣлу и подлежащихъ допросу лицъ. При настоящихъ условіяхъ, большинство свидѣтелей по дѣламъ, по которымъ производятся предварительныя слѣдствія, вызываются и допрашиваются по меньшей мѣрѣ три раза: полиціею при дознаніи, судебнымъ слѣдователемъ при производствѣ слѣдствія и судомъ при разсмотрѣніи дѣла по существу. Въ этомъ и слѣдуетъ искать причину того явленія, что многія лица, главнымъ образомъ, изъ столюдиновъ, могущія дать полезныя показанія по дѣлу, умалчиваютъ объ извѣстныхъ имъ обстоятельствахъ, лишь бы избѣжать сопряженныхъ съ ролью свидѣтеля вызововъ.

II.

Изъ всего вышеизложеннаго само собою явствуется, что дѣлесообразная постановка предварительнаго изслѣдованія преступленій должна состоять не въ томъ, чтобы это изслѣдованіе производилось судебною властью, а въ томъ, чтобы правильность тѣхъ дѣйствій, которыя впоследствии не могутъ быть воспроизведены или провѣрены на судѣ, не возбуждала сомнѣній.

Останавливаясь на этомъ вопросѣ, мы находимъ, что для разрѣшенія его въ желательномъ смыслѣ представляется только одинъ путь, состоящій въ томъ, чтобы необходимыя для установленія извѣстныхъ фактовъ дѣйствія происходили при той же обстановкѣ, при которой происходитъ судебное засѣданіе, а именно—гласно и при участіи обвиненія и защиты. Такіе дѣйствія, не составляя изслѣдованія преступленія, которое раскрывается и выясняется розысками и дознаніемъ, должны предприниматься исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда данное дѣйствіе по своей природѣ не можетъ быть воспроизведено на судѣ по истеченіи извѣстнаго промежутка времени или когда есть основаніе предполагать, что допрашиваемыя лица могутъ въ будущемъ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ измѣнить свои показанія или не явятся на судѣ. Произведенныя въ сихъ видахъ дѣйствія имѣли бы значеніе дѣйствій чисто судебныхъ, стоящихъ внѣ какой либо связи съ розыскомъ, и ихъ можно было бы назвать не слѣдственными дѣйствіями, а „*обезпеченіемъ доказательствъ*“.

Мысль о цѣлесообразности введенія института обезпеченія доказательствъ по уголовнымъ дѣламъ была уже высказана нами вскользь въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ трудовъ („Очерки судебной практики“, Жур. Мин. Юст. за 1896 г., № 10, стр. 51). Дѣйствія по обезпеченію доказательствъ, несомнѣнно, имѣли бы иное значеніе, чѣмъ нынѣшнія слѣдственные дѣйствія, не давали бы мѣста ихъ оспариванію, а устанавливаемые ими факты не вызывали бы сомнѣнія въ своей достовѣрности. Подсудимый, давшій объясненія въ публичномъ судебномъ засѣданіи, въ присутствіи обвинителя и своего защитника, не могъ бы впослѣдствіи съ такимъ успѣхомъ, какъ въ настоящее время, отговариваться на судѣ тѣмъ, что онъ былъ напуганъ и „зря“ говорилъ на себя, свидѣтель, допрошенный при той же обстановкѣ, не могъ бы удостовѣрять на судѣ, что онъ вовсе не давалъ показанія, изложеннаго въ слѣдственномъ протоколѣ, или что слѣдователь не такъ его понялъ, какъ надлежало. Всякая попытка въ этомъ направленіи была бы истолкована судьями, не какъ вопль угнетеннаго, забитаго, жалкаго человѣка, а

именно какъ стремленіе къ затемнѣнію дѣла путемъ изворотовъ и подтасовки свидѣтельскихъ показаній, и, будучи оцѣниваема по достоинству, очень скоро поселила бы, въ комъ слѣдуетъ, убѣжденіе, что въ такого рода приѣмахъ нѣтъ спасенія для виновнаго. Позволяемъ себѣ, поэтому, думать, что подобный порядокъ обезпеченія доказательствъ представляется весьма желательнымъ и, несомнѣнно, былъ бы болѣе полезнымъ, чѣмъ нынѣшнее предварительное слѣдствіе, которое въ большинствѣ случаевъ производится не въ силу необходимости, не потому, что безъ него нельзя было бы правильно рѣшить дѣло, а только потому, что такъ требуется по уставу.

Переходя къ ближайшему обсужденію вопроса объ обезпеченіи доказательствъ, авторъ полагаетъ, что достиженіе цѣли въ данномъ случаѣ не только вполне возможно, но и не потребовало бы даже болѣе или менѣе значительной ломки въ общей конструкціи нашего уголовного процесса.

Такъ какъ производимое судьбою-слѣдователемъ предварительное слѣдствіе въ видѣ ряда судебныхъ дѣйствій не составляетъ безусловно необходимой стадіи уголовного процесса, то надлежало бы установить порядокъ, по которому по всѣмъ безъ исключенія уголовнымъ дѣламъ предварительное изслѣдованіе преступленія ограничивалось бы дознаніемъ, понимаемымъ въ смыслѣ полицейскихъ розысковъ и собранія необходимыхъ для выясненія обстоятельствъ дѣла свѣдѣній, производимыя же судебнымъ слѣдователемъ слѣдственные дѣйствія замѣнить процедурою обезпеченія доказательствъ, обставленною тѣми же условіями, какія требуются для судебного разсмотрѣнія дѣла.

Нечего и говорить о томъ, что для осуществленія такого порядка необходимо прежде всего улучшить полицейское дознаніе, неудовлетворительность котораго составляетъ едва ли не общепризнанный фактъ. Говоря о полицейскомъ дознаніи, мы сталкиваемся съ поддерживаемымъ многими изъ нашихъ юристовъ, теоретиковъ и практиковъ, мнѣніемъ о необходимости образованія особой судебной полиціи, на обязанности которой лежало бы исключительно производство дозна-

ній по преступленіямъ и проступкамъ. Мы не можемъ быть на сторонѣ этого мнѣнія по нижеслѣдующимъ соображеніямъ.

Для того, чтобы съ успѣхомъ произвести розыскъ по дѣлу и собрать для выясненія преступленія не только тѣ данныя, которыя случайно встрѣчаются, но и тѣ, которыя должны быть установлены, какъ результатъ цѣлесообразности дѣйствій, необходимо быть знакомымъ съ образомъ жизни мѣстныхъ обывателей, ихъ привычками и наклонностями, а также съ условіями общественнаго быта въ данной мѣстности. Все это, конечно, можетъ быть ближе извѣстно чинамъ общей полиціи, имѣющей постоянныя и непосредственныя отношенія къ мѣстному населенію, чѣмъ чиновнику полиціи специальной, который проявляетъ свою дѣятельность лишь въ извѣстныхъ случаяхъ. Мѣстные урядникъ, сельскій староста и сотскій, несомнѣнно, скорѣе и удачнѣе выяснятъ, кто могъ бы совершить данную кражу или иное преступленіе, гдѣ искать похищенное и виновнаго и какія обстоятельства могутъ уличать послѣдняго, чѣмъ пріѣхавшій изъ города и, быть можетъ, ранѣе никогда не бывавшій въ этой мѣстности чиновникъ судебной полиціи. Этотъ чиновникъ безъ содѣйствія мѣстной общей полиціи находился бы прямо въ безвыходномъ положеніи. Создавать же порядокъ, при которомъ чины судебной полиціи пользовались бы услугами общей полиціи, также неудобно, ибо, не говоря уже о едва ли желательной двойственности въ организаціи полиціи, общая полиція въ большинствѣ случаевъ совершенно справедливо приписывала бы себѣ тотъ успѣхъ, результатами котораго, какъ отличіемъ по службѣ, формально пользовалась бы судебная полиція. Въ раскрытіи преступленій, обнаруженіи виновнаго и собраніи необходимыхъ по дѣлу доказательствъ наиболѣе важное значеніе имѣютъ розыски и негласныя развѣдыванія. Наблюденіе за пріѣзжающими и отъѣзжающими, поведеніемъ подозрительныхъ личностей, появленіемъ въ продажѣ тѣхъ или иныхъ вещей, непомѣрною тратою денегъ извѣстнымъ лицомъ и т. п. съ успѣхомъ можетъ быть устроено только со стороны общей полиціи, распола-

гающей всѣми необходимыми къ тому средствами. Если же ей придется исполнить все это въ интересахъ успѣшной дѣятельности спеціальной полиціи, то не подлежитъ сомнѣнію, что чины общей полиціи станутъ относиться къ этого рода обязанностямъ чисто формально, а тогда число выясненныхъ, въ смыслѣ изобличенія виновнаго, преступленій будетъ меньше, чѣмъ въ настоящее время.

Кромѣ приведенныхъ соображеній по этому предмету, необходимо еще имѣть въ виду, что спеціальная судебная полиція во всякомъ случаѣ не могла бы быть особенно многочисленна, иначе она стоила бы огромныхъ затратъ, а при этомъ условіи чины означенной полиціи не всегда могли бы во время послѣдовать на мѣсто совершенія преступленія для производства дознанія. Между тѣмъ, какъ это всякому практику извѣстно, въ дѣлѣ раскрытія преступленій требуются прежде всего безотлагательныя дѣйствія, на горячихъ порахъ. Пропущенное время по большей части ведетъ къ уничтоженію и къ окончательному сокрытію слѣдовъ преступленія.

Въ виду всего изложеннаго, мы находимъ, что производство дознаній по преступленіямъ и проступкамъ должно быть оставлено на обязанности общей полиціи, какъ и по нынѣ дѣйствующему закону. Но, при этомъ, само собою разумѣется, разъ вопросъ поставленъ такимъ образомъ, что всѣ вообще уголовныя дѣла могутъ быть вносимы въ судъ для разсмотрѣнія по существу, безъ производства предварительнаго слѣдствія, по однимъ лишь дознаніямъ, необходимо принять мѣры къ тому, чтобы дознанія эти въ большей степени достигали цѣли, чѣмъ въ настоящее время.

При обсужденіи вопроса о неудовлетворительности полицейскаго дознанія, многіе склонны приписывать эту неудовлетворительность небрежности, нерадѣнію и даже злоупотребленіямъ чиновъ полиціи. Конечно, нѣтъ дыма безъ огня. При нынѣшнихъ условіяхъ организаціи полици, для чиновъ которой не требуется образовательнаго ценза, при недостаточности матеріальнаго обезпеченія и вообще при весьма непривлекательной служебной обстановкѣ, въ полицію могутъ попадать элементы, нежелательные для службы. Тѣмъ не

менше, такіе случаи не составляют явленія преобладающаго. Неудовлетворительность полицейскаго дознанія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ неумѣнія едва ли не большинства чиновъ полиціи устанавливать юридическую квалификацію преступнаго дѣянія и въ ряду доказательствъ, устанавливающихъ фактъ преступленія и виновность подсудимаго, провести границу между существеннымъ и второстепеннымъ.

Кому приходилось разсматривать полицейскія дознанія, тому извѣстно, какъ они иногда бываютъ обширны и тѣмъ не менше недостаточны для того, чтобы дать дѣлу то или иное направленіе. Затративъ немало труда и энергіи на выясненіе обстоятельствъ дѣла, произведя довольно успѣшно негласное развѣдываніе, допросивъ многочисленныхъ свидѣтелей и составивъ весьма подробные протоколы дознанія, полицейскій чиновникъ нерѣдко оставляетъ совершенно незатронутымъ обстоятельство, отъ котораго зависитъ опредѣленіе подсудности дѣла, или останавливается на такихъ фактахъ, которые по условіямъ совершенія даннаго преступленія не могутъ имѣть значенія уликъ. Такими недостатками страдаютъ преимущественно дознанія уѣздной полиціи. Необходимо, поэтому, чтобы полицейскія дознанія производились при участіи лицъ, которые въ случаѣ надобности указывали бы чинамъ полиціи, какія именно обстоятельства по каждому данному дѣлу надлежитъ выяснить для правильной постановки процесса, какіе факты существенны и какіе имѣютъ второстепенное значеніе.

Подобныя указанія должны исходить отъ представителей обвинительной власти, обязанности которой состоятъ именно въ томъ, чтобы изобличать виновныхъ предъ властью судебною. Руководя дѣйствіями полиціи по производству дознаній, чины прокуратуры должны въ то же время по наиболѣе выдающимся и серьезнымъ дѣламъ непосредственно выяснять необходимыя данныя.

Ближайшее участіе прокуратуры въ собираніи уликъ по уголовнымъ дѣламъ, при условіи освобожденія судебныхъ слѣдователей отъ такой обязанности, соответствовало бы наиболѣе правильному распредѣленію служебныхъ функцій между

органами судебной и прокурорской власти. При нынѣшнемъ порядкѣ разслѣдованія преступленій создается весьма неудобное положеніе. Въ случаѣ совершившагося преступления, прокурорская власть, являющаяся обвинителемъ подсудимыхъ по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, фактически бездѣйствуетъ, если не считать чисто формальнаго наблюденія за дѣйствіями чиновъ полиціи и судебныхъ слѣдователей. Вся забота о раскрытіи преступления и отвѣтственность за успѣхъ лежитъ на органѣ судебной власти—судебномъ слѣдователѣ. Окончивъ свою работу, судебный слѣдователь препровождаетъ дѣло прокурорской власти, и такимъ образомъ судебная власть собираетъ улики и передаетъ ихъ прокуратурѣ для того, чтобы послѣдняя могла выступить въ роли обвинителя предъ судебною же властью.

Несомнѣнно, что правильнѣе было бы, чтобы о собраніи уликъ къ изобличенію виновнаго заботился тотъ органъ власти, который будетъ ими пользоваться въ качествѣ обвинителя, судебная же власть должна быть призываема къ дѣятельности исключительно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо постановить приговоръ по дѣлу.

Сторонники нынѣ дѣйствующей у насъ системы предварительнаго слѣдствія опираются, главнымъ образомъ, на тотъ аргументъ, что положеніе судьи-слѣдователя обеспечиваетъ непристрастіе въ изслѣдованіи преступления, приведеніе съ одинаковою заботливостью въ извѣстность обстоятельствъ, какъ уличающихъ, такъ и оправдывающихъ подсудимаго. Аргументъ этотъ, безспорно, представляется весьма вѣскимъ, хотя при обсужденіи означеннаго вопроса нельзя упускать изъ вида, что, по закону, и прокуратура обязана дѣйствовать съ полнымъ непристрастіемъ, въ защиту правды и во имя справедливости, и что практика вовсе не указываетъ на то, чтобы представители прокурорской власти, наблюдая за производствомъ предварительныхъ слѣдствій и выступая затѣмъ въ роли обвинителей, дѣйствовали пристрастно, вопреки чувству справедливости. Во всякомъ случаѣ, указываемое непристрастіе судебныхъ слѣдователей можетъ имѣть особое значеніе лишь на почвѣ существующаго предварительнаго слѣд-

ствія, по судебнымъ уставамъ. Но, разъ система досудебнаго изслѣдованія преступленій будетъ измѣнена, обезпеченіе интересовъ обвиненія и защиты надлежало бы искать въ самой постановкѣ изслѣдованія, что несомнѣнно общало бы больше успѣха, чѣмъ проявленіе качествъ судьи-слѣдователя. Авторъ полагаетъ, что такого именно положенія вполнѣ возможно достигнуть установленіемъ системы обезпеченія доказательствъ, въ открытыхъ судебныхъ засѣданіяхъ, съ участіемъ обвиненія и защиты.

III.

Осуществленіе проектируемаго нами порядка изслѣдованія преступленій мы могли бы представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ.

О всякомъ, нарушающемъ публичный интересъ, преступленіи должно быть сообщено полиціею или заявлено потерпѣвшими лицами на распоряженіе прокурорской власти, чины которой, давая соотвѣтственныя указанія производящей розыски полиціи или непосредственно исполняя необходимыя дѣйствія, принимаютъ зависящія мѣры къ выясненію всѣхъ обстоятельствъ каждаго даннаго дѣла, обнаруженію виновныхъ и собранію изобличающихъ ихъ доказательствъ. Совокупная дѣятельность прокуратуры и полиціи по раскрытію преступленій составляла бы „дознаніе“ въ обширномъ смыслѣ. Лицамъ, производящимъ дознаніе, надлежитъ предоставить право: допрашивать свидѣтелей и обвиняемыхъ, предпринимать осмотры и освидѣтельствованія, дѣлать обыски и выемки, подвергать личному задержанію обвиняемыхъ. Произведенное такимъ образомъ дознаніе должно служить основаніемъ для судебного разсмотрѣнія дѣла. Въ подлежащій судъ обращаются лишь тѣ дѣла, по которымъ обнаружены виновные, если притомъ прокуратура признаетъ собранныя противъ нихъ улики достаточными для поддержанія обвиненія. Всѣ остальные дѣла по дознаніямъ о преступленіяхъ могли бы прекращаться безъ всякаго участія судебной власти.

Производящему дознаніе лицу прокурорскаго надзора, а также обвиняемому по дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, должно быть предоставлено право обратиться къ мѣстному участковому судѣ съ просьбою о производствѣ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣйствій съ цѣлью обезпеченія доказательствъ. Такія дѣйствія, въ видѣ допросовъ, осмотровъ, освидѣтельствований, какъ уже указано выше, должны производиться въ судебныхъ засѣданіяхъ, гласно, съ допущеніемъ, конечно, нѣкоторыхъ въ этомъ отношеніи изыятій, и съ участіемъ обвиненія и защиты обвиняемаго. Судебныя дѣйствія по обезпеченію доказательствъ почитались бы, такимъ образомъ, не предварительнымъ изслѣдованіемъ преступленія, а какъ бы составными частями судебного засѣданія для разсмотрѣнія дѣла по существу, что придавало бы имъ подобающее серьезное значеніе. Имѣя такой характеръ, подобныя дѣйствія въ большей мѣрѣ, чѣмъ дѣйствія по предварительному слѣдствію, способствовали бы установленію истины, не давая столь широкаго простора, какъ дѣйствія послѣдней категоріи, оспариванію во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда то или иное доказательство по чему либо не можетъ быть воспроизведено на судѣ.

Установленіе такого порядка, надо думать, повело бы прежде всего къ болѣе успѣшному, чѣмъ при существующей системѣ предварительнаго слѣдствія, раскрытію преступленій. Въ настоящее время, чины полиціи, не говоря уже о невѣрной квалификаціи преступленій и ошибочномъ опредѣленіи значенія тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ дѣла, нерѣдко относятся къ исполненію своихъ обязанностей по дознанію апатично, безъ необходимой энергіи и должнаго усердія, считывая, что недостатки дознанія будутъ исправлены, а пробѣлы пополнены предварительнымъ слѣдствіемъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ представителей администраціи, выясненіе подробностей и вообще раскрытіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла о совершившемся преступленіи составляетъ задачу предварительнаго слѣдствія, а не полицейскаго дознанія, и такой взглядъ тамъ, гдѣ онъ проводится, конечно, принимается въ руководство и исполнительными органами полиціи, тѣмъ

болѣе, что это облегчаетъ ихъ дѣятельность. Съ другой стороны, судебные слѣдователи, желая избѣгнуть всего того, что могло бы давать поводъ упрекать ихъ въ розыскной дѣятельности, также не всегда проявляютъ достаточно инициативы въ собираніи доказательствъ по дѣлу, прокуратура же, знакомясь съ процессомъ только по окончаніи предварительнаго слѣдствія, по письменному матеріалу, не можетъ своевременно предъявлять требованія о производствѣ необходимыхъ въ интересахъ раскрытія истины дѣйствій, и несомнѣнно въ этомъ надо искать одну изъ главнѣйшихъ причинъ, обуславливающихъ прекращеніе огромнаго процента дѣлъ за необнаруженіемъ виновныхъ или недостаточностью уликъ противъ заподозрѣнныхъ лицъ. Совсѣмъ другое могло бы быть при условіи возложенія предварительнаго досудебнаго изслѣдованія преступленій на отвѣтственность одной власти и именно той, которая обязана изобличать виновныхъ предъ судомъ. Не рассчитывая на то, что пробѣлы ея по дознанію будутъ пополнены другою властью, прокуратура сосредоточивала бы особенное вниманіе на изслѣдованіи преступленій и прилагала бы полную заботливость къ выясненію всѣхъ обстоятельствъ каждаго даннаго дѣла.

Введеніе института обезпеченія доказательствъ въ указанномъ выше видѣ, а именно въ открытыхъ судебныхъ засѣданіяхъ и съ участіемъ обвиненія и защиты, устранило бы поводы къ указаніямъ на тѣ явленія, которыя въ настоящее время многими юристами считаются существенными недостатками предварительнаго слѣдствія.

Опытъ показываетъ, что гласность нѣкоторыхъ досудебныхъ дѣйствій послѣ того, когда полицейскіе розыски исчерпаны, можетъ быть весьма полезна въ цѣляхъ обнаруженія виновнаго и собиранія изобличающихъ его доказательствъ. На практикѣ нѣкоторые слѣдователи прибѣгали даже къ оглашенію извѣстныхъ фактовъ путемъ печати, призывая лицъ, могущихъ дать полезныя указанія по дѣлу, заявить объ этомъ подлежащей власти. Полное выясненіе извѣстныхъ фактовъ, именно въ виду возможности внесенія поправокъ со стороны лицъ, которымъ эти факты извѣстны и которыя

при иныхъ условіяхъ могли бы остаться неспрошенными, несомнѣнно должно служить сдерживающимъ стимуломъ для тѣхъ, кто склоненъ подтасовывать факты, а въ особенности для обвиняемыхъ, нынѣ очень часто прибѣгающихъ къ разнымъ изворотамъ, постоянно мѣняющихъ показанія и останавливающихся даже предъ обвиненіемъ слѣдователей въ невѣрномъ составленіи протоколовъ, пользуясь тѣмъ, что допросы производятся келейно. Что же касается защиты, то она должна быть допускаема при обезпеченіи доказательствъ по тѣмъ же основаніямъ, какъ и вообще въ судебныхъ за-сѣданіяхъ, при разсмотрѣніи дѣла по существу.

Мы сдѣлали лишь попытку постановки вопроса, проектируя введеніе института обезпеченія доказательствъ въ общихъ чертахъ. Осуществленіе этого предположенія потребовало бы, конечно, разработки частныхъ, сообразно указаніямъ практики. Ближайшее обсужденіе этого вопроса само собою повело бы къ установленію правилъ о томъ, при какихъ условіяхъ и въ какомъ порядкѣ должны быть обезпечиваемы тѣ или другія доказательства. Нѣкоторыя изъ доказательствъ, какъ, напр., объясненія обвиняемаго, быть можетъ, подлежали бы даже обязательному обезпеченію по извѣстной категоріи дѣлъ; нѣкоторыя дѣла, какъ, напр., частнаго обвиненія, потребовали бы установленія изъятій изъ общаго правила. Особое значеніе должны получить постановленія объ участіи защиты при обезпеченіи доказательствъ. При начертаніи этихъ постановленій наиболѣе существенное значеніе имѣлъ бы вопросъ о томъ, съ какого именно момента дознанія обвиняемый могъ бы легально пользоваться совѣтами защитника. Затѣмъ, необходимо было бы установить порядокъ назначенія защитника и предѣловъ его инициативы въ обезпеченіи доказательствъ, а также предусмотрѣть случаи обезпеченія доказательствъ въ интересахъ обвиняемаго при отсутствіи защитника.

Въ качествѣ отдѣльныхъ дѣйствій, относимыхъ къ судебному разсмотрѣнію дѣла, дѣйствія по обезпеченію доказательствъ предпринимались бы вообще лишь въ случаяхъ безусловной въ томъ необходимости.

Всѣ тѣ дѣла, по которымъ вовсе не имѣло бы мѣста обезпеченіе доказательствъ, направлялись бы, конечно, въ томъ порядкѣ, въ какомъ нынѣ направляются дѣла безъ предварительнаго слѣдствія. Такихъ дѣлъ, при дѣйствіи института обезпеченія доказательствъ, вмѣсто предварительнаго слѣдствія, было бы, конечно, гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время, и потому дознаніе по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, получило бы болѣе важное значеніе, чѣмъ нынѣшнее полицейское дознаніе. При такомъ условіи, быть можетъ, оказалось бы полезнымъ ввести, наряду съ институтомъ обезпеченія доказательствъ, институтъ судебной санкціи наиболѣе существенныхъ дѣйствій по дознанію и въ особенности тѣхъ, которыя затрогиваютъ интересы причастныхъ къ дѣлу лицъ или могутъ отражаться на ихъ чести и добромъ имени, какъ, напр., освидѣтельствованіе психически-больныхъ, обыски, вскрытіе почтовой корреспонденціи, обезпеченіе гражданскаго иска, личное задержаніе обвиняемаго. Производство такихъ дѣйствій чинами полиціи можно было бы поставить въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія со стороны мѣстнаго участковаго судьи, съ допущеніемъ, конечно, изъятій, которыя обезпечивали бы успѣхъ дѣла въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства.

Вообще, установленіе особыхъ пріемовъ производства дознанія при дѣйствіи института обезпеченія доказательствъ, равно какъ и порядка производства судебныхъ дѣйствій по обезпеченію доказательствъ, какъ кажется, не встрѣтило бы особыхъ затрудненій. Упраздненіе предварительнаго слѣдствія, несомнѣнно, составило бы капитальную передѣлку нашего уголовного процесса, но эта передѣлка едва ли вызвала бы больше ломки въ сопредѣльныхъ съ досудебнымъ изслѣдованіемъ преступленій частяхъ его, чѣмъ нѣкоторыя другія мѣры, давно уже предлагавшіяся въ видѣ реформы существующаго предварительнаго слѣдствія и вызывавшія такой дружный протестъ со стороны практиковъ. Въ послѣднее время среди нашихъ юристовъ находитъ все больше и больше сторонниковъ мысль объ отнесеніи производства предвари-

тельныхъ слѣдствій къ обязанностямъ участковыхъ судей, какъ это установлено уже, въ видѣ изъятія, въ нѣкоторыхъ судебныхъ округахъ. Съ повсемѣстнымъ осуществленіемъ этого порядка институтъ судебныхъ слѣдователей будетъ вовсе упраздненъ, и тогда замѣна нынѣшняго предварительнаго слѣдствія производствомъ отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій съ цѣлью обезпеченія доказательствъ потребовала бы лишь производства болѣе обстоятельныхъ полицейскихъ дознаній и ограниченія участія судьи въ дѣлѣ выясненіемъ только тѣхъ обстоятельствъ, которыя необходимо немедленно констатировать судебными дѣйствіями.

Въ видахъ цѣлесообразной постановки полицейскаго дознанія, необходимо было бы значительно усилить личный составъ прокуратуры. Для этого приблизительно половина нашихъ судебныхъ слѣдователей, преимущественно состоящая изъ молодыхъ людей, командированныхъ къ исправленію должности, могла бы быть перечислена въ прокуратуру. На означенныхъ должностныхъ лицъ, въ качествѣ товарищей прокурора окружнаго суда, или чиновъ съ инымъ титуломъ — безразлично, надлежало бы возложить обязанность производства разслѣдованій по совершившимся преступленіямъ, а также руководство дѣйствіями полиціи во всемъ, что касается розысковъ и негласныхъ развѣдываній. Подобныя разслѣдованія, производимыя лицами, достаточно подготовленными для установленія юридической qualificаціи даннаго преступнаго дѣянія и опредѣленія силы и значенія собранныхъ уликъ и въ то же время знакомыми съ формальною стороною повѣрки доказательствъ на судѣ, конечно, въ болѣе мѣрѣ могли бы замѣнить предварительное слѣдствіе, чѣмъ нынѣшнія полицейскія дознанія по дѣламъ, по которымъ предварительное слѣдствіе не обязательно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такія дознанія производились бы съ надлежащею быстротою. Предварительное слѣдствіе въ настоящее время очень часто замедляется, благодаря необходимости исполненія разныхъ формальностей, въ связи съ тѣмъ значеніемъ, какое ему придается, какъ судебному процессу. Акты предварительнаго слѣдствія принято излагать слишкомъ пространно, что тре-

буетъ много труда и времени. Для производства предварительнаго слѣдствія по дѣлу, по которому необходимо произвести осмотръ, обыскъ, допросъ десятка свидѣтелей и двухъ-трехъ обвиняемыхъ съ принятіемъ противъ нихъ мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда, судебный слѣдователь долженъ посвятить два или даже три дня, преимущественно на канцелярскую работу, между тѣмъ, то же изслѣдованіе, изложенное въ формѣ дознанія, потребовало бы, быть можетъ, только нѣсколько часовъ времени.

Производство судебныхъ дѣйствій по обезпеченію доказательствъ, несомнѣнно, было бы весьма чувствительной прибавкой къ тому труду, какой участковые судьи должны были бы нести по разбору подсудныхъ имъ дѣлъ, и если бы штаты были рассчитаны только на количество дѣлъ мѣстной подсудности, то, вѣроятно, пришлось бы даже увеличить контингентъ участковыхъ судей, что легко могло бы быть достигнуто на счетъ упраздненнаго института судебныхъ слѣдователей; наоборотъ, если бы число участковыхъ судей было соразмѣрено не только съ количествомъ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію дѣлъ мѣстной подсудности, но и съ возложеніемъ на нихъ обязанностей производства предварительныхъ слѣдствій, то штаты подлежали бы сокращенію, ибо судебныя дѣйствія по обезпеченію доказательствъ во всякомъ случаѣ требовали бы гораздо меньше труда, чѣмъ производство предварительныхъ слѣдствій въ ихъ теперешнемъ видѣ, и это сокращеніе дало бы возможность, безъ обремененія бюджета лишними расходами, увеличить личный составъ прокуратуры.

Заканчивая очеркъ, мы далеко не скрываемъ отъ себя возможности встрѣтить не только болѣе или менѣе суровую критику изложенныхъ здѣсь предположеній, но, пожалуй, и упрекъ въ слишкомъ смѣломъ новаторствѣ. Наша практика въ такой мѣрѣ сроднилась съ предварительнымъ слѣдствіемъ, что судебнымъ дѣятелямъ очень трудно было бы примириться съ мыслью объ упраздненіи этой стадіи уголовного процесса. Къ тому же, при обсужденіи поставленнаго нами вопроса

можетъ смущать до нѣкоторой степени примѣръ запада, гдѣ предварительное слѣдствіе существуетъ. По поводу послѣдняго соображенія надлежитъ замѣтить, что для разрѣшенія данного вопроса у насъ накопилось уже достаточно собственнаго опыта, указанія котораго, казалось бы, не могутъ быть умалены справками у сосѣдей. Впрочемъ, мы могли бы привести и примѣръ: у наиболѣе практичнаго народа—англичанъ досудебное изслѣдованіе преступленій имѣетъ нѣкоторую аналогію съ проектируемымъ нами порядкомъ, хотя оно производится въ иной формѣ и при другихъ условіяхъ. Но, для автора важны въ данномъ случаѣ не сопоставленія, а имѣющіяся указанія на то, что существующее у насъ предварительное слѣдствіе не только не поддается необходимымъ улучшеніямъ, но въ тоже время представляется еще и совершенно лишнимъ, почему замѣна его новымъ порядкомъ изслѣдованія преступленій, обѣщающимъ больше успѣха, можетъ быть только желательною.

Я. Городыскій.

Ш.

РАСТОРЖЕНІЕ БРАКА ВСЛѢДСТВІЕ ПОМѢШАТЕЛЬНОСТИ СУПРУГА.

На шестомъ съѣздѣ Общества русскихъ врачей д—ръ Штейнбергъ возбудилъ вопросъ о расторженіи брака вслѣдствіи помѣшательства одного изъ супруговъ. Съ своей стороны, я заявилъ, что поднятый вопросъ не можетъ подлежать обсужденію врачей, такъ какъ условія развода установлены догматическимъ правомъ, и потому мы, психіатры, не только не можемъ вліять на существующее законодательство, но даже его обсуждать. Конечно, я понимаю, что въ обсужденіи этого законодательства нѣтъ чего либо запрещеннаго или дурного, но это обсужденіе совершенно бесполезно на съѣздѣ врачей.

При томъ-же убѣжденіи я остаюсь и теперь; могу только сожалѣть, что за три года было потрачено не мало времени и труда на обсужденіе этого вопроса и притомъ совершенно напрасно, такъ какъ никакого практическаго значенія всѣ высказанныя сужденія имѣть не могутъ. Ни въ ближайшемъ, ни въ отдаленномъ будущемъ законы о разводѣ не будутъ измѣнены въ смыслѣ, желательномъ д—рамъ Штейнбергу и Розенбаху, и даже трудно себѣ представить, чтобы когда нибудь всѣ труды, посвященные этому вопросу, современными психіатрами, кому нибудь пригодились. Когда и въ какомъ смыслѣ будутъ измѣнены наши законы о разводѣ, сказать трудно, но ужъ навѣрное разводъ еще долго не будетъ допущенъ вслѣдствіи душевной болѣзни одного изъ супруговъ. Такое допущеніе настолько несогласно съ ученіемъ нашей

Церкви о разводѣ, что всѣ разсужденія по этому поводу психіатровъ и юристовъ, едва ли могутъ нынѣ повліять на законодательство. Къ тому же время для обужденія этого вопроса выбрано крайне неудачно: у насъ психіатрамъ много другого серьезнаго дѣла, и нашъ авторитетъ очень пошатнулся. Исторія въ больницѣ св. Пантелеймона, въ Бурашевѣ, въ Черниговѣ, въ Харьковѣ и, наконецъ, неслыханное событіе въ Одессѣ,—все это такія обстоятельства, которыя *требуютъ* не малой работы и, конечно, не могутъ не вліять на отношеніе общества къ психіатрамъ. Не думаю, чтобы совершенно бесполезныя и потому лишнія словопренія и статьи о разводѣ вслѣдствіи душевной болѣзни одного изъ супруговъ могли поднять нашъ авторитетъ въ обществѣ; напротивъ, онъ дастъ поводъ многимъ и при томъ съ полнымъ правомъ, упрекать насъ, что мы, будучи не въ состояніи справиться съ возложенными на насъ обязанностями, занимаемся не своимъ дѣломъ, тратимъ понапрасну свое время и трудъ.

Наконецъ, вопросъ въ той формѣ, въ какой онъ былъ поставленъ и обсуждаемъ, не подлежитъ обсужденію психіатровъ. Желателенъ и нуженъ ли разводъ вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ супруговъ,—это вопросъ, касающійся всѣхъ гражданъ, и потому обсужденіе его какъ вопроса чисто *практическаго*, публицическаго, никоимъ образомъ не должно входить въ программу ученыхъ обществъ и труженниковъ науки. Ученый, какъ таковой, по этому вопросу, ничего сказать не можетъ; какъ гражданинъ, онъ, конечно, можетъ обсуждать его и стремиться къ тому или другому его рѣшенію. Въ обсужденіи его могутъ и должны участвовать всѣ граждане, но ученые не болѣе остальныхъ гражданъ компетентны въ этомъ вопросѣ. Обсужденіе его никакихъ специальныхъ психіатрическихъ знаній не требуетъ. Словопренія и статьи психіатровъ по такому вопросу, какъ разводъ, тѣмъ болѣе нежелательны, что этотъ вопросъ возбуждаетъ страсти и потому непременно то или другое его рѣшеніе найдетъ одобреніе однихъ и порицаніе другихъ.

Въ этомъ, чисто практическомъ, вопросѣ единственно что подлежитъ нашему обсужденію—это слѣдующее: возможно-ли при настоящемъ состояніи психіатріи безошибочное опредѣленіе *неизлечимости* душевной болѣзни супруга въ случаѣ просьбы другой стороны о разводѣ и при какихъ условіяхъ возможно такое опредѣленіе.

Именно въ этой формѣ былъ поставленъ вопросъ французскимъ и германскимъ психіатрамъ, которые и занимались только

этимъ вопросомъ, и вполне правильно, потому что только этотъ вопросъ можетъ быть обсуждаемъ научно, только въ этомъ вопросѣ мы компетентны. Наши заграничные товарищи вполне основательно ждали, чтобы къ нимъ обратились съ вопросомъ, потому что не хотѣли тратить время и трудъ на обсужденіе празднаго, никого серьезно не интересующаго, вопроса.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что обсужденіе, предложеннаго, имѣющаго практическую важность, вопроса и разсужденія, не имѣющія никакихъ шансовъ вліять на жизнь, весьма отличаются другъ отъ друга; *ответственность*—это не пустое слово.

Вотъ почему я находилъ возбужденіе этого вопроса нежелательнымъ, почему не участвовалъ въ его обсужденіи. Конечно, уже на VI съѣздѣ въ Кіевѣ нужно было предвидѣть, что большинство выскажется за желательность развода вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ супруговъ. Когда возникаетъ научный вопросъ, нельзя съ полной точностью предвидѣть результаты его обсужденія, но такъ какъ поднятый вопросъ не научный, то было очевидно, что значительное большинство выскажется за разводъ; въ этомъ не было сомнѣнія, такъ же какъ не могло быть сомнѣнія въ томъ, что если-бы даже всѣ высказались за разводъ, то это не имѣло бы никакихъ послѣдствій, и потому тѣ или другія мнѣнія психіатровъ нисколько не могли беспокоить противниковъ развода.

Въ виду абсолютной безрезультатности всѣхъ преній, статей и рѣшеній почтенныхъ товарищей, я могъ-бы ограничиться лишь подачей голоса и тѣмъ формально исполнить свои обязанности, но такъ какъ противники развода молчатъ, а защитники развода пропагандируютъ и печатно, и въ ученыхъ обществахъ свой взглядъ, то я, какъ противникъ развода, долженъ высказаться, хотя бы для того, чтобы и никто не имѣлъ права сказать, что только защитники развода мотивировали свои взгляды.

Прежде всего выскажусь о вопросѣ чисто психіатрическомъ—т. е. о томъ, возможно ли при современномъ состояніи психіатріи во всѣхъ случаяхъ опредѣленіе, излѣчимъ ли или нѣтъ заболѣвшій супругъ.

По этому вопросу я могу согласиться съ товарищами, что для вполне опытныхъ психіатровъ послѣ 2—3 лѣтняго наблюденія не представляется затрудненій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшить, излѣчимъ или нѣтъ больной или, наконецъ, необходимо-ли дальнѣйшее наблюденіе. Поэтому я не считаю возможнымъ назначать максимальный срокъ для наблюденія, а слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію

врачей продолжать наблюдение въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока они составятъ себѣ нужное для нихъ заключеніе. Необходимо установить минимальный срокъ—не менѣ двухъ лѣтъ, для того, чтобы общество было увѣрено въ основательности нашихъ заключеній, для того что бы избавить насъ отъ назойливости супруговъ, торопящихся освободиться отъ тяжелыхъ обязанностей и, наконецъ, чтобы поставить нѣкоторыя преграды торопливости въ сужденіяхъ нѣкоторыхъ психіатровъ.

Но насколько этотъ вопросъ легко разрѣшается теоретически, настолько-же трудно его рѣшить въ практическомъ отношеніи. Можно-ли у насъ теперь всюду предоставить врачамъ опредѣленіе прогноза заболѣвшаго душевной болѣзнію супруга? На этотъ вопросъ я думаю правильнѣе будетъ отвѣчать отрицательно. Если бы проектъ большинства осуществился, и всѣ классы общества пожелади-бы воспользоваться правомъ развода, вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ супруговъ, у насъ не оказалось-бы достаточно вполнѣ опытныхъ психіатровъ для экспертизы по этимъ дѣламъ. Я знаю столько самыхъ грубыхъ ошибокъ въ распознаваніи даже со стороны извѣстныхъ психіатровъ,—напр. нѣсколько случаевъ діагноза „прогрессивный параличъ“ относительно больныхъ истеріей, періодической маніей и т. п., поставленнаго весьма авторитетнымъ психіатромъ, что весьма сомнѣваюсь въ возможности во всѣхъ случаяхъ опредѣлить исходъ болѣзни. Я думаю, что лишь очень рѣдко излѣчимые душевно-больные будутъ признаны неизлѣчимыми, но за то многіе неизлѣчимые будутъ признаны излѣчимыми. Я знаю не мало такихъ ошибокъ при освидѣтельствованіяхъ въ окружныхъ судахъ и губернскихъ правленіяхъ.

Въ такомъ важномъ, непоправимомъ рѣшеніи, какъ опредѣленіе неизлѣчимости душевно-больного супруга необходимо заключеніе трехъ опытныхъ психіатровъ; только вполнѣ согласное заключеніе трехъ опытныхъ психіатровъ будетъ достаточно авторитетно и потому нравственно обязательно. Извѣстно, что, именно по поводу семейныхъ несогласій, страсти разгораются до невѣроятности, друзья и противники крайне горячо относятся къ дѣлу. Уже вслѣдствіе невозможности провѣрить взаимныя обвиненія, даже благоразумные люди вѣрятъ всякимъ небылицамъ. Въ такихъ дѣлахъ необходимы авторитетныя сужденія, къ которымъ воюющія стороны могли-бы отнестись съ полнымъ довѣріемъ, а нельзя требовать довѣрія къ заключеніямъ врачей, не признанныхъ опытными, авторитетными психіатрами.

Предлагаемое изменение закона о разводе, конечно, имѣть въ виду всѣ классы общества, а не только богатыхъ людей, между тѣмъ, если-бы проектъ психіатровъ былъ принятъ, разводъ сталъ-бы доступенъ лишь богатымъ людямъ и жителямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ имѣются университеты и большія заведенія для душевно-больныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ-бы развестись вслѣдствіе душевной-болѣзни жены, крестьянинъ Витебской или Эриванской губерній; гдѣ производилось-бы наблюдение надъ душевно-больною крестьянкою, живущей въ одной изъ подобныхъ губерній, кто-бы опредѣлилъ, излѣчима или неизлѣчима ея болѣзнь? Конечно, богатый купецъ могъ-бы помѣстить свою душевно-больную жену въ хорошую лѣчебницу въ Петербургѣ или Москвѣ, но вѣдь богатыхъ людей не много и законы издаются для всѣхъ, а не только для богатыхъ.

Законъ, увеличивающій и безъ того громадную разницу между богатыми и бѣдными, по меньшей мѣрѣ, нежелателенъ.

Теперь положительно нѣтъ основаній надѣяться на то, что въ ближайшемъ будущемъ у насъ всюду будутъ опытные психіатры; напротивъ, по всей вѣроятности, число опытныхъ психіатровъ будетъ увеличиваться очень медленно. Эпопеи нѣкоторыхъ нашихъ заведеній для душевно-больныхъ не могутъ внушать желанія молодымъ врачамъ заниматься психіатріей. Пока такія исторіи будутъ повторяться, кто же захочетъ заниматься психіатріей; „служить“, конечно, найдутся охотники, но заключеніе такихъ „психіатровъ“ не будутъ имѣть авторитета.

Вотъ почему я убѣжденъ, что въ ближайшемъ будущемъ у насъ еще нельзя будетъ разрѣшить разводъ вслѣдствіе неизлѣчимой душевной болѣзни одного изъ супруговъ, хотя опредѣленіе неизлѣчимости душевной болѣзни возможно во всѣхъ случаяхъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго изученія т. е. наблюденія надъ больнымъ.

Собственно разсмотрѣніемъ этого вопроса и исчерпываются всѣ обязанности психіатра; совершенно неправильно защитники проекта ссылаются на „біологическіе“ мотивы (д-ръ Штейнбергъ) и утверждаютъ; что „установленіе развода вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ супруговъ“ „съ медицинской точки зрѣнія желательно“ (Профессоръ С. С. Корсаковъ).

Никакихъ біологическихъ мотивовъ въ пользу проекта не было, да и не можетъ быть приведено, потому что неизлѣчимые слабые потомства не оставляютъ. Вынужденное половое воздержаніе здороваго супруга, конечно, можетъ быть вредно послѣднему, но это обстоятельство, конечно, не особенно важное и не мало суп-

руговъ обречены на половое воздержаніе. Весьма странно указаніе на то, что здоровый супругъ можетъ имѣть незаконныхъ дѣтей; нельзя отрицать, что мужья душевно-больныхъ женъ не всегда предаются воздержанію, и жены душевно-больныхъ мужей, конечно иногда влюбляются и имѣютъ дѣтей отъ любовниковъ. Но вѣдь незаконныя связи вообще не устраняются сравнительно легкою возможностью развода тамъ, гдѣ разводъ вѣдаетъ гражданскій судъ, и гдѣ онъ допустимъ по различнымъ поводамъ. Число проституткокъ и незаконныхъ дѣтей не уменьшается, а даже увеличивается. Я сомнѣваюсь, чтобы законодательнымъ путемъ можно было уменьшить число незаконныхъ сожителствъ и во всякомъ случаѣ предлагаемый проектъ не повліяетъ на ихъ число. Едва-ли женщина, имѣющая дѣтей и разведенная съ слабоумнымъ мужемъ, котораго она всетаки обязана содержать, найдетъ скорый случай вновь выйти замужъ; также трудно будетъ разведенному съ слабоумной женой мужу, если у него дѣти, найти приличную подругу жизни.

Нѣтъ никакихъ основаній опасаться дурного вліянія слабоумнаго супруга на здороваго; только профаны могутъ говорить о возможности заболѣванія душевной болѣзнію вслѣдствіе постояннаго общенія съ душевно-больнымъ. Именно слабоумные въ этомъ отношеніи наименѣе опасныя больные и никакого вреднаго вліянія оказывать не могутъ. Одинъ изъ защитниковъ проекта высказалъ, что возможны случаи *folie à deux* (индуцированное помѣшательство), и нашелся юристъ, который повѣрилъ такой возможности. Рекомендую желающимъ изучить этотъ вопросъ лучшую работу о *folie à deux* д-ра Шенфельда ¹⁾, считаю необходимымъ объяснить, что индуцированнымъ помѣшательствомъ заболѣваютъ лишь лица съ тяжкимъ предрасположеніемъ къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, что эта болѣзнь настолько рѣдкая, что даже опытные психіатры видѣли всего нѣсколько случаевъ *folie à deux* и что, наконецъ, никогда слабоумный „индуцировать“ помѣшательства не можетъ.

Лучшее доказательство несостоятельности аргументовъ защитниковъ проекта—это то, что они даже прибѣгаютъ къ такому аргументу, какъ возможность *folie à deux*.

Всякій психіатръ знаетъ, какъ вредно вліяніе другъ на друга супруговъ психопатовъ, какъ болѣзненно ихъ потомство, но вѣдь тутъ именно никакой законъ не поможетъ, а между тѣмъ такіе

¹⁾ Schönfeldt. Ueber das inducirte Irresein. Dorpat. 1893.

союзы очень часты, какъ еще подмѣтилъ Шекспиръ (Гамлетъ и Офелія; Макбетъ и Лэди Макбетъ) и резюмировалъ Шарко: les nerveux cherchent les nerveuses. Уменьшить число такихъ браковъ— вотъ задача психіатровъ, потому что и по „биологическимъ“ мотивамъ и „съ медицинской точки зрѣнія“ такіе браки крайне нежелательны.

Наконецъ, психіатръ могъ бы объяснить законодателю, что въ виду тѣхъ блестящихъ успѣховъ медицины, которые мы переживаемъ, весьма трудно предсказать, когда мы узнаемъ разумные методы леченія душевно-больныхъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что скоро будутъ найдены средства для излѣченія тѣхъ формъ душевныхъ болѣзней, которыя теперь признаются неизлѣчимыми, и потому наши настоящіе предсказанія о неизлѣчимости окажутся невѣрными. Едва ли вполнѣ рационально разъ навсегда рѣшать, что данное лицо неизлѣчимо; нельзя отрицать, что возможны большіе успѣхи психіатріи, благодаря которымъ больной поправится. Странно, что сами психіатры увѣрены въ томъ, что ихъ наука не можетъ прогрессировать, что невозможны удивительныя и плодотворныя открытія въ психіатріи.

Я могъ бы здѣсь закончить настоящую статью; какъ психіатръ, я рѣшительно ничего не могу сказать ни за, ни противъ проекта, но такъ какъ вопросъ уже возбужденъ, то я и не могу не защищать моего взгляда на дѣло.

Нуженъ ли новый законъ или, правильнѣе говоря, измѣненіе существующаго, и главное кто имъ можетъ воспользоваться?

Не нужно быть психіатромъ, чтобы знать, что у насъ правильнымъ *общественнымъ* призрѣніемъ пользуются 2%—4% душевно-больныхъ. Я не знаю точно, сколько душевно-больныхъ въ нашихъ заведеніяхъ призрѣвается на свой собственный счетъ и сколько на общественный, т. е. на казенный, земскій, городской и т. п. Едва ли не большая половина нашихъ больныхъ призрѣвается на общественной счетъ, слѣдовательно,—около 7—9 тысячъ; всѣ же остальные, конечно, за исключеніемъ оплачивающихъ свое содержаніе,—а ихъ всего нѣсколько тысячъ,—по *бѣдности* призрѣваются на дому. Нельзя даже и мечтать, что у насъ скоро для *всѣхъ* душевно-больныхъ будетъ организовано общественное призрѣніе—въ больницахъ, въ колоніяхъ, въ чужихъ семьяхъ и т. п.; даже въ самыхъ богатыхъ странахъ этотъ идеалъ недостижимъ. Слѣдовательно, громадное большинство нашихъ душевно-больныхъ т. е. 98%—96% призрѣвается на свой счетъ; лишь немногіе изъ

нихъ—опять таки 2⁰/₀—4⁰/₀ въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, а остальные т. е. почти всѣ на дому, потому что ихъ семьи не могутъ оплачивать дорогого призрѣнія въ заведеніяхъ.

И такъ, ни общественныя учрежденія, ни семьи не могутъ нести громадныхъ издержекъ на содержаніе душевно-больныхъ въ заведеніяхъ, а по бѣдности худо или хорошо содержать ихъ дома. Это вполне понятно: въ своей семьѣ душевно-больной не причиняетъ большихъ издержекъ; надзоръ не стоитъ ничего, услуги тоже; помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе также ничего не стоятъ, остаются только столъ и одежда, но гдѣ сыты трое, тамъ будетъ сытъ и четвертый, а расходъ на платье у душевно-больнаго, конечно, ничтоженъ.

Если бы поднятый въ Кіевѣ вопросъ могъ имѣть практическое значеніе, слѣдовало бы разузнать, какой ⁰/₀ душевно-больныхъ призрѣвается супругами, и сколько родителями, дѣтьми и ближайшими родственниками. Пока же можно дѣлать лишь предположенія; въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ половина (въ Полтавскомъ психиатрическомъ заведеніи 2269 изъ 4457, въ Покровской 136 изъ 219) пациентовъ состоитъ въ бракѣ ¹). Также отношеніе существуетъ, вѣроятно, и между душевно-больными, призрѣваемыми на дому; можно предполагать, что между этими послѣдними супруговъ даже относительно болѣе, потому что не состоящіе въ бракѣ пользуются худшимъ уходомъ и потому чаще попадаютъ въ заведенія для душевно-больныхъ.

Итакъ, не менѣе половины душевно-больныхъ призрѣвается на дому попеченіями здороваго супруга и, конечно, не потому, что здоровый супругъ или супруга предпочитаетъ держать больного дома, а потому что не можетъ платить за его содержаніе. Если бы большинство нашихъ семей могли платить за содержаніе своихъ больныхъ, хотя бы столько сколько ихъ содержаніе стоитъ земствамъ, нашлись бы капиталы и люди для постройки и содержанія заведеній для больныхъ 3-го класса—т. е. бѣдныхъ. Но наши супруги должны содержать своихъ больныхъ дома, потому что не могутъ удѣлить изъ своихъ скудныхъ заработковъ 150—250 руб. въ годъ на содержаніе въ заведеніяхъ; не можетъ содержать ихъ и общество и еще долго, долго на обязанности супруга будетъ лежать содержаніе въ домѣ заболѣвшаго супруга.

¹) Отчетъ за 1897 г., я нарочно взялъ два первыхъ попавшихся отчета.

Громадное большинство супруговъ, обязанныхъ силою обстоятельствъ содержать въ домѣ душевно-больныхъ, не смѣютъ и мечтать о счастіи отдѣлаться отъ тяжелаго, и даже нерѣдко опаснаго общества душевно-больного; помѣщеніе больного въ заведеніе для нихъ лишь несбыточная мечта. Конечно, легче всего признать вполнѣ слабоумныхъ больныхъ; тѣ и менѣе опасны, и смиренны, и не требуютъ исполненія супружескихъ обязанностей, но эпилептики, истерики, параноики, больные, страдающіе періодической маніей,—это супруги не только невыносимые, но прямо опасные, и тѣмъ не менѣе нѣсколько десятковъ тысячъ такихъ больныхъ тиранятъ здоровыхъ супруговъ, которые должны терпѣть все, потому что они бѣдны.

При такомъ положеніи дѣла, проектируется расторгеніе брака вслѣдствіе неизлѣчимой душевной болѣзни заболѣвшаго супруга. Спрашивается: кто можетъ воспользоваться проектируемымъ правомъ требовать развода? Если, а иначе и быть не можетъ, отъ желающаго разводиться супруга будетъ требоваться приличное обезпеченіе заболѣвшаго, то этимъ правомъ могутъ воспользоваться лишь очень немногіе капиталисты, а послѣдніе имѣютъ такъ много правъ, что хлопотать о дарованіи имъ новой *привилегіи* едва ли слѣдуетъ.

Я не юристъ, но не могу называть ни закономъ, ни правомъ разрѣшеніе на разводъ вслѣдствіе душевной болѣзни заболѣвшаго супруга, потому что этотъ „законъ“ или это „право“ будетъ недоступно для громаднѣйшаго большинства, но составитъ исключительную привилегію только лицъ, имѣющихъ недвижимое имущество или капиталъ.

Сколько во всей Россіи найдется супруговъ, имѣющихъ возможность серьезно *обезпечить* заболѣвшаго душевной болѣзнію супруга? вѣдь обезпеченіе должно быть дѣйствительное, а не проблематическое. Если будетъ потребована напр. ипотека даже только въ десять тысячъ на недвижимое имущество или капиталъ въ эту сумму,—а меньшая сумма недостаточна для обезпеченія содержанія въ заведеніи, стоющаго не менѣе 400 р., то всѣ живущіе своимъ трудомъ не будутъ въ состояніи воспользоваться правомъ развода.

Проектируемымъ „правомъ“ воспользуются только капиталисты, но эти лица, даже, когда одинъ изъ супруговъ заболѣваетъ душевной болѣзнію, всетаки не такъ несчастны, какъ неимущіе, потому что могутъ помѣщать своихъ больныхъ въ спеціальныя заведенія, въ приличныя частныя дома и т. п., а неимущіе должны

теперь и въ будущемъ, если бы законъ и изданъ былъ, содержать своихъ больныхъ у себя дома.

Безспорно, что душевная болѣзнь есть величайшее несчастье, и потому судьба супруговъ душевно-больныхъ весьма плачевна. Сколько мученій, безпокойства и расходовъ причиняють эти больные своимъ супругамъ—трудно себѣ представить. Избавить отъ этихъ страданій или, по крайней мѣрѣ, ослабить эти послѣднія, было бы, по истинѣ благимъ дѣломъ, но предлагаемый проектъ, не улучшить положенія именно болѣе несчастныхъ супруговъ, а коснется только тѣхъ супруговъ, судьба которыхъ сравнительно менѣе печальна.

Явно неизлѣчимые, т. е. вполне слабоумные супруги, конечно, требуютъ нѣкотораго ухода, небольшого расхода, но они не причиняютъ ни физическихъ, ни нравственныхъ страданій. Здоровый супругъ вполне понимаетъ, что больной—неопасный, несчастный человѣкъ, котораго нужно кормить, и за которымъ нужно присматривать. Какъ ни печально вдовство, но съ нимъ, мы знаемъ, все таки мирятся, а супруга, содержащаго неизлѣчимую слабоумную женщину, можно сравнить съ вдовцемъ. При томъ же такіе больные не стѣсняють свободы и какъ бы не существуютъ.

Въ тысячу, если не болѣе, разъ несчастіе мужа истеричекъ, психопатокъ, жены алкоголиковъ, дегенерантовъ, нравственно-слабоумныхъ и т. п. Сколько нравственныхъ и физическихъ страданій переживаютъ эти несчастные, сколько горя самаго безутѣшнаго выпадаетъ на ихъ долю, и имъ то, то есть, наиболѣе несчастнымъ, законъ помочь не можетъ. Сумасшедшая ревность алкоголика и безумныя выходки истерички могутъ измучить всякую жену и всякаго мужа. Когда супругъ вполне сознаетъ, что жена неизлѣчимая слабоумная, онъ понимаетъ, что жена несчастная, безобидная больная, которую нужно кормить; она невиновата въ постигшемъ ихъ несчастіи, и если до болѣзни супруги жили счастливо, здоровый даже считаетъ долгомъ своими заботами хотя нѣсколько облегчить положеніе несчастной. Психопатка и алкоголикъ съ первыхъ же мѣсяцевъ портятъ жизнь здоровому супругу, не понимающему патологическаго состоянія взбалмошной жены или пьянаго мужа. Конца этимъ страданіямъ не предвидится; если дѣло доходитъ до того, что больного помѣщаютъ въ заведеніе для душевно-больныхъ, врачи подають надежду на улучшеніе, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ безпокойства и ожиданія, опять начинается старая исторія.

Въ такихъ случаяхъ здоровому супругу не остается даже утѣшенія, доставляемаго сознаниемъ исполненнаго долга; напротивъ, обыкновенно всѣ его порицають за неуживчивость, жестокость, безхарактерность и т. п. Мало того, онъ мучаетъ самъ себя сомнѣніями и упреками: я не сѣумѣлъ ужиться, довелъ до временнаго сумасшествія и т. п.; напрасно мѣняются отношенія; ни строгость, ни ласки, ни равнодушіе—ничто не улучшаетъ психопатическаго характера.

Въ такихъ семьяхъ относительное благополучіе водворяется лишь при переходѣ патологическаго состоянія въ неизлѣчимое слабоуміе; лишній нахлѣбникъ сравнительно не большая бѣда.

Такъ какъ разводъ можетъ состояться лишь вслѣдствіе вполне неизлѣчимой душевной болѣзни больного супруга, то самые несчастные супруги не будутъ въ состояніи воспользоваться этимъ правомъ, а воспользуются имъ наименѣе несчастные, слѣдовательно, опять таки законъ не будетъ удовлетворять цѣли и не можетъ вызывать сочувствія.

Нужно замѣтить, что неизлѣчимые душевно-больные не только не опасны для своихъ супруговъ, но не опасны и для общества, такъ какъ очень рѣдко оставляють послѣ себя потомство; половыя ихъ функціи обыкновенно ослаблены, они мало интересны и даже отвратительны и не могутъ осуществлять своихъ супружескихъ правъ.

Всѣ великіе психіатры настойчиво утверждали, что душевныя болѣзни не выдѣляются изъ всѣхъ остальныхъ, что душевныя болѣзни должны изучаться и пониматься также, какъ и всѣ остальные болѣзни. Психіатрія обязана своимъ развитіемъ именно такому пониманію сущности душевныхъ болѣзней, а потому я могу только удивляться тому, что въ 1896 г. нѣкоторые психіатры пожелали выдѣлить душевныя болѣзни, создать изъ нихъ особое явленіе, настолько отличающее ихъ отъ всѣхъ остальныхъ, что по поводу ихъ нужно измѣнить законодательство о бракѣ и разводѣ.

Вполнѣ послѣдовательныя иностранныя законодательства, допускающія разводъ вслѣдствіе неизлѣчимыхъ, приличивыхъ болѣзней одного изъ супруговъ, вслѣдствіе непримиримаго различія характеровъ и т. п., разрѣшаютъ разводъ и вслѣдствіе неизлѣчимой душевной болѣзни одного изъ супруговъ; но какъ можетъ, безъ явной непослѣдовательности, допустить разводъ наше законодательство? Вѣдь душевная болѣзнь такая же болѣзнь, какъ и всѣ остальные; неизлѣчимый душевно-больной, такъ же какъ слѣпой и парализованный не можетъ обходиться безъ посторонняго ухода и нашъ

законъ о пенсіяхъ вполне основательно приравняетъ неизлѣчимыхъ душевно-больныхъ къ слѣпымъ и параличнымъ (ст. 103 т. III). Если чѣмъ либо отличается неизлѣчимо-душевно-больной отъ слѣпого и параличнаго, то это тѣмъ, что онъ болѣе всѣхъ нуждается въ уходѣ за собою, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ другіе больные, имѣетъ право на состраданіе, какъ со стороны законодателя, такъ и со стороны ближайшихъ родственниковъ.

Будетъ не менѣе непослѣдовательнымъ разрѣшеніе развода вслѣдствіе неизлѣчимо-душевной болѣзни по тому соображенію, что съ такими больными невозможно нравственное общеніе и они не могутъ оцѣнить жертвы.

Нашъ законъ о бракѣ не допускаетъ развода вслѣдствіе невозможности нравственнаго общенія супруговъ. Конечно, печально положеніе мужа, не имѣющаго нравственнаго общенія съ слабоумной женой, но еще печальнѣе положеніе, напримѣръ, жены, не имѣющей нравственнаго общенія съ мужемъ, неоднократно судившимся за воровство. Но если мы пойдемъ по этому пути, то мы должны измѣнить не только законы, но и всѣ наши понятія о бракѣ.

Для выдѣленія душевной болѣзни отъ всѣхъ остальныхъ приводятъ и такое основаніе, что слабоумный не можетъ оцѣнить жертвы, ему приносимой здоровымъ супругомъ, а неизлѣчимый соматически-больной такую жертву оцѣнить можетъ. Какъ психіатръ, я рѣшительно отрицаю положеніе, что слабоумные не могутъ цѣнить добра; напротивъ, они привязываются къ прислугѣ и врачамъ, хорошо за ними ухаживающимъ; конечно, ихъ любовь и ненависть не такъ сильны, какъ у здоровыхъ, но все таки они ясно различаютъ друзей отъ недруговъ. Наконецъ, хотя слабоумные не могутъ *столько же*, сколько порядочные люди цѣнить жертву, они болѣе, чѣмъ кто либо, зависятъ отъ ухаживающихъ за ними. Только слабоумныхъ можно сдѣлать счастливыми хорошимъ за ними уходомъ; ихъ счастье, или, по крайней мѣрѣ, довольство всецѣло зависитъ отъ лицъ, за ними ухаживающихъ. Если ихъ хорошо кормятъ, чисто содержатъ и т. п. они вполне благодушны и довольны; соматически больныхъ самый лучший уходъ не можетъ сдѣлать счастливыми. Зброшенные слабоумные страдаютъ, конечно, не такъ какъ мы, но все таки страдаютъ.

Какъ христіанская, такъ и философская мораль категорически признаетъ за всѣми одинаковое право—право чело-вѣческой личности, и въ высшей степени непослѣдатель-

но дѣлать исключеніе для слабоумныхъ т. е. наиболѣе несчастныхъ. Если мы будемъ принимать цѣнность лица, относительно котораго исполняемъ свой долгъ, то не только слабоумные, но и всѣ тѣ,—а ихъ очень много, кто не можетъ оцѣнить добра, окажутся внѣ закона. Именно психіатры должны знать, что преступники по натурѣ, проститутки, безнравственные люди вообще такъ же, какъ и душевно-больные не могутъ цѣнить добра, вслѣдствіе несовершенства ихъ организаціи, но неужели мы не обязаны уважать ихъ человѣческую личность, ихъ человѣческое достоинство, потому что они не цѣнятъ добра, имъ дѣлаемаго.

Крайне опасно пользоваться этимъ аргументомъ защитниковъ развода, потому что онъ стоитъ въ полномъ противорѣчій со всей нашей моралью; если мы будемъ отрицать право слабоумныхъ на уходъ со стороны здороваго супруга, потому что слабоумные не могутъ оцѣнить жертвы, то почему же тѣ же слабоумные имѣютъ право на уходъ и содержаніе со стороны общества; вѣдь они не могутъ оцѣнить жертвъ, приносимыхъ плательщиками податей.}

И такъ, разводъ по неизлѣчимой душевной болѣзни одного изъ супруговъ у насъ въ настоящее время, при маломъ числѣ вполне опытныхъ психіатровъ, вслѣдствіе крайней недостаточности общественнаго призрѣнія для душевно-больныхъ, будетъ доступенъ весьма немногимъ. Даже въ Германіи, гдѣ и психіатровъ больше и общественное призрѣніе душевно-больныхъ организовано въ широкихъ размѣрахъ, разводы вслѣдствіе душевной болѣзни крайне рѣдки, и напр. въ Берлинѣ въ 1882 г. на 905 бракоразводныхъ дѣлъ только 5 были возбуждены вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ супруговъ.

Разводъ вслѣдствіе душевной болѣзни одного супруга совершенно не согласенъ съ основными идеями нашего законодательства о бракѣ; даже въ лютеранскихъ странахъ, гдѣ разводъ допускается и вслѣдствіе отсутствія нравственнаго общенія между супругами и вслѣдствіе неизлѣчимыхъ тяжкихъ болѣзней, разводы вслѣдствіе душевной болѣзни весьма рѣдки. Слѣдуетъ ожидать, что у насъ разводы вслѣдствіе этого повода будутъ относительно еще рѣже; громаднѣйшее большинство даже не пожелаетъ воспользоваться своимъ правомъ, такъ же какъ не пользуются этимъ правомъ лютеране въ Германіи и у насъ.

Если бы защитники и добились осуществленія своихъ желаній, то практическія послѣдствія его будутъ столь ничтожны, что о

нихъ не стоить и говорить. Опасность проекта въ его вліяніи на пониманіе брака, на общественное сознаніе.

Теперь всѣ смотрятъ, или, по крайней мѣрѣ, должны смотрѣть на бракъ, какъ на союзъ нерасторжимый, союзъ на всю жизнь; только тяжкое преступленіе одного изъ супруговъ противъ общества или противъ другого супруга (прелюбодѣяніе) можетъ расторгнуть бракъ. Такимъ же преступленіемъ противъ супруга должно считаться безвѣстное отсутствіе, если оно обусловлено злой волею. Бракъ расторгается вслѣдствіе неспособности одного изъ супруговъ къ супружеской жизни, если этотъ недостатокъ существовалъ при вступленіи въ бракъ, потому что такой супругъ умышленно или по не знанію обманулъ другого.

И такъ, всѣ ясно сознаютъ, что только преступленіе, т. е. злая воля можетъ расторгнуть бракъ; постороннія силы—этого сдѣлать не могутъ; въ случаѣ несчастія, нищеты, болѣзни супруги должны помогать другъ другу, не должны покидать другъ друга. Государство, общество, этика помогаютъ Церкви въ достиженіи главной цѣли брака—обезпечить честнымъ людямъ взаимную помощь и поддержку. Всякій супругъ знаетъ, что только собственное преступленіе можетъ расторгнуть его бракъ съ честнымъ супругомъ. Никакое несчастіе не можетъ отнять отъ супруга помощи и поддержки, не можетъ лишить его лучшаго друга.

Именно это сознаніе и облегчаетъ нести тяжесть брака, дѣлаетъ его нравственнымъ союзомъ. Крайне нежелательно ослабить нравственную идею брака, поколебавъ идею о нерасторжимости брака; еще болѣе нежелательно вводить въ общее сознаніе мысль, что бракъ можетъ быть расторгнутъ *только* вслѣдствіе величайшаго несчастія—душевной болѣзни.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ сбивчивы будутъ понятія о бракѣ, если въ нашемъ законодательствѣ будетъ введено *только* проектируемое измѣненіе. Мужъ можетъ пьянствовать, истязать жену, и она не смѣетъ просить о разводѣ; жена можетъ отравлять существованіе своему мужу, но тѣмъ не менѣе развода несчастный супругъ требовать не можетъ. Рядомъ съ этимъ, разводъ разрѣшается вслѣдствіе душевной болѣзни, то есть, въ случаѣ несчастія. Развѣ такой законъ не будетъ явнымъ противорѣчіемъ въ нашемъ законодательствѣ и при томъ совершенно извращающимъ основную идею брака.

Какъ психіатръ, я вполне могу понять, какъ возмутительно и оскорбительно будетъ такое извращеніе идеи о бракѣ для многихъ не-

счастливых. Многие душевно-больные в началѣ болѣзни и въ свѣтлыя промежутки живо сознаютъ свою беспомощность, опасаются ужаснаго будущаго; они боятся, что близкіе ихъ забудутъ, запрячутъ на всегда въ сумашедшій домъ и т. п. Теперь врачъ можетъ успокаивать такихъ больныхъ тѣмъ, что и законъ, и общественное мнѣніе всегда будутъ на сторонѣ больного, что въ интересахъ семьи—заботиться о больномъ и т. п. Если бы проектъ д-ра Штейнберга сталъ закономъ, *каждый* душевно-больной имѣлъ бы полное право опасаться, что скоро настанетъ время, когда онъ останется одинокимъ, когда его семья будетъ ему чужой, когда у его дѣтей будетъ отчимъ и т. п.

Неудивительно, что французскіе психіатры высказались противъ развода вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ супруговъ, почему въ Германіи этотъ законъ принятъ послѣ весьма основательныхъ колебаній.

Легко понять, какое удручающее и даже развращающее вліяніе будетъ имѣть каждый случай развода вслѣдствіе помѣшательства на всѣхъ родственникахъ и знакомыхъ супруговъ. Вѣдь всѣ эти лица знаютъ супружескія пары, страдающія отъ совместной жизни и не смѣющія мечтать о разводѣ; и вотъ душевно-больного *за его несчастіе*, то-есть совершенно невинно, лишили семьи и выбросили изъ дома, можетъ быть, даже имъ пріобрѣтеннаго!

Какъ не юристъ, я не считаю себя въ правѣ говорить о крайнихъ неудобствахъ проекта, въ отношеніи имущественныхъ правъ душевно-больного, но какъ психіатръ, я знаю много случаевъ, въ которыхъ мнѣ приходилось защищать права моихъ пациентовъ.

У насъ не только въ низшихъ классахъ общества, но даже и въ высшихъ непринято упорядочивать имущественныя отношенія супруговъ; что принадлежитъ мужу, что женѣ, что имъ обоимъ,—никто не знаетъ, не знаютъ и сами супруги. Нерѣдко больной увѣряетъ, что все принадлежитъ ему и потому требуетъ роскошнаго содержанія, а жена больного, напротивъ, утверждаетъ, что семья существуетъ на ея средства, что мужъ тратилъ болѣе, чѣмъ зарабатывалъ и т. п. Особенно трудно бываетъ разобраться въ правахъ душевно-больного въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда мужъ и жена работали вмѣстѣ и дружно скопили небольшое имущество. Какъ въ такихъ случаяхъ опредѣлить, что принадлежитъ больному, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ защищать своихъ правъ, его родные или не знаютъ состоянія его дѣлъ или

не прочь вмѣстѣ съ женою обобрать больного, какъ это къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ.

Когда можно будетъ отдѣлаться отъ больного, завладѣвъ его имуществомъ, непременно будутъ возмутительнѣйшія злоупотребленія, и самыя лучшіе законы, самыя добросовѣстные судьи не будутъ въ силахъ защитить правъ душевно-больныхъ.

Тамъ, гдѣ дозволенъ разводъ вслѣдствіе неизлѣчимой душевной болѣзни одного изъ супруговъ, лучшіе, то есть добрые, сострадательные супруги не пользуются своимъ правомъ. Уже почти восемь лѣтъ я работаю среди протестантовъ и могу припомнить всего два выданныхъ мною по этому поводу свидѣтельства и знаю только одну слабоумную разведенную даму. Въ первомъ случаѣ я выдалъ свидѣтельство кухаркѣ дома терпимости въ неизлѣчимо сумашествіи ея мужа—сапожника; во второмъ—кузнецу, жена котораго, подъ вліяніемъ идей бреда, хотѣла отрѣзать ему genitalia. Сколько мнѣ извѣстно, эти супруги развода не получили. Судьба разведенной слабоумной была крайне печальна, такъ какъ мужъ предварительно растратилъ ея состояніе; получивъ разводъ, онъ женился на богатой дѣвушкѣ, оплакивающей уже свое легкомысліе.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда было очевидно, что душевная болѣзнь была уже до брака, нѣкоторые здоровые супруги не хотятъ пользоваться своимъ правомъ, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые настолько заботятся о здоровьѣ больного супруга, что обращаются къ специалисту. Доброму мужу не придетъ въ голову бросить на произволъ судьбы свою жену, уже потому, что онъ когда-то ее любилъ и былъ ею любимъ,—потому, что онъ ее избралъ въ подруги своей жизни. Кромѣ кухарки дома терпимости, ни одна жена не просила у меня свидѣтельства о неизлѣчимой болѣзни мужа,—такъ несвойственно порядочной, то есть, доброй женщинѣ забыть человѣка, котораго она когда-то любила. Конечно, между супругами моихъ пациентовъ были и такіе, которымъ хотѣлось-бы поскорѣе развязаться съ больнымъ и вступить въ новый бракъ, но они не смѣли высказывать такого желанія, потому что опасались общественнаго мнѣнія, считали такія желанія не совсѣмъ нравственными. Я зналъ одну очень интеллигентную даму, съ нетерпѣніемъ ждавшую смерти своего мужа паралитика потому, что она была влюблена въ своего будущаго мужа, но, подчиняясь требованіямъ общественнаго мнѣнія, она исполняла всѣ свои обязанности къ больному.

И законъ, и общественное мнѣніе не вполне ограждаютъ беззащитныхъ слабоумныхъ отъ дурного обращенія эгоистич-

ныхъ супруговъ и, вѣроятно, нѣкоторые слабоумные не мало терпятъ отъ такого обращенія со стороны не способныхъ сострадать несчастнымъ. Можетъ быть, нѣкоторые душевно-больные даже и выиграли-бы отъ развода, потому, что посторонніе были-бы съ ними менѣ жестоки, чѣмъ „жаждущіе любви“ ихъ супруги. Но это не основаніе для выдачи преміи за эгоизмъ: вѣдь правомъ развода именно воспользуются эгоисты; ихъ нужно заставлять исполнить то, что добрые исполняютъ добровольно, т. е. защищать права душевно-больныхъ черезъ опекуновъ, судей и врачей.

Законъ, заставляющій эгоистовъ исполнять то, что добровольно исполняютъ добрые, заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія; отмѣна его—это поощреніе худшихъ, потому, что лучшіе не воспользуются сомнительнымъ „правомъ“. Супругъ, не любившій спутника своей жизни, едва ли можетъ основать вторую семью; онъ уже доказалъ свое легкомысліе, вступивъ въ бракъ безъ любви. Супругъ, любившій и нѣкогда любимый, также не можетъ основать второй семьи, потому, что только черствый эгоистъ можетъ оставить на произволь судьбы несчастнаго супруга.

Я не менѣ защитниковъ развода желаю уменьшить человѣческія страданія, устранить ненужныя бѣдствія, и потому весьма желаю, чтобы супруги не страдали понапрасно. Достигнуть этой высокогуманной цѣли, однако, нельзя проектируемымъ измѣненіемъ закона о разводѣ.

Облегчать страданія могутъ одни только знанія. Преимущество знанія въ борьбѣ съ бѣдствіями человѣчества особенно ясно въ настоящемъ дѣлѣ, потому что только знанія могутъ уменьшить число несчастныхъ, вслѣдствіе неизлѣчимой болѣзни одного изъ супруговъ, браковъ. Достигнуть весьма значительнаго уменьшенія такихъ несчастныхъ браковъ далеко не трудно; чѣмъ точнѣ будутъ наши знанія о причинахъ и проявленіяхъ душевныхъ болѣзней, чѣмъ болѣе мы будемъ пропагандировать наши свѣдѣнія—и тѣмъ рѣже будутъ несчастные браки.

Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ будутъ знать, что душевныя болѣзни наследственны, что психіатры могутъ предвидѣть развитіе душевной болѣзни, всѣ благоразумные будутъ избѣгать брака съ психопатами и вырождающимися, въ сомнительныхъ случаяхъ будутъ обращаться за совѣтомъ къ психіатрамъ. Такимъ образомъ безъ какого либо измѣненія въ законахъ число несчастныхъ браковъ будетъ уменьшаться. Knowledge is power—гласитъ старая истина.

Психіатрія, какъ знаніе, можетъ и другимъ способомъ умень-

шить число несчастныхъ браковъ; чѣмъ болѣе мы будемъ знать причины душевныхъ болѣзней, тѣмъ чаще можно пользоваться ст. 5 и 37 тома X ч. 1. При тщательномъ изученіи отдѣльныхъ случаевъ, я неоднократно убѣждался, что уже до брака родители невѣсты отлично знали болѣзненное состояніе своей дочери, но употребляли всѣ усилія сбыть больную съ рукъ; нерѣдко такимъ дѣвушкамъ ищутъ мужа въ ложной надеждѣ, что съ выходомъ замужъ она выздоровѣетъ. Не одна мать просила меня не говорить о болѣзни дочери именно для того, чтобы не помѣшать ей выйти замужъ. Въ началѣ моей дѣятельности я поражаюсь, какъ легкомысленно родители невѣсты и онѣ сами относятся къ вопросу о болѣзни жениха, но потомъ пересталъ удивляться. Даже интеллигентныя дѣвушки не смущаются бракомъ съ психопатами въ исполнѣ вѣрномъ расчетѣ—„худой мужъ и то огородишко“.

Понятно, что за такія злоупотребленія законъ долженъ карать, т. е. такіе браки должны быть расторгаемы съ помощью психиатрической экспертизы. Чѣмъ болѣе наши свѣдѣнія будутъ совершенны, чѣмъ болѣе врачей будутъ знать психіатрію, тѣмъ болѣе такихъ недобросовѣстныхъ браковъ будетъ признаваемо недействительными и тѣмъ менѣе будетъ предприимчивости для такой профаннаціи брака. Въ большинствѣ случаевъ, въ которыхъ намъ точно извѣстна вся предыдущая жизнь неизлѣчимо-душевно-больного супруга, можно указать, что душевная болѣзнь начала развиваться до брака, что это обстоятельство было извѣстно заинтересованной въ выгодной сдѣлкѣ сторонѣ; часто удается узнать тѣ ухищренія, какія употреблялись для сокрытія того, какъ болѣзнь развивалась, видѣть, какъ обманутая сторона скрывала свой позоръ и какъ, наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ тяжелой совмѣстной жизни, душевная болѣзнь достигла полного развитія.

Наши законы о бракѣ и разводѣ такъ разумно и гуманно *запрещаютъ* браки съ безумными и сумашедшими (ст. 5) и не признаютъ действительными брачныя сопряженія, совершившіяся въ сумасшествіи одного или обоихъ брачующихся (ст. 37), что можно только сожалѣть о причинѣ столь рѣдкаго расторженія такихъ браковъ. Для того, чтобы эти статьи закона приносили всю ту пользу, какую онѣ могутъ приносить, нужно побольше психиатровъ, побольше знанія и ничего больше. Вѣдь никто и ничто не мѣшаетъ пользоваться этими статьями обманутымъ супругамъ; бѣда только въ томъ, что врачи рѣдко могутъ помочь осуществить законное право на расторженіе брака, потому что не обладаютъ

знаніями по психіатріі. Виновата, конечно, въ этомъ и малая разработанность этиологіи душевныхъ болѣзней; въ самомъ дѣлѣ, насколько ничтожны наши свѣдѣнія о причинахъ душевныхъ болѣзней, если въ учебникахъ пишутъ, что „испугъ“, „усиленныя умственныя занятія“, „душевные волненія“, могутъ быть причинами душевныхъ болѣзней.

Заканчивая настоящую статью, я еще разъ оговариваюсь, что я не затрогиваю вопроса о разводѣ вообще; я имѣю въ виду только проектъ д-ра Штейнберга и рассматриваю его, принимая во вниманіе все наше законодательство и современныя бытовые условія. Именно при нашихъ современныхъ бытовыхъ условіяхъ разводъ вслѣдствіе душевной болѣзни невозможенъ и даже нежелателенъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣнено все законодательство о бракѣ, пока не будетъ организовано на широкихъ началахъ общественное призрѣніе душевно-больныхъ.

Я предвидѣлъ уже на съѣздѣ въ Кіевѣ, что большинство будетъ за проектъ, что не помѣшало мнѣ быть противъ него и теперь, выслушавъ на седьмомъ съѣздѣ русскихъ врачей въ Казани мнѣнія защитниковъ проектовъ, я вполне убѣдился въ ненужности и нежелательности развода вслѣдствіе душевной болѣзни. Противники проекта составляютъ меньшинство, что, конечно, ничуть не говоритъ за проектъ, во-первыхъ, потому что противъ проекта былъ Шарко, во-вторыхъ, какъ вѣрно говоритъ Nietzsche (*Der freie Geist*. 29): „Es ist die Sache der Wenigsten unabhängig zu sein: es ist ein Vorrecht der Starken“.

В. Чижь.

IV.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМЪ НИЩЕНСТВѢ.

In adversarios.

Въ теченіе 1898 года мною были составлены двѣ работы: „Профессиональное нищенство по даннымъ русской и иностранной литературы“ и „Нищенство въ Россіи по отзывамъ начальниковъ губерній“. Эти доклады, составленные по порученію комисіи, учрежденной при Министерствѣ Юстиціи, для разработки вопроса о мѣраxъ борьбы противъ профессиональнаго нищенства и бродяжества, были напечатаны для раздачи членамъ комисіи, а затѣмъ помѣщены въ томѣ I ея матеріаловъ.

Едва печатаніе этихъ матеріаловъ было окончено, какъ въ двухъ журналахъ, въ Трудовой Помощи (№№ 3—5) и въ Журналѣ Министерства Юстиціи, которые выходятъ подъ общей редакціей г. Дерюжинскаго, появились пространные отзывы объ этихъ работахъ.

Я не имѣю привычки отвѣчать на критическія замѣтки, которыя отъ времени до времени появляются въ печати относительно моихъ трудовъ, и нахожу, что если книга или статья вызываетъ споръ, то это обстоятельство автору только лестно, такъ какъ оно доказываетъ, что онъ сумѣлъ затронуть живой вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ окончательно лишь путемъ обмена иногда совершенно противоположныхъ взглядовъ. Наконецъ, мнѣ кажется, что до нѣкоторой степени книга и статья должны сами постоять за себя. Сочиненіе есть нѣчто цѣльное, окончен-

ное, а отвѣтъ на критику всегда лишь содержитъ отрывочныя мысли.

На этотъ разъ я вынужденъ, однако, нарушить молчаніе въ виду исключительныхъ особенностей данного случая. Рецензіи пишутся и печатаются обыкновенно относительно книгъ, которыя поступили въ продажу. При такихъ условіяхъ каждый читатель, который заинтересовался даннымъ вопросомъ, можетъ приобрести книгу и проверить правильность рецензіи. Въ настоящемъ же случаѣ изданія, состоящія подъ редакціей г. Дерюжинскаго, разбирали мои работы, которыя въ продажу еще не поступали. Рецензіи появились такъ быстро, что невольно возникаетъ предположеніе, не опасался ли редакторъ, что мои статьи будутъ напечатаны ранѣе, чѣмъ труды его сотрудниковъ. Далѣе въ этихъ рецензіяхъ мои работы искажены столь безцеремоннымъ образомъ, что критическія замѣчанія г. г. С. Р и. М. С— не могутъ быть оставлены безъ отвѣта. Наконецъ, въ обѣихъ рецензіяхъ высказываются болѣе чѣмъ оригинальныя мысли о профессиональномъ нищенствѣ, какъ юридическомъ понятіи. Мысли эти до того своеобразны, что на нихъ необходимо остановиться самымъ подробнымъ образомъ.

Прежде чѣмъ я приступлю къ отвѣту на критику, я позволю себѣ сказать 2 слова объ исторіи моихъ работъ.

Когда коммисія была образована, то было признано необходимымъ собрать свѣдѣнія о развитіи профессиональнаго нищенства въ Россіи. Для этого надо было воспользоваться прежде всего печатнымъ матеріаломъ и розыскать въ литературѣ все, что имѣется по данному вопросу. Сверхъ того, было сочтено не бесполезнымъ собрать свѣдѣнія на мѣстахъ, и поэтому всѣмъ губернаторамъ былъ разосланъ списокъ вопросовъ. Прежде всего мнѣ удалось приготовить обзоръ литературы. Трудъ этотъ былъ далеко не легкій, такъ какъ въ виду малочисленности монографій, опубликованныхъ по этому спеціальному предмету, пришлось рыться въ старыхъ изданіяхъ, собирая интересныя указанія по зернышку. Слѣды кропотливой работы видны на докладѣ, такъ какъ повсюду указаны источники, изъ которыхъ я заимствовалъ отдѣльные факты. Затѣмъ, когда первая статья была готова, то нѣкоторымъ губернаторамъ былъ посланъ вторичный запросъ, чтобы получить болѣе подробныя свѣдѣнія о нищенскихъ гнѣздахъ, на которыя при изслѣдованіи профессиональнаго нищенства необходимо было обратить особое вниманіе. Наконецъ, зимою, когда почти всѣ отвѣты губер-

наторовъ были присланы, я составилъ второй докладъ: „Нищенство въ Россіи по отзывамъ начальниковъ губерній.“

Г. г. рецензенты находятъ, что между этими двумя работами имѣется „глубокое противорѣчіе“; я же заявляю, что противорѣчіе, если и есть, то въ мелочахъ, а въ существѣ обѣ работы только дополняютъ одна другую. Вообще я смѣю утверждать, что мелкія противорѣчія неизбежны, если матеріаль собирается и обрабатывается добросовѣстно безъ предвзятыхъ мыслей. Если-бы вторая работа только повторяла первую, не давая ничего новаго, то она была-бы излишня. Разница между обѣими статьями очень большая, потому что сюжеты разные и матеріаль собирался изъ разныхъ источниковъ. Въ статьѣ о „профессиональномъ нищенствѣ“ я строго держался программы коммисіи; поэтому я не касался совершенно общихъ причинъ обѣднѣнія крестьянъ, недостатковъ призрѣнія и прочихъ факторовъ развитія нищенства ¹⁾. Я собиралъ свѣдѣнія не о бѣдныхъ людяхъ, которые нуждаются въ помощи, а объ обманщикахъ, которые, симулируя нужду и несчастія, выманиваютъ подаванія. Однимъ словомъ, цѣль моя состояла въ томъ, чтобы дать картину того обмана, который практикуется нашимъ бродячимъ людомъ. Напротивъ, когда редактировались вопросы, разсылавшіеся губернаторамъ, то нельзя было сзуть программу ихъ работъ до такой степени. Пришлось коснуться общихъ причинъ нищенства и положенія призрѣнія въ нашей странѣ. Мы надѣялись, что такимъ образомъ удастся косвенно подойти къ профессиональному нищенству. Подобная осторожность была тѣмъ болѣе умѣстна, что вопросъ о нищенскомъ промыслѣ мало извѣстенъ провинціальной администраціи, и что очень трудно собрать бытовой матеріаль путемъ канцелярской переписки. Въ результатѣ дѣйствительно получился цѣлый рядъ данныхъ, которыя относятся къ вопросу о профессиональномъ нищенствѣ лишь косвенно, но представляютъ всетаки несомнѣнный интересъ.

Разница этихъ двухъ статей вытекаетъ уже изъ самыхъ главій; но, чтобы сдѣлать ее еще болѣе ясной, мы перечислимъ отдѣльныя главы каждой работы. Статья о нищенствѣ профессиональномъ содержитъ слѣдующіе отдѣлы: 1) общія свѣдѣнія о нищенствѣ, 2) типы городскихъ и сельскихъ нищихъ, 3) гнѣзда ни-

¹⁾ О сюжетѣ статьи и ея предѣлахъ я изъ осторожности самъ упомянулъ во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній (Матеріалы стр. 24).

щенства, 4) нишія дѣти и 5) выводы. Статья же о нищенствѣ въ Россіи раздѣлена на шесть главъ: 1) причины нищенства, 2) степень развитія нищенства по мѣсту и времени, 3) нищенскія гнѣзда, 4) дома трудолюбія, 5) богадѣльни и 6) желательныя реформы.

Такимъ образомъ первая статья посвящена цѣликомъ профессиональному нищенству, а во второй только одна III глава; въ прочихъ-же отдѣлахъ объ этомъ вопросѣ упоминается вскользь. Слѣдовательно, по содержанію эти статьи различны, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онѣ противорѣчили другъ другу. Напротивъ, если сопоставить тѣ выводы, которые я лично сдѣлалъ въ первомъ докладѣ на основаніи фактовъ, собранныхъ изъ литературы, съ тѣми мѣрами, которыя проектируютъ губернаторы, то окажется полное между нами единогласіе. Подавляющее большинство начальниковъ губерній признаетъ необходимость репрессивныхъ мѣръ для борьбы съ профессиональными нищими, а именно, устройство рабочихъ домовъ для заключенія виновныхъ на долгіе сроки (стр. 129). Между тѣмъ въ моемъ докладѣ необходимость такой реформы обоснована самымъ подробнымъ образомъ. Страницы 72—83 составляютъ заключеніе всего изслѣдованія и объясняютъ ту цѣль, къ которой я шелъ.

Если бы г. г. рецензенты желали уяснить себѣ дѣйствительное значеніе моихъ работъ и дать читателямъ точное изложеніе собранныхъ мною фактовъ, то они сравнивали бы выводы, а не отдѣльныя фразы и мысли, выхваченныя изъ текста самымъ произвольнымъ образомъ.

Чтобы доказать противорѣчія, необходимо сравнивать сравнимое, т. е. мысли, выводы и факты по одному и тому же вопросу, а не по разнымъ. Между тѣмъ г. г. С. Р. и М. С—нъ берутъ мысли, высказанныя мною относительно профессиональнаго нищенства, и опровергаютъ ихъ данными, которыя сообщены губернаторами о бѣдности населенія. Чтобы облегчить себѣ исполненіе этой остроумной работы, они прибѣгаютъ къ едва замѣтной, операциіи и систематически выпускаютъ въ моихъ фразахъ слово „профессиональное“. Напр. на 205 стр. Журнала Министерства Юстиціи ¹⁾ напечатано: „въ первой своей статьѣ г. Левенстимъ причинами нищенства и условіями его развитія считалъ: добросердечіе людей, лѣнь нищихъ, ихъ пьянство, развратъ и т. п. Вто-

¹⁾ См. также, Трудовая Помощь, III стр. 261. въ статьѣ С. Р.

„рую же работу онъ начинаетъ такъ: „Въ числѣ причинъ развитія нищенства на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено полное отсутствіе призрѣнія“.

Если поставить рядомъ только эти двѣ фразы, то, конечно, бросится въ глаза полное противорѣчіе. Но если заглянуть въ подлинныя мои статьи, то окажется, что дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Въ главѣ „общія свѣдѣнія о нищенствѣ“, я, дѣйствительно, высказалъ, что вижу „главную причину *профессиональнаго* нищенства въ добросердечіи людей. Каждый человѣкъ, имѣющій извѣстный достатокъ, всегда готовъ оказать посильную помощь ближнему, надъ которымъ стряслась бѣда или который не въ состояніи прокормить себя работою собственныхъ рукъ. Проще говоря, болѣзнь, слабость и бѣдность всегда вызываютъ чувство состраданія и желаніе оказать помощь. Это чувство хорошо извѣстно толпѣ, поэтому неудивительно, что нашлись люди, которые стали его эксплуатировать, симулируя нужду и несчастье“ (Матер. стр. 24).

Далѣе (стр. 25 строка 1) „я утверждаю, что *профессиональные* нищіе не работаютъ по лѣни“, а на стр. 28—31 я говорю о значительныхъ доходахъ *профессиональныхъ* нищихъ и средствахъ, коими они достигаютъ столь хорошихъ результатовъ.

Эти положенія я поддерживаю и въ настоящее время, не усматривая никакого противорѣчія съ отзывами начальниковъ губерній. Чтобы въ этомъ убѣдиться, необходимо развернуть стр. 103 (Матеріалы I), гдѣ сказано слѣдующее: „Отмѣтивъ тѣ или другіе изъ вышеуказанныхъ факторовъ, вліяющихъ на развитіе нищенства, губернаторы останавливаются на особыхъ качествахъ профессиональныхъ нищихъ, которыя дѣлаютъ ихъ неспособными къ серьезной работѣ: лѣнь, стремленіе къ легкой наживѣ и склонность къ пьянству.“ Та же мысль высказана начальниками губерній въ болѣе опредѣленной редакціи въ ихъ сообщеніяхъ о нищенскихъ гнѣздахъ (Матеріалы стр. 109—120).

Но мнѣ опять таки могутъ напомнить, что представители мѣстной администраціи придаютъ особое значеніе отсутствію призрѣнія, и видятъ въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ нищенства. Съ такимъ мнѣніемъ начальниковъ губерній я вполне согласенъ. Но я не считалъ себя обязаннымъ высказываться по этому предмету, такъ какъ писалъ не о богоугодныхъ заведеніяхъ, а относительно профессиональныхъ нищихъ. Призрѣніе необходимо для бѣдняка, а не для промысловаго христарадника: у кладбищенскаго нищаго нерѣдко оказываются тысячи рублей (Мат. стр. 36), а калуны (нищіе)

изъ села Голицына, Пензенской губерніи, имѣють не только хорошо устроенныя хозяйства, но даже маслобойни. (Мат. стр. 54).
Такому человѣку въ богадѣльнѣ дѣлать нечего.

Эти выдержки изъ обѣихъ моихъ статей, какъ мнѣ кажется, достаточно убѣдительны, чтобы доказать всю цѣну разсужденій г. г. С. Р. и М. С-нъ „о глубокомъ противорѣчїи“ моихъ работъ между собою.

Но помимо „противорѣчїа“, г. г. рецензенты отмѣчаютъ нѣкоторыя другія стороны этихъ статей.

Господину М. С-нъ не нравится мое утвержденіе, что нищенство въ своихъ существенныхъ чертахъ одинаково во всей Европѣ. Мнѣ казалось, что я это выяснилъ въ достаточной степени, такъ какъ факты, найденные въ интересной книгѣ Полліана, вполне подтвердились свидѣтельствомъ русскихъ писателей. Но грозный критикъ, г. М. С-нъ, восклицаетъ: „Теоретическія разсужденія г. Левенстима и впечатлѣніе, произведенное на него книгой Полліана, не подтвердились русской дѣйствительностью.“

Я же позволю себѣ отвѣтить г. М. С-нъ, что такой его выводъ совершенно не согласенъ съ истиной. Русская дѣйствительность не только подтвердила мнѣніе французскаго изслѣдователя, но даже превзошла его, такъ какъ существованіе нищенскихъ гнѣздъ неизвѣстно ни во Франціи, ни въ другомъ какомъ государствѣ западной Европы.

Имя Полліана упоминается мною, главнымъ образомъ, въ первой главѣ, гдѣ дана общая характеристика профессиональных нищихъ; поэтому я къ ней и обращаюсь.

Я утверждалъ и утверждаю, что профессиональные нищіе лѣнвые, алчные и пьяные люди. Этотъ выводъ совпадаетъ, какъ мы видѣли, съ мнѣніемъ губернаторовъ и подтвердится вполне, если мы вникнемъ въ детали вопроса.

Говоря о нищенской лѣнѣ, я привелъ 3 примѣра изъ Полліана. Въ Парижѣ неоднократно дѣлались опыты съ трудовой помощью нищимъ, но, къ сожалѣнію, неудачно. Два раза изъ 700 человѣкъ, только немногіе (18 и 11) оказались достойными помощи и остались на работѣ, остальные или совершенно не пришли по указанному адресу или отказались отъ порученнаго занятія. Эти факты изъ французской жизни подтверждаются наблюденіемъ русскихъ людей, г. Недоховскаго и священника Бирюкова. Первый говоритъ о томъ, что онъ неоднократно предлагалъ работу нищимъ, но получалъ отвѣтъ, что не стоитъ плечи ломать,

ибо сумой они и легче, и больше добудутъ. Священникъ Бирюковъ передаетъ, что однажды при ремонтѣ церкви онъ просилъ нищихъ, стоящихъ у него на паперти, помочь при очисткѣ кирпича. Но въ отвѣтъ на его просьбу никто изъ нихъ на работу не пришелъ. На мой взглядъ между этими свидѣтельствами и фактами, сообщенными Полліаномъ, есть только та разница, что въ русской деревнѣ наблюденіе дѣлается надъ ограниченнымъ кругомъ лицъ, а въ Парижѣ надъ сотнями.

Ссылка моя на французскаго писателя видимо не понравилась обоимъ критикамъ; г. С. Р. даже придумалъ свой собственный доводъ и выставилъ его въ опроверженіе фактовъ, найденныхъ мною въ литературѣ. „Утвержденіе“, говоритъ онъ (Трудовая Помощь V стр. 257), „которое основано на единичныхъ фактахъ и наблюденіяхъ, можетъ быть такими же и опровергаемо“: „Въ 1895 году Николаевскій комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ открылъ, въ видѣ опыта, убѣжище, гдѣ въ теченіи 1896 года предоставленъ былъ платный трудъ 1014 нищимъ, преимущественно изъ числа профессиональныхъ. При этомъ только 159 человекъ оказались неисправимыми, а остальные 755 отбыли назначенные имъ сроки отъ 1 до 6 мѣсяцевъ. Нѣсколько десятковъ лицъ, окончивъ свои сроки и получивъ вознагражденіе, пожелали добровольно остаться въ убѣжищѣ впредь до присканія мѣста, а другихъ, заслуживающихъ особое къ себѣ вниманіе, самъ комитетъ опредѣлилъ на платныя должности надзирателей за нищими, и это довѣріе ни разу не было обмануто“. (Сводъ правит. мѣропріятій о нищихъ. С.-Петербургъ. Приложение стр. 21)“.

Эту выписку я прочелъ съ большимъ вниманіемъ, но когда я дошелъ до конца, то невольно спросилъ себя, для чего г. С. Р. привелъ ее въ своей статьѣ? Если онъ хотѣлъ этимъ доказать, что рабочій домъ есть полезное учрежденіе, которое даетъ хорошіе результаты, то я съ нимъ вполне согласенъ. Повидимому, ту же мысль желалъ высказать и Николаевскій комитетъ въ томъ отчетѣ, на который ссылается г. С. Р. Если же почтенный критикъ желаетъ такимъ аргументомъ убѣдить читателей, что примѣры Полліана ничего не стоятъ, и что профессиональные нищіе отличаются прилежаніемъ и ходятъ по міру исключительно въ виду отсутствія работы, то онъ жестоко ошибается. Прежде чѣмъ представлять этотъ примѣръ, автору слѣдовало уяснить себѣ, о какихъ учрежденіяхъ говорить Полліанъ, и что за убѣжище ус-

троено комитетомъ въ С.-Петербургѣ. Полліанъ рассказываетъ объ обществѣ коммерсантовъ, которые обязались другъ передъ другомъ честнымъ словомъ не подавать милостыни, но доставлять работу каждому человѣку, который къ нимъ обратится за помощью. Этотъ опытъ кончился полной неудачей, ибо изъ 727 человѣкъ только 18 приняли работу. Другой примѣръ, приведенный тѣмъ же авторомъ, столь же убѣдителенъ. Зимой 1890 г. патеръ Robin, содержатель пріюта для бѣдныхъ, вошелъ въ павильоны на Марсовомъ полѣ, гдѣ жили нищіе, и предложилъ имъ занятіе въ своемъ убѣжищѣ. Изъ 700 человѣкъ явилось на мѣсто 55, а на работѣ осталось 11. Надо добавить, что домъ патера Robin'a представляетъ собою учрежденіе, двери котораго открыты всякому: хочешь трудиться—приходи, не хочешь—бросай данное тебѣ дѣло и уходи на всѣ четыре стороны. Поэтому, если нищіе въ обоихъ случаяхъ отказались принять работу, то это доказываетъ, что они вовсе не желали трудиться.

С.-Петербургское убѣжище нѣсколько иного характера. Предъ нами отчетъ комитета за 1897 годъ, и на стр. 16 имѣются слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о его организаціи: „Въ убѣжище опредѣлялись (комитетомъ) нищіе 3-го разряда (т. е. профессиональные) на срокъ 1—6 мѣсяцевъ, а нищіе другихъ разрядовъ въ качествѣ добровольцевъ. Въ 1897 году работали 995 человѣкъ изъ нихъ 904 нищихъ и 91 доброволецъ. Изъ 904 нищихъ—111 были исключены изъ убѣжища, какъ порочные и совершенно неисправимые и отказавшіеся трудиться, и 81 человѣкъ бѣжали. Изъ исключенныхъ иногородніе подвергались отсылкѣ изъ столицы на родину, а петербургскіе уроженцы передавались въ распоряженіе суднаго отдѣленія градоначальника. Большинство изъ бѣжавшихъ отыскивалось полиціей и вновь водворялось въ убѣжище, причемъ увеличивалось время срочныхъ работъ“.

Изъ этихъ строкъ ясно, что петербургское убѣжище есть учрежденіе съ *принудительнымъ* трудомъ, куда нищіе приводятся по распоряженію комитета и содержатся тамъ подъ стражею. Добровольцы же рекрутируются изъ бѣдняковъ, которые случайно остались безъ работы и составляютъ меньшинство, т. е. около 10% всѣхъ арестантовъ. Поэтому едва ли возможно сослаться на результаты этого убѣжища, какъ на доказательство трудолюбія профессиональныхъ нищихъ.

Покончивъ съ вопросомъ о лѣни нищихъ, мы должны коснуться вопроса о выгодности ихъ ремесла.

Я утверждаю, что промыселъ этотъ весьма прибыленъ, и что добросердечіе людей, выражающееся въ раздачѣ копѣчной милостыни, является одной изъ главныхъ причинъ развитія промысловаго нищенства. На это г. М. С—нъ съ величайшей скромностью замѣчаетъ: „Не составляетъ ли этотъ выводъ лишь простой гиперболы?“ (Журналъ Министерства Юстиціи, V, стр. 209).

На чемъ основываетъ г. М. С—нъ свое замѣчаніе, мнѣ неизвѣстно; мой же выводъ подтверждается фактами, собранными изъ разныхъ странъ, и свидѣтельствомъ цѣлаго ряда лицъ, которыя занимались изученіемъ настоящаго вопроса.

Между собою вполне согласны Paulian, нѣмецкіе ученые Rocholl и Fuld, русскіе изслѣдователи: С. В. Максимовъ, Прыжовъ, А. И. Свирскій, священникъ Бирюковъ и Недоховскій. Изъ ихъ сочиненій видно, что нищіе въ Парижѣ зарабатываютъ до 8 франковъ въ сутки, въ Германіи 3—5 марокъ, въ Москвѣ до 3 руб. въ сутки, а обитатели нищенствующихъ селъ—200—1000 руб. въ годъ (Мат. стр. 47, 54, 56). О томъ же говорятъ начальники губерній, въ районѣ которыхъ находятся нищенскія гнѣзда. Кѣлецкій губернаторъ, наприм., подробно останавливается на этомъ вопросѣ. По его свѣдѣніямъ нищіе зарабатываютъ въ праздники Всѣхъ Святыхъ и Задушный 5—8 рублей каждый, а въ обыкновенные дни 30—50 коп. (Мат. стр. 103). Наконецъ, необходимо припомнить, что у нищихъ при арестѣ или послѣ смерти находились полиціей не только сотни, но и тысячи рублей (Мат. стр. 36).

Всѣ эти данныя настолько многочисленны и составляютъ, вмѣстѣ взятая, такую яркую картину, что сомнѣнія въ выгоды нищенскаго промысла едва ли умѣстны. Тѣмъ не менѣе г. М. С—нъ стоитъ на своемъ.

Я понимаю, что, давая отзывъ о чужой работѣ, можно и должно отмѣтить ея слабыя стороны, но если критикъ отрицаетъ всѣ выводы автора, не давая ничего собственнаго, то это доказываетъ неосновательность его доводовъ, или скорѣе, его пристрастіе и отсутствіе самостоятельныхъ познаній по обсуждаемому вопросу.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1898 г. въ Трудовой Помощи была напечатана статья А. Э. Недоховскаго, озаглавленная: „Къ характеристикѣ сельскаго нищенства въ Калужской губерніи“. Статья эта написана очень живо и представляетъ, несмотря на свою краткость, значительный интересъ, такъ какъ авторъ основываетъ свои выводы на личныхъ наблюденіяхъ. Онъ даетъ профессиональнымъ нищимъ ту же характеристику, какъ и я. Г. Недоховъ-Вѣстникъ Права. Октабрь 1899.

скій считаетъ ихъ за людей лѣнливыхъ, пьяныхъ и живущихъ въ свое удовольствіе, благодаря большимъ заработкамъ, которые даетъ ихъ промыселъ (Трудовая Помощь 1898, V, стр. 179—180). Въ томъ же журналѣ (1898 № 2) напечатана статья В. В. Пржевальскаго подъ заглавіемъ: „Борьба съ бродяжествомъ и нищенствомъ“, въ которой авторъ, давъ ту же характеристику профессиональнаго нищенства (см. напр. стр. 1671), высказывается за необходимость репрессіи (стр. 172). Поэтому я былъ крайне удивленъ, что послѣ этихъ статей редакція „Трудовой Помощи“ и Журн. М—ва Юстиціи помѣстила произведенія г. г. С. Р. и М. С—нъ, которые опровергаютъ эти положенія. Я понимаю, что журналъ, не впадая въ односторонность долженъ иногда дать мѣсто противоположному мнѣнію. Но безъ извѣстной сортировки матеріала едва ли можно обойтись.

Покончивъ съ характеристикой нищихъ, я могу перейти къ главѣ о различныхъ типахъ, въ которой мною были описаны отдѣльныя нищенскія спеціальности, какъ то: могильщики, богомолы (и церковные), погорѣльцы, переселенцы, горбачи, ерусалимцы (мнимые странники) и т. д. Всѣ эти клички и данныя заимствованы мною изъ разныхъ сочиненій; кромѣ того, многое изъ того, что рассказано въ этой главѣ, представляетъ собою общеизвѣстные факты; поэтому мнѣ и въ голову не могло придти, что эта часть моей работы вызоветъ какіе либо споры. Но г. М. С—нъ и тутъ нашелъ случай проявить свой критическій талантъ. Изложилъ онъ эту главу такъ, что читатель при всемъ желаніи не можетъ имѣть понятія о ея содержаніи. Въмѣсто того, чтобы привести факты г. М. С—нъ распространяется объ особенностяхъ моего слога, такъ какъ „энергичныя выраженія и густыя краски“ ему не нравятся. А затѣмъ онъ вдругъ раздражается слѣдующей тирадой: „Насколько указанныхъ фактовъ недостаточно (для кого „и для чего?) видно между прочимъ изъ того, что описывая типы „нищихъ онъ долженъ былъ по отношенію къ большей половинѣ ихъ или умолчать о причинахъ появленія этихъ типовъ или признать въ числѣ причинъ такія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ приведенными раньше. Такъ.... о горбачахъ г. Левенстимъ говоритъ очень кратко и совсѣмъ не указываетъ о причинахъ, вызывающихъ нищенство горбачей“.

Г. М. С—нъ упрекаетъ меня въ яркости красокъ, но онъ самъ можетъ быть спокоенъ: его никто не упрекнетъ не только въ яркости, но даже ясности его слога и мысли. Приведенный мною

періодъ, взятый изъ его произведенія, на столько туманенъ, что его понять очень трудно и приходится пуститься въ догадки, чтобы выяснитъ, что угодно г-ну критику. Если г. М. С—нъ любопытно знать, почему профессиональные нищіе разбились на различныя спеціальности, то онъ можетъ найти объясненіе этого въ первыхъ фразахъ, съ которыхъ начинается глава о *типахъ*. На стр. 32-ой (Матер. I) мною сказано: „Нищихъ въ городахъ очень большое количество. Поэтому они должны разнообразить свои просьбы, такъ какъ одни и тѣ же заявленія могутъ пріѣться публикѣ, дающей милостыню“. Если г. М. С—нъ желаетъ имѣть свѣдѣнія, откуда нищіе взяли формы своихъ просьбъ, т. е. почему они появляются въ видѣ „переселенцевъ, погорѣльцевъ, ерусалимцевъ, горбачей“, то онъ могъ бы и самъ догадаться, что эти фигуры представляютъ фальцификацію нужды въ различныхъ ея формахъ. Невзгоды и несчастія не исчезнутъ, пока будетъ существовать человѣчество; но параллельно съ этимъ явятся и обманщики, которые изъ чужого несчастія извлекаютъ себѣ пользу. Объ этихъ обманщикахъ и только о нихъ написана была моя статья.

Далѣе, г. М. С—нъ, упоминая о ерусалимцахъ, говорить, что авторъ видитъ въ нихъ не „убѣжденныхъ, путешествующихъ по „обѣту богомольцевъ, а только такихъ, среди которыхъ идетъ „полная торговля совѣстью“. Эта фраза опять таки показываетъ, что критикъ или невнимательно читалъ мою статью или прямо пугаетъ. Подъ словомъ „ерусалимецъ“ среди нищихъ извѣстны не богомольцы, а профессиональные обманщики, которые эксплуатируютъ религіозное чувство населенія.

Наконецъ, по поводу всѣхъ этихъ спеціальностей не могу не напомнить, что каждый типъ есть извѣстная роль, которую нищій разыгрываетъ и мѣняетъ, когда это оказывается выгоднымъ. Если г. М. С—нъ со вниманіемъ прочелъ бы главу о нищенскихъ селахъ, то онъ могъ бы усмотрѣть, что напр. „шувалики“ и „калуны“ мѣняютъ свои просьбы въ зависимости отъ времени и мѣста своей поѣздки: осенью въ черноземныхъ полосахъ они жалуются на неурожай, зимою они просятъ на погорѣлое, а лѣтомъ—на свое убожество (горбачи), на Аeonъ и святые обители (ерусалимцы).

Приведенныхъ фактовъ, какъ мнѣ кажется, достаточно, чтобы вопросъ о возникновеніи типовъ считать исчерпаннымъ.

Теперь я перехожу къ главѣ о нищенскихъ гнѣздахъ, т. е. къ вопросу о селахъ, въ которыхъ всѣ жители или значительная часть оныхъ занимается сборомъ подаяній. Каждому понятно, что

подробное ознакомленіе съ этими очагами заразы безусловно необходимо, если обсужденіе мѣръ для подавленія нищенскаго промысла поставлено на очередь. Исходя изъ такихъ соображеній, я собиралъ и отмѣчалъ самымъ тщательнымъ образомъ всѣ факты, которые я находилъ въ литературѣ по этому интересному предмету. Мало того, начальникамъ губерній были посланы дополнительные вопросы, чтобы провѣрить литературныя указанія, а главное, чтобы выяснить причину возникновенія и развитія этихъ селъ. Мои усилія увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ получилась полная картина соціальнаго зла. Правда, оказалось, что въ селѣ Бурасахъ, Саратовскаго уѣзда, мѣстечкѣ Семезовкѣ, Минской губерніи и въ селѣ Косулинѣ, Пермской губерніи, нищенскій промыселъ прекратился, и что кубрачество (т. е. профессиональный сборъ на церкви) въ Мстиславскомъ уѣздѣ ослабѣло въ очень сильной степени; но, къ сожалѣнію, главные центры нищенства въ Московской, Владимірской, Нижегородской и въ особенности Пензенской губерніи процвѣтаютъ въ прежней степени. Мало того представители мѣстной администраціи указали на цѣлый рядъ новыхъ центровъ, о которыхъ ранѣе въ литературѣ не было и рѣчи, а именно: въ Вологодской, Костромской, Казанской, Калужской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Самарской и Симбирской губерніяхъ. Однимъ словомъ, было обнаружено, что такія гнѣзда существуютъ во всѣхъ почти центральныхъ губерніяхъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Нѣкоторая бѣдность жителей замѣчается только въ сѣверныхъ губерніяхъ: Вологодской, Костромской, Владимірской, вслѣдствіе чего лучшая часть жителей обратилась къ отхожимъ промысламъ, а худшая къ нищенству. Въ остальныхъ же губерніяхъ нищенскія села прямо богаты.

Первый толчекъ къ возникновенію обычая ходить съ сумою далъ какой либо эпизодъ въ прошломъ, вызвавшій временную нужду (напр. война, пожаръ, неурожай). Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, нужда исчезла, села разбогатѣли, но жители поняли всю прелесть и доходность бродячей жизни и держатся ея.

Вотъ тѣ выводы и факты, которые я высказалъ въ первой статьѣ (Мат. стр. 56) и развилъ подробно во второй (Мат. стр. 109—129).

Но г. М. С—нъ съ величайшимъ апломбомъ возглашаетъ, что г. Левенстимъ „во второмъ сообщеніи съ успѣхомъ опровергаетъ свои свѣдѣнія о такъ называемыхъ нищенскихъ гнѣздахъ (стр. 209)“. Ссылкою на Вологодскую губернію онъ доказываетъ свое мнѣніе, что нищенство вызывается нуждою, а фактъ прекращенія нищен-

ства въ 4-хъ селахъ служить для него достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы говорить о полномъ противорѣчій моихъ работъ.

Предоставляя поэтому каждому изъ читателей судить о силѣ доводовъ этого безпристрастнаго критика, я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на селѣ Косулинѣ, которое является крайне интереснымъ примѣромъ того, что нищенство можетъ развиваться при полной зажиточности населенія, если для процвѣтанія этого промысла имѣются благоприятныя условія.

Село Косулино, Шадринскаго уѣзда, было и есть одно изъ самыхъ богатыхъ селеній Пермской губерніи. Между тѣмъ во всемъ округѣ его жители были извѣстны какъ назойливые нищіе, которые пользовались тѣмъ, что масса купцовъ проѣзжала черезъ ихъ село на Ирбитскую ярмарку (Мат. стр. 57, изъ Пермскихъ Губ. Вѣд. 1864 г. № 27). Но съ проведеніемъ Уральской желѣзной дороги почтовый трактъ, пролегавшій чрезъ Косулино, закрытъ. вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось и нищенство, такъ что прозвище „косулинскій нищій“ отошло въ преданіе (Мат. стр. 121). На этомъ примѣрѣ ясно видно, что въ указанномъ селѣ не бѣдность заставляла дѣтей бѣгать за экипажами, а возможность легкой наживы съ проѣзжихъ. Разъ эта возможность кончилась, прекратился и весь этотъ позорный промыселъ.

Покончивъ съ замѣчаніями г.г. критиковъ на отдѣльныя главы моей работы, я долженъ остановиться на общемъ вопросѣ, что такое профессиональное нищенство? Читая рецензіи, я все удивлялся, что г.г. С. Р. и М. С—нъ, приводя цитаты изъ моихъ статей, выпускаютъ слово „профессиональное“. Въ концѣ статьи г. М. С—нъ я, наконецъ, нашелъ, что онъ не одобряетъ этотъ терминъ и соглашается съ земскими статистиками С.-Петербургской губерніи, которые „отказались отъ регистраціи нищихъ какъ профессиональныхъ, такъ какъ всегда оказывались на лицо болѣе или менѣе отдаленныя причины, которыя привели собирающихся къ „нищенству“ (стр. 215). „Самое понятіе, о профессиональныхъ нищихъ, говорятъ они, при ближайшемъ изученіи вопроса, при сопоставленіи съ фактами дѣйствительной жизни, теряетъ свою „опредѣленность, расплывается, такъ сказать, въ дѣйствительныхъ причинахъ, матеріальныхъ, семейныхъ и т. д., порождающихъ и „приводящихъ къ нищенству“.

При всемъ моемъ уваженіи къ работѣ земскихъ статистиковъ вообще и къ данной въ особенности, я съ этими выводами совершенно не могу согласиться.

Я самъ высказалъ, что „нищенство профессиональное и нищенство случайное тѣсно сплетаются между собою“ (Мат. стр. 23). Это положеніе несомнѣнно правильно, потому что случайный нищій постепенно превращается въ профессиональнаго по мѣрѣ того, какъ онъ привыкаетъ къ привольной, бродячей жизни. Определить границы между ними, конечно, не легко, такъ какъ въ жизни нѣтъ рѣзкихъ переходовъ; между днемъ или ночьюъ есть вечеръ, и сумерки облегчаютъ переходъ отъ свѣта къ тьмѣ; изъ равнины не попадешь сразу въ снѣжную горную цѣпь, такъ какъ приходится пробираться чрезъ холмы и предгорье. Но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не было разницы между днемъ и ночью, горой и долиной, и надо было отказаться отъ этихъ терминовъ.

То же мы видимъ съ нищенствомъ: между несчастнымъ мужикомъ, который разоренъ пожаромъ съ одной стороны, и пензенскимъ калуномъ съ другой—громадная разница. Первый скромно проситъ о помощи и всего боится, а второй ѣдетъ въ дорогу съ цѣлой труппой, ругаетъ своихъ рабочихъ и колотитъ дѣтей, которыхъ судьба отдала въ его руки. Одинъ случайно пошелъ по міру, чтобы перебиться, и клянеть судьбу-злодѣйку, которая выгнала его изъ родного гнѣзда, а другой привыкъ къ сбору подаеній и видитъ въ немъ источникъ доходовъ. Но если мы возьмемъ любого мужика черезъ годъ послѣ полученія первой даровой копѣйки, то разница между нимъ и пензякомъ будетъ уже менѣе рѣзкая; погорѣлецъ попривыкъ къ дѣлу и присмотрѣлся. Определить эту разницу, которая отдѣляетъ нищаго по ремеслу отъ случайнаго, можно только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, считая, что профессиональнымъ нищимъ является тотъ, кто превратилъ собираніе милостыни въ постоянный источникъ доходовъ. Этой практики держатся суды и, повидимому, не встрѣчаютъ затрудненій. Терминъ „въ видѣ ремесла“ имѣется въ дѣйствующемъ законѣ (см. ст. 51 (нищенство), 180 (покупка завѣдомо краденнаго имущества) уст. наказ., 1654 (конокрадство) улож. наказ.) и настолько удобопонятенъ, что Правительствующему Сенату, если не ошибаюсь, ни разу не пришлось разъяснять его. Въ проектѣ уголовного уложенія онъ замѣнено словомъ „промыселъ“, которое мы нашли въ 13 статьяхъ (35, 151, 218, 278, 303, 322, 386, 387, 462, 508, 530, 537 и 544 изд. 1895 г.). Не менѣе часто въ Германскомъ уложеніи встрѣчается параллельный терминъ „gewerbmässig“. Слѣдовательно, практика показала его пригодность и ясность.

Но мнѣ, можетъ быть, возразятъ, повторяя фразу, что „онъ

растворяется въ дѣйствительныхъ причинахъ, матеріальныхъ, семейныхъ, моральныхъ и т. д.“ На это я отвѣчу, что причину нельзя смѣшивать со слѣдствіемъ, мотивъ съ преступленіемъ. Убіиство совершается тоже по разнымъ причинамъ матеріальнымъ, семейнымъ, моральнымъ. Оно совершается изъ корысти—ради ограбленія, изъ мести, изъ ревности, въ запальчивости—въ отвѣтъ на оскорбленіе. Но всегда оно остается убійствомъ. Точно такъ же и нищенство. Сборъ подаяній запрещенъ у насъ по закону (ст. 159 уст. пред. прест.), независимо отъ того, просить ли человѣкъ на погорѣлое, изъ старости или на прокормленіе семьи. Судъ въ правѣ признать, что дѣяніе подсудимаго можетъ быть не вмѣнено ему въ вину, если старикъ не находитъ мѣста въ богадѣльнѣ, а мать не можетъ накормить своихъ голодныхъ ребятъ. Самъ же по себѣ проступокъ прошенія милостыни долженъ считаться запрещеннымъ.

Я не отрицаю, что для работъ статистическихъ терминъ „нищій по ремеслу“, быть можетъ, не годится, но въ текстѣ закона онъ вполне умѣстенъ и суды умѣютъ имъ пользоваться ¹⁾.

Вообще же при квалификаціи дѣянія подсудимаго нельзя брать отдаленныя причины, которыя вліяли на жизнь человѣка. Напр., въ с. Макаровѣ, Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губерніи, нѣкоторые крестьяне, будучи разорены въ 1879 году пожаромъ, начали нищенствовать, а вслѣдъ за ними все село (8000 душъ) стало ходить съ сумою (Мат. ст. 117). Не могу же я согласиться, что эти люди, которые 20 лѣтъ собираютъ милостыню, не могутъ быть названы профессиональными нищими. По мнѣнію г. М. С—нъ, такое нищенство „растворяется въ экономической причинѣ“—(разореніе пожаромъ), а я думаю, что несчастіе, которое имѣло мѣсто въ 1879 году не даетъ права крестьянамъ изъ году въ годъ таскаться по міру и выманивать деньги у людей. У „шуваликовъ“ и „калуновъ“ причина, вызвавшая нищенство, относится еще къ болѣе раннему времени. Предполагаютъ, что еще въ эпоху крѣпостного права притѣсненія помѣщиковъ заставили ихъ прибѣгнуть къ сумѣ. Съ тѣхъ поръ крестьяне освободились отъ крѣпостной зависимости и достигли извѣстнаго благосостоянія, а практикуютъ нищенство самымъ широкимъ образомъ. Неужели и ихъ

¹⁾ Надо замѣтить, что с.-петербургскіе статистики сами на мѣста не вѣзжали, а собирали свои свѣдѣнія о развитіи нищенства въ губерніи черезъ сельскихъ старостъ. Не удивительно поэтому, что отсюда возникъ дѣльный рядъ затрудненій.

нельзя считать профессиональными въ виду „экономической причины“, которая существовала 40 лѣтъ тому назадъ.

Эти соображенія и факты доказываютъ, по моему мнѣнью, съ полной убѣдительностью, что профессиональное нищенство существуетъ, и что необходимы мѣры для его подавленія.

Насколько странно то, что статья г. М. С-нъ появилась на страницахъ Журнала Министерства Юстиціи. Вѣдомство это поставило на очередь вопросъ о борьбѣ съ профессиональнымъ нищенствомъ и бродяжествомъ. Поэтому весной 1898 года была образована по сему предмету особая Коммисія. Затѣмъ, 6 мая 1899 г. по Высочайшему повелѣнію при томъ же Министерствѣ Юстиціи образована Коммисія объ отмѣнѣ ссылки. Въ число ея работъ включенъ вопросъ объ учрежденіи принудительныхъ общественныхъ работъ и рабочихъ домовъ, каковыя учрежденія имѣютъ въ виду опять таки борьбу съ бродячимъ людомъ. Такимъ образомъ Министерство Юстиціи признаетъ существованіе профессиональнаго нищенства и необходимость его подавленія, а въ Журналѣ того же Министерства доказывается, что профессиональнаго нищенства нѣтъ и что поэтому всякія мѣры репрессіи излишни.

А. Левенстимъ.

V.

НЕДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНІЯ АКЦИОНЕРНОЙ КОМПАНИИ.

I.

Современное акціонерное законодательство обставляет процесс учрежденія и образованія предпріятій цѣлымъ рядомъ законныхъ требованій, удовлетвореніе которыхъ составляетъ необходимый постулатъ и условіе дѣйствительности образованія юридическаго лица. Ихъ несоблюденіе влечетъ за собою, какъ прямое послѣдствіе нарушенія спеціальнаго закона, недѣйствительность акціонернаго предпріятія, какъ такового (Annulation, nullité d'une société, die Nichtigkeit einer Gesellschaft). Недѣйствительность эта объясняется неправильностями (съ точки зрѣнія правовой) весьма сложной организаціи акціонернаго предпріятія, которое призвано къ жизни незаконнымъ путемъ, или учреждено съ нарушеніемъ той или другой формальности, призванной гарантировать интересы самихъ акціонеровъ или третьихъ лицъ. Практически такая недѣйствительность выражается въ томъ, что акціонерная компанія, приоста-навливаетъ свое существованіе въ качествѣ *юридическаго лица*, (какимъ она признается всѣми новѣйшими законодательствами и теоріей), т. е., перестаетъ со времени обнаруженія порока учрежденія существовать въ *правовомъ* отношеніи, — теряетъ одновременно всѣ гражданскія права, а равно обязанности, логически связанныя съ понятіемъ объ юридическомъ лицѣ, способномъ дѣйствовать и обязываться. Другими словами, — компанія съ этихъ поръ не можетъ имѣть какую либо собственность и потому *никакое имущество ей тогда*

уже не принадлежитъ. Капиталь, собранный неправильно, не составляетъ тогда основного, складочнаго капитала, предназначеннаго для какого либо предпріятія или конъюнктуры. Онъ уже не существуетъ, какъ капиталъ предпріятія или компании, а въ соответственныхъ каждому вкладчику и подписчику доляхъ подлежитъ возврату, т. е. составляетъ собственность отдѣльныхъ лицъ, тогда какъ при законномъ образованіи послѣдняго, акціонеры не имѣютъ права получить свои взносы и вклады изъ основного капитала обратно взаменъ акцій. Они имѣютъ въ послѣднемъ случаѣ возможность осуществить свое право собственности по выданнымъ имъ акціямъ единственно при ликвидаціи компании, т. е. при ея *естественномъ прекращеніи*, либо помощью переуступки своихъ акцій другимъ лицамъ. На томъ же основаніи неденежные вклады, или такъ называемые *аппорты* (Apports), съ момента недѣйствительности компании—составляютъ собственность не компании, а вкладчиковъ, внесшихъ аппорты въ складочный капиталъ, т. е. возвращаются къ нимъ. Что касается требованій и долговъ компании, то таковые въ случаѣ недѣйствительности, не считаются тогда имѣющими въ отношеніи не существующаго предпріятія силу или, другими словами, всѣ они въ совокупности своей считаются вовсе *не возникшими*. Имѣется, такимъ образомъ, ощутительная разница между послѣдствіями прекращенія или *окончанія дѣйствій* предпріятія и его *недѣйствительности*.

Прекращеніе предпріятія завершаетъ лишь *продуктивную* сторону дѣла; компания остается во всемъ своемъ объемѣ юридическимъ лицомъ до окончательной ликвидаціи, до этого момента сохраняются всѣ особенности организаціи съ присущими послѣдней правами и обязанностями, насколько онѣ связаны съ ликвидаціей и служатъ въ ея пользу ¹⁾. Съ признаніемъ же *недѣйствительности* всѣ эти условія для компании упадаютъ; она оказывается не начавшею своей дѣятельности, и положеніе ея оказывается такимъ, какимъ оно было до ея образованія, признаннаго ничтожнымъ.

Вмѣстѣ съ объявленіемъ недѣйствительности компании юридическое лицо признается не имѣвшимъ дѣеспособности: съ точки зрѣнія теоріи она не можетъ обязываться, какъ равнымъ образомъ, про-

¹⁾ Entscheidungen des Reichs-Oberhandelsgerichts, herausgegeben von Raethen des Gerichtshofs, Band 19, s. 163.

тивъ нея не могутъ быть предъявляемы гражданскія требованія на основаніи принципа: *quod nullum est—nullum producit effectum* ¹⁾.

Недѣйствительность акціонерной компаніи, происходящая отъ несоблюденія внѣшнихъ формальностей и отъ существенныхъ матеріальныхъ недостатковъ учрежденія, можетъ быть признана по инициативѣ лицъ, участвующихъ въ предпріятіи, именно: акціонеровъ, членовъ правленія и наблюдательнаго совѣта, а равно третьихъ заинтересованныхъ лицъ. Согласно § 309 пересмотрѣннаго германскаго торговаго уложенія (10 мая 1897 г.), „если уставъ компаніи не содержитъ въ себѣ перечисленныхъ въ § 182, ч. 2 6 обязательныхъ пунктовъ содержанія устава, или, если одно изъ этихъ постановленій недѣйствительно, то каждый акціонеръ (компаньонъ—*Gesellschafter*) и каждый членъ правленія и наблюдательнаго совѣта вправе требовать въ исковомъ порядкѣ объявленія предпріятія недѣйствительнымъ, при чемъ правила §§ 272 и 273 получаютъ соотвѣтственное примѣненіе“, а именно: заявленіе должно быть обращено къ компаніи и въ случаѣ объявленія недѣйствительности компаніи (судомъ)—послѣдствія такого объявленія получаютъ силу также въ отношеніи всѣхъ акціонеровъ (*fuor und gegen die Aktionaere, die nicht Partei sind*). Постановленіе это составляетъ одну изъ совершенно новыхъ нормъ пересмотрѣннаго германскаго акціонернаго права, вступающаго въ силу съ 1 января 1900 года.

Согласно дѣйствующему французскому праву (законъ 24 іюля 1867 и дополнительный законъ 1 августа 1893 г.), недѣйствительность акціонернаго предпріятія является результатомъ несоблюденія *общихъ* правилъ объ акціонерной компаніи, постановленія о составѣ первыхъ подписчиковъ (акціонеровъ), минимальной цѣнѣ акцій, составленіи складочнаго капитала, формальностяхъ подписки, утвержденіи (во 2-мъ общемъ собраніи) апшортовъ, внесеніи предпріятія въ акціонерный реестръ (*enregistrement*); компанія недѣйствительна также въ случаѣ содержанія устава, несогласнаго съ

¹⁾ Houpin, *Traité général théorique et pratique des sociétés civiles et commerciales*, Paris, 1895, №№ 509, 517, 519, 310, 498, 899 etc; Arthuys, *De la constitution des sociétés p. actions*, Paris, 1898, №№ 141—167; Lyon-Caen et Renault, *Traité de droit commercial*, II, 1892, № 781; Karl Lehmann, *Das Recht der Aktiengesellschaften*, Berlin, Bd. 1, 1898, § 39, S. 418—438; Wiener-Zeitschr. fuer. Handelsrecht, XXV, 2, 3; Vivante, *Trattato teorico pratico di diritto commerciale*, 1894, p. 404.

законными требованіями, именно—разрѣшенія выпустить въ обращеніе акціи до уплаты по нимъ перваго взноса, обращенія именныхъ акцій въ предъявительскія до уплаты 50% цѣны акцій и т. п. ¹⁾.

II.

Въ отношеніи точнаго установленія условій, влекущихъ недѣйствительность по разнымъ акціонернымъ законодательствамъ, послѣднія можно раздѣлить на *четыре группы* (согласно проф. К. Леману), изъ которыхъ одна совершенно умалчиваетъ насчетъ условій недѣйствительности, вторая перечисляетъ всѣ условія ея, относительно которыхъ могутъ существовать сомнѣнія, третья—приводитъ лишь нѣкоторые пункты и разбросанныя правила и указанія о послѣдствіяхъ недѣйствительности, наконецъ, четвертая группа, считая начало учрежденія компаніи съ ея инкорпорации, обходитъ вовсе этимъ путемъ трудный вопросъ ²⁾.

Ко второй группѣ принадлежатъ законодательства французское ³⁾, португальское (Codigo commercial, акціонерный законъ отъ 22 іюня 1867 г.) ⁴⁾, аргентинское (отъ 5 октября 1889 г.) ⁵⁾ и венецуэльское ⁶⁾.

Къ третьей группѣ принадлежатъ законодательства германское (пересмотрѣнное 1897 г.) ⁷⁾, итальянское (Codice di Commercio del regno d'Italia отъ 31 октября 1882 г.) ⁸⁾, сербское ⁹⁾, нидерландское (Wetboek van Koophandel отъ 10 апрѣля 1838 г.) ¹⁰⁾, чилий-

¹⁾ Ср. Revue des sociétés, 1893, стр. 125; Arthuys, De la constitution des sociétés par actions, Paris, 1898, № 142; Lyon-Caen et Renault, Appendice au traité de droit commercial, 1894, № 26.

²⁾ K. Lehmann, Das Recht der Aktiengesellschaften, Berlin, 1898, Bd. I стр. 418.

³⁾ Houpin, Traité général théorique et pratique des Sociétés civiles et commerciales, Paris, 1895, № 497, Loi du 24/VII—1867, art. 41, 42, 56.

⁴⁾ Riesenfeld, Die Versicherungsaktiengesellschaft im Lichte der modernen Gesetzgebung (Baumgartners Zeitung fuer Versicherungsrecht, B. II, S. 477, III, 1) 1897, стр. 19—21.

⁵⁾ Составлено по образцу португальскаго, Grudhomme, Collect. 1893, VI.

⁶⁾ Borchardt, V, 2, стр. 296.

⁷⁾ Handelsgesetzbuch vom 10 mai 1897—§§ 292—311, Lehman, стр. 435.

⁸⁾ Bohl—Collection des codes étrangers, XII.

⁹⁾ Borchardt, IV, 782.

¹⁰⁾ Riesenfeld, стр. 32, 33.

ское (отъ 20 сентября 1889 г. вновь редактированное) ¹⁾ и мексиканское (отъ 15 сентября 1889 г.) ²⁾.

Къ послѣдней группѣ относятся законодательства Великобританіи ³⁾ и многихъ штатовъ Сѣверной Америки, сокращающіе число условій недействительности до весьма немногихъ, рельефно указанныхъ въ общихъ чертахъ въ таеъ называемомъ *memorandum of association* ⁴⁾.

Выработанный комисіею при Министерствѣ Финансовъ у насъ новый проектъ положенія объ акціонерныхъ предпріятіяхъ 1898 г. то же, какъ кажется, слѣдуетъ англо-американской системѣ ⁵⁾, предпосылающей учрежденіе (инкорпорацію) компаніи послѣдующей ея регистраціи.

Стараясь избѣжать невыгодъ французской системы, *исчисляющей все условія* недействительности акціонернаго предпріятія, при возможныхъ этомъ отношеніи ошибкахъ, англо-американская система устраняетъ возможность *послѣдующаго обнаруженія* признаковъ недействительности, допуская, однако, недействительность эту въ отношеніи предшествующаго образованію предпріятія *учредительнаго договора*. „Этимъ путемъ, необыкновенно облегчая инкорпорацію предпріятія, говоритъ проф. Леманъ, англійская система, недостатки которой слѣдуетъ искать не на юридической, а на *экономической* почвѣ, открываетъ двери хозяйственнымъ недугамъ“ ⁶⁾. Устраненія послѣднихъ стремится достигнуть вновь принятая реформа англійскаго *Compagnies-Act'a* (1893 года) ⁷⁾.

¹⁾ Ibidem, стр. 21; Prudhomme, Collection des codes étrangers, 1892, V.

²⁾ Ibidem, Collection des codes étrangers, 1894, X.

³⁾ Compagnies-Act 1862 съ измѣненіями и пополненіями по 1893 Blackstone—Kerr—Commentaries on the Law England, I, 475—sect. 8.

⁴⁾ Вл. Бѣлинскій—Англо-американское акціонерное законодательство, Юрид. Газ., 1899—№ 31.

⁵⁾ По ст. 1 проекта „объ учрежденіи предпріятія совершается у нотариуса учредительный актъ“, въ которомъ (ст. 3) „излагается договоръ учредителей съ учрежденіемъ ими предпріятія согласно предъявленному уставу, а равно ихъ заявленіе, что назначенный въ уставѣ основной капиталъ предпріятія они распредѣлили между собой безъ остатка и т. д.“; а по ст. 5 „по совершеніи учредительнаго акта управленіе учреждаемаго предпріятія представляетъ заявленіе въ акціонерный отдѣлъ о занесеніи предпріятія въ акціонерный реестръ“.

⁶⁾ Das Recht der Aktiengesell., стр. 422.

⁷⁾ Новый проектъ «A Bill, intituled An Act to amend the Compagnies Act» состоитъ изъ 49 статей (clauses) и содержитъ постановленія относительно учредительнаго договора, образованія правленія, распредѣленія (allotment) акцій, начатія предпринимательскихъ оборотовъ, учредительской отвѣтственности и проч.

Нынѣ дѣйствующее германское акціонерное законодательство (Новелла 1884 г., вошедшая въ торговое уложеніе), не содержитъ вовсе какихъ либо указаній насчетъ недѣйствительности компаніи (четвертый отдѣлъ его статьи 242—248 заключаютъ лишь постановленія о прекращеніи—*Aufloesung*—компаніи, т. е. ея ликвидаціи) и потому оно относится къ первой изъ вышеуказанныхъ законодательныхъ группъ. Новое же пересмотрѣнное германское торговое уложеніе, какъ мы видѣли, вводитъ неизвѣстныя старому закону общія постановленія, составленныя по примѣру французскаго закона 1867 года, которому оно въ этомъ отношеніи до извѣстной степени слѣдуетъ.

Какъ бы однако ни были разбросаны законодательныя нормы, старающіяся опредѣлить недѣйствительность акціонернаго предпріятія, ихъ можно раздѣлить на двѣ группы—именно, на *формальныя* и на *матеріальныя* условія недѣйствительности.

Къ первой группѣ нормъ относятся опредѣленія:

- 1) объ образованіи первыхъ органовъ управленія;
- 2) о составленіи (подпискѣ) основного капитала;
- 3) о провѣрочныхъ дѣйствіяхъ по учрежденію;
- 4) объ утвержденіи (инкорпораціи) учрежденія въ учредительномъ (общемъ) собраніи.

Вторую группу составляютъ правила:

- 1) о разрѣшеніи правительства (концессіи) тамъ, гдѣ оно необходимо (концессіонная система учрежденія предпріятій);
- 2) о составленіи устава;
- 3) о первомъ составѣ учредителей (акціонеровъ, подписчиковъ);
- 4) о порядкѣ образованія (регистраціи) компаніи.

Неправильное образованіе первыхъ органовъ управленія и надзора составляетъ упущеніе, касающееся внутренней организаціи предпріятія и его порядка, но не нарушающее самихъ условій существованія юридической личности, какъ таковой. *Подписка основного капитала*, имѣющая цѣлью собрать средства, необходимыя для начатія оборотовъ предпріятія въ предѣлахъ этой возможности, хотя и съ нарушеніемъ нѣкоторыми изъ подписчиковъ правилъ устава, не можетъ также повлечь недѣйствительность предпріятія. Иными словами, хотя еще не весь капиталъ собранъ, но если его уже достаточно для предполагаемыхъ оборотовъ, то нарушенія нѣкоторыми подписчиками своихъ обязанностей по предмету производства слѣдуемыхъ съ нихъ взносовъ, не могутъ считаться *существенными*

для объявленія недѣйствительности компаніи ¹⁾. *Прозвѣрочныя дѣйствія учрежденія* (порядокъ экспертизы, ревизіи) также не нарушаютъ главныхъ основъ существованія юридической личности ²⁾. Наконецъ, *инкорпорация* компаніи наравнѣ съ подпиской основного капитала въ состояніи повлечь недѣйствительность компаніи лишь въ случаѣ отсутствія послѣдующаго единогласнаго опредѣленія общаго собранія акціонеровъ, исправляющаго недостатки перваго (предыдущаго) заключенія его.

Такимъ образомъ, *формальныя* условія учрежденія акціонернаго предпріятія *не всегда*, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, *вовсе* не способны вліять (конечно, съ точки зрѣнія общей теоріи, изъ которой отдѣльныя законодательныя постановленія дѣлаютъ исключенія) на сказанную недѣйствительность.

Гораздо серьезнѣе *существенныя* условія, въ первомъ ряду которыхъ слѣдуетъ отмѣтить въ законодательствахъ, придерживающихся еще концессионной или разрѣшительной системы учрежденія акціонерныхъ компаній (какъ въ Россіи, Австріи, Нидерландахъ, Турціи, Сербіи, Японіи, Китаѣ и отчасти Швеціи) ³⁾ *разрѣшеніе правительства*, отсутствіе котораго составляетъ существенный и неисправимый недостатокъ образованія компаніи, влекущій безусловно ея недѣйствительность. Въ государствахъ, усвоившихъ другую—явочную или регистраціонную систему учрежденія компаніи (которую вводитъ у насъ новый проектъ положенія объ акціонерныхъ предпріятіяхъ), гдѣ принято перечислять, *какого рода предпріятія требуютъ правительственнаго разрѣшенія* ⁴⁾, закону предоставляется рѣшить этотъ вопросъ, связанный съ вопросомъ о недѣйствительности предпріятія.

¹⁾ K. Lehmann, стр. 426, 429.

²⁾ Revue des sociétés, 1893, стр. 125; Journal des Sociétés, 1894, стр. 235.

³⁾ Ср. Riesser—Grundgedanken in den Codificierten Handelsrechten aller Laender, Stuttgart, 1892.

⁴⁾ По ст. 6 проекта: «за исключеніемъ предпріятій учрежденіе коихъ разрѣшается съ Высочайшаго соизволенія, въ уставахъ прочихъ акціонерныхъ предпріятій не допускаются постановленія, заключающія въ себѣ отступленіе отъ правилъ настоящаго Положенія или другихъ общихъ законовъ»; а по ст. 2, ч. 2 «уставы предпріятій желѣзнодорожныхъ и страховыхъ, акціонерныхъ банковъ, а равно предпріятій, упомянутыхъ ниже въ ст. 21, именно—имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей общаго значенія (для которыхъ допускается отступленіе отъ общихъ нормъ относительно размѣра основного капитала и стоимости акцій)—предъявляются нотаріусу съ представленіемъ разрѣшенія правительства на учрежденіе предпріятія.

Какъ наиболѣе существенное съ юридической стороны требованіе законнаго образованія компаніи слѣдуетъ отмѣтить правильное и согласное съ юридическими условіями *составленіе устава* предпріятія, регулирующаго все основы существованія и организациі послѣдняго. Исключеніе составляетъ случай включенія въ уставъ *противозаконнаго* условія (недѣйствительнаго съ точки зрѣнія общихъ законовъ), включеннаго *сверхъ* обязательныхъ пунктовъ устава и не могущаго, даже въ случаѣ исключенія изъ него, вліять въ чемъ бы то ни было на ходъ предпріятія ¹⁾. Точно также едва ли будетъ возможно оспаривать законность существованія предпріятія въ случаѣ нарушенія какого либо формальнаго *обряда* при *составленіи устава* ²⁾.

Въ тѣхъ законодательствахъ, въ которыхъ *число учредителей* т. е. первыхъ акціонеровъ, разбирающихъ акціи сполна (какъ въ англійскомъ, бельгійскомъ, французскомъ, румынскомъ, венгерскомъ, бразильскомъ, японскомъ, германскомъ, шведскомъ, португальскомъ и нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ законодательствахъ) ³⁾, положительно оговорено и ограничено извѣстнымъ *минимумомъ*, несоблюденіе этого минимума влечетъ за собою недѣйствительность. Въ тѣхъ же законодательствахъ, гдѣ такое правило не установлено (какъ напр. въ итальянскомъ, испанскомъ, австрійскомъ, многихъ сѣверо-американскихъ законодательствахъ и нашемъ проектѣ положенія объ акціонерныхъ предпріятіяхъ 1898 г.), слѣдуетъ предполагать число 3 акціонеровъ для возможности установленія большинства голосовъ на основаніи принципа *tres faciunt collegium*. Число 2 акціонеровъ можетъ быть принято только при условіи *единогласія* по всемъ вопросамъ. Компанія съ *однимъ* акціонеромъ, какъ несогласная ни съ духомъ закона, ни съ существомъ акціонерной формы предпріятій, которое предполагаетъ *множественность* участниковъ, составляющихъ основной капиталъ, немыслима.

Наконецъ, основаніемъ недѣйствительности компаніи должно

¹⁾ Lehmann, стр. 424.

²⁾ Ibidem, стр. 425.

³⁾ Первые семь требуютъ minimum въ 7 акціонеровъ; германское и шведское—5 акц.; португальское 10; американскія—2, 3, 5, 6, а для желѣзнодорожныхъ отъ 7 до 25 акц. (Cook, A Treatise on Stock and Stockholders, 1894; Loenholt, Das Japanische Handelsrecht, Mittheilungen der deutschen Gesellschaft fuer Natur-und Voelkerkunde Ostasiens, H. 55, S. 223, 224). Lehmann, стр. 141.

во всякомъ случаѣ составлять *неправильное внесеніе предпріятія въ акціонерный реестръ*, при несоблюденіи предшествующихъ внесенію законныхъ формальностей инкорпораций. Нарушеніе при этомъ сопровождающихъ внесеніе *публикацій* не можетъ съ теоретической точки зрѣнія почитаться существеннымъ упущеніемъ ¹⁾.

III.

Изъ перечисленныхъ условій и причинъ недѣйствительности вытекаетъ, что она *зигдется на началахъ общественнаго порядка* (охрана котораго составляетъ предметъ заботы закона), тогда какъ *обыкновенная ликвидація компании касается частныхъ отношеній компании*. На этомъ основаніи компания при ликвидаціи сохраняетъ до самаго конца *юридическій* свой характеръ, чему не мѣшаетъ напр. даже объявленіе компании несостоятельною.

Такъ какъ, очевидно, компания должна раньше подвергнуться регистраціи (т. е. должна быть *образована*) для того, чтобы оказалось возможнымъ само требованіе недѣйствительности ея, то часто въ интересѣ акціонеровъ *лежитъ объявить эту недѣйствительность*, коль скоро они до этого момента связаны въ отношеніи компании отвѣтственностью въ размѣрѣ обѣщанныхъ взносовъ. Согласно § 311, п. 3 пересм. герм. улож. 1897 г. „акціонеры обязаны произвести обѣщанные платежи, насколько это необходимо для выполненія наступившихъ обязательствъ“.

Въ случаѣ недѣйствительности, таковая отмѣчается въ акціонерномъ реестрѣ (Срав. § 311 п. 1 пересм. герм. торг. улож.).

Вводя въ законъ понятіе о недѣйствительности и исходя изъ соображенія объ *охраненіи общественнаго порядка*, законодатель имѣлъ въ виду устранить изъ обращенія цѣнности, пріобрѣтеніе коихъ публикой могло бы нанести вредъ частнымъ капиталистамъ ²⁾. Въ виду этой *практической* цѣли невозможно къ недѣйствительности всегда примѣнять одни общіе принципы права; слѣдуетъ различать отъ: юридическаго положенія—положеніе *фактическое*. Можетъ произойти и происходить весьма часто, что данное предпріятіе, помимо происшедшихъ юридическихъ нарушеній и недостатковъ своего учрежденія, о которыхъ до поры, до времени

¹⁾ К. Lehmann, стр. 133, 134.

²⁾ Arthuys, n° 143, стр. 120.

ничего не было извѣстно, или о которыхъ заинтересованныя лица, по тѣмъ либо другимъ причинамъ, своевременно не заявили, *фактически дѣйствуетъ*, т. е. производить торговлю, эксплуатировать изобрѣтеніе, занимается постройками, транспортомъ, образуетъ резервный фондъ, распределяетъ дивиденды между участниками, и что лишь впоследствии возникаютъ обстоятельства, указывающія на предшествующія неправильности, влекущія недѣйствительность. (Германская акціонерная литература называетъ компанію въ такомъ правовомъ положеніи quasi-компаніей или кажущейся компаніей—Scheingesellschaft) ¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ въ описанномъ положеніи, такъ и въ случаѣ уже наступившаго занесенія въ реестръ опредѣленія о недѣйствительности, сказанное предпринимательское имущество, въ виду охраненія общественныхъ интересовъ, не можетъ быть вслѣдствіе одного теоретическаго принципа предоставлено произволу судьбы, и потому законъ обязанъ принять мѣры для возстановленія нарушенныхъ этимъ положеніемъ гражданскихъ правъ, стараясь, на сколько это въ данномъ положеніи возможно, привести дѣло къ первоначальному *statu quo ante*, либо при соблюденіи общихъ гражданскихъ правовыхъ нормъ—пытаться возможными и законными мѣрами *прекратить* невыгодное для народнаго хозяйства положеніе.

Законъ въ этомъ отношеніи имѣетъ въ своемъ распоряженіи три средства: во первыхъ—устраненіе *причинъ* недѣйствительности и прекращеніе этимъ путемъ права требовать ея объявленіе въ гражданскомъ порядкѣ; во вторыхъ—установленіе краткихъ (сокращенныхъ) *давностныхъ сроковъ*, какъ для права возбужденія требованій о недѣйствительности, такъ и для прекращенія послѣдней, и въ третьихъ—удержаніе на время, даже въ случаѣ объявленной недѣйствительности—*фактическаго положенія*, имѣющаго свои законныя послѣдствія, помимо самой недѣйствительности предпріятія.

Кромѣ того, все съ той же экономической и охранной цѣлью, французскій акціонерный законъ 1867 и 1893 гг. постановляетъ (срав. ст. 7, 41, 56 зак. 1867), что акціонеры не въ правѣ вызывать недѣйствительность въ отношеніи *третьихъ лицъ* ²⁾.

¹⁾ K. Lehmann, стр. 431.

²⁾ Arthuys, nn^o. 143, 154; Lyon-Caen et Renaud, Traité de droit commercial, II, 1892, n° 781; Houpin, Traité général théorique et pratique des sociétés civiles et commerciales, 1895, n° 899.

Главнымъ основаніемъ этого постановленія есть отвѣтственность предъ третьими лицами не компаніи, а отдѣльныхъ лицъ, являющаяся также послѣдствіемъ недѣйствительности: безъ нея дѣло ограничивалось бы ликвидацией предпріятія на тѣхъ или другихъ условіяхъ, что и установлено § 311, п. 1 пересм. герм. торг. улож., согласно которому, въ случаѣ регистраціи о недѣйствительности, для окончанія дѣлъ компаніи примѣнимы лишь *общія правила о ликвидациі предпріятій*.

Какъ было сказано, недѣйствительность компаніи составляетъ положеніе *анормальное* и нежелательное въ экономическомъ смыслѣ. Потерпѣвшими въ такомъ случаѣ могутъ оказаться акціонеры, участвующіе своими вкладами въ предпріятіи, или правопріобрѣтатели первыхъ подписчиковъ его въ доброй вѣрѣ, не подозрѣвающіе о скрытыхъ недостаткахъ предпріятія и внезапно лишашіеся вслѣдствіе этого прибыльнаго помѣщенія своихъ капиталовъ (*lucrum cessans*). Потерпѣвшими тѣ же акціонеры могутъ очутиться и тогда, когда вредъ нанесенъ компаніи въ случаѣ неполнаго производства неденежныхъ вкладовъ (аппортовъ). Въ виду сказаннаго положенія компаніи—ея участниковъ и третьихъ лицъ, не желающихъ вступать больше съ нею въ какія либо гражданскія отношенія (отсюда потери и для нихъ),—законъ, предпочитая прекратить его возможно скорѣе, *ограничиваетъ право иска о недѣйствительности краткимъ давностнымъ срокомъ*. Согласно ст. 3 и 5 французскаго закона 1 августа 1893 г., акціонеры вправе прекратить недѣйствительность, искъ о которой ограниченъ 10 ти лѣтней давностью (вмѣсто общей 30-лѣтней), считая со времени учрежденія (регистраціи) компаніи. Одновременно съ устраненіемъ предмета недѣйствительности—прекращается для учредителей возникшая изъ послѣдней отвѣтственность. По истеченіи этого срока, недѣйствительность прекращается, предпріятіе снова пріобрѣтаетъ всѣ свойства юридической личности (какъ при переучрежденіи), а самая отвѣтственность по недѣйствительности погашается. До изданія закона 1 августа 1893 года и при дѣйствіи прежняго закона 24 іюля 1867 года, давность эта была приравнена къ общей 30-ти лѣтней давности (*Code civil, art. 2262*) ¹⁾ При такомъ положеніи дѣлъ для прекращенія невыгодныхъ послѣдствій недѣйствительности оставалось лишь *переучредить* предпріятіе. Новое правило было отчасти вызвано этой невыгодой: достаточно было

¹⁾ Lehmann стр. 456; Arthuys—n° 184.

прежде заинтересованнымъ (напр. конкурирующимъ лицамъ) приобрести одну акцію, дабы получить затѣмъ возможность воспользоваться правомъ своимъ и вызвать недѣйствительность, если основанія ея имъ были извѣстны ¹⁾).

Какъ было сказано, съ объявленіемъ компаніи недѣйствительною, нельзя допустить нарушенія имущественныхъ правъ тѣхъ лицъ, которыя несутъ убытки, дѣйствуя *bona fide*. Французскій законъ, заключающій самыя подробныя правила относительно недѣйствительности и ея послѣдствій, исходитъ изъ того положенія, что отрицательные результаты недѣйствительности ни въ какомъ случаѣ *не должны служить въ рукахъ акціонеровъ орудіемъ противъ правъ третьихъ лицъ*, т. е. кредиторовъ и контрагентовъ компаніи, независимо даже отъ того обстоятельства, были ли означеннымъ третьимъ лицамъ извѣстны основанія, изъ коихъ недѣйствительность воспослѣдовала или нѣтъ ²⁾. Однимъ словомъ, какъ правопреемники первыхъ акціонеровъ, такъ и послѣдующіе члены правленія и контрагенты (третьи лица), не могутъ пасть невинными жертвами ошибокъ и недосмотровъ учредителей и первыхъ подписчиковъ, и потому, даже въ случаѣ объявленія недѣйствительности, предпріятіе всетаки должно просуществовать *фактически*. Это существованіе устанавливается самимъ закономъ для того, чтобы дать возможность удовлетворить претензіи потерпѣвшихъ отъ объявленія недѣйствительности третьихъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ своихъ отношеніяхъ съ компаніей въ доброй вѣрѣ и непричастныхъ къ вопросу объ ея учрежденіи, какъ лица постороннія. Въ этомъ сказывается публичная цѣль: оградить интересы публики. Но не только права этихъ лицъ могутъ подлежать удовлетворенію. Приобрѣтая съ теченіемъ времени новое имущество (т. е. увеличивая прежнее при извѣстной доходности предпріятія), и достигая этихъ положительныхъ результатовъ помощью благотворной и умѣлой дѣятельности лицъ управляющихъ, акціонеры и администрація (директора, члены правленія и совѣта) имѣютъ право, въ случаѣ недѣйствительности предпріятія, на соотвѣтственное своимъ долямъ участія въ предпріятіи *распределение чистой прибыли*, если основной капиталъ и имущество компаніи гарантируютъ удовлетвореніе претензій третьихъ лицъ. Такимъ образомъ, не переставая существовать *de facto*, недѣйстви-

¹⁾ Arthuys—n° 145.

²⁾ Lyon-Caen et Renault—Traité de droit commercial, II, 1892, n° 781.

тельное предпріятіе отвѣчаетъ за долги и обязательства передъ третьими лицами *по правиламъ ликвидаціи*. Его договоры, заключенные съ третьими лицами, или акціонерами (напр. въ случаѣ переуступки правъ или предметовъ послѣдними предпріятію), сохраняютъ на этомъ основаніи *законную и обязательную для сторонъ силу*. По новому французскому праву акціонеры, на подобіе командитистовъ, отвѣтственны предъ кредиторами: они ограничены въ томъ отношеніи, что недѣйствительность компаніи можетъ служить исключительно только *противъ нихъ*; но не въ пользу акціонеровъ и во вредъ третьихъ лицъ. Кредиторамъ же предоставляется, по ихъ личному усмотрѣнію, воспользоваться правомъ объявленія компаніи недѣйствительной, или же отказаться отъ этого права, служащаго интересамъ третьихъ лицъ, которыя могутъ даже при его воспослѣдованіи потребовать отъ подписчиковъ исполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ по предмету производства недостающихъ до полного составленія капитала предпріятія взносовъ (срав. вышеприведенный германскій законъ).

Согласно французскому праву, въ случаѣ несоблюденія формальныхъ условій учрежденія, т. е. такихъ, которыя могутъ повлечь объявленіе недѣйствительности компаніи на будущее время ея существованія, оставляя въ цѣлости все совершенное въ прошломъ,—недѣйствительность можетъ быть требуема *каждымъ заинтересованнымъ* лицомъ, за исключеніемъ указаннаго случая, когда акціонеры пожелали бы ею воспользоваться противъ третьихъ лицъ: они могутъ воспользоваться этимъ правомъ въ отношеніи компаніи и въ отношеніи другъ друга ¹⁾). Положеніе *quasi*-компаніи, т. е. такое, когда правильность образованія *оспорена* въ своей дѣйствительности по тѣмъ либо другимъ основаніямъ,—обнаруживается *de facto*, внѣ указанной выше ея отвѣтственности, *только въ случаѣ фактическаго произвоства дѣловыхъ оборотовъ*, внезапное (юридическое) пріостановленіе которыхъ столь же немислимо на практикѣ, какъ и пріостановленіе всего существованія предпріятія. Въ противномъ случаѣ, т. е. въ случаѣ недѣйствительности, объявленной до фактической дѣятельности предпріятія, оно, какъ таковое, въ отношеніи участниковъ (акціонеровъ) перестаетъ существовать съ самаго момента объявленія: подписчики имѣютъ право требовать распределенія чистаго

¹⁾ Arthuys, n° 154.

барыша, но *обязаны* взаимнѣ этого *исполнить* *принятія* на себя *обязанности по подпискѣ*.

Признавая, что каждое заинтересованное лицо можетъ требовать объявленія недействительности, законъ охраняетъ интересъ не случайный, напр. экономической интересъ конкурента, желающаго воспользоваться недействительностью для торговыхъ, промышленныхъ или иныхъ своихъ цѣлей, а интересъ *юридическій*, истекающій изъ правового т. е. *договорнаго* отношенія лицъ къ компаніи, связаннаго съ вопросомъ объ ея недействительности. Такими юридически заинтересованными третьими лицами являются *кредиторы компаніи* въ отдѣльности, или въ лицѣ *синдика*, въ случаѣ объявленія несостоятельности компаніи, должники послѣдней, имѣющіе интересъ въ томъ, чтобы скорѣе закончить счеты свои съ предпріятіемъ. *Акціонеры* могутъ также явиться въ качествѣ юридически лицъ, заинтересованныхъ въ объявленіи недействительности если интересъ ихъ состоитъ въ томъ, чтобы скорѣе выйти изъ неопредѣленнаго положенія ¹⁾. Затѣмъ французское право къ тѣмъ же лицамъ причисляетъ еще *личныхъ кредиторовъ* и *должниковъ-акціонеровъ* ²⁾.

Лицами, отвѣтственными въ случаѣ недействительности, являются по французскому праву всѣ тѣ, кто непосредственно или посредствомъ принималъ какое либо участіе въ учрежденіи компаніи (составленіи устава), и потому отвѣтственность ложится, главнымъ образомъ, на *учредителей*, а затѣмъ на *членовъ правленія и совѣта* (администрацію) и *неденежныхъ вкладчиковъ*, выговорившихъ себѣ при учрежденіи извѣстныя преимущества, и аппорты которыхъ не были утверждены общимъ собраніемъ въ порядкѣ ст. 4 и 24. Утвержденіе учрежденія и аппортовъ производится въ первыхъ *двухъ* учредительныхъ общихъ собраніяхъ (*assemblée constitutive*). Въ первомъ изъ этихъ собраній, созываемомъ съ цѣлью провѣрки учрежденія, назначается провѣрочная *коммисія*, отчетъ которой разсматривается во *второмъ* собраніи. Въ послѣднемъ утверждаются также договоры по предмету аппортовъ (взаимнѣ выдачи извѣстнаго числа акцій) и, если утвержденіе это по тѣмъ, либо другимъ причинамъ не можетъ состояться, то и учрежденіе компаніи не можетъ имѣть мѣста. Вкладчики вправѣ тогда получить свои вклады

¹⁾ Ibidem, n° 157.

²⁾ Ibidem, n° 158, 159.

обратно, такъ какъ компания становится *недѣйствительною*. Въ такомъ случаѣ отвѣтственность этихъ вкладчиковъ исключительно вытекаетъ изъ *неутвержденія аппортовъ*. Всякая другая причина недѣйствительности не влечетъ за собою для нихъ какой либо отвѣтственности и для нихъ совершенно безразлична.

Въ случаѣ недѣйствительности компании возникаетъ отвѣтственность учредителей въ отношеніи третьихъ лицъ и акціонеровъ: отвѣтственности въ отношеніи компании (какъ по германскому праву) быть не можетъ, разъ юридическое лицо не существуетъ. Но, отвѣчая по причинѣ недѣйствительности, происшедшей по ихъ винѣ, учредители *другой* отвѣтственности уже не несутъ ¹⁾. Вина эта, *должна быть доказана* (ст. 42 зак. 1867 г., *dolus*) акціонерами и кредиторами ²⁾. Управляющіе предпріятіемъ отвѣтственны въ томъ случаѣ, когда недѣйствительность произошла *во время исполненія ими своихъ обязанностей*. Отвѣтственность учредителей и правленія безусловно обязательна; отвѣтственность же другихъ лицъ *факультативная* (ст. 8 и 42 зак. 24 іюля 1867 г.). Согласно ст. 5 французскаго закона 1 августа 1893 года, она опредѣляется для первыхъ, какъ *солидарная* въ отношеніи третьихъ лицъ и акціонеровъ по причинѣ вреда, истекающаго изъ недѣйствительности и ограничивается *возмъщеніемъ сказаннаго вреда*. При этомъ находитъ себѣ примѣненіе общее правило гражданскаго кодекса (Code civil, art. 1213, 1214) о правѣ регресса преслѣдуемаго отвѣтчика ко всѣмъ остальнымъ учредителямъ. Отвѣтственность учредителей, какъ мы видѣли, оканчивается въ случаѣ погашенія исда о недѣйствительности давностью или прекращенія самой недѣйствительности вообще: она же не имѣетъ мѣста, если доказано, что акціонеры *знали* о причинахъ недѣйствительности. Вредъ, проистекающій для акціонеровъ изъ какихъ либо другихъ источниковъ, т. е., не являющійся результатомъ *неправильныхъ* ихъ дѣйствій, не обязываетъ учредителей какой либо отвѣтственностью. Въ случаѣ, если постороннія лица были причиною недѣйствительности, они отвѣчаютъ по общимъ правиламъ гражданскаго кодекса, получающимъ примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не предусмотрена отвѣтственность специальная (Code civil, art. 1382—1386).

¹⁾ Lyon-Caen et Renault, Appendice au traité de droit commercial, 1894, n° 34.

²⁾ Въ случаѣ требованія возмъщенія вреда и убытковъ, Arthuys, n° 177, примѣч. 3.

Но и въ томъ случаѣ, если недѣйствительность по всѣмъ правиламъ (нотаріальнымъ порядкомъ) хотя не заявлена, но организація, т. е. учрежденіе и образованіе компаніи, заключаютъ въ себѣ какіе либо недостатки, напр. если аппорты не внесены въ цѣлости, или въ обязательной четвертой части и компанія терпитъ отъ этого убытокъ, то и такое положеніе, согласно французскому праву, способно повлечь за собою отвѣтственность лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ блюсти, дабы образованіе компаніи состоялось правильно и доведено было до конца. По закону 1867 г. (art. 8, 42) лица эти, т. е. учредители и администраторы, отвѣтственны за вредъ и убытки, проистекающіе изъ недѣйствительности.

Вл. БѢлинскій.

VI.

НОВЫЙ ГЕРМАНСКИЙ ПРОЕКТЪ ЗАКОНА ОБЪ АВТОРСКОМЪ ПРАВЪ.

Весною текущаго года опубликованъ былъ выработанный Комиссіею по составленію гражданскаго уложенія проектъ статей объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія (ср. Вѣстникъ Права, май, стр. 189). Какъ самый текстъ проектированныхъ законоположеній, такъ и соображенія, на коихъ они основаны представляютъ высокій практической и научный интересъ. Справедливо было ожидать, что проектъ вызоветъ подробное и серьезное обсужденіе во всѣхъ кругахъ, которые заинтересованы въ созданіи справедливаго и точнаго, соответствующаго новымъ требованіямъ жизни, закона о столь существенномъ вопросѣ, какъ вопросъ объ авторскомъ правѣ. Справедливо было ожидать, что проектомъ заинтересуется, не только специальная, юридическая печать, но и общая пресса,—касается же выработанный проектъ самыхъ существенныхъ сторонъ писательской, литературной работы. На дѣлѣ же оказалось, что съ опубликованіемъ проекта однимъ трудомъ стало больше, онъ прошелъ почти незамѣченнымъ. Гораздо больше говорили въ свое время о проектѣ, составленномъ частною комиссіею, избранною частнымъ обществомъ. Къ сожалѣнію, и наше юридическое общество, всегда отзывчиво относившееся къ случаямъ публикованія законопроектовъ, до сихъ поръ еще не приступило къ обсужденію опубликованнаго проекта объ авторскомъ правѣ, а между тѣмъ какой случай немного встрепенуться, ожить, проявить дѣятельность. Правда, событія мину-

шей весны отодвинули на задній планъ текущіе интересы, да и празднованіе пушкинскаго юбилея отвлекло также вниманіе печати отъ этихъ интересовъ.

Несомнѣнно однако, что опубликованный проектъ имѣетъ большую важность и мы бы не исполнили нашего долга, если бы настоящими строками не напомнили о проектѣ и о необходимости его обсуждения.

Обсужденіе его встрѣтило по счастливой случайности весьма существенное вспомогательное средство. Въ минувшемъ іюлѣ Германское Имперское Правительство опубликовало выработанный проектъ закона объ авторскомъ правѣ на произведенія литературныя и музыкальныя; къ проекту приобщены краткія замѣчанія, заключающія въ себѣ соображенія къ началамъ, положеннымъ въ основѣ проекта (*Entwurf eines Gesetzes betreffend das Urheberrecht an Werken der Literatur und der Tonkunst, Amtliche Ausgabe, Berlin, 1899*). Коммисія по составленію гражданскаго уложенія, конечно, не могла имѣть въ виду этотъ проектъ, и между прочими матеріалами, при составленіи своего проекта, пользовалась, постановленіями нынѣ дѣйствующаго Германскаго закона отъ 11 іюня 1870 г., относительно коего составители, между прочимъ, выразились, что въ немъ „авторское право ... получило вполне надлежащее разрѣшеніе, соответствующее потребностямъ времени“, (стр. 6 Проекта съ объясненіями, прил. къ № 4 журн. М.—ва Юст., 1899 г.). Новый германскій проектъ, который въ текущую осень подвергнется обсужденію въ средѣ Союзнаго Собранія для того, чтобы затѣмъ быть внесеннымъ въ рейхстагъ, представляется результатомъ тщательнаго пересмотра закона 1870 г., при участіи представителей не только юридической науки, какъ проф. Бруннеръ, Биркемейеръ, Дауде, но и всѣхъ отраслей литературнаго и музыкальнаго творчества и книжнаго дѣла вообще. Опубликованный проектъ представляетъ собою, такимъ образомъ, результатъ практическаго обсуждения вопроса. Надобность въ пересмотрѣ закона 1870 г. касающагося литературной и музыкальной собственности (право на произведенія художественныя и фотографическія нормировано закономъ 9 и 10 января 1876 г. и теперь пересмотру еще не подвергается), объясняется тѣмъ, что, не смотря на оправдавшуюся въ теченіе почти 3 десятковъ лѣтъ цѣлесообразность закона, пересмотръ его является необходимымъ такъ какъ постановленія его въ нѣкоторыхъ частяхъ не соответствуютъ нынѣшнему состоянію имперскаго законодательства, и при этомъ „необходимо приспособить содержаніе закона къ развитію,

которое въ послѣднее время получило международное авторское право“, а именно по Бернской конвенци 9 сентября 1886 г. и дополнительному паришскому акту 4 мая 1896 г. „Кромѣ того, говорить составители проекта, замѣчается въ области авторскаго права, происшедшая переменѣна возрѣній на важнѣйшіе пункты, отчасти обязанная вліянію новѣйшаго иностраннаго законодательства; вызванныя ею стремленія къ усиленію охраны авторскаго права, насколько они справедливы, должны быть приняты во вниманіе“. Проектъ не касается вовсе нормъ объ издательскомъ договорѣ (Verlagsvertrag), который не затронуть и въ новомъ гражданскомъ уложеніи, а имѣеть быть нормированъ особымъ имперскимъ закономъ; предварительно изданія этого закона естественно подвергнуть пересмотру законы о существѣ, предѣлахъ авторскаго права и охраны его.

Сравненіе германскаго проекта съ нашимъ не можетъ не быть крайне поучительнымъ. Оно имѣеть не только теоретическій интересъ. Теоретическія начала меньше всего могутъ найти свое выраженіе въ законѣ объ авторскомъ правѣ. Вся исторія развитія авторскаго права показываетъ, что оно созидалось и создается на почвѣ практическихъ интересовъ и является какъ бы компромисомъ между двумя противоположными принципами—свободы въ интересахъ публичнаго блага и привилегіи въ пользу автора, въ интересѣ его личности и матеріальнаго благосостоянія; связующимъ звеномъ служитъ несомнѣнное практическое положеніе, что отсутствіе охраны авторскаго права неблагопріятно отражается и на развитіи просвѣщенія, хотя съ другой стороны, вредно въ томъ же отношеніи слишкомъ широкое охраненіе интересовъ авторовъ.

Теоретическія контраверзы о существѣ и характерѣ авторскаго права потому и безконечны, что самый предметъ обсужденія не есть теоретическое начало, а практическая потребность, оцѣненная законодательствомъ. Съ другой стороны, нормы авторскаго права только тогда достигаютъ своей цѣли, если онѣ дѣйствуютъ и за предѣлами даннаго государства; эти нормы, вызванныя одинаковыми культурными потребностями, не имѣють подъ собою корней въ обычномъ правѣ, въ особенностяхъ данной націи; онѣ поэтому весьма пригодны къ интернационализациі, т. е. къ распространенію въ своемъ дѣйствиі за предѣлы данныхъ государствъ. Само собою понятно отсюда, что при изданія новаго закона объ авторскомъ правѣ приходится считаться съ иностранными законодатель-

ствами; въ Германіи, какъ мы видѣли, движеніе впередъ иноземнаго авторскаго права вызвало необходимость пересмотра вполнѣ цѣлесообразнаго закона 1870 г. Тѣмъ справедливѣе и основательнѣе будетъ при обсужденіи проекта Коммисіи по составленію уложенія имѣть въ виду новый германскій проектъ. Для этой цѣли мы и предлагаемъ читателямъ точный буквальный переводъ этого проекта, состоящаго изъ 70 §§.

„Проектъ закона объ авторскомъ правѣ на произведенія литературы и музыки“.

ГЛАВА I.

Условія охраны.

§ 1. По правиламъ настоящаго закона подлежатъ охранѣ:

- 1) авторы литературныхъ произведеній и рѣчей, имѣющихъ цѣлью назиданіе, обученіе или развлеченіе;
- 2) авторы музыкальныхъ произведеній;
- 3) авторы такихъ изображеній научнаго или техническаго свойства, которыя по своей цѣли не могутъ быть почитаемы произведеніями искусства. Къ изображеніямъ относятся также и воспроизведеніе пластическое.

§ 2. Авторомъ какаго либо произведенія признается его сочинитель. Въ отношеніи переводовъ авторомъ признается переводчикъ; при всякой иной переработкѣ какаго либо сочиненія—тотъ, который его переработалъ.

§ 3. Юридическія лица, которыя публикуютъ какаое либо произведеніе въ качествѣ издателей, почитаются авторами произведенія, если на заглавномъ листѣ, посвященіи или предисловіи сочинитель не названъ, и если договоромъ съ сочинителемъ не постановлено иного.

§ 4. Если произведеніе состоитъ изъ отдѣльныхъ статей многихъ сочинителей (сборникъ), то авторомъ въ отношеніи этого произведенія, какъ цѣлаго, почитается его издатель. Если издатель не названъ, то издателемъ почитается пріобрѣтатель изданія (Verleger) ¹⁾.

¹⁾ Въ нашей юридической терминологіи нѣтъ термина, соответствующаго

§ 5. Право распоряженія статью, помѣщенною въ газетѣ, журналѣ или иномъ сборникѣ, сохраняется, поскольку изъ обстоятельствъ не вытекаетъ противное, за сочинителемъ.

§ 6. Если литературное произведеніе соединено съ произведеніемъ музыкальнымъ или изображеніями, то авторомъ признается сочинитель каждой изъ частей въ отдѣльности, хотя бы всѣ онѣ были соединены въ одно цѣлое.

§ 7. Если произведеніе сочинено сообща нѣсколькими лицами, такъ что сочинительство каждаго изъ нихъ не можетъ быть выдѣлено, то въ отношеніи авторскаго права между ними признается общность права по долямъ въ смыслѣ гражданского уложенія.

§ 8. Если появившееся въ свѣтъ произведеніе содержитъ на заглавномъ листѣ, въ посвященіи или предисловіи имя сочинителя, то предполагается, что поименованное лицо,—авторъ его. Если оно состоитъ изъ статей разныхъ лицъ, то достаточно, если имя автора статьи обозначено въ началѣ или концѣ ея.

Въ отношеніи произведеній, появившихся подъ вымышленнымъ именемъ сочинителя, или совсѣмъ безъ имени его, авторское право осуществлять предоставляется издателю, а если и этотъ не обозначенъ, то приобрѣтателю изданія; при этомъ предполагается, что приобрѣтатель изданія является правопреемникомъ автора.

Въ отношеніи произведеній, которыя не появились въ свѣтъ, а публично представлены или произнесены, предполагается, что авторъ ихъ то лицо, которое обозначено таковымъ при объявленіи о представленіи или произнесеніи.

§ 9. Право автора переходить къ его наслѣдникамъ.

Это право можетъ быть передаваемо другимъ лицамъ въ полномъ или ограниченномъ объемѣ. Ограниченіе можетъ, въ особенности, относиться къ праву распространять (продавать) данное сочиненіе только въ извѣстной мѣстности.

§ 10. Въ случаѣ перехода права автора къ другому лицу— съ ограниченіемъ или безъ ограниченія,—приобрѣтатель не имѣетъ

термину „Verleger“. Этимъ послѣднимъ въ Германіи обозначаютъ лицъ, взявшихъ изданіе на складъ, т. е. приобрѣвшихъ заравъ все изданіе отъ издателя или автора. Издатель (Verleger) не вѣдаетъ коммерческой части изданія, предоставленной Verleger'у.

права дѣлать какія либо добавленія, пропуски и вообще измѣненія безъ согласія автора ни въ самомъ произведеніи, ни въ его заглавіи, ни въ обозначеніи автора.

§ 11. Право автора не можетъ служить предметомъ взысканія при исполненіи судебного рѣшенія, въ отношеніи самого автора; въ отношеніи наслѣдниковъ такое обращеніе взысканія допустимо, если данное произведеніе уже появилось въ свѣтъ.

ГЛАВА II.

Правомочія автора.

§ 12. Авторъ имѣетъ исключительное право размножать (печатать) свое произведеніе и распространять его съ цѣлью извлеченія выгоды (*geverbsmässig*).

Авторское право въ отношеніи сценическаго или музыкальнаго произведенія заключаетъ въ себѣ также исключительное право публичнаго исполненія его.

Авторъ литературнаго, рукописнаго или изустно произнесеннаго, произведенія, если оно еще не появилось въ свѣтъ, имѣетъ исключительное право публично оглашать его.

§ 13. Исключительно автору принадлежація, указанная въ предыдущемъ §, права въ отношеніи самого произведенія, распространяются также и на обработку его.

Въ особенности они распространяются на:

- 1) переводъ на чужой языкъ или другой діалектъ того же языка, даже въ томъ случаѣ, если переводъ не свободный (*in gebundener Form*);
- 2) обратный переводъ на языкъ оригинала;
- 3) переложеніе разсказа въ драматическую форму или сценическаго произведенія—въ форму разсказа;
- 4) составленіе извлеченій изъ музыкальныхъ произведеній, равно какъ переложеніе такихъ произведеній на отдѣльные или многіе инструменты или голоса.

§ 14. Свободное пользованіе произведеніемъ, поскольку такимъ пользованіемъ не нарушаются исключительныя права автора, указанная во второй части § 13, допускается, если при этомъ получается своеобразное сочиненіе.

Въ отношеніи музыкальнаго произведенія не допускается такое

пользованіе, при которомъ изъ произведенія взяты явственныя мелодіи и положены въ основаніе новой работы.

§ 15. Противуправное размноженіе сочиненія—признается контрафакціею (Nachdruck). Не составляетъ никакого различія — все ли произведеніе или частями, въ одномъ или многихъ экземплярахъ и какимъ способомъ оно механически воспроизводится.

Воспроизведеніе для личнаго пользованія допускается, если оно не имѣетъ цѣлью получить отъ сочиненія доходъ.

§ 16. Не почитается контрафакціею:

1) перепечатка кодексовъ, законовъ, правительственныхъ распоряженій и рѣшеній;

2) перепечатка другихъ правительственныхъ трудовъ, которые не снабжены запретомъ перепечатки, или общеою оговоркою о сохраненіи правъ (Vorbehalt der Rechte).

3) воспроизведеніе публичныхъ дебатовъ всякаго рода въ газетахъ и журналахъ;

4) воспроизведеніе рѣчей, произнесенныхъ при разбирательствѣ дѣлъ въ судахъ, политическихъ, коммунальныхъ и церковныхъ представительныхъ собраніяхъ. Не допускается однако воспроизведеніе ихъ въ сборникѣ, который содержитъ преимущественно рѣчи одного и того же автора.

§ 17. Не почитается также контрафакціею, если безъ существенной перемѣны содержанія:

1) изъ газетъ и журналовъ перепечатываются сообщенія о фактахъ, которые принадлежатъ къ новостямъ дня или смѣшаннымъ извѣстіямъ;

2) изъ газетъ перепечатываются отдѣльныя статьи, которыя не снабжены надписью о запрещеніи перепечатки или сохраненіи всѣхъ правъ.

При этихъ перепечаткахъ долженъ быть ясно указанъ источникъ.

Перепечатка статей научнаго, техническаго или литературнаго содержанія во всякомъ случаѣ недопустима.

§ 18. Не почитается контрафакціею:

1) если въ самостоятельномъ сочиненіи приводятся отдѣльныя мѣста или отдѣльныя части уже появившагося произведенія;

2) если отдѣльныя стихотворенія, статьи незначительнаго объема или небольшія части сочиненія, послѣ появленія его въ свѣтъ, включены въ самостоятельную научную работу.

3) если отдѣльныя стихотворенія, статьи незначительнаго объема или небольшія части сочиненія послѣ опубликованія ихъ включены въ сборники, въ коихъ содержатся произведенія многихъ авторовъ и кои служатъ для церковнаго, школьнаго или учебнаго пользованія.

§ 19. Не почитается контрафакціею, если опубликованное сочиненіе перепечатывается какъ текстъ для музыкальнаго произведенія совмѣстно съ послѣднимъ.

Не допускается перепечатка сочиненія, которое по существу предназначено для композиціи, или которое при первоначальномъ его публикованіи было соединено съ музыкальнымъ произведеніемъ.

§ 20. Не почитается контрафакціею музыкальнаго произведенія:

1) если отдѣльныя мѣста появившагося сочиненія приводятся въ самостоятельномъ литературномъ произведеніи;

2) если небольшія композиціи, послѣ появленія ихъ въ свѣтъ, включаются въ самостоятельную научную работу;

3) если небольшія композиціи помѣщаются въ сборникѣ, въ коемъ соединены произведенія многихъ композиторовъ, и каковой по своему свойству предназначенъ для школъ, за исключеніемъ, однако, музыкальныхъ.

§ 21. Не признается контрафакціею музыкальнаго произведенія, если оно послѣ его опубликованія воспроизводится въ видѣ аппаратовъ для инструментовъ, которые предназначены для механической передачи музыкальныхъ пьесъ. Такими аппаратами считаются пластинки, валики, ленты и т. п.

§ 22. Не почитается контрафакціею изображеній, если въ сочиненіи воспроизводятся рисунки изъ появившагося произведенія съ единственною цѣлью поясненія текста.

§ 23. Пользованіе чужимъ сочиненіемъ согласно § 18—22 допускается лишь при условіи, чтобы въ заимствуемыхъ частяхъ не сдѣланы были никакія измѣненія. Поскольку оно требуется цѣлью заимствованія, обработка перепечатываемыхъ частей допускается только въ предѣлахъ, указанныхъ второю частью § 13, № 1—4.

§ 24. Тотъ, кто пользуется чужимъ произведеніемъ, согласно § 18 до 22, обязанъ точно указать источникъ заимствованія.

§ 25. Въ тѣхъ случаяхъ, когда согласно §§ 16 до 23 допускается печатаніе безъ согласія имѣющаго авторское право сочиненія, допускается также и его распространеніе, публичное исполненіе, равно какъ публичное чтеніе.

§ 26. Публичное исполненіе музыкальнаго произведенія, появившагося въ свѣтъ, не нуждается въ разрѣшеніи имѣющаго авторское право, если исполненіе не имѣетъ цѣли извлеченія выгоды и слушатели допускаются безъ платы. Сверхъ сего публичное исполненіе безъ разрѣшенія обладателя авторскаго права допускается:

1) если оно совершается при народныхъ празднествахъ, за исключеніемъ музыкальныхъ или танцевальныхъ увеселеній;

2) если оно имѣетъ благотворительную цѣль, и исполнители не получаютъ вознагражденія;

3) если оно устраивается обществами, при чемъ въ качествѣ слушателей допускаются лишь ихъ члены и семьи послѣднихъ;

4) если оно заключается въ исполненіи странствующихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, дѣйствующихъ не въ высшихъ интересахъ искусства.

Постановленіе настоящей статьи не примѣняется къ исполненію на сценѣ оперы или иного музыкальнаго произведенія, къ которому относится текстъ.

§ 27. Для устройства публичнаго исполненія произведенія, на которое авторское право принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ, требуется согласіе каждаго изъ нихъ.

Въ отношеніи публичнаго исполненія оперы или иного музыкальнаго произведенія съ текстомъ, достаточно согласіе того, кому принадлежитъ авторское право на музыкальную часть.

Глава III.

Продолжительность охраны.

§ 28. Охрана авторскаго права прекращается для литературныхъ произведеній, чтеній, изображеній, съ истеченіемъ 30 лѣтъ послѣ смерти автора и если при этомъ прошло 10 лѣтъ со времени перваго появленія въ свѣтъ сочиненія. Если въ те-

ни 30 лѣтъ со дня смерти автора публикованія не послѣдовало, то авторское право переходитъ къ собственнику манускрипта.

§ 29. Если авторское право принадлежитъ одновременно нѣсколькимъ лицамъ, то срокъ окончанія охраны исчисляется со дня смерти послѣдняго пережившаго участника въ правѣ.

§ 30. Если дѣйствительное имя автора не обозначено было согласно 1 части § 8 при первомъ опубликованіи произведенія, то охрана продолжается въ теченіи 30 лѣтъ со дня опубликованія.

Если въ теченіи этого 30 лѣтняго срока дѣйствительное имя автора имъ самимъ или его правопреемниками будетъ сообщено для внесенія въ списки (§ 58), то примѣняется правило, изложенное въ § 28.

§ 31. Если авторское право принадлежитъ юридическому лицу, согласно § 3, то охрана его прекращается съ истеченіемъ 30 лѣтъ со времени опубликованія сочиненія.

§ 32. На музыкальныя произведенія распространяются правила относительно продолжительности охраны съ тѣмъ, однако, что вмѣсто 30 лѣтъ, срокъ охраны опредѣляется въ 50 лѣтъ.

§ 33. Если въ случаяхъ, указанныхъ въ § 30 ч. 1 и § 31, сочиненіе опубликовано послѣ смерти автора, то охрана кончается, въ срокъ опредѣленный §§ 28, 29, 32.

§ 34. Для произведеній, состоящихъ изъ многихъ появляющихся отъ времени до времени томовъ, а равно для періодическихъ отчетовъ или тетрадей, срокъ охраны исчисляется со времени появленія каждаго тома, отчета, тетради.

Срокъ охраны исчисляется со времени выхода послѣдняго выпуска, если сочиненіе появляется отдѣльными выпусками.

§ 35. Сроки охраны начинаются началомъ календарнаго года, слѣдующаго за смертью автора или за публикованіемъ произведенія.

§ 36. Публикованіе сочиненія имѣетъ только въ томъ случаѣ значеніе, по скольку охрана по сему закону зависитъ отъ появленія или опубликованія, когда оно послѣдовало въ законномъ дозволенной формѣ.

Глава IV.

Правонарушенія.

§ 37. Совершившій умышленно или по неосторожности контрафакцію, отвѣчаетъ предъ имѣющимъ авторское право происшедшими отъ нея убытками.

§ 38. Тотъ, кто умышленно, въ нарушение исключительнаго права автора, распространяетъ его произведение съ цѣлю извлеченія выгоды (*gewerbsmässig*), отвѣчаетъ предъ потерпѣвшимъ происшедшими отъ сего убытками.

§ 39. Тотъ, кто, въ нарушение исключительнаго права автора, умышленно или по неосторожности публично произноситъ или исполняетъ чужое сочиненіе, отвѣчаетъ предъ потерпѣвшимъ за убытки. Отвѣтствуетъ за убытки и тотъ, кто умышленно или неосторожно публично исполняетъ драматическую переработку, недозволенную § 13.

§ 40. Подвергается взысканію штрафа до 3000 марокъ тотъ:

- 1) кто умышленно совершитъ контрафакцію;
- 2) кто умышленно, въ нарушение исключительнаго права автора, распространяетъ сочиненіе съ цѣлю извлеченія выгоды;
- 3) кто умышленно, въ нарушение исключительнаго права автора, публично исполняетъ или произноситъ сочиненіе или драматическую переработку, воспрещенную § 13.

Если, въ случаѣ несостоятельности къ уплатѣ штрафа, послѣдній замѣняется тюремнымъ заключеніемъ, то оно не должно превышать 6 мѣсяцевъ.

§ 41. По желанію потерпѣвшаго, виновный можетъ быть присужденъ къ платежу въ пользу его вознагражденія (*Busse*) до 6000 марокъ. Въ отношеніи уплаты этого вознагражденія осужденные отвѣчаютъ солидарно.

Присужденіе этого вознагражденія исключаетъ отвѣтственность за убытки.

§ 42. Противузаконно изготовленные или распространенные экземпляры, а равно служившія для незаконнаго размноженія орудія, какъ формы, доски, камни, стереотипы,—подлежатъ уничтоженію. Если контрафакцію образуетъ только часть произведенія, то

уничтоженію подлежитъ только соответствующая часть произведенія и орудій.

Подлежатъ уничтоженію всѣ экземпляры и орудія, которые окажутся въ собственности участвующихъ въ контрафакціи или незаконномъ распространеніи съ цѣлью извлеченія выгоды, равно какъ у ихъ наслѣдниковъ.

Уничтоженіе и тогда имѣетъ мѣсто, когда контрафакція и незаконное распространеніе совершены безъ умысла и даже не по неосторожности. То же имѣетъ мѣсто и когда контрафакція еще не окончена.

Уничтоженіе совершается послѣ того, какъ соответствующій приговоръ вошелъ въ законную силу относительно собственника подлежащихъ уничтоженію предметовъ. Если возможно эти предметы сдѣлать безвредными безъ уничтоженія, то это должно быть допускаемо при условіи, если необходимы для сего издержки собственникъ беретъ на свой счетъ.

43. Обладатель авторскаго права можетъ вмѣсто уничтоженія требовать, чтобы за нимъ признано было право получить экземпляры и орудія печатанія за умѣренную плату, не свыше стоимости изготовленія ихъ.

§ 44. Кто умышленно, кромѣ случаевъ указанныхъ въ §§ 38-39, предастъ гласности какое-либо сочиненіе, въ отношеніи коего существуетъ закономъ охраняемое авторское право, и которое еще не опубликовано въ дозволенной формѣ, безъ согласія имѣющаго авторское право,—безразлично, буквально-ли оно передано или сообщено только содержаніе его, отвѣтствуетъ предъ имѣющимъ авторское право убытками и подлежитъ взысканію штрафа до 1500 марокъ. При замѣнѣ заключеніемъ, послѣднее не должно превышать 3 мѣсяцевъ. Постановленія §§ 41 до 43—имѣютъ примѣненіе и къ этому случаю.

Это постановленіе примѣняется и въ томъ случаѣ, если кто либо умышленно опубликуетъ частныя письма, дневники или всякаго иного рода личныя замѣтки, въ отношеніи коихъ не существуетъ охраняемаго авторскаго права и которыя еще не опубликованы были въ дозволенной формѣ,—безразлично оглашается ли противуправно буквальное или лишь общее ихъ содержаніе. Противуправнымъ представляется всякое оглашеніе, послѣдовавшее безъ согласія автора и собственника манускрипта. Послѣ смерти

сочинителя согласіе можетъ давать, поскольку авторомъ не сдѣланы иныя постановленія, оставшіяся въ живыхъ супругъ его.

Постановленія 1 и 2 частей настоящей статьи не имѣютъ примѣненія въ томъ случаѣ, если оглашеніе послѣдовало съ цѣлью опроверженія публично заявленнаго утвержденія, или съ цѣлью охраны законныхъ интересовъ, или если со дня смерти автора протекло 10 лѣтъ.

§ 45. Кто, вопреки § 10, умышленно измѣнить въ сочиненіи заглавіе, обозначеніе автора, сдѣлаетъ къ нимъ добавленія или пропуски, подвергается штрафу до 1000 марокъ. Въ случаѣ замѣны заключеніемъ, оно не должно быть продолжительнѣе 3 мѣсяцевъ.

§ 46. Кто, вопреки §§ 17, 24, не указываетъ источника заимствованія, тотъ подвергается штрафу до 500 марокъ; замѣна заключеніемъ не допускается.

§ 47. Уголовное преслѣдованіе въ случаяхъ, указанныхъ §§ 40, 44—46, возбуждается лишь по жалобѣ потерпѣвшаго. Отъ потерпѣвшаго зависитъ принятіемъ обратно жалобы прекратить начатое преслѣдованіе.

§ 48. Уничтоженіе экземпляровъ незаконно изготовленныхъ или распространенныхъ, а равно орудій, служившихъ для изготовленія ихъ, можетъ быть постановлено лишь приговоромъ уголовного суда и по особому требованію потерпѣвшаго. Требованіе это можетъ быть взято обратно до момента уничтоженія.

§ 49. Къ случаямъ, когда уничтоженіе экземпляровъ и орудій или признаніе за потерпѣвшимъ права, указаннаго въ § 43, составляетъ предметъ самостоятельнаго требованія, примѣняются §§ 477 до 479 уст. угол. суд. съ тѣмъ, что потерпѣвшій можетъ явиться частнымъ обвинителемъ.

§ 50. Во всѣхъ союзныхъ государствахъ учреждаются камеры экспертовъ, на обязанности коихъ лежитъ, по требованію судовъ и лицъ прокурорскаго надзора, давать заключенія по предлагаемымъ имъ вопросамъ.

Камеры экспертовъ имѣютъ право, по обращенію къ нимъ заинтересованныхъ лицъ, производить въ качествѣ третейскихъ судей разбирательство споровъ о вознагражденіи за убытки, на основаніи §§ 37 до 39, 44 и постановлять по таковымъ спорамъ рѣшенія.

Имперскому канцлеру предоставляется издать постановленія о составѣ и порядкѣ производства дѣлъ камеръ экспертовъ.

Отдѣльные члены экспертныхъ камеръ не могутъ, безъ разрѣшенія сихъ послѣднихъ, быть допрашиваемыми въ судѣ въ качествѣ экспертовъ.

§ 51. Право требованія возмѣщенія убытковъ и уголовное преслѣдованіе за контрафакцію погашаются 3 лѣтнею давностью. Срокъ ея исчисляется со дня, въ который началось распространеніе контрафакціонныхъ экземпляровъ.

§ 52. Право требованія возмѣщенія убытковъ и уголовное преслѣдованіе за противозаконное распространеніе, или публичное исполненіе, или произнесеніе чужого сочиненія погашаются 3 лѣтнею давностью. То же правило относится и къ случаямъ, указаннымъ въ § 44.

Срокъ давности исчисляется со дня, когда противозаконное дѣяніе въ послѣдній разъ совершено.

§ 53. Просьба потерпѣвшаго объ уничтоженіи экземпляровъ, незаконно изготовленныхъ или распространенныхъ, а равно и орудій, предназначенныхъ исключительно для незаконнаго печатанія, можетъ быть заявлена во всякое время, пока такіе экземпляры или орудія существуютъ.

§ 54. Срокъ давности исчисляется въ отношеніи наказуемыхъ дѣяній, указанныхъ въ § 45 и 46, со дня, когда совершено первое публикованіе.

Глава V.

Заключительныя постановленія.

§ 55. Охраною пользуются всѣ подданные всѣхъ союзныхъ государствъ имперіи въ отношеніи всѣхъ ихъ произведеній, безразлично, — появились ли они въ свѣтъ или нѣтъ.

§ 56. Иностранные подданные пользуются охраной въ отношеніи каждаго своего произведенія, появляющагося въ свѣтъ въ имперіи, если только само это сочиненіе или переводъ его не появились раньше того за-границей.

При тѣхъ же условіяхъ они пользуются охраной каждаго своего произведенія, опубликованнаго въ предѣлахъ имперіи въ пере-

водѣ; переводъ въ этомъ случаѣ считается оригинальнымъ произведеніемъ.

§ 57. Авторы, не состоящіе германскими подданными, пользуются охраной настоящаго закона для сочиненій, которыя впервые появились въ свѣтъ въ мѣстности, которая раньше принадлежала къ бывшему германскому союзу, но не входитъ въ составъ Германской Имперіи, лишь по столько, по сколько законъ той мѣстности предоставляет сочиненіямъ, появившимся въ Германской Имперіи одинаковую съ мѣстными сочиненіями охрану; во всякомъ случаѣ охрана эта продолжается не долѣе времени, въ теченіе коего оно пользуется охраною по законамъ мѣста, гдѣ данное сочиненіе появилось; то же правило примѣняется къ неопубликованнымъ сочиненіямъ такихъ авторовъ, которые, не состоя германскими подданными, являются подданными выше указанныхъ областей.

§ 58. Списки, указанные въ § 30, ведутся въ городскомъ совѣтѣ въ Лейпцигѣ. Городской совѣтъ дѣлаетъ записи въ списки безъ предварительнаго удостовѣренія правъ, ходатайствующаго о внесеніи и безъ провѣрки правильности записи. На отказъ въ совершеніи записи приносится жалоба имперскому канцлеру.

§ 59. Имперскій канцлеръ имѣетъ издать постановленія о порядкѣ веденія списковъ. Осмотръ ихъ предоставляется всякому желающему; всякій можетъ просить о выдачѣ выписокъ изъ записи, каковыя по желанію свидѣлствуются.

Записи публикуются въ газетѣ *Börsenblatt für den deutschen Buchhandel*, а по прекращеніи ея, въ другой—по усмотрѣнію канцлера.

§ 60. Записи, удостовѣренія и другія бумаги, относящіяся до списковъ—свободны отъ гербоваго сбора; каждая запись, свидѣтельство о внесеніи записи и выписка изъ списковъ оплачивается сборомъ въ 1 м. 50 пфен. Сверхъ всего, издержки публикованія возмѣщаются лицами, представляющими записи ко внесенію.

§ 61. Въ гражданскихъ спорахъ о правахъ, вытекающихъ изъ постановленій сего закона и предъявляемыхъ въ видѣ исковъ или встрѣчныхъ исковъ, послѣднюю инстанцію, въ смыслѣ § 8 закона о введеніи въ дѣйствіе учрежденія судебныхъ установленій, является имперскій судъ (*Reichsgericht*).

§ 62. Постановленія сего закона распространяются на всѣ сочиненія, изданныя до вступленія его въ дѣйствіе, если даже они по прежнимъ законамъ не пользовались охраной, или если таковая кончилась.

Если, однако, при вступленіи въ дѣйствіе сего закона срокъ охраны какого либо музыкальнаго произведенія истекъ, то, въ отношеніи исключительнаго права печатанія и распространенія, срокъ охраны не увеличивается согласно § 32.

§ 63. Если переводъ, или иная обработка, публичною, или въ части, опубликованы до вступленія въ силу сего закона, въ дозволенномъ видѣ, то право переводчика и обработавшаго на размноженіе, распространеніе и публичное исполненіе сохраняется за нимъ.

§ 64. Если печатаніе, ставшее недозваннымъ по вступленіи въ силу сего закона, было до того дозволено, то изготовленные до того времени экземпляры могутъ быть распространяемы; при такихъ же условіяхъ позволяется окончить начатое печатаніе экземпляровъ; наличныя ко времени вступленія въ дѣйствіе закона орудія, какъ формы, доски, стереотины, камни, могутъ остаться въ употребленіи въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ. Распространеніе изготовленныхъ согласно съ симъ постановленіемъ экземпляровъ дозволяется. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ со времени вступленія въ дѣйствіе сего закона примѣняются постановленія 1 и 2 части сей статьи только къ такимъ экземплярамъ, которые съ этого времени снабжены особымъ штемпелемъ.

Ближайшее постановленіе о наложеніи штемпелей, равно какъ объ исчисленіи штемпелеванныхъ экземпляровъ, издается имперскимъ канцлеромъ.

§ 65. Если право печатанія и распространенія какого либо сочиненія, срокъ охраны коего продолженъ настоящимъ закономъ, было передано до наступленія сего закона въ дѣйствіе какому либо издателю (Verleger) безъ ограниченія во времени, то это право остается за нимъ и по истеченіи прежняго срока охраны. Съ этого времени, однако, автору принадлежитъ право на половину чистой прибыли. Издатель обязанъ отчетностью; отчетъ представляется и половина прибыли выплачивается автору въ концѣ каждаго операціоннаго года.

§ 66. Исключительное право публичнаго исполненія музыкальнаго произведенія, возникшее до вступленія въ силу сего закона,

принадлежитъ по истеченіи прежняго срока охраны самому автору, даже въ томъ случаѣ, если это право ко времени вступленія въ дѣйствіе этого закона передано было другому лицу.

Если къ моменту вступленія въ дѣйствіе сего закона публичное исполненіе было дозволено, потому ли что срокъ охраны истекъ, или потому, что право публичнаго исполненія не было резервировано, то съ этого момента исключительное право публичнаго исполненія принадлежитъ автору.

§ 67. Музыкальное произведеніе, появившееся въ свѣтъ до вступленія этого закона въ дѣйствіе, можетъ быть безъ согласія автора публично исполняемо, если при этомъ употребляются ноты, не снабженныя надписью о сохраненіи права исполненія. На сценическое исполненіе это постановленіе не распространяется.

Если какой либо сценѣ предоставлено до вступленія въ дѣйствіе сего закона за произведенную уплату неограниченное во времени право исполненія музыкальнаго произведенія, то это право не прекращается по истеченіи прежняго срока охраны. Въ этомъ случаѣ авторъ имѣетъ право на обычное участіе въ доходѣ отъ такого исполненія.

§ 68. Ноты музыкальнаго произведенія, появившагося безъ надписи о сохраненіи права исполненія, могутъ быть по вступленіи въ дѣйствіе сего закона снабжаемы такою надписью. Надпись дѣйствительна, если она помѣщена на заглавномъ листѣ или въ началѣ произведенія; она можетъ быть сдѣлана штемпелемъ.

§ 69. По скольку автору музыкальнаго сочиненія, прежде появившагося въ свѣтъ, принадлежитъ на время послѣ вступленія въ дѣйствіе сего закона исключительное право на публичное исполненіе, распространеніе такого сочиненія съ цѣлью извлеченія выгоды, безъ разрѣшенія автора, допускается только въ томъ случаѣ, если ноты снабжены надписью о сохраненіи права исполненія.

Къ случаю распространенія, вопреки настоящаго постановленія, музыкальнаго сочиненія съ цѣлью извлеченія выгоды примѣняются постановленія §§ 38 и 52.

§ 70. Этотъ законъ вступаетъ въ силу . . . г.

§§ 1—56, 61, 62 закона объ авторскомъ правѣ отъ 11 іюня 1870 г. теряютъ свою силу съ этого дня.

Г. Сліозбергъ.

VII.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. Законъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ.

Долго созрѣвала мысль о заповѣдности дворянскаго землевладѣнія и, наконецъ, созрѣла и вылилась въ форму закона о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ (Собр. узак. и расп. № 73, ст. 974). Потомственнымъ дворянамъ предоставляется учреждать изъ принадлежащихъ имъ какъ родовыхъ, такъ и благопріобрѣтенныхъ земельныхъ имуществъ временно-заповѣдныя имѣнія. Минимальный размѣръ такого имѣнія долженъ быть не менѣе того, который даетъ право непосредственнаго участія въ дворянскихъ выборахъ, а минимальная цѣнность такого земельного пространства не должна быть ниже пятнадцати тысячъ рублей *netto*, т. е. за вычетомъ обременяющаго имѣнія долга дворянскому банку или особому его отдѣлу; максимальный размѣръ—десять тысячъ десятинъ. Помимо указанной цѣнности, имѣніе, обращаемое во временно-заповѣдное, должно заключать въ себѣ усадьбу съ хозяйственными постройками; оно должно быть свободно отъ всякихъ запрещеній, кромѣ того, которое лежитъ на немъ въ обезпеченіе ссуды, выданной изъ государственнаго дворянскаго земельного банка или особаго его отдѣла; сумма обременяющаго имѣніе банковаго долга въ непогашенной его части не должна превышать шестидесяти процентовъ оцѣнки, произведенной при залогѣ имѣнія. При учрежденіи временно-заповѣднаго имѣнія, учредитель можетъ присоединить къ нему особый вспомогательный капиталъ,

который вносится въ государственный банкъ и употребляется на предметы, указанные учредителемъ въ актѣ объ учрежденіи временно-заповѣднаго имѣнія, а также на хозяйственныя нужды имѣнія, съ разрѣшенія мѣстнаго собранія предводителей и депутатовъ дворянства. Если временно-заповѣдное имѣніе образуется изъ родового имущества учредителя, и послѣдній имѣетъ нѣсколькихъ законныхъ дѣтей или заступившихъ ихъ по праву представленія нисходящихъ отъ нихъ потомковъ, то онъ долженъ представить удостовѣреніе мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства и двухъ родственниковъ своихъ, что, за обращеніемъ родового имѣнія во временно-заповѣдное въ пользу одного изъ дѣтей учредителя, каждый изъ остальныхъ обезпеченъ въ размѣрѣ причитающейся ему по закону доли въ томъ имѣніи изъ другого имущества учредителя,—или же, при совершеннolѣтіи всѣхъ наслѣдниковъ, должно быть представлено удостовѣреніе, что они изъявили согласіе на обращеніе родового имѣнія во временно-заповѣдное въ пользу одного изъ нихъ. Безъ соблюденія указанныхъ условій, родовое имѣніе можетъ быть обращено во временно-заповѣдное только въ тѣхъ случаяхъ, когда превышеніе наслѣдственной доли получающаго временно-заповѣдное имѣніе, по сравненію съ тѣмъ, что остается на долю каждаго изъ прочихъ наслѣдниковъ, составляетъ не болѣе двадцати пяти тысячъ рублей.

Имѣніе обращается во временно-заповѣдное крѣпостнымъ актомъ, при жизни учредителя—по его письменному заявленію, а послѣ его смерти—по его нотаріальному духовному завѣщанію. Актъ составляется у младшаго нотаріуса и утверждается старшимъ, о чемъ публикуется въ сенатскихъ объявленіяхъ и мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Временно-заповѣдное имѣніе не можетъ быть отчуждаемо владѣльцемъ или подвергаемо раздѣлу, даже если бы всѣ находящіяся въ живыхъ потомки владѣльца были на то согласны; обмѣнъ входящихъ въ составъ временно-заповѣднаго имѣнія участковъ на другіе, равнаго достоинства, дозволяется не иначе, какъ съ разрѣшенія Правительствующаго Сената (по первому Департаменту), по представленію мѣстнаго собранія предводителей и депутатовъ дворянства. Находящійся во временно-заповѣдномъ имѣніи хозяйственный инвентарь считается его нераздѣльною принадлежностью. Запрещается отдавать временно-заповѣдное имѣніе въ залогъ и вообще обременять его долгами; въ аренду имѣніе можетъ быть отдаваемо на сроки не выше шести лѣтъ, причемъ наемная плата не можетъ быть получаема

владѣльцемъ болѣе чѣмъ за одинъ годъ впередъ. Кредиторы учредителя временно-заповѣднаго имѣнія, если желаютъ сохранить право обратить взысканіе на это имѣніе посредствомъ публичной его продажи, обязаны, до истеченія года со дня припечатанія позднѣйшей публикаціи старшаго нотаріуса, заявить послѣднему о своихъ долговыхъ требованіяхъ, хотя бы срокъ платежа еще не наступилъ; въ противномъ случаѣ, взысканія этихъ кредиторовъ, точно такъ же какъ и всѣхъ прочихъ, позднѣйшихъ кредиторовъ, могутъ быть обращаемы только на доходы съ имѣнія. Временно-заповѣдныя имѣнія освобождаются отъ взиманія пошлинъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами; всѣмъ прочимъ налогамъ, сборамъ и повинностямъ, государственнымъ, дворянскимъ и земскимъ имѣнія эти подлежатъ наравнѣ съ другими имѣніями дворянъ, подчиняясь общимъ правиламъ и въ отношеніи взысканія недоимокъ, съ тѣмъ лишь изъятіемъ, что какъ самое имѣніе, такъ и хозяйственный инвентарь его не могутъ быть проданы. При неуплатѣ слѣдующихъ съ временно-заповѣднаго имѣнія двухъ полугодовыхъ банковыхъ платежей оно берется въ опеку, учреждаемую на три года; если по истеченіи трехъ лѣтъ погашена будетъ часть недоимокъ въ размѣрѣ не менѣе одного полугодоваго банковаго платежа, опекунское управленіе продолжается еще на три года. Если дворянская опека придетъ къ заключенію, что доходы съ имѣнія недостаточны для уплаты срочныхъ текущихъ банковыхъ платежей и недоимокъ, банкъ можетъ принять имѣніе въ свое управленіе или, признавъ бесполезность этой мѣры, взыскать недоимку на общемъ основаніи, предусмотрѣнномъ его уставомъ. Банкъ обязанъ взять имѣніе въ свое управленіе, если, по учрежденіи опеки, накопилась новая недоимка въ размѣрѣ двухъ полугодовыхъ платежей; продажа имѣнія за невзносъ недоимокъ банку можетъ послѣдовать не прежде, какъ по истеченіи трехъ лѣтъ со дня взятія имѣнія въ опеку, за исключеніемъ указаннаго выше случая, когда сама опека и банкъ признаютъ бесполезность дальнѣйшей отсрочки.

Наслѣдованіе во временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ совершается въ томъ порядкѣ, какой установленъ для имѣній вѣчно-заповѣдныхъ, т. е. по началу первородства и съ предпочтеніемъ мужскаго пола женскому, — со слѣдующими только измѣненіями и дополненіями. Учредитель, имѣющій законныхъ дѣтей или другихъ нисходящихъ отъ нихъ потомковъ, можетъ образовать временно-заповѣдное имѣніе въ пользу любого изъ нихъ, по своему выбору, но при жизни сыновей и другихъ нисходящихъ отъ нихъ потом-

ковъ мужскаго пола онъ не можетъ призвать къ ближайшему наслѣдованію во временно-заповѣдномъ имѣніи дочь, внучку или потомка ихъ. Послѣдующимъ за учредителемъ владѣльцамъ временно-заповѣднаго имѣнія, если у нихъ не будетъ нисходящаго потомства, а въ актѣ объ учрежденіи временной заповѣдности не указанъ дальнѣйшій порядокъ наслѣдованія на этотъ случай,—предоставляется путемъ нотаріальнаго духовнаго завѣщанія опредѣлить, кому изъ боковыхъ родственниковъ оно должно перейти; избранный наслѣдникъ долженъ принадлежать къ роду, изъ коего дошло къ завѣщателю временно-заповѣдное имѣніе,—если только этотъ родъ имѣетъ еще представителей. Учредитель временно-заповѣднаго имѣнія можетъ завѣщать его въ пожизненное владѣніе женѣ своей, когда наслѣдникомъ къ имѣнію состоитъ нисходящій отъ нихъ потомокъ или родственникъ учредителя по боковой линіи; послѣдующіе владѣльцы вправѣ передавать имѣніе въ пожизненное владѣніе ихъ женѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣніе переходитъ къ боковому родственнику владѣльца. Вступленіемъ вдовы въ новый бракъ пожизненное ея владѣніе временно-заповѣднымъ имѣніемъ прекращается. Если вдовѣ не было предоставлено пожизненное владѣніе, она имѣетъ право требовать, чтобы ей выдавалась, по день смерти или вступленія въ новый бракъ, одна шестая часть ежегоднаго чистаго дохода съ имѣнія. Если не бывшій учредителемъ владѣлецъ временно-заповѣднаго имѣнія умеръ, не объявивъ, что участь другихъ его дѣтей обезпечена, то въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣнность имѣнія за вычетомъ банкаго долга превышаетъ сто тысячъ рублей, дѣти эти могутъ требовать, чтобы имъ былъ выданъ, для раздѣла между ними поровну, денежный капиталъ въ размѣрѣ двухлѣтнаго чистаго дохода съ имѣнія; этотъ капиталъ можетъ быть составленъ посредствомъ займа изъ государственнаго дворянскаго земельного банка. Если же цѣнность имѣнія не ниже двадцати пяти тысячъ руб. и не выше ста тысячъ руб., то обезпеченіе участи законныхъ дѣтей владѣльца въ указанномъ размѣрѣ можетъ быть возложено на наслѣдника только по духовному завѣщанію,—и такое распоряженіе для наслѣдника обязательно, если предстоящая выдача, вмѣстѣ съ прежнимъ, лежащимъ на имѣніи, банковымъ долгомъ, не превыситъ тридцати трехъ процентовъ оцѣночной стоимости имѣнія.

Въ случаѣ прекращенія временной заповѣдности, имѣніе поступаетъ къ наслѣдникамъ послѣдняго владѣльца на основаніи общихъ законовъ о наслѣдованіи.

Временная заповѣдность имѣть безусловную силу для самого учредителя,—за исключеніемъ того случая, когда у него, послѣ учрежденія временно-заповѣднаго имѣнія въ пользу бокового родственника, окажутся нисходящіе по прямой линіи законные потомки,—и его ближайшаго преемника; послѣдующіе владѣльцы могутъ отмѣнить заповѣдность въ нотаріальномъ духовномъ завѣщаніи, если имѣніе къ нимъ перешло отъ родственника по прямой восходящей линіи и они сами имѣютъ нисходящее потомство. Фактически временная заповѣдность прекращается, когда пресѣчется родъ учредителя или ближайшаго его наслѣдника, назначеннаго изъ числа боковыхъ родственниковъ, а ни въ актѣ учрежденія, ни въ завѣщаніи послѣдняго владѣльца не будетъ указанъ порядокъ дальнѣйшаго преемства, или когда никто изъ могущихъ быть призванными къ наслѣдованію не принадлежитъ къ потомственному дворянству. Кромѣ того, въ случаѣ обнаруженія во временно-заповѣдномъ имѣніи мѣсторожденій ископаемыхъ значительной цѣнности, владѣльцу предоставляется ходатайствовать объ отмѣнѣ временной заповѣдности предъ мѣстнымъ собраніемъ предводителей и депутатовъ дворянства; состоявшееся по такой просьбѣ постановленіе объ отмѣнѣ временной заповѣдности приводится въ дѣйствіе съ разрѣшенія Правительствующаго Сената (по первому департаменту).

Законъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ не простирается на губерніи Царства Польскаго, Прибалтійскія и на Кавказскій край, а также на губерніи и области, не имѣющія дворянскихъ учреждений, за исключеніемъ Вятской и Пермской; въ девяти западныхъ губерніяхъ учредителями могутъ быть лишь тѣ изъ потомственныхъ дворянъ, которые вправѣ пріобрѣтать тамъ покупкою земельную собственность. Одновременно съ введеніемъ новаго типа заповѣдности—временной, законъ облегчаетъ образованіе вѣчно-заповѣдныхъ имѣній, понижая минимальный ихъ размѣръ съ десяти тысячъ десятинъ до пяти и минимальный средній доходъ—съ двѣнадцати тысячъ рублей до шести; онъ отмѣняетъ также взиманіе крѣпостныхъ пошлинъ при выкупѣ потомственными дворянами родовыхъ земельныхъ имуществъ.

Въ законѣ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ поражаетъ отсутствіе всякой, сколько нибудь опредѣленной и послѣдовательно проведенной, общественно-правовой идеи; самое обиліе въ немъ подробностей свидѣтельствуетъ о томъ, что составители закона колебались между различными, отличающимися, быть можетъ, нѣко-

торымъ наружнымъ сходствомъ, но по природѣ чуждыми другъ другу и даже несогласными институтами. Временно-заповѣдное имѣніе въ томъ видѣ, какой оно получило въ законѣ 23 мая, является чѣмъ то вродѣ неудачнаго компромисса между подлиннымъ нашимъ заповѣднымъ имѣніемъ или германскомъ фамильнымъ фидейкоммиссомъ, съ одной стороны, и американскимъ *homestead* омъ—нераздробляемымъ мелкимъ земельнымъ хозяйствомъ, съ другой стороны. Господствующая идея германскихъ *Stammgüter*, или нашихъ заповѣдныхъ имуществъ, созданныхъ по образу и подобию первыхъ, ихъ основной мотивъ, покрывающій собою всё характерныя особенности института, это—назначеніе такихъ имуществъ служить поддержанію дворянскаго рода, блеску благородной фамилии. Отсюда вытекають существеннѣйшія юридическія черты института наследственно заповѣдныхъ имуществъ, на что прямо указываетъ нашъ законъ. „Заповѣдное имѣніе признается собственностью не одного настоящаго владѣльца, —говорится въ ст. 485 т. X ч. 1, но *всего рода, для коего оно учреждено*, т. е. всѣхъ принадлежащихъ къ тому роду лицъ, какъ уже родившихся, такъ и имѣющихъ впредь родиться ¹⁾, а потому—ни имѣнія, обращенныя въ заповѣдныя, ниже какая либо часть ихъ, не могутъ быть отчуждаемы, ни безвозмездно, ни черезъ продажу, ни посредствомъ какого либо акта или сдѣлки, даже если бы и всѣ находящіеся въ живыхъ потомки учредителя были на то согласны“. На этомъ же основаніи, владѣлецъ заповѣднаго имѣнія не имѣетъ права отдавать его въ залогъ и вообще обременять долгами; на этомъ же основаніи, онъ не имѣетъ права ухудшать состояніе имущества и обязанъ предотвращать всякое въ немъ разстройство и беспорядокъ; на этомъ же основаніи, личные долги владѣльца могутъ покрываться только изъ доходовъ заповѣднаго имѣнія, а со смертію владѣльца—прекращаются взысканія его кредиторовъ, обращенныя на доходы съ заповѣднаго имѣнія, и наследникъ его въ одномъ только заповѣдномъ имуществѣ не несетъ никакой отвѣтственности за долги сво-

¹⁾ То-же самое мы читаемъ и въ *Oestereich. Gesetz.*, Thl. II, § 629: «Das Eigenthum des Fideicommissvermögens zwischen allen Anwärtern und dem jedesmaligen Fideicommissinhaber getheilt. Ienen kommt das Obereigenthum allein, diesem aber auch das Nutzungseigenthum zu». Точно также *Preuss. Allgem. Landr.*, Thl. II, Tit 4, § 72: «Dem jedesmaligen Fideicommissbesitzer gebührt das nutzbare lighenthum des Fideicommisses. § 73. Das Obereigenthum befindet sich bei der ganzen Familie».

его предшественника. Мы сказали—наслѣдникъ владѣльца въ заповѣдномъ имѣніи,—выраженіе это употреблено и въ законѣ (ст. 492 т. X ч. 1), но на самомъ дѣлѣ оно не точно: наслѣдованіе въ заповѣдныхъ имѣніяхъ, точно также какъ и въ германскихъ фамильныхъ фидеикоммиссахъ, приурочивается не къ послѣдному владѣльцу, а къ первоначальному учредителю (*ex pacto et providentia majorum*—по формулѣ феолистовъ), и дѣйствительнымъ наслѣдникомъ признается весь родъ, какъ идеальная совокупность лицъ и поколѣній, какъ идеальное юридическое единство, которое въ каждый данный моментъ реально представляется живыми членами рода, но не исчерпывается ими. Отъ этого зависитъ тотъ отличительный признакъ германскаго фидеикоммисса, по сразненію, напр., съ фидеикоммиссомъ римскимъ, что заповѣдность имущества прекращается только съ угасаніемъ рода и не можетъ быть уничтожена даже съ согласія всѣхъ живыхъ представителей рода; то-же самое, какъ извѣстно, имѣетъ силу и въ отношеніи нашихъ наслѣдственно-заповѣдныхъ имѣній. Наконецъ, указанный мотивъ—поддержаніе фамильнаго блеска,—мотивъ, проникающій собою весь институтъ, проявляется также и въ матеріальныхъ условіяхъ учрежденія заповѣдныхъ имѣній—въ значительной цѣнности установленнаго закономъ минимальнаго размѣра такихъ имѣній (десять тысячъ десятинъ земли и двѣнадцать тысячъ рублей средняго ежегоднаго дохода). Само собою разумѣется, что „блескъ фамиліи“ нуждается въ соответственной имущественной оправкѣ, и если этотъ „блескъ“ будетъ на вѣки связанъ съ ничтожнымъ земельнымъ удѣломъ, то это значило бы увѣковѣчить свидѣтельство не именитости, а ничтожества рода, низменности его значенія въ прошломъ.

Совершенно иная идея, ничего общаго неимѣющая съ поддержаніемъ неугасимости фамильнаго блеска, лежитъ въ корнѣ Homestead Exemption, установленнаго въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ штатовъ Сѣверной Америки. Homestead это мелкая, нераздробляемая хозяйственная единица,—совокупность средствъ производства, представляющихъ собою тотъ *minimum*, который необходимъ, чтобы обезпечить хозяйству его самостоятельное значеніе. Такимъ образомъ, идея эта—экономическая, вскормленная производственными отношеніями даннаго экономическаго быта, данныхъ условій экономической культуры; homestead призванъ служить не интересамъ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ родовъ, а общей экономической цѣли—наилучшему, при данныхъ условіяхъ, рас-

предѣленію производственныхъ средствъ, общающему наилучшіе производительные результаты. Поэтому homestead нераздробляется; земельный участокъ вмѣстѣ съ необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ составляетъ нераздѣльное цѣлое. Но законъ не ставитъ препятствій распоряженію собственника этого недѣлимаго хозяйства, не запрещаетъ ему продать, подарить или завѣщать свою ферму кому угодно ¹⁾,—и это вполне понятно. Въ каждомъ хозяйствѣ, такъ называемый, личный коэффиціентъ имѣетъ огромное значеніе; личность хозяина, его способность, его любовь къ дѣлу является, безспорно, однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, опредѣляющихъ собою успѣшность и плодотворность экономической дѣятельности хозяйства. Поэтому, насильственное удержаніе во главѣ хозяйства людей, неспособныхъ и не желающихъ его вести, есть чистая потеря для народно-хозяйственнаго цѣлага и тормазъ дальнѣйшему его развитію. Такой порядокъ шелъ бы въ разрѣзъ съ тою экономической цѣлью, которая лежитъ въ основѣ всего института.

Если теперь обратиться къ новопоявившимся временно-заповѣднымъ имѣніямъ, то искусственный, пестро-составный характеръ этого учрежденія выступитъ съ несомнѣнною ясностью. Временно-заповѣдное имѣніе, если имѣть въ виду его минимальный размѣръ, установленный закономъ (приблизительно 150 десятинъ), оказывается мелкимъ земельнымъ владѣніемъ, допускающимъ возможность веденія самостоятельнаго помѣстнаго хозяйства; въ этомъ отношеніи временно-заповѣдное имѣніе приближается къ homestead'у и кажется предназначеннымъ служить, по примѣру послѣдняго, экономической, культурно-хозяйственной цѣли. Той же цѣли отвѣчаетъ и устанавливаемая закономъ связь имѣнія съ усадьбой и съ необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ; та же цѣль—сохраненіе самостоятельнаго землевладѣльческаго хозяйства—выражается въ запрещеніи обременять имѣніе долгами свыше извѣстной части его стоимости, обращать на него и на его необходимыя принадлежности взысканія кредиторовъ. Но всего рельефнѣе экономическая цѣль института проявляется въ томъ, что, согласно закону, временная заповѣдность можетъ быть уничтожена, если въ имѣніи откроются мѣсторожденія ископаемыхъ значительной цѣнности, т. е. въ томъ случаѣ, когда измѣнится экономи-

¹⁾ Законъ ограничиваетъ право распоряженія домохозяина только однимъ требованіемъ—согласія его жены.

ческо-производственное назначеніе имѣнія и изъ хозяйства земледѣльческаго оно превратится въ промышленное. Но, наряду съ этимъ, всѣ прочія особенности института, и притомъ наиболѣе важныя, заимствованы въ урѣзанномъ видѣ изъ постановленій объ имѣніяхъ наследственно-заповѣдныхъ. Отъ этого смѣшенія разнородныхъ чертъ получилось нѣчто крайне неопредѣленное, уродливое, въ смыслѣ юридической конструкціи, и не удовлетворяющее ни одному изъ тѣхъ назначеній, которыя нашли для себя въ фамиліальныхъ фидеикоммисахъ, съ одной стороны, и въ homestead'ъ, съ другой, вполнѣ пригодныя орудія. Если временно-заповѣдныя имѣнія должны служить родовымъ цѣлямъ дворянскихъ фамилій, то съ этимъ не согласуется, прежде всего, ихъ возможный минимальный размѣръ; имѣніе въ сто—полтораста десятинъ, обрекающее своего владѣльца на такую жизнь, которая ничѣмъ не отличается отъ жизни мелкаго прасола или деревенскаго „богатѣя“, это—явно непригодный, почти „неприличный“, постаментъ для фамиліальной гордости. Затѣмъ, съ этимъ не согласуется право завѣщанія, предоставленное владѣльцу, право уничтоженія заповѣдности, вообще пріуроченіе порядка наследственнаго преемства къ личности послѣдняго владѣльца. Впрочемъ, и тутъ не замѣчается какой либо послѣдовательности: владѣльцы, получившіе имѣніе отъ родственника по боковой линіи, не имѣютъ уже права завѣщанія. Если же имѣть въ виду экономическую цѣль института, то ей противорѣчитъ какъ его узкословный характеръ, такъ и самое существо его, самая заповѣдность; благодаря ей, могутъ оказаться прикованными къ помѣстному хозяйству такія лица, которыя не желаютъ или не умѣютъ его вести. Мы уже не говоримъ о томъ грубомъ экономическомъ анахронизмѣ,—если можно такъ выразиться,—который проявляется въ самой претензіи закрѣпить одну опредѣленную форму землевладѣнія, увѣковѣчить одинъ опредѣленный типъ хозяйства, наперекоръ измѣнчивымъ стихіямъ міроваго хлѣбнаго рынка, отъ котораго въ настоящее время гораздо больше зависитъ экономическое значеніе того или иного хозяйственнаго типа, даже самая возможность его существованія,—чѣмъ отъ общественно-экономическихъ отношеній внутри каждой отдѣльной страны.

Есть еще одно учрежденіе, съ которымъ сходствуютъ временно-заповѣдныя имѣнія, и которое, повидимому, оказало вліяніе на образъ ихъ установленія въ новомъ законѣ. Это—англійское fee-tail (feudum talliatum) въ его современномъ состояніи. Въ средніе

вѣка fee-tail было обыкновеннымъ фамильнымъ фидеикоммиссомъ, родовымъ наследственно-заповѣднымъ имѣніемъ, исполнявшимъ обычное назначеніе такого рода имущества; институтъ fee-tail въ рукахъ англійской аристократіи былъ орудіемъ сохраненія и закрѣпленія ея земельныхъ владѣній. Картину тѣхъ политическихъ, хозяйственныхъ и общественныхъ неурядицъ, которыя явились послѣдствіемъ широкаго распространенія этого института въ средніе вѣка, мы находимъ у Блэкстона. „Дѣти становились непослушными, такъ какъ они знали, что не могутъ быть обойдены въ завѣщаніи; арендаторы изгонялись, такъ какъ, при дѣйствительности аренды, владѣлецъ могъ бы лишитъ своихъ преемниковъ наследства тѣмъ, что обременитъ имѣніе долгосрочнымъ контрактомъ; кредиторы бывали обмануты въ своихъ требованіяхъ, такъ какъ, если бы фидеикоммиссный владѣлецъ былъ вправѣ отягощать имѣніе долгами, то онъ могъ бы такимъ путемъ исчерпать всю его стоимость; безчисленные невѣдомые фидеикоммиссы всплывали, чтобы ограбить добросовѣтнаго приобретателя имѣнія; возникавшими отсюда процессами полны наши старыя судебныя книги; государственная измѣна подымала голову, благодаря тому, что первоначально фидеикоммиссныя имущества могли быть конфискованы только на срокъ—по смерть ихъ настоящаго владѣльца. Вслѣдствіе всего этого, фидеикоммиссы съ полнымъ основаніемъ были заклеяны, какъ источникъ раздоровъ и невзгодъ, и признаны зломъ для дѣлага королевства“¹⁾. Борьба была поведена противъ института съ разныхъ сторонъ—со стороны духовенства (fee-tail—препятствовало завѣщательнымъ распоряженіямъ въ пользу монастырей), со стороны короны, желавшей ослабленія земельной аристократіи, со стороны юриспруденціи, бывшей подъ вліяніемъ римскаго права, со стороны всѣхъ, вообще, жизненныхъ стремленій и потребностей, которымъ недвижимое fee-tail стояло поперекъ дороги, заграждая ихъ законныя проявленія. Борьба эта шла обычнымъ въ Англии путемъ: учрежденіе не было снесено сразу, однимъ ударомъ, а оно расшатывалось и разрушалось мало по малу. Въ практику судовъ были введены особыя юридическія фикціи, чтобы обойти и устранить тѣ ограниченія собственности, которыя налагались посредствомъ fee-tail. Такихъ фикцій были двѣ, носившихъ названіе common recovery и fine; мы не будемъ излагать подробно, въ чемъ заключались эти довольно запутанныя судеб-

¹⁾ К. Wertheim. Wörterb. des Englisch. Rechts, Berlin 1899, стр. 255 (fee-tail).

ныя комедіи, изобрѣтенныя англійской юриспруденціей,—укажемъ только, что сущность ихъ сводилась къ возбужденію противъ держателя fee-tail фиктивного процесса, въ которомъ подставной истецъ оспаривалъ у него имѣніе, утверждая, что послѣднее принадлежитъ ему на правѣ неограниченной собственности (fee simple); отвѣтчикъ умышленно защищался такъ, что процессъ рѣшался противъ него и имѣніе присуждалось истцу, а отъ истца,—оно вновь, актомъ свободнаго отчужденія, переходило къ владѣльцу, но уже безъ прежнихъ ограниченій. Цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ ударовъ, нанесенныхъ институту fee-tail, отъ него отбивали кусокъ за кускомъ, и въ настоящее время уцѣлѣлъ только обломокъ прежняго учрежденія. И вотъ, на этотъ историческій обломокъ нѣсколько походить новоявленная у насъ временная заповѣдность. Fee-tail, въ настоящее время называемое также the settlement, имѣетъ безусловную силу, какъ и временная заповѣдность для самого учредителя (если только послѣдній установилъ fee-tail прижизненнымъ актомъ, а не въ завѣщаніи),—но уже ближайшій его преемникъ можетъ отмѣнить заповѣдность съ согласія своего наслѣдника, если тотъ достигъ совершеннолѣтія. Такія отмѣны происходятъ довольно часто, и побужденіемъ къ нимъ служитъ обыкновенно желаніе владѣльца обезпечить жену и младшихъ дѣтей посредствомъ залога имѣнія или продажи какой либо части и т. п.; наслѣдникъ соглашается, получая взамѣнъ обѣщаніе ежегодныхъ денежныхъ выдачъ при жизни отца. Fee-tail, въ отличіе отъ временной заповѣдности, не имѣетъ рѣшительно никакого сословнаго характера и можетъ быть установлено каждымъ собственникомъ, независимо отъ размѣра его собственности. Въ послѣднюю половину нашего столѣтія разрушеніе fee-tail идетъ быстрыми шагами; свобода распоряженія владѣльца расширена рядомъ законодательныхъ актовъ (Settled Estates Actes 1856, 1877, отъ 1882 до 1890 г.). Онъ можетъ отдать имѣніе въ долгосрочную аренду (для выстройки до 90 лѣтъ, для сельскохозяйственныхъ цѣлей—до 21 года), можетъ продать часть имѣнія, чтобы освободить его отъ ипотеки или ввести въ него меліорацію и т. п. И въ этихъ отношеніяхъ нашъ новый законъ, какъ легко видѣть изъ предшествующаго изложенія, значительно отстоитъ отъ англійскаго образца. Но, за всѣмъ тѣмъ, нельзя отрицать сходства съ этимъ образцомъ нашихъ временно-заповѣдныхъ имѣній, и притомъ сходства не только родового, типическаго, но и болѣе конкретнаго, обнимающаго и нѣкоторыя частныя черты; и это совпаденіе въ

особенностяхъ двухъ учреждений, изъ которыхъ одно прошло длинный путь исторической ломки, а другое только что народилось на свѣтъ Божій, можетъ служить лишнимъ доказательствомъ крайней искусственности, такъ сказать—изломанности новаго произведенія нашего законодательнаго творчества.

Мы далеки отъ намѣренія ставить эту изломанность въ укоръ новому закону. Инымъ онъ и не могъ появиться, такъ какъ условія современной дѣйствительности слишкомъ далеки отъ феодальной эпохи. Идя противъ жизни, противъ ея живыхъ стремленій, нельзя создать ничего цѣльнаго и жизнеспособнаго. Какъ бы ни были сильны „дворянскія тенденціи“, родительское чувство привязанности къ дѣтямъ окажется все таки сильнѣе ихъ; самый усердный читатель „Гражданина“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ всталъ бы въ оппозицію, если бы ему навязали „заповѣдность“ и заставили обездолить своихъ дѣтей для вящаго возвеличенія дворянскаго сословія. Законъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ не могъ не открыть нѣкоторыхъ отдушинъ для этого чувства родительской привязанности, идущаго въ разрѣзъ замкнутому узко-сословному характеру цѣлаго учрежденія. Это внутреннее противорѣчіе является источникомъ той дисгармоніи, которая поражаетъ во внѣшнихъ очертаніяхъ учрежденія,—и отсюда же, насколько можно предвидѣть, его вѣроятная мертворожденность.

Д. Л.

2. Наказъ земскимъ начальникамъ.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ выработанъ проектъ инструкціи земскимъ начальникамъ о порядкѣ исполненія ими той—наиболѣе щекотливой и трудной, хотя и наименѣ отвѣтственной части ихъ обязанностей, которая касается административнаго надзора и попечительства надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ и крестьянскимъ бытомъ вообще. Инструкцію эту предполагается назвать наказомъ, въ память, наказа киселевскимъ окружнымъ начальникамъ, завѣдывавшимъ государственными крестьянами, колонистами и инородцами. Можно, дѣйствительно, намѣтить много точекъ соприкосновенія между прежними окружными начальниками и нынѣшними земскими; сферы дѣятельности тѣхъ и другихъ во многомъ совпадаютъ, обнимая приблизительно тѣ же предметы общественнаго, хозяйственнаго и нравственнаго порядка въ сель-

ской жизни. Въ свое время окружные начальники пользовались среди тогдашняго чиновничества репутаціей либераловъ, чуть ли даже не „красныхъ“; но въ дѣйствительности эта репутація была едва ли заслуженная. Дѣятельность окружныхъ начальниковъ была основана на принципѣ, весьма далекомъ отъ либерализма; это былъ принципъ казеннаго народолюбія, видѣвшій въ массѣ, прежде всего, платежную силу и затѣмъ, вообще, матеріаль для государственнаго строительства: хозяйственный расчетъ рекомендовалъ обращаться съ этимъ матеріаломъ съ нѣкоторой рачительностью, проявлять по отношенію къ нему—по формулѣ римскаго права—*diligentiam quam suis rebus*, ту-же степень заботливости, которую хорошей хозяйинъ прилагаетъ къ своему имуществу. Окружные начальники не удержались, однако, на высотѣ этого „идеала“ ихъ служенія; близкое, кровное родство самаго идеала съ окружающею крѣпостнической дѣйствительностью заставило его быстро слиться съ послѣдней, пропитаться ея миазмами до самой сердцевины,— и сліяніе это произошло тѣмъ легче, что для осуществленія и проведенія идеала были взяты готовые, крѣпостною практикою выработанныя, формы. Поэтому, въ эпоху освобожденія крестьянъ окружные начальники вовсе не вызвали въ дѣятеляхъ реформы особенно сильнаго желанія сохранить и увѣковѣчить ихъ образъ и въ новомъ, свободномъ, сельскомъ быту; напротивъ того, при введеніи должности мировыхъ посредниковъ имѣлось въ виду сдѣлать ихъ какъ можно менѣе похожими на окружныхъ начальниковъ, удалить ихъ отъ этого типа на значительное разстояніе, какъ по существу, такъ и по формѣ, намѣченной для нихъ дѣятельности. Если окружный начальникъ долженъ былъ быть истиннымъ провидѣніемъ для подвѣдомственныхъ ему крестьянъ, долженъ былъ входить во всѣ ихъ нужды и интересы, матеріальные и нравственные, по собственному начальственному почину и усмотрѣнію, то мировой посредникъ предполагался чуждымъ такой провиденціальной миссіи; его назначеніе рисовалось въ болѣе скромномъ освѣщеніи, а именно—это назначеніе ограничивалось удовлетвореніемъ тѣхъ крестьянскихъ нуждъ, которыя заявили бы о себѣ въ формѣ жалобы или требованія заинтересованнаго лица—жалобы на нарушеніе законнаго права или требованія о его возстановленіи. Крайне обширная, но и крайне неопредѣленная отвѣтственность окружныхъ начальниковъ за „благополучіе“ ввѣреннаго имъ населенія не переносилась поэтому на мировыхъ посредниковъ; это освобожденіе отъ огромнаго и внушительнаго по внѣшнимъ размѣрамъ,

но въ сущности невѣсомаго бремени такой отвѣтственности, отбѣняется въ объяснительной запискѣ къ проекту положенія 19 февраля 1861 года, какъ „существенное различіе новыхъ учреждений отъ тѣхъ административныхъ должностей и присутственных мѣстъ, которыя существуютъ по нѣкоторымъ другимъ вѣдомствамъ“.

„Самое существенное право“, сказано далѣе въ объяснительной запискѣ къ проекту положенія 19 февраля, „которое будетъ даровано крестьянамъ и которое будетъ ограждать всѣ остальные, будетъ состоять въ *правѣ жалобы*. Безъ особыхъ учреждений для принятія и для разбора крестьянскихъ жалобъ, сіи послѣднія, оставаясь болѣе или менѣе продолжительное время безъ удовлетворенія, могутъ обратиться въ народное неудовольствіе“. Такимъ учрежденіемъ для разбора жалобъ по административнымъ дѣламъ, по проекту редакціонныхъ комиссій, предполагался особый крестьянскій судъ, созываемый мировымъ посредникомъ. Въ проектъ была влючена статья слѣдующаго содержанія: „Жалобы на волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, какъ со стороны отдѣльныхъ крестьянъ, такъ и со стороны сельскихъ обществъ, а равно жалобы отдѣльныхъ крестьянъ на злоупотребленія и притѣсненія сходовъ, приносятся мировому посреднику и разсматриваются въ особомъ крестьянскомъ судѣ. Для сего посредникъ созываетъ отъ 6 до 12 членовъ волостныхъ сходовъ своего участка“. Въ трудахъ редакціонныхъ комиссій учрежденіе такого особаго суда шеффеновъ по административнымъ дѣламъ мотивируется между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что „предоставленіе рѣшать вышеозначенныя дѣла одному посреднику, по личному его усмотрѣнію, слишкомъ опасно, ибо это значило бы совершенно подчинить ему всю волостную администрацію и сдѣлать изъ него что то въ родѣ окружнаго начальника государственныхъ имуществъ, каковая должность вызвала много неодобреній“. Проектированный особый судъ остался, правда, въ области предположеній, но, тѣмъ не менѣе, мировой посредникъ не сдѣлался, всетаки, копіей окружнаго начальника. Эта честь—гораздо позднѣе—выпала на долю земскихъ начальниковъ.

Итакъ, идея наказа земскимъ начальникамъ внушена наказомъ окружнымъ начальникамъ („Наказомъ окружному управленію“); между учрежденіями, предметами вѣдомства и даже, до извѣстной степени, основаніями дѣятельности есть несомнѣнное сходство. Но на фонѣ общаго сходства тѣмъ явственнѣе выступаютъ различія, показывающія, что мы не даромъ все-таки прожили послѣднее полъ-столѣтіе и пережили рядъ крупныхъ преобразо-

ваній, и что если мы слишкомъ многого не забыли изъ прошлаго, то научились, однако, кое чему и новому. Стоитъ, въ самомъ дѣлѣ, сравнить проектированный теперь наказъ съ наказомъ 1830 года. Послѣдній посвященъ преимущественно детальному раскрытію содержанія, существа той широкой попечительной власти, которая была предоставлена окружному управленію въ отношеніи сельскихъ обывателей; здѣсь рѣчь идетъ о всѣхъ сторонахъ „правительственнаго, хозяйственнаго и судебного устройства государственныхъ крестьянъ“, и даже предметы, относящіеся къ религиозно-нравственной жизни населенія, не исключены изъ попеченія окружныхъ начальниковъ (содѣйствіе къ охраненію благоустройства и благочинія по дѣламъ вѣры, мѣры для улучшенія нравственности государственныхъ крестьянъ и т. п.). Что же касается процессуальныхъ формъ этой всеобъемлющей попечительной дѣятельности, то на этотъ счетъ наказъ довольствуется нѣсколькими наставленіями по части канцелярскаго производства, основанными на общихъ началахъ господствовавшей тогда письменно-канцелярской премудрости. „Окружный начальникъ распечатываетъ вступающія бумаги; помѣтивъ на оныхъ число, мѣсяць и годъ полученія и подписавъ резолюцію о исполненіи, онъ отдаетъ ихъ для записки въ докладной реестръ и для передачи письмоводителю“; письмоводитель „изготавливаетъ исходящія бумаги“, или, если для исполненія резолюціи потребны предварительныя словесныя объясненія и справки, то письмоводитель представляетъ оныя окружному начальнику, который даетъ окончательную резолюцію, полагаемую въ основаніе „исходящей бумаги“. Всѣ резолюціи записываются въ особый докладной реестръ, всѣмъ дѣламъ ведется перечневая вѣдомость, ежегодно составляется именная вѣдомость о нерѣшенныхъ дѣлахъ и т. д. (ст. 3106—3119 учр. окр. упр. госуд. имущ.). Такого рода указаніями исчерпывается вся процессуальная часть въ наказѣ окружнымъ начальникамъ.

Между тѣмъ, важнѣйшей и наиболѣе выдающейся особенностью современнаго проекта инструкціи земскимъ начальникамъ является не подробное перечисленіе, каталогизированіе, отдѣльныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ функціи попечительства надъ „экономическимъ благосостояніемъ и нравственнымъ преуспѣяніемъ“ сельскаго населенія, а именно опредѣленіе *формъ*, въ которыхъ имѣетъ обнаруживаться эта функція попечительства и надзора, установленіе процессуальнаго порядка, процессуальныхъ граней, которыя должны замыкать и направлять по закономѣрному тече-

нію попечительную власть земскихъ начальниковъ. Эта задача ясно поставлена авторами проекта наказа; они прямо указываютъ, что формы, даваемые наказомъ для проявленія попечительной дѣятельности земскихъ начальниковъ, направлены не только къ тому, чтобы облегчить земскому начальнику наиболѣе дѣятельное осуществленіе его обязанностей, но и къ тому, чтобы „устранить случаи такого вмѣшательства земскаго начальника въ дѣла крестьянскихъ обществъ или въ область вѣдомства иныхъ установленій, которое выходитъ за предѣлы присвоенной ему дѣйствующими узаконеніями власти“. Можно даже сказать, что и матеріальная часть наказа, намѣчающая предметы, а не формы попечительной дѣятельности, преслѣдуетъ, въ сущности, ту-же цѣль—ограничить эту дѣятельность опредѣленнымъ кругомъ, представляющимъ залогъ ея плодотворности и, въ то же время, гарантію противъ опасности безбрежнаго разлива той дискреціонной власти, которою положеніе 12 іюня 1889 года вооружаетъ земскаго начальника. Затѣмъ, та сторона въ административной дѣятельности земскаго начальника, содержаніе которой составляетъ разсмотрѣніе и разрѣшеніе споровъ, возникающихъ изъ столкновенія интересовъ отдѣльной личности и общества, а также жалобъ на дѣйствія должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія,—эта сторона дѣятельности нуждается только въ процессуальныхъ правилахъ, такъ какъ предметы ея и поводы къ ея проявленію указаны въ законѣ. Наказъ устанавливаетъ опредѣленный порядокъ разсмотрѣнія такого рода дѣлъ, обезпечивающій надлежащее выясненіе всѣхъ ихъ обстоятельствъ, какъ необходимое условіе правильного ихъ разрѣшенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняющій въ производствѣ земскаго начальника медленность и излишнюю канцелярскую письменность.

Обзоръ всѣхъ постановленій наказа былъ бы слишкомъ утомителенъ для читателя; мы остановимся поэтому только на нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ правилахъ, чтобы по нимъ судить о силѣ и значеніи тѣхъ опасностей и преткновеній, отъ которыхъ предполагается очистить путь земскаго начальника. Наказъ открываетъ главою объ отношеніяхъ земскаго начальника къ волостнымъ и сельскимъ сходамъ. Земскому начальнику вмѣняется въ обязанность лично присутствовать на открытіи волостныхъ сходовъ, назначенныхъ для установленія и раскладки волостныхъ сборовъ, сдачи съ торговъ подрядовъ по отбыванію натуральныхъ повинностей, избранія должностныхъ лицъ или ихъ

годового учета; присутствіе на открытіи сходовъ, волостныхъ и сельскихъ, назначенныхъ для иныхъ дѣлъ, предоставляется усмотрѣнію земскаго начальника. Наказъ подробно и исчерпывающимъ образомъ опредѣляетъ обязанности земскаго начальника по открытію схода: земскій начальникъ удостовѣряется въ законномъ составѣ схода, онъ можетъ разъяснить участникамъ ихъ права и обязанности и порядокъ ихъ дѣйствій, изложить свои предположенія, клонящіяся къ улучшенію мѣстнаго общественнаго управленія и благоустройства, выяснить размѣръ потребныхъ въ сихъ дѣляхъ расходовъ, а въ подлежащихъ случаяхъ указать способы къ уменьшенію мірскаго обложенія,—но, засимъ, ни при производствѣ выборовъ, ни при самомъ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ не присутствуетъ. Послѣдняя предосторожность принимается, конечно, съ цѣлью оградить независимость схода и свободу выраженія на немъ мнѣній. „Необходимость такого правила, говорится въ мотивахъ къ проекту наказа, вытекаетъ изъ того, что въ присутствіи земскаго начальника непосредственно подчиненныя ему должностныя лица, являющіяся участниками схода, и выборные, относительно коихъ, при противорѣчій съ ихъ стороны желаніямъ начальства, старшина, а иногда и самъ земскій начальникъ, могутъ примѣнять права свои по ст.ст. 64 и 68 общ. полож. и ст. 61 пол. зем. нач., лишены возможности свободно высказывать свое мнѣніе, особливо въ столь обычной на сходахъ формѣ открытой подачи голосовъ“. Такимъ образомъ признается, что если не *de jure*, то *de facto*, одно „противорѣчіе желаніямъ начальства“ можетъ явиться поводомъ къ примѣненію принадлежащихъ начальству правъ по наложенію дисциплинарныхъ взысканій. Очевидно, что при такихъ условіяхъ одно прегражденіе земскому начальнику доступа въ ту комнату, гдѣ происходятъ совѣщанія сходовъ, является крайне недостаточной, хотя и не лишней, защитой ихъ самостоятельности.

Наказъ устанавливаетъ порядокъ повѣрки земскимъ начальникомъ общественныхъ приговоровъ. Особенно подробно регламентируется способъ повѣрки приговоровъ объ удаленіи изъ среды общества или непринятіи въ свою среду порочныхъ членовъ и объ общемъ передѣлѣ; при повѣркѣ приговоровъ о новомъ распланированіи усадебъ послѣ пожара, объ общемъ перемѣрѣ всѣхъ усадебныхъ участковъ, объ отчужденіи надѣльной земли, о раздѣленіи обществъ или соединеніи таковыхъ, если съ симъ связано измѣненіе землепользованія, и о переходѣ отъ общиннаго къ подворно-участко-

вому землепользованію—выѣздъ на мѣсто и допросъ не менѣе $\frac{2}{3}$ участниковъ схода обязательны для земскаго начальника. По просьбамъ частныхъ лицъ объ отиѣнѣ тѣхъ или иныхъ приговоровъ, какъ нарушающихъ ихъ интересы, земскій начальникъ обязательно вызываетъ для допроса самихъ жалобщиковъ, а со стороны обществъ—сельскихъ должностныхъ лицъ и выборныхъ отъ селенія для участія на волостныхъ сходахъ, или иныхъ представителей общества; сверхъ того, онъ не вправе, безъ уважительныхъ причинъ, отказать въ вызовѣ тѣхъ членовъ общества, допроса коихъ домогается жалобщикъ.

Особая глава трактуеть объ отношеніяхъ земскаго начальника къ волостному суду. Общій характеръ этихъ отношеній выраженъ въ ст. 14 наказа, которая гласитъ: „Направляя къ разрѣшенію волостнаго суда въ подлежащихъ случаяхъ просьбы частныхъ лицъ или сообщенія полиціи, земскій начальникъ вправе предписать волостному суду о разсмотрѣнн дѣла внѣ очереди, а равно указать и разъяснить суду относящіяся къ дѣлу узаконенія, но какъ выясненіе фактической обстановки каждаго дѣла, такъ и самое разрѣшеніе его по существу—обязаны всецѣло предоставлять свободному убѣжденію судей, не оказывая на нихъ, въ семъ отношеніи, никакого вліянія“. Опять таки очевидно, что право предписать разсмотрѣніе дѣла внѣ очереди и право указать и разъяснить относящіяся къ дѣлу узаконенія остаются—желаютъ ли этого авторы наказа или нѣтъ—достаточно прямыми и широкими каналами для проведенія вліянія земскаго начальника на свободное убѣжденіе судей.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ постановленіе наказа объ участіи земскаго начальника въ исполненіи приговоровъ волостнаго суда о тѣлесномъ наказаніи. Земскій начальникъ обязанъ посредствомъ справки о личности, лѣтахъ и состояніи здоровья приговореннаго къ наказанію, удостовѣриться, что къ исполненію приговора не встрѣчается законныхъ препятствій, и что въ обстоятельствахъ дѣла не заключается основаній къ замѣнѣ назначеннаго судомъ наказанія. При отказѣ обвиняемому въ просьбѣ замѣнить наказаніе, земскій начальникъ, въ постановленіи своемъ, обязанъ объяснить причины такого отказа. Наказъ предусматриваетъ также случаи необходимости для земскаго начальника обратиться по личному дѣлу въ подвѣдомственный ему волостной судъ. Земскій начальникъ сообщаетъ тогда о начатомъ дѣлѣ замѣняю-

щему его кандидату, на котораго переносятся все обязанности по повѣркѣ рѣшенія и по направленію жалобъ.

Рамки попечительной дѣятельности земскаго начальника наполняются, по наказу, слѣдующимъ содержаніемъ: наблюденіе за недоимочностью крестьянскихъ обществъ, за разверсткой въ нихъ податей и сборовъ, представленіе начальству объ оказаніи податныхъ льготъ; надзоръ за мірскими суммами и за употребленіемъ мірскихъ капиталовъ; попеченіе объ исправномъ состояніи православныхъ храмовъ и другихъ общественныхъ зданій; наблюденіе за организаціей мѣръ къ обезпеченію народнаго продовольствія; надзоръ за опекунскими дѣлами малолѣтнихъ; попеченіе о мѣрахъ пожарной безопасности и о мѣрахъ санитарныхъ; надзоръ за учрежденіями общественнаго призрѣнія и мелкаго кредита и содѣйствіе къ устройству таковыхъ; попеченіе о народномъ образованіи путемъ наблюденія за школьнымъ дѣломъ и изученія школьныхъ нуждъ въ участіе. Наказъ неоднократно повторяетъ, чтобы земскій начальникъ, если ему случится намѣтить какое нибудь улучшеніе по части благоустройства, требующее расходовъ и вообще затрогивающее имущественныя права крестьянскихъ обществъ, предлагалъ свои соображенія по этому предмету на обсужденіе подлежащихъ сходовъ. Наставленіе это вызвано, конечно, примѣрами слишкомъ ретивой реформаторской дѣятельности нѣкоторыхъ земскихъ начальниковъ, не устоявшихъ противъ искушенія разыграть въ своемъ участіе роль Юсифа II или Фридриха Великаго.

Наиболѣе цѣлесообразной представляется намъ послѣдняя часть наказа, устанавливающая порядокъ производства земскимъ начальникомъ административныхъ дѣлъ. Порядокъ этотъ, по мѣрѣ возможности, приближается къ судебному; въ него вводится устность, гласность, непрерывность разбирательства, состязательность. Недостааетъ только одного: недостааетъ судьи, какъ органа независимой, не связанной никакими посторонними отношеніями и вліяніями, судебной власти; но очень многое изъ остальной, внѣшней стороны судебного производства имѣется налицо. Разбирательство дѣлъ производится въ мѣстѣ жительства земскаго начальника; для принятія прошеній и разбора дѣлъ лицъ, проживающихъ въ дальнемъ разстояніи отъ этого мѣста, земскій начальникъ посѣщаетъ ежемѣсячно, въ опредѣленные числа, волостныя правленія, отстоящія отъ него далѣе 15 верстъ. Разбирательство должно быть словесное; рѣшеніе постановляется на основаніи собранныхъ доказательствъ, дѣйствующихъ узаконеній и мѣстныхъ

обычаевъ, если послѣдніе не противорѣчатъ существующимъ законамъ. При разборѣ дѣлъ, кромѣ участвующихъ лицъ, могутъ присутствовать и посторонніе. Приступивъ къ разбору дѣла, земскій начальникъ выслушиваетъ обѣ стороны; представленныя къ дѣлу письменныя и всякія другія доказательства разсматриваются также при обѣихъ сторонахъ. Рѣшеніе каждаго дѣла должно слѣдовать, по возможности, непосредственно за его разбирательствомъ, кромѣ случаевъ, когда по дѣлу требуется вызовъ новыхъ свидѣтелей, представленіе документовъ и справокъ или мѣстное дознаніе; въ дѣлахъ сложныхъ земскій начальникъ можетъ отложить объявленіе рѣшенія, но не далѣе семи дней. Дѣла разрѣшаются письменнымъ постановленіемъ или словеснымъ распоряженіемъ; подвергая кого либо аресту или денежному взысканію, по ст. 61 полож. о зем. нач., за неисполненіе законныхъ требованій или распоряженій, земскій начальникъ обязанъ составить письменное постановленіе и указать въ немъ, въ чемъ, именно, заключалось неисполненное требованіе или распоряженіе, и было ли оно предварительно объявлено виновному.

Такимъ образомъ, въ итогѣ—наказъ земскимъ начальникамъ, не смотря на свою связь съ прошлымъ дореформеннымъ наказомъ окружнымъ управленіямъ, есть явленіе, отражающее на себѣ главнѣйшее, быть можетъ, юридическое стремленіе настоящаго времени, по крайней мѣрѣ, у насъ, въ Россіи, стремленіе облечь живую, но безформенную матерію власти въ опредѣленныя, строго ограниченныя формы, которыя бы направляли и сдерживали ея дѣятельность въ рамкахъ законности и уваженія къ правамъ частныхъ лицъ.

Д. Л.

3. Вопросъ о земской адвокатурѣ.

Мало подмѣтить, констатировать, мало даже официально признать существованіе того или другого вреднаго явленія въ государственной жизни, чтобы устранить его тлетворное дѣйствіе. Для этого необходимо отъ работы отрицательной, критической, перейти къ положительному, созидательному труду, необходимо измыслить практическія мѣры борьбы съ существующимъ зломъ, организовать эту борьбу, и, наконецъ, вести ее до конца съ умѣніемъ, энергіею и настойчивостью. По отношенію къ борьбѣ съ деревенскимъ безправіемъ мы

находимся еще въ самомъ первомъ періодѣ позитивнаго труда,—мы приступаемъ къ измышленію способовъ борьбы съ нимъ.

Съ этой точки зрѣнія, нельзя не обратить вниманія на два явленія которыя, не смотря на различіе источниковъ,—одно идетъ изъ среды земства, другое изъ стѣнъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ,—имѣютъ одну и ту же конечную цѣль—заполнить *tabulam gasam* крестьянскаго правосостоянія. Мы говоримъ о проектахъ устройства земской адвокатуры и о проектѣ общаго наказа земскимъ начальникамъ, о которомъ говорится въ предыдущей статьѣ.

Первому вопросу посвященъ краснорѣчивый докладъ проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, прочитанный 25 сентября 1899 г. въ за-сѣданіи административнаго отдѣленія Спб. юридическаго общества, а затѣмъ помѣщенный въ газетѣ „Право“ (№№ 39 и 40).

Авторъ является противникомъ правительственной организаціи сельской адвокатуры, справедливо находя, что она противорѣчила бы основной идеѣ института, который долженъ состоять изъ лицъ, дѣйствующихъ исключительно по частному почину, въ предѣлахъ соглашенія съ довѣрителями, независимо отъ органовъ государственной власти; только при этомъ условіи онъ можетъ удовлетворять своему назначенію: оказывать помощь всѣмъ и каждому въ защитѣ правъ и законныхъ интересовъ какъ противъ частныхъ лицъ, такъ и противъ органовъ власти, административныхъ и судебныхъ. Но такъ какъ нельзя рассчитывать на то, чтобы самъ собою создался институтъ сельскихъ адвокатовъ изъ дипломированныхъ юристовъ, то авторъ и возлагаетъ всю надежду на выполненіе этой задачи земствомъ. Организація земской медицины, по сродности потребностей и способа ихъ удовлетворенія, представляетъ полное ручательство въ успѣхѣ дѣла. Правда, на почвѣ дѣйствующаго закона авторъ считаетъ осуществленіе этой надежды почти невозможнымъ, но законы подлежатъ измѣненіямъ и отказъ Комитета Министровъ въ ходатайствѣ Тверскаго земства о дополненіи 2-ой статьи земскаго положенія „правиломъ, въ силу котораго земскимъ учрежденіямъ предоставлялось бы право организаціи земской адвокатуры“, не остановить дальнѣйшихъ ходатайствъ земствъ въ томъ же направленіи. Изъ 215 уѣздныхъ земскихъ управъ, запрошенныхъ Александровскою управою, 85% высказалось въ пользу учрежденія земской адвокатуры, и только 15%—противъ.

Нельзя не согласиться съ г. Кузьминымъ-Караваевымъ, что для нашего земства попытки организовать земскую адвокатуру представляютъ единственный доступный для него способъ помочъ

народу въ борьбѣ съ деревенскимъ безправіемъ, которое совершенно противно его сознанію, не допускающему существованія неясности и недостатка закона, настойчиво добивающемся отъ закона и его служителей ясныхъ и точныхъ отвѣтовъ на занимающіе его вопросы права. Нельзя также не отмѣтить всей симпатичности той постановки земской адвокатуры, которая придается ей въ докладѣ г. Кузьмина-Караваева: по его мысли она должна быть равно доступна всѣмъ земскимъ плательщикамъ, и дворянину, и крестьянину, и разночинцу, и бѣдному, и богатому. Услуги земской адвокатуры возмездны, такъ какъ всегда имѣютъ конечную цѣль или доставленіе выгоды или огражденіе отъ убытка. Неимущіе должны пользоваться совѣтами, составленіемъ бумагъ и защитой въ уголовномъ судѣ бесплатно, за веденіе гражданскихъ ихъ дѣлъ, въ случаѣ выигрыша, адвокатъ получить судебныя издержки за наемъ повѣреннаго съ противной стороны. На прочія услуги должна быть составлена такса. Земство гарантируетъ приглашеннымъ управою адвокатамъ мѣсячнымъ заработкомъ; учетъ полученнаго отъ кліентовъ вознагражденія производится по корешкамъ квитанціонной книги; изъ итога вычитаются дорожныя расходы; предѣлъ гарантіи—отъ 1000 до 1500 руб. въ годъ, считая отъ 900 до 1200 р. личнаго заработка—примѣнительно къ окладамъ жалованья членовъ управъ, врачей и т. п.—и отъ 100 до 300 р. на канцелярскіе расходы.

Институтъ земскихъ адвокатовъ долженъ комплектоваться изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ, а при недостаткѣ ихъ—изъ числа вполне благонадежныхъ частныхъ повѣренныхъ, имѣющихъ надлежащія свидѣтельства. Сохраняя принадлежность къ своей корпораціи, земскіе адвокаты несутъ отвѣтственность только передъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ или судебными установленіями на общемъ основаніи. Число приглашенныхъ адвокатовъ должно быть не менѣе двухъ, дабы истецъ и отвѣтчикъ могли одновременно пользоваться ихъ услугами.

Пять адвокатовъ обезпечать уѣзду юридическую помощь, по крайней мѣрѣ, на первое время, а расходъ на нихъ въ 3000, 5000 руб., при бюджетѣ въ 150—250 тысячъ, не обременитъ земскихъ плательщиковъ.

Однако, какъ ни симпатичны очертанія, въ которыхъ вырисовывается передъ нами институтъ земской адвокатуры, самая идея его вызываетъ большія сомнѣнія. Прежде всего нельзя не отмѣтить, что земство, какъ государственное учрежденіе, ведущее принудительное хозяйство за счетъ плательщиковъ налоговъ, прин-

ципально не настолько отличается отъ другихъ органовъ государства, какъ то полагаетъ г. Кузьминъ-Караваевъ, придерживающійся, повидимому, въ своихъ взглядахъ на земство старой, оставленной нынѣ, общественной теоріи самоуправленія, противопоставившей государству земство—какъ организованное мѣстное общество, вѣдающее свои нужды и интересы. Вѣдь земство тоже органъ государственной принудительной власти, органъ мѣстный, а не центральный съ Имперской точки зрѣнія, но правящій изъ мѣстнаго уѣзднаго центра, не чуждый противорѣчія между правящими и управляемыми, а при нынѣшнемъ его устройствѣ, находящійся, кромѣ того, въ сильной зависимости отъ власти губернатора и центрального правительства. Большинство возраженій противъ государственной адвокатуры, хотя и съ меньшею силою, одинаково относятся къ земской адвокатурѣ. Чины и ордена—не существенный признакъ государственной службы, отличающій чиновника отъ адвоката, а гарантированный окладъ заработка, боязнь утратить этотъ вѣрный источникъ пропитанія, и оттуда чувство зависимости отъ начальства, пригласившаго на службу, стремленіе подняться по іерархической лѣстницѣ, съ меньшаго оклада на большій, перейти изъ захолустья въ большое село, изъ села въ городъ и оттуда желаніе быть угоднымъ той власти, отъ которой зависитъ повышеніе,—все это характеризуетъ и правительственнаго и земскаго служащаго и даже лицъ, состоящихъ на службѣ акціонерныхъ компаній и большихъ торговыхъ фирмъ, всѣхъ живущихъ жалованьемъ, въ смыслѣ гарантированнаго оклада, отличая ихъ отъ лицъ, имѣющихъ независимый заработокъ.

Аналогія между адвокатомъ и врачомъ, составляющая, строго говоря, единственнаго положительнаго довода В. Д. Кузьмина-Караваева въ пользу возможности устройства земской адвокатуры, не идетъ въ сущности далѣе того, что обыкновенно и врачъ и адвокатъ практикуютъ на началахъ либеральной профессіи. Но на этомъ и кончается аналогія. Врачъ можетъ успѣшно практиковать, состоя на опредѣленномъ окладѣ жалованья, обязывающемъ его оказывать безмездно помощь населенію извѣстнаго округа или лицамъ извѣстной категоріи, адвокатъ въ этихъ условіяхъ дѣйствовать не можетъ. Напрасно указывать на присяжныхъ повѣренныхъ, состоящихъ юрисконсультами разныхъ предпріятій или даже правительственныхъ учреждений: они оказываютъ услуги обществу или учрежденію какъ юридическимъ лицамъ, а не отдѣльнымъ лицамъ, входящимъ въ ихъ составъ.

Есть еще серьезное различіе между адвокатомъ и врачомъ. „Никто и ничто не мѣшаетъ, ни присяжнымъ, ни частнымъ повѣреннымъ селиться въ уѣздныхъ городахъ, селахъ и деревняхъ и заниматься ихъ профессіей“, говоритъ г. Кузьминъ-Караваевъ. „Однако... институтъ сельскихъ адвокатовъ у насъ не созданъ и можно быть твердо увѣреннымъ, что онъ не создается самъ собою и черезъ сто лѣтъ. На вопросъ: почему?—отвѣтимъ сравненіемъ: никто и ничто не препятствовалъ и врачамъ до образованія земской медицины избирать полемъ своей дѣятельности уѣзды и села, но, кромѣ уѣзднаго да городского и кое гдѣ военнаго врача, развѣ можно было встрѣтить тогда въ уѣздномъ захолустѣ дипломированнаго медика. Нѣтъ, слишкомъ еще мало культурна наша деревня, чтобы въ ней самъ собою, безъ сторонней инициативы и внѣшняго содѣйствія, могъ создаться институтъ какихъ-бы то ни было интеллигентныхъ работниковъ—врачей, адвокатовъ, агрономовъ, учителей и т. д.“. Дѣйствительно, въ малокультурной средѣ невозможна никакая либеральная профессія, такъ какъ некультурное населеніе не сознаетъ пользы, которую она можетъ ему принести, чуждается интеллигентныхъ людей и оставляетъ ихъ безъ заработка. Но опять-таки на этомъ и кончается аналогія. Тамъ, гдѣ еще не созданы условія для дѣятельности дипломированнаго вольнопрактикующаго врача,—тамъ государство или земство можетъ поставить на жалованьи врача, оказывающаго населенію безмездную помощь и вытѣсняющаго мало по малу дѣятельность вольнопрактикующихъ знахарей и ворожей. Мало того, при недостаточности и этого средства для борьбы съ болѣзнями, въ случаѣ эпидемій и т. п., медицинская помощь можетъ быть облечена даже принудительнымъ характеромъ. Въ обоихъ случаяхъ дѣятельность врача утратитъ характеръ либеральной профессіи, но все таки останется по существу своему тою же, что и была. Адвокатура такихъ превращеній не допускаетъ: утрачивая характеръ либеральной профессіи, она перестаетъ быть адвокатурою. Юристъ, поставленный для обязательнаго оказанія помощи всѣмъ и каждому, ex officio, немедленно утратитъ характеръ вольнопрактикующаго адвоката: одно то, что онъ *обязанъ* быть адвокатомъ каждаго обращающагося къ нему лица, ставитъ его въ невозможное положеніе.

Самъ г. Кузьминъ-Караваевъ, находящій аналогію въ положеніи созданнаго земствомъ института земскихъ врачей и проектируемаго института земскихъ адвокатовъ, не рѣшается доводить

этой аналогіи до конца. Тогда какъ основной принципъ земской медицины—безмездность услугъ врача, оплачиваемаго изъ земскихъ суммъ, и, слѣдовательно, право каждаго земскаго плательщика, и даже каждаго постоянного жителя уѣзда на его услуги,—по отношенію къ земскимъ адвокатамъ выставляется иной принципъ: чтобы получить право на ихъ услуги, требуется внести специальную пошлину по таксѣ.

Услуги, оказываемыя населенію земскимъ врачомъ, въ принципѣ не вызываютъ противорѣчія между интересами отдѣльных лицъ, составляющихъ населеніе данной мѣстности. Если заболѣли два сосѣда одною и тою же болѣзною или разными недугами, оба одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ посѣтилъ врачъ, хотя бы одинъ и тотъ же, оба сложатъ свои силы, чтобы за нимъ послать, а если онъ пріѣхалъ на лошади болѣе богатаго изъ нихъ, то послѣдній нисколько не потерпитъ ущерба, если заодно врачъ окажетъ помощь захворавшему сосѣду-бѣдняку. Въ случаѣ обращенія за врачебною помощію нѣсколькихъ лицъ, врачебная этика даетъ земскому врачу совершенно ясный отвѣтъ, какъ слѣдуетъ поступить: ѣхать прежде къ тому, чье положеніе опаснѣе, а при отсутствіи непосредственной опасности, соблюдать очередь по времени обращенія за помощію. Если иногда земскій врачъ вынужденъ ѣхать не въ очередь къ вліятельному въ уѣздѣ челоуѣку, или спѣшить туда, гдѣ надѣется получить гонораръ,—то это лишь частныя отступленія отъ принципа, случающіяся въ практикѣ не только земскихъ, но и вольнопрактикующихъ врачей.

Совершенно въ иномъ положеніи будетъ земскій адвокатъ. Въ силу одного того, что онъ не можетъ оказывать услугъ обѣимъ тяжущимся сторонамъ, его помощь одному лицу обращается во вредъ интересамъ другого. Если въ уѣздѣ будутъ не три или пять, а цѣлыхъ десять земскихъ адвокатовъ, то и въ такомъ случаѣ не создается равенство сторонъ. Обращеніе къ ближайшему адвокату всегда удобнѣе, чѣмъ къ болѣе отдаленному по мѣсту жительства; обращеніе къ болѣе способному, знающему, дѣловитому создаетъ болѣе выгодное положеніе въ процессѣ для стороны, пользующейся его услугами. Въ виду этого вопросъ о томъ, кто изъ земскихъ плательщиковъ имѣетъ первенствующее право на услуги даннаго адвоката, кому онъ не можетъ и кому можетъ отказать въ услугахъ, является вопросомъ первостепенной важности.

Предположимъ сперва, для упрощенія вопроса, что земскій адвокатъ, подобно земскому врачу, оплачивается изъ земскихъ

суммъ, никакихъ сборовъ по таксѣ не получаетъ и обязанъ оказывать услуги земскимъ плательщикамъ, понимая подъ этимъ именемъ все населеніе уѣзда, безмездно. Долженъ ли онъ помогать обязательно той сторонѣ, которая къ нему раньше обратилась, или же той, которая болѣе беспомощна въ юридическомъ отношеніи, или, наконецъ, той, на сторонѣ которой право? Самое простое отвѣтить утвердительно на первый изъ поставленныхъ вопросовъ: кто первый пришелъ за помощью, тому она и должна быть оказана. Однако, при такой постановкѣ, земская адвокатура врядъ ли будетъ отвѣчать той цѣли, ради которой она проектируется. Если въ теоріи предполагается, что всегда слабый и обижаемый ищетъ защиты, что правый первый прибѣгаетъ подъ покровительство закона, суда, адвоката, то на практикѣ картина представляется нѣсколько иною: къ содѣйствію адвоката заблаговременно обращается болѣе ловкій и дальновидный, на судъ идетъ первымъ болѣе смѣлый, иногда промышляющій ябедою и клеветами, законъ часто на сторонѣ того, кто сумѣлъ запутать противника, связать его формальными документами. Оказывать помощь этому, юридически болѣе сильному, человѣку значить еще усиливать, за счетъ земскихъ суммъ, тягость безправнаго положенія забитаго и юридически невѣжественнаго большинства населенія. Вѣдь возможенъ при этомъ и такой случай: деревенскій торговецъ, скупающій продукты у крестьянъ цѣлой округи и затѣвующій нѣсколько однородныхъ процессовъ противъ своихъ поставщиковъ, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, обратится ко всѣмъ земскимъ адвокатамъ съ просьбою предъявить ко всѣмъ иски, и адвокаты примутъ эти полномочія по праву первенства обращенія. Кто же будетъ защищать интересы отвѣтчиковъ!

Если установить правиломъ оказаніе адвокатами помощи не по первенству обращенія, а по степени нужды въ юридической помощи, отдавая преимущество невѣждѣ передъ образованнымъ и немущему передъ состоятельнымъ,—другими словами, субсидировать изъ земскихъ суммъ адвокатовъ для бѣдныхъ, то, какъ ни затруднительно въ иныхъ случаяхъ будетъ разрѣшить, кто изъ тяжущихся болѣе нуждается въ помощи, самый принципъ этотъ заслуживаетъ полного сочувствія. Не только въ деревняхъ, но и повсюду нужны общественные адвокаты для бѣдныхъ! Бѣда только въ томъ, что именно этотъ принципъ встрѣтитъ себѣ болѣе всего возраженій въ средѣ самихъ земскихъ собраній. Если даже противъ безмездныхъ школъ возражаютъ, что онѣ служатъ интере-

самъ не всего населенія уѣзда, а только низшихъ его слоевъ, то еще болѣе воплей подымается противъ земскихъ адвокатовъ для бѣдныхъ, какъ нарушающихъ будто бы принципъ равенства всѣхъ обывателей передъ земствомъ. Очевидно, въ предвидѣніи такихъ воплей самъ г. Кузьминъ-Караваевъ спѣшитъ съ успокоительнымъ заявленіемъ, что помощью земскихъ адвокатовъ одинаково будутъ пользоваться и дворяне, и крестьяне, и разночинцы, и богатые и бѣдные. И на самомъ дѣлѣ, нельзя отказать въ известной долѣ справедливости предвидимыхъ нами изъ среды земствъ возраженій противъ адвокатовъ для бѣдныхъ. Если-бы потребность состоятельной части населенія уѣзда въ юридической помощи была вполне удовлетворена, и вопросъ шелъ только объ удовлетвореніи такой-же нужды бѣднаго населенія—эти возраженія были-бы такъ же неосновательны, какъ возраженія противъ бесплатности земскихъ начальныхъ народныхъ училищъ. Но вѣдь въ юридической помощи нуждаются и состоятельные жители уѣзда, могущіе оплатить услуги адвоката, а правота дѣла не всегда на сторонѣ бѣднаго.

Не обязать-ли земскихъ адвокатовъ помогать той сторонѣ, которая имъ кажется правою? или, по крайней мѣрѣ, предоставить имъ отказывать въ услугахъ лицамъ, претензіи которыхъ кажутся имъ неправильными? Но вѣдь большинство гражданскихъ споровъ таковы, что рѣшить, кто правъ и кто неправъ, нельзя, не разсмотрѣвъ дѣла со всѣхъ концовъ, не выслушавъ обѣихъ тяжущихся сторонъ, не взвѣсивъ тщательно всѣхъ малѣйшихъ подробностей дѣла. Суды, которые обладаютъ всѣми средствами для выясненія и правильного рѣшенія дѣла, часто постановляютъ въ разныхъ инстанціяхъ разные рѣшенія по одному и тому-же дѣлу. А какія-же средства у адвоката, чтобы судить, на чьей сторонѣ правота дѣла, если онъ выслушалъ только одну сторону, или допустимъ, даже обѣ стороны, но, конечно, безъ соблюденія тѣхъ гарантій, которыми обладаетъ судъ? Предоставить земскому адвокату отказывать въ своей помощи обращающемуся къ нему земскому плателщику значило-бы, если не прямо облечь его судейскимъ авторитетомъ, то во всякомъ случаѣ отдать въ его руки тѣ гири, которыя склоняютъ вѣсъ правосудія въ одну или другую сторону. Одинъ фактъ отказа земскаго адвоката въ принятіи полномочія будетъ ронять сторону въ глазахъ суда, не говоря уже о томъ, что помощь опытнаго юриста усиливаетъ, а отсутствіе ея ослабляетъ шансы тяжущагося на выигрышъ дѣла.

Вольнопрактикующій адвокатъ, отказывался отъ веденія непра

ваго, по его мнѣнію, дѣла, дѣйствуетъ за свой личный страхъ, дѣйствуетъ по своимъ личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, будучи въ полномъ правѣ принять, или не принять дѣло. Адвокатъ земскій дѣйствуетъ за счетъ земства, какъ органа мѣстнаго самоуправленія и не имѣетъ права руководиться личными симпатіями и антипатіями, не имѣетъ права отклонять принятіе дѣла безъ вѣскихъ основаній.

Поможетъ-ли земскому адвокату выпутаться изъ трудныхъ этическихъ контроверзъ установленіе таксы на его услуги, вмѣсто ихъ безмездности, какъ предлагаетъ г. Кузминъ-Караваяевъ, при гарантіи земствомъ *minimum*'а заработка? Нѣтъ; по нашей мнѣнію, такса еще усложнитъ и безъ того нелегкую задачу земскаго адвоката. Такъ такъ земство гарантируетъ ему лишь *minimum* заработка, а человѣку естественно заботиться, объ его увеличеніи, то практика земскихъ адвокатовъ будетъ болѣе склоняться къ слѣдованію первому изъ трехъ разобранныхъ нами выше принциповъ, не отказывая въ своихъ услугахъ сторонѣ, которая первая обратилась за содѣйствіемъ, и, слѣдовательно, увеличится возможность того „казуса“, который нами указанъ, какъ крайній случай примѣненія этого принципа; да кромѣ того, рѣже будутъ случаи нравственнаго воздѣйствія адвоката въ видѣ отговариванія обратившихся за его помощью лицъ отъ начатія дѣла. Но можно предвидѣть даже весьма нерѣдкіе, случаи, когда лица, обращающіяся къ помощи земскаго адвоката, пожелаютъ отступить отъ таксы: одни, ссылаясь на свою бѣдность, будутъ просить о безмездной помощи, или болѣе дешевой, чѣмъ по таксѣ; другіе—пожелаютъ заинтересовать адвоката болѣе высокимъ гонораромъ. Обязанъ-ли земскій адвокатъ отклонять тѣ и другія предложенія, или онъ въ правѣ отступать отъ таксы въ ту или другую сторону? Намъ случалось слышать нравственное неодобреніе земскимъ врачамъ, которые не отказываются отъ гонорара, предлагаемаго земскими плательщиками, но никогда мы не слышали сомнѣній въ юридическомъ правѣ земскихъ врачей принимать вознагражденіе за врачебную помощь, никогда не возникало вопроса о возможности обвиненія ихъ по этому поводу въ издоимствѣ. Тѣмъ менѣе основаній для воспрещенія принятія гонораря свыше таксы земскимъ адвокатамъ, которые, по мысли г. Кузьмина-Караваяева, не состоятъ на земской службѣ, и которымъ земство гарантируетъ *minimum* заработка, не заботясь о *maximum*'ѣ. Такъ же мало основаній запрещать земскому адвокату принимать гонораръ ниже таксы

и даже оказывать помощь безмездно, если только подъ этимъ видомъ онъ не вводитъ въ излишнія издержки земство, освобождая отъ уплаты гонорара состоятельныхъ кліентовъ, искусственно повышая гарантированную земствомъ приплату къ заработку по таксѣ.

Но разъ допустить возможность отступленій отъ таксы въ ту или другую сторону, сейчасъ же нарушается принципъ равенства всѣхъ земскихъ плательщиковъ въ правѣ на помощь адвоката; все населеніе раздѣлится на три категоріи: платящихъ выше таксы, платящихъ по таксѣ и платящихъ ниже таксы. А такъ какъ эти признаки не совпадаютъ съ вышеуказанными признаками большей правоты, большей беззащитности и даже первенства обращенія къ помощи, то разобраться, кому отказать въ услугахъ и кому ихъ оказать, для адвоката окажется еще гораздо труднѣе при системѣ вознагражденія по таксѣ, чѣмъ если бы онъ состоялъ на опредѣленномъ окладѣ жалованья.

До сихъ поръ мы разсматривали положеніе будущихъ земскихъ адвокатовъ лишь по отношенію ихъ къ тяжбымъ дѣламъ и вообще къ спорамъ между двумя сторонами. Однако, помощь адвоката нужна населенію, и не въ меньшей, если не еще въ большей мѣрѣ, и въ другомъ отношеніи; его права нуждаются въ огражденіи отъ неправильныхъ рѣшеній и приговоровъ суда, отъ неправильныхъ распоряженій администраціи. Въ этой области, казалось бы, земскій адвокатъ можетъ оказывать помощь всѣмъ и каждому, не опасаясь вызвать рознь и противорѣчіе интересовъ въ средѣ населенія. Однако, эта сторона дѣятельности несомнѣнно окажется на практикѣ еще болѣе щекотливою для земскихъ адвокатовъ, хотя по другимъ совершенно причинамъ, чѣмъ участіе ихъ въ тяжбымъ дѣлахъ. Хотя само земство и земскіе дѣятели рѣдко приходятъ въ столкновеніе съ интересами населенія, но, во-первыхъ, они находятся въ служебной зависимости отъ губернатора, а въ его лицѣ и вообще отъ правительственной администраціи, а во-вторыхъ, они обрѣтаются въ разныхъ, болѣе или менѣе тѣсныхъ, связяхъ и съ земскими начальниками и съ другими должностными лицами правительственной іерархіи, на неправильныя распоряженія, рѣшенія и приговоры которыхъ придется жаловаться земскимъ адвокатамъ.

Ну что-жь, дружба дружбой, а служба службой,—такъ сказали бы во всякой культурной средѣ, сказали бы у насъ въ Петербургѣ, Москвѣ, еще въ нѣсколькихъ болѣе крупныхъ центрахъ. Но въ губернскихъ городахъ, а тѣмъ болѣе въ уѣздной глуши, взгляды иные. Въ каждой жалобѣ, приносимой на рѣшеніе, приговоръ или

распоряженіе начальства тамъ смотрять, въ лучшемъ случаѣ, какъ на досадливую влязу, а въ худшемъ—какъ на посягательство противъ незыблемости авторитета власти, человѣка-же, занимающагося по профессіи писаніемъ жалобъ на начальство, не потерпятъ и недѣли, какъ опаснаго сѣятеля неудовольствія противъ установленной власти.

Горько звучитъ предсказаніе г. Кузьмина-Караваева, что еще черезъ сто лѣтъ не создается у насъ институтъ сельскихъ адвокатовъ. Мы не хотимъ вѣрить этому предсказанію. Мы съ болѣею охотою останавливаемся на словахъ того же автора, который говоритъ: „Современный типъ крестьянскихъ ходатаевъ исчезнетъ самъ собой и тѣмъ скорѣе, чѣмъ менѣе будетъ приниматься запретительныхъ мѣръ“. Какъ ни плохи современные деревенскіе адвокаты, но они расчищаютъ поле, вспахиваютъ ниву для будущей дѣятельности дипломированныхъ адвокатовъ, вынося на своихъ плечахъ всю тяжесть піонеровъ новаго дѣла. Они терпятъ униженія, рискуютъ своею шкурою, отстаивая, какъ умѣютъ, права деревенскихъ жителей. Они зацуганы и загнаны, они часто вынуждены тайкомъ писать жалобы, доставлять ихъ черезъ третьихъ лицъ, чтобы начальство не узнало ихъ по почерку и не возбудило новыхъ гоненій, но они пріучаютъ населеніе къ мысли, что есть законъ, ограждающій права, и что можно и должно бороться за право на почвѣ закона. Ихъ дѣятельность повышаетъ культуру деревни, и достаточно было-бы обезпечить защиту личной неприкосновенности деревенскому адвокату, кто бы онъ ни былъ, чтобы на смѣну нынѣшнихъ плохихъ и невѣжественныхъ адвокатовъ явились въ деревню иные, лучшіе, а за ними придутъ и дипломированные юристы. Для нихъ найдется и работа и заработокъ, такъ какъ и теперь деревня расходуетъ много денегъ на исканіе права и правды, платитъ „аблакатамъ“ за дѣла мелкое начальство, посылаетъ ходатаевъ въ губернію и въ самый Петербургъ и т. п. Однако, на первое время и земство могло-бы помочь скорѣйшему водворенію въ деревняхъ дипломированныхъ юристовъ, принимая ихъ на службу, напр., въ качествѣ своихъ юрисконсультовъ, страховыхъ агентовъ, контролеровъ разныхъ областей разрастающагося земскаго хозяйства и т. п., но устраняясь отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ адвокатскую дѣятельность. Но прежде всего, повторяемъ, необходимо обезпечить самую возможность дѣятельности адвоката въ деревнѣ.

Проектъ земской адвокатуры вышелъ изъ земской среды, и этимъ, очевидно, объясняется, что изъ всѣхъ способовъ практической

борьбы съ деревенскимъ безправіемъ выдвинулся на первую очередь вопросъ о деревенской адвокатурѣ. Конечно, при всякихъ условіяхъ, помощь образованнаго и опытнаго адвоката принесетъ пользу населенію, страдающему въ атмосферѣ безправія, но, съ обще-государственной точки зрѣнія, нельзя не поставить вопросъ объ адвокатурѣ позади вопросовъ объ улучшеніи законодательства, нормирующаго матеріальное право деревни и о лучшемъ устройствѣ, а главное объ упрощеніи сложнаго механизма современнаго судебно-административнаго строя. Адвокатъ поможетъ тяжущимся разобратъ, куда и по какой формѣ подать прошеніе или жалобу, не пропустить срока, довести дѣло до высшихъ инстанцій, поможетъ разработать и всесторонне обосновать ихъ притязанія какъ на бумагѣ, такъ и устно, въ состязаніи передъ судомъ, но всѣ его усилія не принесутъ, при плохомъ законодательствѣ и плохихъ органахъ суда и администраціи, тѣхъ результатовъ, которые при меньшей затратѣ знаній и труда легко давались-бы при ясномъ законодательствѣ и хорошемъ судѣ. Адвокатъ помогаетъ суду, а судъ восполняетъ недостатки закона, но чѣмъ меньше этихъ недостатковъ, тѣмъ меньше зависитъ рѣшеніе дѣла отъ личнаго пониманія суда. И наоборотъ, въ какія-бы юридическія тонкости ни входилъ адвокатъ, если судьи не подготовлены къ ихъ пониманію, а законъ не даетъ имъ точныхъ опредѣленій по данному вопросу права, — усилія адвоката будутъ тщетны или принесутъ несоразмѣрно малые результаты.

4. Текущая практика Гражданскаго Кассационнаго Департамента.

Первое засѣданіе гражданскаго кассационнаго департамента Сената въ наступившемъ новомъ судебномъ годѣ состоялось 29 сентября.

Кассационная кампанія открылась разсмотрѣніемъ ряда дѣлъ, по которымъ возникли весьма важные вопросы толкованія и примѣненія законовъ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, данное пока резолюціями департамента, представляетъ громаднѣйшій интересъ для практики.

1. *Дѣйствительность домашняго завѣщанія, послѣ коего было составлено и затѣмъ уничтожено завѣщателемъ нотаріальное завѣщаніе (ст. 1030 т. X ч. 1).*

По дѣлу о завѣщаніи Ромашкевича на разрѣшеніе Правительствующаго Сената поставленъ вопросъ о примѣненіи ст. 1030 т. X ч. 1, посвященной порядку отмѣны духовныхъ завѣщаній. Всякое завѣщаніе можетъ быть завѣщателемъ отмѣняемо послѣдующимъ завѣщаніемъ, съ тѣмъ, что нотаріальное или крѣпостное—можетъ быть отмѣняемо лишь нотаріальнымъ же или крѣпостнымъ завѣщаніемъ. Кромѣ замѣны одного завѣщанія другимъ, законъ знаетъ и *уничтоженіе* завѣщанія „посредствомъ совершенія объ уничтоженіи онаго нотаріальнаго акта“. Послѣ уничтоженія, завѣщатель можетъ, конечно, дѣлать всякія распоряженія на случай смерти, причеиъ законъ—все та же ст. 1030 т. X ч. 1—оговариваетъ, что по уничтоженіи нотаріальнаго завѣщанія самимъ завѣщателемъ при жизни его, „*оставшееся* по смерти его домашнее завѣщаніе, буде оно составлено правильно, остается въ своей силѣ“. Подчеркнутое слово „оставшееся“ и вызвало въ дѣлѣ Ромашкевича сомнѣніе,—надлежитъ ли подѣ нимъ разумѣть такое домашнее, которое *составлено* послѣ уничтоженія нотаріальнаго, или хотя бы не послѣ уничтоженія, но во всякомъ случаѣ послѣ составленія нотаріальнаго, или же слѣдуетъ понимать постановленіе закона въ томъ смыслѣ, что даже и такое домашнее завѣщаніе остается въ силѣ, которое составлено было раньше нотаріальнаго, впоследствии уничтоженнаго.

Обстоятельства дѣла Ромашкевича вполне ясно опредѣляютъ и очерчиваютъ любопытный, въ смыслѣ юридическомъ, вопросъ, представшій на разрѣшеніе Сената.

1 марта 1877 г. составлено было кол. сов. Ромашкевичемъ домашнее духовное завѣщаніе въ пользу Матрены Нежевковой; 15 декабря того же года тотъ же Ромашкевичъ совершилъ нотаріальное завѣщаніе иного содержанія, а это послѣднее онъ особымъ актомъ отъ 30 января 1879 г. *уничтожилъ*. Послѣ смерти Ромашкевича представлено было въ судъ къ утвержденію домашнее завѣщаніе отъ 1 марта 1877 г., каковое въ охранительномъ порядкѣ и утверждено было, почему имѣніе завѣщателя при слободѣ Ворожбѣ перешло къ наслѣдницѣ по этому завѣщанію, Нежевковой. Сыномъ завѣщателя Александромъ Ромашкевичемъ вслѣдствіе этого предьявленъ былъ въ Сумскомъ Окружномъ Судѣ искъ

о признаніи домашняго завѣщанія отца его уничтоженнымъ, утвержденіи его, какъ наслѣдника по закону, въ правахъ наслѣдства къ имуществу отца его и признаніи за нимъ права собственности на означенное имѣніе.

Сумскій Окружный Судъ, а затѣмъ и Харьковская судебная Палата, разсматривавшая дѣло по жалобѣ истца, въ искѣ отказали. Доводы палаты, насколько они относятся до вопроса о силѣ домашняго завѣщанія, заключаются въ слѣдующемъ. Указаніе закона о томъ, что, въ случаѣ уничтоженія нотаріальнаго духовнаго завѣщанія самимъ завѣщателемъ, его домашнее завѣщаніе, если оно составлено правильно, остается въ силѣ, „должно относиться не только къ позднѣйшимъ завѣщаніямъ, что не требовало поясненія, но также къ завѣщанію, составленному ранѣе нотаріальнаго, когда въ послѣднемъ ничего не сказано о прежнемъ завѣщаніи, такъ какъ уничтоженное нотаріальное завѣщаніе считается какъ бы совершенно несуществовавшимъ и не можетъ измѣнять волю завѣщателя, изложенную ранѣе“; а такъ какъ въ нотаріальномъ завѣщаніи Ромашкевича не содержится упоминанія о домашнемъ, а само оно было уничтожено, то домашнее правильно утверждено къ исполненію.

Это положеніе Судебной Палаты оспаривается въ кассационной жалобѣ повѣреннаго истца, правда, не столько въ своемъ абстрактномъ, общемъ значеніи, сколько въ приложеніи къ настоящему дѣлу. Поэтому жалоба посвящена не столько разработкѣ вопроса о томъ, дѣйствительно ли правильно заключеніе Палаты о томъ, что совершеніемъ нотаріальнаго завѣщанія, отмѣнившаго содержаніемъ своимъ (ибо оно не было, такъ называемымъ, кодициломъ) домашнее, послѣднее *не уничтожено*, а какъ бы условно суспенсировано въ своемъ дѣйствиі—впредь и доколѣ нотаріальное завѣщаніе не было уничтожено,—иначе говоря, что послѣдняя часть ст. 1030 т. X ч. 1 относится и до домашнихъ завѣщаній, составленныхъ ранѣе нотаріальныхъ, впослѣдствіи уничтоженныхъ.

Кассаторъ весьма обстоятельно указываетъ на нарушеніе Палатою ст. 339, 409 и 711 уст. гражд. суд., тѣмъ, что ею не разсмотрѣны одни—и не оцѣнены надлежащимъ образомъ другіе доводы истца, клонящіеся къ доказательству того, что, не смотря на неупоминаніе въ нотаріальномъ завѣщаніи объ уничтоженіи домашняго, само содержаніе перваго и послѣдующія за уничтоженіемъ его дѣйствія наслѣдодателя прямо указывали на то, что домашнее завѣщаніе въ его глазахъ болѣе не существовало, имъ было фак-

тически признаваемо уничтоженнымъ, ибо имъ совершенъ рядъ актовъ (выданы векселя, совершена купчая на часть имѣнія, уступлена въ собственность движимость и т. п.), клонившихся къ тому, чтобы обезпечить Нежевкову на случай его смерти, каковыя акты были несомѣстимы съ представленіемъ о дѣйствиі завѣщанія, по коему отвѣтчица является полною и единственною наслѣдницею. Нельзя не сказать, что вопросъ о томъ, было ли дѣйствительно нотаріальное завѣщаніе по содержанію его, уничтоженіемъ прежняго домашняго, или нѣтъ,—этому вопросу, какъ указано выше, Судебная Палата придавала особое значеніе, и поэтому главнымъ образомъ на немъ и останавливается кассаторъ, — въ дѣйствительности существеннаго значенія не имѣетъ. Едва ли возможно серьезно оспаривать то положеніе, что всякимъ новымъ завѣщаніемъ, хотя бы оно очень мало разнилось отъ воли, выраженной въ предыдущемъ завѣщательномъ актѣ, послѣдній *уничтожается*; на мѣсто прежней воли существуетъ новая, прежней нѣтъ уже болѣе. Поэтому между *отмѣною* завѣщанія путемъ составленія новаго и *уничтоженіемъ* завѣщанія нѣтъ принципиальной разницы; въ первомъ случаѣ имѣется отрицательная (по отношенію къ предыдущему завѣщанію) воля и положительная (новое завѣщаніе); во второмъ же только отрицательная. Вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, можно ли, если новое завѣщаніе уничтожено, утверждать, что уничтожена только созидающая, положительная сила новаго завѣщанія, а сохранена его отрицательная, разрушающая предыдущее завѣщаніе, сила.

Несомѣнно также и то, что если признать, что за уничтоженіемъ нотаріальнаго завѣщанія уничтожено то, что лишало домашнее завѣщаніе силы, то акты завѣщателя, хотя и письменные, не могутъ имѣть значеніе уничтоженія домашняго завѣщанія, такъ какъ способъ уничтоженія завѣщаній указанъ въ законѣ, въ ст. 1030 т. X ч. 1, а именно: путемъ составленія новаго въ томъ же порядкѣ, въ какомъ составлено было прежнее, или путемъ нотаріальнаго акта объ уничтоженіи.

Такимъ образомъ, серьезное значеніе можетъ имѣть лишь вопросъ о томъ, *сохраняетъ ли силу домашнее завѣщаніе, если послѣ совершенія его завѣщатель совершилъ новое въ нотаріальномъ порядкѣ, каковое вполнѣ имъ въ установленномъ порядкѣ уничтожено.*

Правительствующій Сенатъ, согласно съ заключеніемъ и. о. товарища оберъ-прокурора Д. А. Викторова, кассационную жалобу

оставилъ безъ послѣдствій, признавъ такимъ образомъ, что поставленный вопросъ разрѣшается въ *смыслъ положительномъ*.

Разрѣшенный по дѣлу Ромашкевича вопросъ впервые представленъ былъ на разсмотрѣніе Кассационнаго Сената. Но вопросъ этотъ не новый; онъ разрѣшался въ практикѣ стараго Сената; случаи, при которыхъ онъ возникалъ, приведены въ Курсѣ К. П. Побѣдоносцева (изд. 1896 г. т. II стр. 547 и сл.), причемъ онъ разрѣшается и имъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ рѣшенъ нынѣ Кассационнымъ Департаментомъ.

Соображенія, приводимыя маститымъ цивилистомъ, такъ глубоки и вѣрны, что ихъ нельзя не привести въ ожиданіи соображеній, которыми мотивировано будетъ рѣшеніе Сената по дѣлу Ромашкевича.

Въ первомъ изъ приводимыхъ въ Курсѣ „примѣровъ и вопросовъ изъ практики“, относящихся до нашего вопроса, послѣдній поставленъ немного шире, а именно: „если завѣщатель составилъ, одно послѣ другого, два завѣщанія, изъ коихъ вторымъ отмѣнилъ первое, то одна отмѣна или недействительность послѣдняго завѣщанія сама по себѣ должна ли имѣть послѣдствіемъ возстановленіе силы перваго?“

Вопросъ возникъ при разрѣшеніи слѣдующаго случая. А. составилъ въ 1830 г. домашнее духовное завѣщаніе на благопріобрѣтенное имѣніе въ пользу одного лица; потомъ въ 1842 г. составилъ другое, которымъ то же самое имѣніе назначилъ въ пользу другого лица. По смерти завѣщателя оба завѣщанія предъявлены къ явкѣ отъ лицъ, въ рукахъ коихъ они хранились. Послѣднее завѣщаніе, писанное чужою рукою на нѣсколькихъ листахъ, оказалось нескрѣпленнымъ по листамъ (ст. 1035 т. X ч. 1) и потому не могло быть принято въ явку; нужно было разрѣшить, можетъ ли затѣмъ быть принято къ явкѣ первое завѣщаніе, составленное по формѣ. Разрѣшая этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, К. П. Побѣдоносцевъ приводитъ слѣдующія соображенія (стр. 548):

„Домашнее завѣщаніе можетъ быть уничтожено домашнимъ же порядкомъ, т. е. или посредствомъ истребленія самаго акта, если онъ находится въ рукахъ завѣщателя, или посредствомъ составленія другого домашняго завѣщанія. Если первое завѣщаніе не истреблено и существуетъ, то для того, чтобы признать его уничтоженнымъ по волѣ завѣщателя, необходимо имѣть въ виду другой актъ, имѣющій одинаковое значеніе съ первымъ,—актъ, въ которомъ выражалась бы законнымъ порядкомъ эта отрицательная

воля. Если такого акта нѣтъ, то предъ лицомъ закона остается дѣйствительнымъ наличное завѣщаніе. Въ приведенномъ случаѣ нѣтъ такого акта; второе завѣщаніе не можетъ имѣть законной силы, не можетъ служить законнымъ удостовѣреніемъ воли, потому что признается недѣйствительнымъ и не подлежитъ явѣ по неформальности. Мѣсто, совершающее явку, имѣетъ предъ собою два акта, изъ коихъ одинъ не можетъ быть принятъ во вниманіе, а другой представляетъ всѣ качества законнаго завѣщанія; оно не вправѣ сравнивать между собою оба акта по содержанію ихъ и по взаимному отношенію, не вправѣ входить въ разсмотрѣніе того, который изъ двухъ долженъ получить законную силу: такое разсмотрѣніе есть уже дѣло суда, а не явки. При явѣ каждый актъ разсматривается самъ по себѣ, въ отдѣльности, и если составленъ по формѣ, если удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ закона, долженъ быть свидѣтельствуемъ безостановочно“.

„Для гласной отмѣны домашнихъ завѣщаній по закону существуютъ два только способа: совершеніе нотаріальнаго акта, или составленіе новаго завѣщанія (1030 ст. зак. гражд.), слѣдовательно, доказательствомъ отмѣны наличнаго завѣщанія можетъ быть принято только другое *наличное же* завѣщаніе. Для завѣщательнаго распоряженія законъ назначилъ опредѣленную форму, столь необходимо связанную съ содержаніемъ, что этой формы не можетъ замѣнить никакое судебное доказательство, ни письменное, ни посредствомъ свидѣтелей. Письмо, или свидѣтельское показаніе можетъ удостовѣрить, что завѣщатель имѣлъ желаніе, выразилъ свое намѣреніе уничтожить свое завѣщаніе, либо замѣнить его другимъ; но привелъ ли онъ это намѣреніе въ исполненіе, выразилъ ли онъ свою волю?—положительный отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только нотаріальный актъ, или же актъ, облеченный въ законную форму завѣщанія. Только то завѣщаніе можетъ почитаться подлиннымъ, которое явлено, гдѣ слѣдуетъ, и записано въ книгу; слѣдовательно, второе завѣщаніе А., не принятое къ явѣ, не должно почитаться *подлиннымъ* выраженіемъ его воли; а можетъ ли быть принятъ за доказательство такой актъ, въ которомъ недостаетъ существеннаго условія—подлинности? Еслибъ и возможно было доказать вторымъ завѣщаніемъ А. несомнительную волю его уничтожить первое завѣщаніе, то уже вовсе нельзя было бы извратить смыслъ этой воли, толкуя ее на основаніи того же акта въ пользу законныхъ наслѣдниковъ. Уничтожить свое завѣщательное распоряженіе и замѣнить его другимъ—вовсе не одно и то же. Поло-

жительная воля совсѣмъ не то, что воля отрицательная. Сказать: „я не хочу этого“ не значить еще сказать: „я хочу того, или другого“. Волю, изложенную во второмъ завѣщаніи, невозможно дѣлать на двѣ независимыя части: если здѣсь въ одномъ моментѣ выразилось намѣреніе уничтожить прежнюю волю не просто, а *съ тѣмъ, чтобы объявить новую*, то, отдѣливъ одно отъ другого, мы тѣмъ самымъ произвольно истолковали бы цѣлое намѣреніе. Недѣйствительнымъ признано цѣлое завѣщаніе, слѣдовательно, исчезаетъ цѣлое выраженіе воли завѣщателя, а одна часть ея отдѣльно отъ другой не можетъ быть восстановлена“.

Второй изъ приведенныхъ К. П. Побѣдоносцевымъ случаевъ совершенно тождественъ по обстоятельствамъ съ разрѣшеннымъ Сенатомъ по дѣлу Ромашкевича. А. составилъ въ январѣ 1867 г. домашнее завѣщаніе въ пользу младшаго сына. Въ сентябрѣ того же года онъ составилъ уже крѣпостнымъ порядкомъ второе завѣщаніе, которымъ *уничтожилъ* первое и назначилъ то же самое имѣніе старшему сыну. Черезъ мѣсяць, въ октябрѣ, А. подалъ въ судъ просьбу объ уничтоженіи и сего послѣдняго завѣщанія, не объяснивъ дальнѣйшей своей воли. По этой просьбѣ судъ призналъ послѣднее завѣщаніе ничтожнымъ. По смерти явлено было и утверждено первое, домашнее, завѣщаніе. По спору законнаго наслѣдника А. возникъ вопросъ:—можетъ ли быть возобновлена сила перваго завѣщанія за отмѣною второго крѣпостнаго завѣщанія А., коимъ первое было рѣшительно уничтожено? Истецъ утверждалъ, что первое завѣщаніе безвозвратно исчезло совершеніемъ второго; уничтоженіе послѣдняго имѣло только отрицательную, разрушительную силу, вновь оно ничего не создало.

Разрѣшая и этотъ вопросъ въ смыслѣ положительномъ, К. П. Побѣдоносцевъ приводитъ слѣдующія соображенія:

„Нельзя согласиться въ этомъ случаѣ съ наслѣдникомъ, по тѣмъ же основаніямъ, которыя приведены въ предыдущемъ примѣрѣ. Крѣпостное завѣщаніе такъ, какъ и домашнее, не служитъ еще безвозвратнымъ выраженіемъ воли завѣщателя, пока онъ живъ. Можно назвать *актъ* совершившимся, когда онъ при жизни завѣщателя явленъ въ присутственномъ мѣстѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ *воля* завѣщателя еще не совершилась, и завѣщаніе при жизни его не могло еще получить исполнительную силу. Ни одно распоряженіе, поставленное въ завѣщаніи, ни одно слово, помѣщенное въ немъ, не могло пріобрѣсть *дѣйствительнаго* значенія, не

могло превратиться въ фактъ неоспоримый до тѣхъ поръ, пока живъ еще завѣщатель: до самой смерти онъ держитъ еще волю свою при себѣ и, какъ полный господинъ, можетъ перемѣнить ее. Здѣсь такъ же, какъ въ прежнемъ примѣрѣ, завѣщатель не отдѣлилъ отрицательную свою волю отъ положительной, но ту и другую выразилъ въ одномъ актѣ, въ завѣщаніи. Онъ самъ при жизни своей разрушилъ этотъ актъ, слѣдовательно, второе завѣщаніе въ цѣломъ составѣ своемъ исчезло, такъ, какъ бы никогда его не было. Нечѣмъ доказать, что А. предоставляетъ имѣніе старшему сыну; нечѣмъ доказать и того, что первое домашнее завѣщаніе, составленное въ пользу младшаго сына, уничтожено. Если это завѣщаніе оказалось въ наличности по смерти завѣщателя, если завѣщатель не истребилъ его, то весьма естественно предполагать, что А. самъ желалъ возстановить первое свое завѣщаніе. Такое предположеніе вполне согласуется и съ закономъ (1030 ст. зак. гражд.), въ которомъ сказано: „если нотаріальное, или крѣпостное завѣщаніе уничтожено самимъ завѣщателемъ при жизни его, то оставшееся по смерти его домашнее завѣщаніе, буде оно составлено правильно, остается въ своей силѣ“. Здѣсь законъ не различаетъ, когда было составлено это домашнее завѣщаніе: прежде или послѣ крѣпостного, самимъ завѣщателемъ уничтоженнаго“.

„Иное дѣло, если воля завѣщателя объ уничтоженіи перваго завѣщанія и о замѣнѣ его новымъ распоряженіемъ выразилась въ двухъ отдѣльныхъ актахъ: тогда каждый изъ нихъ имѣетъ самостоятельное значеніе, одинъ служитъ доказательствомъ отрицательной, другой—положительной воли. Напримѣръ, В. составилъ крѣпостное завѣщаніе, потомъ подалъ просьбу объ уничтоженіи его, и вслѣдъ затѣмъ составилъ новое завѣщаніе, но и его впоследствии уничтожилъ. Въ такомъ случаѣ первое завѣщаніе, хотя бы оказалось по смерти В. въ наличности, должно почитаться безвозвратно уничтоженнымъ“.

2. Извлеченіе арендаторомъ изъ арендуемаго имѣнія дохода въ большемъ, противъ условленнаго въ договорѣ, размѣрѣ, обязываетъ арендатора къ возврату полученнаго дохода.

Съ вопросомъ, не менѣе предыдущаго, важнымъ, пришлось Правительствующему Сенату считаться при разсмотрѣніи въ томъ же засѣданіи 29 сентября дѣла по жалобѣ повѣреннаго графини

Коцебу на рѣшеніе Одесской судебной палаты по иску къ арендаторшѣ имѣнія истицы въ Таврической губ. „Кашъ—Кобашъ“, Фальць—Фейнъ.

Это дѣло—полное практическаго интереса—сразу ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ проблемой объ убыткахъ, интердиктѣ отъ обогащенія на чужой счетъ безъ законнаго основанія, о возвратѣ доходовъ недобросовѣстнымъ владѣльцемъ.

Вотъ обстоятельства дѣла. По договору, заключенному въ 1881 г. съ наслѣдодателемъ отвѣтчицы Фальць-Фейнъ, собственникъ имѣнія „Кашъ—Кабашъ“, наслѣдодатель истицы графини Коцебу, сдаль въ аренду означенное имѣніе, количествомъ 6000 десятинъ, срокомъ по 1893 г. Въ договорѣ условлено было, что размѣръ ежегодной запашки и посѣва хлѣба не долженъ превышать 500 десятинъ, остальное же количество земли должно быть предоставлено подъ выпасъ скота арендатора. На дѣлѣ, однако, оказалось, что размѣръ запашки ежегодно самовольно увеличивался арендаторомъ, такъ что до 1892 г. излишне запахано и засѣяно было хлѣбомъ, въ общей сложности за 8 лѣтъ, 10.659 десятинъ, изъ коихъ, по заявленію истицы, получено доходовъ, считая и %, 104.473 р., каковую сумму истица просила Симферопольскій Окружный Судъ присудить съ Фальць-Фейнъ. Судъ въ искѣ отказалъ. Одесская Судебная Палата, разсмотрѣвъ дѣло по апелляціонной жалобѣ повѣреннаго истицы, утвердила рѣшеніе окружнаго суда по слѣдующимъ соображеніямъ.

Искъ основанъ былъ на фактѣ нарушенія договора арендаторомъ и заключается въ требованіи „полученной арендаторомъ выгоды, или что то же доходовъ, какъ вознагражденія за причиненные убытки, которые опредѣляются общимъ закономъ, выраженнымъ въ ст. 574 т. X ч. 1 и частными правилами, изложенными въ 610 и 671 ст. того же тома и части“. Отвѣтчица отрицаетъ право на взысканіе дохода, допускаетъ только право истицы на взысканіе убытковъ отъ нарушенія договора. На эту сторону стала и Палата. „На основанія общихъ законовъ, говорится въ рѣшеніи ея, опредѣляющихъ вознагражденіе за вредъ и убытки, содержащихся въ ст. 574 и 684 т. X ч. 1, истецъ несомнѣнно принадлежало бы право искать убытки за перепашку земли, но только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что перепашкой истицы причиненъ вредъ. Одно только нарушеніе перепашкой земли безъ относительно къ тому, былъ ли этимъ причиненъ имущественный вредъ, могло бы повлечь за собою лишь тѣ послѣдствія, которыя

прямо указаны въ договорѣ, наприм., уничтоженіе договора, взысканіе неустойки, но не давало бы безусловнаго права на взысканіе убытковъ. Между тѣмъ истица и ея повѣренныя не только не представляютъ никакихъ доказательствъ и не ссылаются на таковыя, что указанное ими нарушеніе договора дѣйствительно причинило истицѣ имущественный ущербъ, но и не считаютъ нужнымъ доказывать это, полагая, что для того, чтобы имѣть право на искъ объ убыткахъ, достаточно установить только фактъ перепашки. Поэтому истицѣ должно быть отказано въ настоящемъ искѣ только на томъ одномъ основаніи, что ею не доказано право на искъ объ убыткахъ". Оставаясь уже затѣмъ, не смотря на прямое заявленіе представителей истицы, что она ищетъ доходовъ на основаніи 610 и 671 ст. X ч. 1.—то есть, за недобросовѣстное пользованіе чужимъ имуществомъ,—на почвѣ *убытковъ*, Палата въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ касается того, что истицей не доказано ни *damnum emergens*, ни *lucrum cessans*,—т. е., что ею не подтверждено, что бы земля была обезцѣнена, извлекать же сама доходы она, въ виду сдачи имѣнія въ аренду, не могла. Только въ концѣ, и то вскользь, Судебная Палата *находитъ, что „арендаторъ, какъ состоящій въ договорныхъ отношеніяхъ съ истицей—собственницей имущества, не можетъ признаваться незаконнымъ владѣльцемъ сего имущества и обязаннымъ, по 2 п. 610 ст. X т. 1 ч., возвратитъ полученныя доходы и выгоды, какъ недобросовѣстный владѣлецъ, ибо 609 ст. X т. 1 ч. подъ незаконнымъ владѣльцемъ разумѣть постороннее лицо, ни въ какихъ отношеніяхъ съ собственникомъ по владѣмому имуществу не состоящее“.*

Замѣчательно то, что рѣшеніе Палаты кончается соображеніемъ, съ какового необходимо было бы начать и каковое нуждалось въ обоснованіи, а именно—то, что арендаторъ, пользовавшійся владѣмымъ имъ по договору имѣніемъ не въ предѣлахъ условленнаго по договору размѣра, не является, какъ признаетъ Палата, *незаконнымъ владѣльцемъ*, обязаннымъ возвратитъ не только *fructus extantes*, но и *fructus consumptos*. Въ этомъ и только въ этомъ центрѣ всего дѣла. И надо сказать, что этотъ вопросъ предствляетъ значительныя трудности для разрѣшенія его; необходимо углубитъ въ юридическомъ анализѣ и только послѣ тщательнаго разбора возможно было бы придти къ окончательному выводу, согласному съ заключеніемъ Палаты. Необходимо было бы, исходя изъ существа договора аренды, разбраться въ томъ, составляетъ ли то, что допущено отвѣтчицей, нарушеніе права собственности или нарушеніе договора, можно

ли требовать доходовъ въ видѣ самостоятельнаго иска при отсутствіи иска о возвратѣ вещи, и т. д.

Въ кассационной жалобѣ, принесенной на это рѣшеніе Палаты повѣреннымъ истицы, нѣтъ принципиальной постановки вопроса; въ ней пестритъ постоянное смѣшеніе понятій — пользованія чужою вещью (*furtum usus*), „безмезднаго“ обогащенія на чужой счетъ безъ согласія того, на чей счетъ обогащеніе происходитъ, убытковъ, доходовъ, при чемъ полученные уже доходы даже приравняются къ принадлежности имущества. Вотъ образчики этой путанницы понятій. „... Такъ какъ никто не можетъ безъ моего согласія присваивать себѣ выгоды, извлекаемыя изъ моего имущества, то, получивъ ихъ, онъ долженъ ихъ возвратить собственнику вещи, т. е. мнѣ. Вопросъ этотъ станетъ еще яснѣе (?), если представить себѣ, что выгоду извлекаетъ третье лицо, не состоящее со мною ни въ какихъ договорныхъ отношеніяхъ. Можетъ ли такое лицо присваивать себѣ извлеченныя изъ завѣдомо для него мнѣ принадлежащаго имущества выгоды? Очевидно, нѣтъ. Законы о добросовѣстномъ и недобросовѣстномъ владѣніи въ этомъ случаѣ вовсе непримѣнимы, такъ какъ законы эти имѣютъ въ виду добросовѣстное или недобросовѣстное присвоеніе (*sic!*) чужого имущества; въ данномъ же случаѣ вопросъ о принадлежности имущества остается внѣ спора; сторона, извлекавшая доходы (здѣсь уже кассаторъ не говоритъ о присвоеніи извлеченныхъ доходовъ, какъ онъ для ясности, вѣроятно, говорилъ до сихъ поръ!) изъ моего имущества, никогда не присваивала себѣ права собственности на самое имущество, а имѣло мѣсто явленіе, аналогичное явленію, извѣстному подъ названіемъ *furtum usus*. Поэтому опираться на законы, разрѣшающіе владѣльцу, считавшему вещь своею собственностью, пользоваться ея доходами, въ данномъ случаѣ, нельзя, такъ какъ извлекавшій доходы вовсе не утверждаетъ, чтобы онъ считалъ имущество своимъ, а остается только остановиться на томъ положеніи, что доходы, какъ принадлежность, почитаются собственностью того, кому бесспорно для сторонъ принадлежитъ право собственности на самую вещь“.

Вы видите, насколько сильна спутанность понятій, когда для ясности утвержденья, — что арендаторъ, превысившій, такъ сказать, власть въ пользованіи арендуемымъ имуществомъ, является недобросовѣстнымъ владѣльцемъ, обязаннымъ по закону возвратить доходы собственнику, — дѣлается ссылка на такую обязанность посторонняго лица, не состоящаго въ договорныхъ отноше-

ніяхъ къ собственнику и извлекающаго выгоды изъ чужого имущества; когда самъ кассаторъ устраняетъ значеніе закона о недобросообѣстномъ владѣніи, постоянно смѣшивая владѣніе съ пользованіемъ, и, признавая самъ доходы принадлежностью имущества, тѣмъ не менѣе жалуется на то, что Палата не вернула принадлежности безъ имущества, о возвратѣ коего не было, конечно, рѣчи.

Все дальнѣйшее содержаніе жалобы представляетъ собою все ту же путанницу основныхъ юридическихъ понятій. Кассаторъ, напримѣръ, утверждаетъ, что „внѣ границъ, установленныхъ аренднымъ договоромъ, права его на доходы не идутъ дальше правъ третьяго лица“, и подтверждаетъ свой тезисъ слѣдующимъ, не имѣющимъ ничего общаго съ настоящимъ дѣломъ, примѣромъ: „если я въ своей квартирѣ сдалъ кому либо двѣ комнаты съ правомъ проходить въ нихъ чрезъ мой залъ, а онъ, пользуясь моимъ отсутствіемъ, сдалъ этотъ залъ въ наемъ, то, конечно, вся наемная плата, полученная имъ за мой залъ, принадлежитъ мнѣ. Поэтому и Фальцъ-Фейнъ, которой разрѣшено было распашкою извлекать доходы только изъ 500 десятинъ, и которая вмѣсто этого распашкою извлекала выгоду и изъ такой земли, изъ которой выгоду распашкою извлекать она не имѣла права, должна вернуть эти выгоды—какъ принадлежность имущества тому, кому принадлежитъ это имущество“. Нельзя не отмѣтить и то, что уже въ исковомъ прошеніи содержится расчетъ, очевидно, могущій вызвать недоразумѣніе; и этотъ расчетъ повторяется и въ кассационной жалобѣ. Кассаторъ утверждаетъ, что по договору арендаторъ имѣлъ право вспахать за 8 лѣтъ 4000 десятинъ, а въ дѣйствительности вспахалъ 14659 дес., и поэтому, говорится въ жалобѣ, „Судебная Палата должна была разрѣшить вопросы о томъ, дѣйствительно ли отвѣтчица вспахала въ имѣніи истицы, безъ всякаго права, 10659 дес. земли и сколько съ этой излишне вспаханной земли его было получено дохода; между тѣмъ, вопреки ясно сформулированнымъ требованіямъ истицы, Палата остановилась на разрѣшеніи вопроса о послѣдствіяхъ неисполненія одною стороною договора, о чемъ ни одна изъ сторонъ не говорила и на этомъ основала свое рѣшеніе“. Если дѣйствительно ни одна изъ сторонъ не говорила о неисполненіи или нарушеніи договора, то, независимо отъ того, что въ этомъ случаѣ Палатою оказалось бы нарушенною ст. 339 уст. гражд. суд., необходимо было бы признать, что повѣренные отвѣтчицы нарушили самыя элементарныя понятія о способѣ и порядкѣ защиты своей вѣрительницы противъ предъявленнаго иска. Едва

ли, однако, съ другой стороны, совмѣстимо съ здравымъ смысломъ утверженіе повѣреннаго истицы, что въ имѣніи количествомъ въ 6000 дес. отвѣтчица перепашала лишнѣхъ 10659 дес. А между тѣмъ эта несообразность можетъ вызвать неправильное представленіе о томъ, что такую излишнюю запашкою отвѣтчица не только проявила пользованіе чужимъ имѣніемъ *не согласно* условіямъ договора, а пользовалась землею *внѣ* договора, а между тѣмъ въ этомъ различіи вѣдь вся суть дѣла. Что такое неправильное представленіе существуетъ у самаго кассатора, видно изъ дальнѣйшаго содержанія жалобы, дѣлающей даже серьезную ссылку на ст. 514 т. X ч. 1, каковая, по мнѣнію кассатора, нарушена излишнею перепашкою; отъ этой статьи, посвященной понятію отдѣльнаго отъ права собственности, устанавливаемого договоромъ, владѣнія, самъ кассаторъ незамѣтно для себя проскальзываетъ въ область недобросовѣстнаго владѣнія, того самого, которое въ первой части жалобы лишено было имъ для настоящаго дѣла всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Въ окончательномъ выводѣ кассаторъ приходитъ къ заключенію: „Имѣя въ виду: 1) что отвѣтчица распашала 10659 дес. земли сверхъ того количества земли, которое ей было предоставлено по договору для этой цѣли; 2) что распашка земли составляетъ самостоятельный видъ владѣнія (!), такъ какъ предоставленіе кому либо права пастьбы скота въ имѣніи не даетъ ему еще права распашки; 3) что вслѣдствіе сего распашка земли относительно 10659 десятинъ является со стороны отвѣтчицы дѣйствіемъ самовольнымъ и незаконнымъ; 4) что по отношенію къ этой распашкѣ отвѣтчица является лицомъ совершенно постороннимъ, такъ какъ такая распашка ей договоромъ не была предоставлена, и 5) что доходы въ силу ст. 387 т. X ч. 1 составляютъ принадлежность имущества (?), изъ коего они извлекаются, и почитаются принадлежащими собственнику имущества, доколѣ противное не будетъ доказано,—необходимо признать, что Палата нарушила ст. 387, 514, 524, 525, 609, 610 и 671 т. X ч. 1 свод. зак.“.

Не останавливаясь на перечисленныхъ пунктахъ, совершенно неосновательныхъ въ ихъ юридической сторонѣ, необходимо отмѣтить, что не столько по содержанію жалобы, сколько самимъ рѣшеніемъ Палаты, на разсмотрѣніе Сената ставилось два вопроса: составляетъ ли дѣйствительно излишняя, сравнительно съ условленнымъ по договору, распашка ущербъ для собственника земли, и представляется ли такая распашка, какъ это признала Палата,

простымъ нарушеніемъ договора, или же—незаконнымъ владѣніемъ, обязывающимъ владѣльца къ возврату доходовъ, полученныхъ отъ распашки.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ рѣшеніе Одесской *Судебной Палаты отменить за нарушеніемъ ст. 425 и 574 т. X ч. 1.* Такимъ образомъ, Сенатомъ признано, что законъ о недобросовѣстномъ владѣніи къ настоящему дѣлу не примѣнимъ, но что излишняя противъ договора распашка оказывается незаконнымъ извлеченіемъ доходовъ, принадлежащихъ собственнику земли.

3. Представляется право казны по податнымъ недоимкамъ, накопившимся на имѣніи, продаваемомъ съ публичнаго торга, залоговымъ правомъ, и если предложенная на торгъ цѣна не покрываетъ недоимки, то пользуется ли казна правомъ оставить имѣніе за собою въ суммѣ недоимки (ст. 1068, 1187 уст. гр. суд.)?

Наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію гражданскаго кассационнаго департамента въ первомъ его послѣ каникулярномъ засѣданіи, 29 сентября, слѣдуетъ признать, по справедливости, вопросъ, сформулированный въ заголовкѣ. Значеніе его, для практики публичной продажи имѣній (къ несчастію—явленія столь обычнаго), быть можетъ, не столь велико, какъ это можетъ показаться съ перваго раза, такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы податныя казенныя недоимки на одномъ имѣніи накопились въ сумму, которой нельзя было бы выручить даже при самыхъ несчастныхъ торгахъ и даже при наличности столь, къ сожалѣнію, обычныхъ стачекъ торгующихся. Дѣло, подавшее поводъ къ разсмотрѣнію Сенатомъ указаннаго вопроса—дѣло по продажѣ имѣнія помѣщика Владислава Шадурскаго, на коемъ числилось казенныхъ недоимокъ 19854 р. 6 к., и которое продано было съ торговъ за 5000 р. купцу Шпакову,—дѣло, конечно, исключительное. Тѣмъ не менѣе, вопросъ, возбужденный по его поводу, имѣетъ принципиальное значеніе, а именно, не представляется ли право казны по податной недоимкѣ *залоговымъ* правомъ? не слѣдуетъ ли признать, что недоимка по данному имѣнію можетъ быть взыскаема только съ даннаго имѣнія, и если это такъ, то при наличности права казны на преимущественное удовлетвореніе, не слѣдуетъ ли, сложивъ оба эти признака, получить въ суммѣ залоговое право? Нѣтъ надобности объяснять, насколько важно рѣшеніе этого вопроса. Нельзя сказать, чтобы законы, относящіяся до продажи имѣній съ публичныхъ торговъ, давали ясный отвѣтъ вообще на вопросы о

правѣ казны по причитающимся ей долгамъ въ видѣ податныхъ недоимокъ.

Обиліе постановленій, имѣющихся въ законѣ для случаевъ казеннаго взысканія въ порядкѣ, такъ сказать, административномъ—по Положенію о взысканіяхъ гражданскихъ (т. XVI ч. 2), вполне соответствуетъ крайней бѣдности въ этомъ отношеніи устава гражданского судопроизводства, т. е.—для тѣхъ случаевъ, когда торгъ производится при судѣ во исполненіе судебного рѣшенія. Каково же соотношеніе этихъ двухъ частей одного и того же тома свода законовъ; слѣдуетъ ли изъ щедротъ второй части т. XVI перенести кое что на бѣдность первой части?

Обстоятельства дѣла представляются въ слѣдующемъ видѣ. При Витебскомъ Окружномъ Судѣ продавалось имѣніе Шадурскаго, Доброплесы, на коемъ числится недоимка въ 19854 р.; такъ какъ изъ вырученной по продажѣ суммы—въ 5000 р.—недоимка, конечно, не могла быть покрыта, то Витебская Казенная Палата предъявила ходатайство объ оставленіи имѣнія за казною. Окружный судъ, находя, что требованіе казенной палаты имѣло бы основаніе лишь въ томъ случаѣ, если бы казна имѣла тѣ же права, которыя, на основаніи ст. 1068 и 1187 уст. гражд. суд., имѣетъ залогодержатель, между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, права казны значительно разнятся отъ правъ залогодержателя,—главнымъ образомъ, тѣмъ, что, въ случаѣ недостаточности вырученной на публичныхъ торгахъ суммы на покрытие недоимокъ, казна не лишена права взыскивать непокрытую покушную цѣною часть недоимокъ съ имѣнія, на которомъ онѣ лежатъ, на общемъ основаніи,—въ ходатайствѣ отказалъ, а имѣніе укрѣпилъ за покупателемъ Шпаковымъ, причемъ непогашенную сумму недоимокъ перевелъ на покупателя.

Обѣ заинтересованныя стороны обжаловали опредѣленіе суда въ С.-Петербургскую Судебную Палату, которая признала правильнымъ апелляціонное требованіе покупателя объ освобожденіи купленнаго имъ съ торговъ имѣнія отъ недоимокъ, накопившихся на имѣніи до перехода его къ нему (ст. 12 и 58 т. V уст. о прям. нал. изд. 1893 г.), жалобу же Витебской Казенной Палаты оставила безъ послѣдствій, руководствуясь при этомъ, сверхъ соображеній окружнаго суда, и тѣмъ, что „въ законѣ, а именно, т. V уст. о прямыхъ нал. въ отдѣленіи о порядкѣ взысканія недоимокъ, именно, въ ст. 19 и послѣд., указанъ способъ, коими казна покрываетъ числящіяся на имѣніи казенныя недоимки, если обозначенными

въ предшествующихъ статьяхъ того же закона мѣрами недоимки не будутъ взысканы, но нигдѣ въ упомянутомъ выше законѣ, а равно и въ приводимыхъ уполномоченнымъ палаты въ его жалобѣ статьяхъ уст. гражд. суд. не сказано, что въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, казна имѣла бы право оставлять имѣніе за собою въ суммѣ числящихся на немъ казенныхъ недоимокъ“.

На это опредѣленіе уполномоченный Витебской Казенной Палаты принесъ кассационную жалобу, посвященную цѣликомъ доказательству того, что долгъ по податнымъ недоимкамъ является долгомъ, обеспеченнымъ залоговымъ правомъ. Кассаторъ, однако, не отрицаетъ, что въ законѣ такого правила не установлено,—а казалось бы, такое существенное право казны заслуживало бы, если бы оно существовало, упоминанія въ законѣ,—но тѣмъ не менѣе кассаторъ полагаетъ, что если бы судебная палата слѣдовала ст. 9 уст. гражд. суд., то изъ духа законовъ она, по мнѣнію его, должна была бы придти къ заключенію о существованіи у казны *залогового* права на имѣнія, на коихъ числится недоимка. Мысль о томъ, что казна, коей всѣ недвижимыя имѣнія въ Имперіи платятъ налоги, оказывается залогодержательницей всѣхъ недвижимостей въ Имперіи,—столь грандіозна, что, если бы она была правильной, она вызвала бы неминуемо цѣлый переворотъ въ нашемъ юридическомъ обиходѣ. Держатель *первой* закладной оказался бы миѣическимъ существомъ,—ибо самая первая закладная, даже банковская ипотека, оказалась бы, въ дѣйствительности, второю. Съ другой стороны, первыхъ залогодержателей оказалось бы заразъ много, такъ какъ наряду съ казенными налогами имѣются городскіе, земскіе налоги, вполне приравненные, по силѣ взысканія ихъ съ имущества, къ казеннымъ; значить, залогодержателями оказались бы, помимо банковъ и частныхъ владѣльцевъ закладныхъ, и фискаль, и городское управленіе, и земство!

Надо было поэтому ожидать весьма основательныхъ соображеній, со стороны кассационной жалобы, посвященной доказательству залогового характера недоимокъ. Въ обширной жалобѣ, однако, этихъ соображеній нѣтъ; даже болѣе того, данныя, въ ней содержащіяся, нерѣдко доказываютъ противное. Несомнѣнно, что однимъ изъ главныхъ доводовъ въ пользу поддерживаемаго кассаторомъ положенія было бы то, что податныя недоимки взыскиваются и, слѣдовательно, обеспечиваются *только и исключительно* изъ того имущества, на которомъ казенная недоимка накопилась. Залоговой, вещный характеръ права кредитора опредѣляется не только тѣмъ

положительнымъ признакомъ, что изъ заложенного имущества долгъ залогодержателя удовлетворяется *преимущественно*, но еще и тѣмъ отрицательнымъ признакомъ, что только изъ этого имущества и никакого другого, принадлежащаго должнику, этотъ долгъ взыскиваемъ быть не можетъ.

Этого же отрицательнаго признака въ казенной, податной недоимкѣ, однако, нѣтъ.

Кассаторъ утверждаетъ, что изъ примѣчанія къ ст. 12 п. 58 т. V уст. прям. нал. (оба примѣчанія дословно повторяются и непонятно, зачѣмъ понадобилось его дважды повторить въ уставѣ) слѣдуетъ „коренное (?) начало отношеній между собственниками обложеннаго поземельными сборами имѣнія и фискомъ, именно, что платежъ всякаго налога обеспечивается тѣмъ самымъ имѣніемъ, которое подлежитъ налогу, а не какимъ либо инымъ имуществомъ владѣльцанедоимочнаго имѣнія“. Кассаторъ правъ только постольку, поскольку даннымъ имѣніемъ прежде всего обеспечивается налогъ, но никакія ссылки на кассационныя рѣшенія не помогутъ ему доказать, что только данное имѣніе служитъ источникомъ удовлетворенія казны,—это опровергается смысломъ того самаго примѣчанія, на которое ссылается кассаторъ (о томъ, что долгъ по недоимкѣ не переходитъ къ пріобрѣтателю съ торговъ), и особенно—буквальнымъ содержаніемъ ст. 56 уст. прям. нал., не приводимой кассаторомъ и гласящей, что если доходовъ съ „недоимочнаго недвижимаго имущества“ не предвидится до 1 января, то „для взысканія недоимки, полиція распоряжается немедленно продажей принадлежащаго недоимщику движимаго имущества, находящагося въ его домъ или другомъ недвижимомъ имуществѣ, на коемъ числится недоимка“. Отсутствіе указаннаго выше отрицательнаго признака залогового характера права казны подтверждается и тѣми рѣшеніями гражд. касс. деп., на которыя ссылается кассаторъ въ доказательство своего положенія, и, главнымъ образомъ, рѣшеніемъ 1892 г. № 24, которое приводитъ, между прочимъ, соображенія Государственнаго Совѣта (по поводу представленія о приравненіи недоимокъ по Крестьянск. Поземельн. Банку къ казеннымъ недоимкамъ), что „порядокъ обеспечения исправнаго поступленія слѣдующихъ банку взносовъ установленъ на началахъ, существенно отличныхъ отъ порядка обеспечения безнедоимочной уплаты казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей: въ первомъ случаѣ, взысканіе упадаетъ на одинъ залогъ, которымъ обеспечивается долгъ банку, во второмъ—*ответственность распро-*

страняется на все имущество плательщика и на личный его трудъ“.

Это важное и авторитетное указаніе кассаторъ силится ослабить тѣмъ, будто это „различіе относится исключительно до крестьянъ и крестьянскихъ обществъ“ (!), и такое свое заключеніе выводитъ изъ того, что Государственный Совѣтъ ссылаясь на ст. 187—191 общ. пол. крест. „При полномъ отсутствіи какихъ либо подобныхъ правилъ для имѣнія лицъ привилегированныхъ сословій, какъ это имѣеть мѣсто въ настоящемъ дѣлѣ, съ каковыхъ имѣній казенная недоимка, согласно ст. 13 и 14 т. V уст. прям. нал. взыскивается именно ниже—въ ст. 15—29 изложеннымъ порядкомъ, очевидно, совершенно отпадаетъ, для подобныхъ настоящему случаевъ, то существенное различіе между залоговымъ и податнымъ обезпеченіемъ, которое указано Государственнымъ Совѣтомъ и приведено въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 1892 г. № 24“. Наличность такого *privilegium odiosum* для крестьянъ, къ чести нашего податнаго законодательства, однако не установлена, и заявленіе кассатора оказывается ничѣмъ не подтвержденнымъ.

Въ кассационной жалобѣ нѣтъ анализа залогового права и права преимущественнаго удовлетворенія; поэтому оба эти понятія смѣшиваются, благо—соблазнъ къ такому смѣшенію при поверхностномъ разсмотрѣніи этихъ понятій великъ. Помимо указанного отрицательнаго или ограничительнаго характера ипотечнаго долга, виднѣе отличие его отъ обыкновеннаго долга, необезпеченнаго залогомъ, выражается, именно, въ томъ, что при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга при залогѣ имѣють примѣненіе ст. 1068 и 1187 уст. гр. суд., а при всякомъ другомъ кредиторскомъ правѣ, хотя бы и преимущественномъ, можетъ быть рѣчь только о правахъ кредиторовъ вообще, каковыя въ отношеніи продаваемаго съ торговъ имѣнія установлены ст. 1171 и сл. уст. гр. суд., и, слѣдовательно, кассаторъ, стараясь изъ права преимущественнаго удовлетворенія сдѣлать выводъ къ примѣненію къ казнѣ ст. 1068 и 1187 уст. гр. суд. въ сущности занять *petitio principii*. Вотъ почему едва-ли возможно признать основательными соображенія кассатора, обнаруживающія смѣшеніе права старшинства съ правомъ залоговымъ, каковое смѣшеніе видно изъ слѣдующаго мѣста кассационной жалобы. Указавъ на то, что рѣшеніемъ 1875 г. № 126 и 1889 г. № 4 (въ первомъ рѣчь шла объ *облигаціяхъ*, а во второмъ о залогѣ не въ обезпеченіе займа, а исполненія договора) признано, что залоговое право относится къ сферѣ гражданскихъ, договорныхъ

отношеній, какъ одинъ изъ видовъ обезпеченія договоровъ,—касаторъ продолжаетъ: „но въ законодательствѣ нашемъ не содержитсяъ какихъ либо постановленій, устранивающихъ возможность (будто не обратное должно было бы быть доказано!) существованія и въ сферѣ права публичнаго—какъ въ настоящемъ дѣлѣ—такихъ правоотношеній, которыя вполнѣ эквивалентны взаимнымъ правамъ залогодержателя и залогодателя, съ тѣмъ, конечно, различіемъ, что на почвѣ публичнаго права такія правоотношенія не могутъ имѣть своимъ источникомъ какіе либо договоры или обязательства личныя, но устанавливаются самимъ закономъ. Въ этомъ отношеніи законъ 31 января 1889 года, вошедшій въ ст. 1163 уст. гражд. судопр. и ст. 295 т. XVI, ч. 2 полож. взыск. гражд., изд. 1892 г., установилъ именно законное старшинство податнаго взысканія передъ частными закладными, но не создалъ какого либо особаго *sui generis* права для податныхъ недоимокъ, подобно тому, какъ законъ, устанавливающийъ порядокъ послѣдовательнаго удовлетворенія перваго, втораго и т. д. залогодержателя, не создаетъ между правами ихъ какой либо качественной разницы, но признаетъ за всѣми ими одинаковое по существу, но различествующее лишь въ объемѣ удовлетворенія, значеніе; право же казны по взысканію податныхъ недоимокъ, какъ стоящее по закону 31 января 1889 года выше всѣхъ частныхъ ипотечныхъ правъ, не можетъ быть признано поставленнымъ по тому же закону въ менѣе благоприятныя условія удовлетворенія, и если даже личные кредиторы могутъ по ст. 1171 и 1175 уст. гражд. судопр., оставить за собою имѣніе должника, если продажная цѣна не покрываетъ суммы претензій, то тѣмъ менѣе такое право можетъ быть отнято у казны, какъ субъекта вещнаго права—согласно примѣчаніямъ къ ст. 12 и 58 т. V уст. прям. нал., изд. 1893 г.“.

Въ жалобѣ затѣмъ проводится та мысль, что, примѣняя ст. 9 уст. гражд. суд. къ настоящему вопросу, не разрѣшенному въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, судебная палата должна была, примѣнительно къ постановленіямъ Положенія о взысканіяхъ гражданскихъ (ст. 205—339 т. XVI, ч. 2) удовлетворить его ходатайство.

Нельзя не сказать, что вопросъ о соотношеніи постановленій уст. гражд. судопр. съ только что указаннымъ Положеніемъ—поскольку они касаются публичной продажи недвижимаго имущества—весьма мало разработанъ и ждетъ еще своего разрѣшенія со стороны кассационной практики. Но одно можно уже нынѣ утверждать, что и въ постановленіяхъ Полож. взыск. гражд.,

нѣтъ указаній на признаніе со стороны закона права казны по недоимкамъ залоговымъ правомъ. Напротивъ того, и тамъ мы встрѣчаемъ категорическое подтвержденіе того, что это право казны не есть залоговое. Такъ, ст. 317 полож. възск. гражд. гласить: „если къ покупкѣ имѣнія, продаваемого съ публичнаго торга по *възысканію казенному*, не явятся желающіе торговаться, то о семъ немедленно представляется на разрѣшеніе Правительствующаго Сената, даже и въ томъ случаѣ, когда имѣніе продавалось не по однимъ *възысканіямъ казны*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и по искамъ частнымъ. Отъ усмотрѣнія сената будетъ зависѣть назначить новые торги, или же *взять въ казну по оцѣнкѣ* (а не въ суммѣ недоимки, какъ залогодержатель—въ суммѣ залога!) съ *соразмѣрными другияхъ истцовъ удовлетвореніемъ*“. Какъ видите,—чистѣйшій видъ ст. 1173 уст. гражд. суд., посвященной правамъ *кредиторовъ, не обеспеченныхъ залогомъ*.

Но если несомнѣнно, что за казною въ настоящемъ случаѣ не могло быть признано залоговое право, и что поэтому С. Петербургская Судебная Палата правильно не примѣнила ст. 1068 и 1187 уст. гражд. суд., то, съ другой стороны, казна несомнѣнно является кредиторомъ и поэтому ей, согласно ст. 1171 уст. гражд. суд., должно быть предоставлено право удержать имѣніе за собою въ той суммѣ, съ которой начался торгъ, и вообще всѣ тѣ права, которыя признаны закономъ за кредиторами, обратившими *възысканіе на продаваемое съ публичнаго торга имѣніе*.

Гражданскій Кассационный Департаментъ счелъ нужнымъ разрѣшеніе возникшихъ по дѣлу о продажѣ имѣнія Шадурскаго вопросовъ предоставить Общему Собранію Перваго и Кассационныхъ Департаментовъ Сената. Надо надѣяться, что оно отвергнетъ домогательство Витебской Казенной Палаты о признаніи за казною залогового права по накопившимся на имѣніи податнымъ недоимкамъ, и признаетъ, что казна въ подобныхъ настоящему случаяхъ, когда вырученная на торгахъ сумма не покрываетъ всѣхъ недоимокъ, является въ отношеніи ихъ кредиторомъ, наравнѣ съ другими частными кредиторами.

4. *Домъ по закладной, потерявшей въ силу п. 2 закона 27 декабря 1884 г. (2 п. прил. къ 2 прим. ст. 698 т. X ч. 1) значеніе залогового акта можетъ быть възыскиваемъ со всякаго имущества должника.*

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣннымъ въ предъидущей главѣ

вопросомъ находится и другой вопросъ, разсмотрѣнный Гражданскимъ Кассационнымъ Департаментомъ, все въ томъ же засѣданіи 29 сентября. Если тамъ при несомнѣнности права старшинства взысканія, или преимущественности его, присущей податнымъ недоимкамъ, отъ разрѣшенія вопроса объ исключительности источника взысканія зависѣло признаніе или непризнаніе за правомъ казны залогового характера, то въ другомъ дѣлѣ—по кассационной жалобѣ повѣреннаго Юревича на рѣшеніе Виленской Судебной Палаты, возникъ вопросъ обратный,—а именно, при отсутствіи залогового характера, утраченнаго въ силу самого закона и, слѣдовательно, при отсутствіи преимущественнаго права взысканія, можетъ ли быть признана исключительность источника взысканія или, точнѣе выражаясь, ограниченность его однимъ только тѣмъ имуществомъ, которое обозначено въ документѣ, нѣкогда бывшимъ закладною крѣпостью. Серьезное сомнѣніе едва ли возможно при разрѣшеніи этого вопроса, но, вѣроятно, для установленія единообразной практики на будущее время отдѣленіе департамента признало цѣлесообразнымъ внести возбужденный дѣломъ Юревича вопросъ на разрѣшеніе присутствія Департамента, на предметъ преподаванія судебнымъ мѣстамъ общаго указанія.

Разрѣшеніе этого вопроса тѣмъ болѣе своевременно, что по силѣ 2 п. закона 27 декабря 1884 г. закладныя, совершенныя на имя лицъ польскаго происхожденія въ 9 западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, признаны были дѣйствительными только въ теченіи 10 лѣтъ со дня изданія закона. Между тѣмъ, не мало было въ свое время совершено закладныхъ со срокомъ на большее время, и, такимъ образомъ, всѣ закладныя, которыя до 27 декабря 1894 г. не могли быть предъявлены ко взысканію по ненаступленію срока платежа по онимъ, оказались потерявшими силу залогового акта, превратившись, какъ говоритъ законъ, „въ простыя долговыя обязательства“. Взысканія по такимъ закладнымъ только теперь возникаютъ, и поэтому разъясненіе Сената по вопросу, столь существенному, о пространствѣ, такъ сказать, силы этихъ закладныхъ—весьма кстати.

Къ слову, скажемъ, что въ отношеніи закладныхъ, о которыхъ мы говоримъ, могъ бы возникнуть весьма серьезный вопросъ о томъ, не могли ли онѣ быть предъявлены ко взысканію къ 27 декабря 1894 г. даже въ томъ случаѣ, если срокъ по нимъ еще не наступилъ,—т. е., не создано ли закономъ 27 декабря 1884 г. принудительное сокращеніе сроковъ по закладнымъ, совершеннымъ

на имя лицъ польскаго происхожденія. Другой не менѣе важный вопросъ—это тотъ, слѣдуетъ ли понимать слова закона: „если до истеченія означеннаго періода времени, закладныя эти *не будутъ предъявлены ко взысканію*, то онѣ теряютъ силу залогового акта“,— въ томъ смыслѣ, что закладныя должны быть явлены въ судъ ко взысканію, или въ томъ смыслѣ, что само взысканіе должно быть начато.

Но эти вопросы, впрочемъ, въ занимавшемъ вниманіе Сената дѣлѣ Юревича не возникали. Обстоятельства этого дѣла слѣдующія:

Въ Ковенскомъ Окружномъ Судѣ дворяниномъ Юревичемъ предъявленъ искъ къ владѣльцамъ имѣнія Александрово, наслѣдникамъ дворянина Ивана Довгирда, о взысканіи 15000 р. съ % по закладной, выданной 17 іюня 1883 г. на 12 лѣтъ, на имѣніе Александрово, при чемъ въ исковомъ прошеніи объяснено было, что за истеченіемъ 10 лѣтъ со дня обнародованія закона 27 декабря 1884 г., закладная представляется какъ простая долговая росписка. Окружный судъ присудилъ искомую сумму, и въ рѣшеніи своемъ ограничилъ взысканіе присужденной суммы лишь однимъ имѣніемъ Александрово. Это ограниченіе, въ данномъ случаѣ, въ силу отсутствія права преимущественнаго удовлетворенія, крайне невыгодное для истца, послужило предметомъ апелляціоннаго обжалованія въ Виленской Судебной Палатѣ, которая рѣшеніемъ 3 іюля 1896 г. оставила жалобу Юревича безъ послѣдствій. Любопытны мотивы Палаты, — любопытны въ томъ отношеніи что они обнаруживаютъ безусловно неправильное расчлененіе юридическаго понятія о залоговомъ правѣ, представляющемъ собою единую нераздробимую совокупность признаковъ. Съ другой стороны, это рѣшеніе любопытно и въ томъ отношеніи, что оно обнаруживаетъ предположеніе палаты о томъ, что законъ, изображенный въ ст. 2 прил. къ ст. 698 т. X ч. 1, — объ ограниченіи правъ поляковъ и евреевъ—имѣлъ будто цѣлью созданіе льготы для неисправныхъ должниковъ по закладнымъ, подарилъ имъ, за счетъ залогодержателей,—весь залоговой характеръ этихъ документовъ.

Судебная палата разсуждаетъ, что „непредставленіе упомянутыхъ въ законѣ 27 декабря 1884 г. закладныхъ влечетъ за собою недействительность залогового акта, т. е. тѣхъ преимуществъ, которыми сопровождается таковой, но не уничтожаетъ условленнаго при заключеніи акта ограниченія отвѣтственности залогодателя лишь показаннымъ въ немъ имѣніемъ, такъ какъ неисполненіе взыска-

телемъ требованія закона о представленіи такихъ закладныхъ ко взысканію въ теченіи 10 лѣтъ со дня обнародованія сихъ правилъ не можетъ ограничивать правъ должника, которыя заключаются въ отвѣтственности его лишь указаннымъ въ актѣ займа имѣніемъ; противное же сему толкованіе повлекло бы невыгодныя послѣдствія общей имущественной отвѣтственности для такого лица (должника), который, благодаря пассивности своего положенія, не могъ исполнить требованіе закона, возлагающаго обязанность на кредитора, съ угрозою лишенія его правъ на преимущественное удовлетвореніе изъ заложеннаго имѣнія, не связаннаго съ расширеніемъ его правъ на обращеніе взысканія на всякое имущество должника“.

Такимъ образомъ, если мнѣніе палаты было бы правильнымъ, пришлось бы признать существованіе въ нашемъ правѣ особенныхъ долговыхъ обязательствъ, не дающихъ преимущественнаго права взысканія и тѣмъ не менѣе ограниченныхъ по источнику взысканія. Между тѣмъ было бы весьма спорнымъ, возможно ли признать обязательную силу за такимъ условіемъ въ обыкновенномъ заемномъ обязательствѣ, по коему право взысканія ограничено было бы только обращеніемъ его на данное имущество. За отсутствіемъ у такого акта залоговой силы, несомнѣнно, что обозначенный въ немъ источникъ взысканія можетъ быть обремененъ залоговыми долгами; дѣйствительность такого условія влекла бы къ тому, что отъ воли даннаго должника зависѣло бы платить или не платить свой долгъ—такое условіе, очевидно, недѣйствительно, такъ какъ оно не есть соглашеніе воли обѣихъ сторонъ, безъ коего немыслимъ никакой договоръ ¹⁾).

Отсюда слѣдуетъ, что разъ законъ признаетъ закладную, потерявшую силу залоговаго акта, простымъ долговымъ обязательствомъ, то подобно тому, какъ взысканіе по послѣднему не ограничивается даннымъ имуществомъ, точно такъ и взысканіе по закладнымъ безъ залоговой силы не ограничивается только даннымъ имѣніемъ. Такое ограниченіе не только не согласно съ закономъ 27 декабря 1884 г., но напротивъ того, прямо противно дѣли его—укрѣпленію русскаго землевладѣнія; оно служило бы только

¹⁾ Ср. ст. 115 проекта гражданскаго уложенія книги 5-й „обязательства“: „Состоявшееся заранѣе соглашеніе сторонъ объ устраненіи или ограниченіи отвѣтственности должника на случай умышленнаго неисполненія имъ обязательства признается недѣйствительнымъ“.

къ тому, что заложное у поляка по потерявшей впоследствии силу залогового акта закладной имѣніе въ западномъ краѣ, принадлежащее лицу русскаго происхожденія, должно было бы быть продаваемо съ публичнаго торга, хотя бы у того же владѣльца было имѣніе во внутреннихъ губерніяхъ, на которое могло бы быть обращено взысканіе безъ нарушенія правительственной политики—поддержанія и сохраненія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ.

Надо сознаться, что рѣшенія какъ окружнаго суда, такъ и палаты, такъ мало согласны съ основными понятіями о существѣ залогового права, что кассатору, обжаловавшему рѣшеніе палаты, не стоило большого труда и глубокихъ юридическихъ изысканій для побѣдоноснаго оспариванія обжалованнаго рѣшенія.

Правительствующій Сенатъ *отмѣнилъ рѣшеніе Виленской судебной палаты по нарушенію п. 2 прил. къ ст. 698 прим. т. X ч. 1*, и такимъ образомъ освятилъ своимъ авторитетомъ принципъ недѣлимости признаковъ залогового права, нераздѣльно складывающагося изъ преимущественности и исключительности источника взысканія и призналъ, что разъ нѣтъ залогового права, то нѣтъ ни одной, ни другой.

Г. Сл.

5. Указъ Перваго Общаго Собранія Сената о непримѣнности ст. 121 уст. ценз. къ изданіямъ не прекратившимся, а прекращеннымъ.

Въ Іюньской книгѣ „Вѣстника Права“ (стр. 182—189) мы коснулись вопроса о различіи между изданіями прекратившимися и прекращенными распоряженіемъ правительства, въ отношеніи примѣненія къ нимъ ст. 121 уст. ценз. Вопросъ возникъ по дѣлу издателя „Московской Газеты“, Карачунскаго. Нынѣ по этому дѣлу объявленъ Указъ Перваго Общаго Собранія Правительствующаго Сената, разрѣшившій означенный вопросъ. Сообщаемъ содержаніе этого указа.

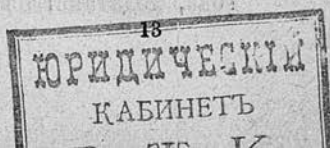
1897 г. ноября 28
 1899 г. марта 26. По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ въ 1-мъ Общемъ Собраніи слушали дѣло по жалобѣ коллежскаго регистратора Льва Карачунскаго на распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ о прекращеніи изданія „Московской Газеты“. Приказали: Разсмотрѣвъ обстоятельства на-

стоящаго дѣла Первое Общее Собраніе Правительствующаго Сената находить, что по точному смыслу ст. 121 уст. цензурн. т. XIV изд. 1890 года, считается прекратившимся всякое повременное изданіе, уже выходявшее въ свѣтъ, но по какимъ либо причинамъ не появлявшееся въ теченіе года. Употребленное въ этомъ узаконеніи выраженіе „по какимъ либо причинамъ“ предусматриваетъ разнообразныя случаи, вслѣдствіе которыхъ въ выпускѣ въ свѣтъ повременнаго изданія можетъ произойти перерывъ, но при этомъ, очевидно, должно быть понимаемо въ соотвѣтствіи съ общимъ смысломъ постановленій устава о цензурѣ и печати и не можетъ быть распространяемо на такіе случаи, относительно которыхъ въ названномъ уставѣ содержатся особыя указанія. Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не обратить вниманія на вытекающее изъ сопоставленія ст. 121 и 141 уст. цензурн. различіе между изданіями прекратившимися и прекращенными: хотя для возобновленія тѣхъ и другихъ законъ одинаково требуетъ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, но, не смѣшивая ихъ между собою, именуетъ прекращенными тѣ изданія, которыя прекращены по распоряженію правительства, а прекратившимися тѣ, которыя перестали выходить въ свѣтъ по причинамъ, зависящимъ отъ самаго издателя. Засимъ слѣдуетъ замѣтить, что ст. 121 находится въ ближайшей связи съ предшествующею ей ст. 120 уст. цензурн.: одна говоритъ объ изданіяхъ несостоявшихся, т. е. невыпущенныхъ въ свѣтъ въ теченіе года со дня полученія разрѣшенія на изданіе, вторая—о прекратившихся, т. е. объ изданіяхъ, уже выпущенныхъ въ свѣтъ, но не появлявшихся въ теченіе года. Въ обоихъ этихъ случаяхъ предполагается наличность отвѣтственнаго редактора, такъ какъ безъ нея не допускается ни разрѣшеніе новаго повременнаго изданія (ст. 118, 119 уст. цензурн.), ни выпускъ въ свѣтъ существующаго (ст. 134 уст. цензурн.); поэтому отсутствіе редактора, вызванное не причинами, находящимися въ зависимости отъ воли издателя, а неутвержденіемъ въ званіи отвѣтственнаго редактора Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ лицъ, представленныхъ ему издателемъ является, конечно, препятствіемъ къ выходу въ свѣтъ повременнаго изданія, но не подходитъ подъ дѣйствіе какъ 120, такъ и 121 статей устава цензурн. и не можетъ имѣть для самаго изданія указанныхъ въ послѣдней статьѣ послѣдствій. Допустить иное пониманіе закона и признать неутвержденіе Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ званіи редактора представленныхъ ему издателемъ лицъ такою причиною невыхода

въ свѣтъ изданія, которая влечетъ за собою объявленіе его прекратившимся по ст. 121 уст. цензурн., было бы равносильно признанію за Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ, которому принадлежитъ лишь дискреціонное право утверждать или не утверждать редактора (ст. 122 уст. цензурн.), также и дискреціоннаго права прекращать повременныя изданія, такъ какъ въ каждомъ повременномъ изданіи, въ случаѣ смерти редактора, отказа его отъ своихъ обязанностей или утраты имъ своего званія по силѣ ст. 123 уст. цензурн., можетъ наступить такое положеніе дѣлъ, при которомъ отъ усмотрѣнія Министра Внутреннихъ Дѣлъ зависитъ не утверждать въ теченіе года редактора и засимъ объявить изданіе прекратившимся.

„Между тѣмъ въ уставѣ о цензурѣ и печати строго проводится раздѣленіе частно-гражданской и литературно-политической сторонъ повременнаго изданія: предоставляя Министру Внутреннихъ Дѣлъ широкія полномочія по отношенію къ литературно-политической сторонѣ изданія, отвѣтственнымъ предствителемъ которой является редакторъ, названный уставъ изъемяетъ изъ вѣдѣнія администраціи частно-гражданскія отношенія, вытекающія изъ права собственности издателя на повременное изданіе (ст. 122 и др.), а прекращеніе его допускаетъ лишь въ особомъ порядкѣ, по распоряженію Перваго Департамента Правительствующаго Сената на основаніи ст. 108 устава цензурн. Хотя дѣйствіе постановленій устава о цензурѣ какъ по тому, такъ и по другому предмету, временно пріостановлено, впредь до пересмотра устава въ законодательномъ порядкѣ, Высочайшими повелѣніями, именно: въ 1882 г. состоялось изложенное въ примѣч. къ ст. 148 уст. цензурн. Высочайшее повелѣніе о прекращеніи повременныхъ изданій по коллегіальному рѣшенію Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Юстиціи и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, совмѣстно съ Министеромъ, возбудившимъ вопросъ, а засимъ 28 марта 1897 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе (распубликованное въ № 42 собр. узак. ст. 585 г.) о передачѣ періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ,—однако оба упомянутыя узаконенія, внося лишь частичное измѣненіе въ дѣйствіе правилъ устава цензурнаго о періодической печати, не измѣняютъ существа установленнаго въ законѣ различія между отношеніями издательскими, частно-гражданскими и редакторскими, литературно-политическими.

Вѣстникъ Права. Октябрь 1899.

„Къ этому нельзя не добавить, что, не отрицая дискреціоннаго характера принадлежащаго Министру Внутреннихъ Дѣлъ права утверждать и не утверждать редакторовъ повременныхъ изданій, Правительствующій Сенатъ не можетъ дѣлать и никакихъ предположеній о причинахъ неутвержденія Министромъ въ этомъ званіи лицъ, представленныхъ Карачунскимъ, а тѣмъ менѣе признавать, что неутвержденіе это произошло по причинамъ, зависящимъ отъ Карачунскаго. Сущность дискреціонной власти въ томъ и состоитъ, что послѣдовавшія въ предѣлахъ этой власти распоряженія зависятъ исключительно отъ усмотрѣнія должностнаго лица, коимъ они сдѣланы,—и предвидѣть, куда и по какимъ причинамъ склонится это усмотрѣніе, частное лицо не въ состояніи, а Правительствующій Сенатъ не можетъ вмѣнять ему такое предвидѣніе въ обязанность. Если частное лицо, издатель газеты, представляетъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ одного за другимъ цѣлый рядъ кандидатовъ на званіе редактора, то этимъ самымъ оно въ достаточной мѣрѣ доказываетъ свое желаніе и намѣреніе издавать газету, и если это намѣреніе его не можетъ осуществиться, по причинѣ неутвержденія его кандидатомъ Министромъ въ званіи редактора, то газета не выходитъ въ свѣтъ по причинѣ, не зависящей отъ издателя. Въ виду этого и пропуска годичнаго срока, установленнаго ст. 121 уст. цензурн., по общему правовому принципу, не можетъ быть поставленъ въ вину и имѣть невыгодныя послѣдствія для того лица, которое было поставлено въ невозможность соблюсти этотъ срокъ, подобно тому какъ, на примѣръ, пропускъ срока на подачу прошенія, жалобы или иной бумаги не можетъ быть поставленъ въ вину пропустившему, если онъ произошелъ вслѣдствіе того, что учрежденіе, на которомъ лежитъ принятіе бумаги, не функционировало по той или другой причинѣ въ день истеченія срока.

Въ виду изложенныхъ соображеній и принимая во вниманіе: 1) что проситель Карачунскій пріобрѣлъ на законномъ основаніи право собственности на изданіе „Московской Газеты“ 26 мая 1893 года, т. е. въ то время, когда выходъ ея въ свѣтъ былъ пріостановленъ его прежними собственниками, братьями Вишняковыми, съ 1 марта 1893 года; 2) что Карачунскій въ теченіе всего времени отъ пріобрѣтенія названнаго изданія до признанія его прекратившимся по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, объявленному въ Правительственномъ Вѣстникѣ 29 марта 1894 года, ходатайствовалъ передъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ объ

утвержденіи въ званіи отвѣтственнаго редактора представляемыхъ имъ лицъ и, такимъ образомъ, дѣлалъ все отъ него зависящее для выпуска въ свѣтъ изданія „Московской Газеты“; 3) что проситель Карачунскій былъ поставленъ въ невозможность приступить къ выпуску въ свѣтъ „Московской Газеты“ не по своей винѣ и не по какимъ либо причинамъ, предусмотрѣннымъ ст. 121 уст. цензурн., а вслѣдствіе отказа Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ утвержденіи представленныхъ имъ лицъ въ званіи редактора; 4) что неутвержденіе представленныхъ Карачунскимъ лицъ въ званіи редактора „Московской Газеты“, создавая законное препятствіе къ выпуску Карачунскимъ въ свѣтъ принадлежащаго ему изданія, не можетъ, однако, имѣть послѣдствіемъ лишеніе его самого права собственности на изданіе и 5) что жалоба Карачунскаго на медленность Главнаго Управленія по дѣламъ печати, какъ не бывшая въ разрѣшеніи Министра Внутреннихъ Дѣлъ, не подлежитъ нынѣ обсужденію Правительствующаго Сената, а съ искомъ объ убыткахъ, причиненныхъ медленностью и упущеніями Главнаго Управленія, проситель можетъ обратиться къ гражданскому суду въ порядкѣ, установленномъ ст. 1316 и слѣд. уст. гражд. суд. т. XVI ч. 1 изд. 1892 г.,—Первое Общее Собраніе Правительствующаго Сената опредѣляетъ: обжалованное Карачунскимъ распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ о признаніи „Московской Газеты“ прекратившеюся, какъ не оправдываемое точнымъ смысломъ ст. 121 уст. цензурн., отмѣнить, указавъ просителю, что съ жалобой на медленность Главнаго Управленія по дѣламъ печати ему надлежитъ обратиться по принадлежности къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

„О чемъ для исполненія и объявленія просителю, а равно въ разрѣшеніе рапорта отъ 13 мая 1894 года за № 2745 Министру Внутреннихъ Дѣлъ послать указъ, а въ Первый Департаментъ Правительствующаго Сената сообщить вѣдѣніемъ, съ возвращеніемъ дѣлопроизводства“.

6. Дѣло Скитскихъ въ Сенатѣ.

Все первое послѣ вакантнаго въ Сенатѣ времени засѣданіе уголовнаго кассационнаго департамента, 28 сентября, посвящено было разсмотрѣнію кассационныхъ жалобъ всѣхъ трехъ защитниковъ братьевъ Степана а Петра Скитскихъ на приговоръ

Особаго Присутствія Харьковской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Подробности дѣла Скитскихъ и приговоръ, на который принесены были жалобы, рассмотрѣнные нынѣ Сенатомъ, читателямъ извѣстны изъ подробной статьи, помѣщенной въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Права“ (стр. 202—283). Отчетъ о засѣданіи уголовного департамента во всѣхъ подробностяхъ былъ сообщенъ во всѣхъ газетахъ, приведшихъ *in extenso* и горячую краснорѣчивую рѣчь Н. П. Карабчевскаго и блестящее, спокойное и убѣдительное заключеніе г. оберъ прокурора, В. К. Случевскаго. Мы поэтому не будемъ приводить ни рѣчей защитниковъ, ни оберъ-прокурорскаго заключенія; намъ хотѣлось бы отмѣтить только нѣкоторыя стороны этого дѣла и привести то, что не приводилось общему прессою, но что имѣетъ несомнѣнное значеніе.

Прежде всего нельзя не отмѣтить съ чувствомъ удовлетворенія то обстоятельство, что дѣло Скитскихъ доказало, что наше сонное общественное мнѣніе способно иногда пробуждаться, что оно умѣетъ горячо чувствовать и быть отзывчивымъ, когда рѣчь идетъ о правдѣ, о правѣ, о справедливости. Для всякаго, знакомаго съ нашими бытовыми условіями, дѣло Скитскихъ явило не часто повторяющійся примѣръ долгаго и глубокаго интереса со стороны всѣхъ слоевъ общества, къ „частному дѣлу“, къ единичному случаю, который даже не блисталъ романическими и фантастическими подробностями. Будь такой случай у французовъ, конечно, появились бы на сцену политическія страсти, къ судьбѣ несчастныхъ подсудимыхъ привѣшенъ былъ бы тяжелый камень инсинуацій, клеветы и всѣхъ прочихъ аксессуаровъ разпущенной прессы, появилась бы сказка о синдикатѣ и т. д.

Еще рано, быть можетъ, подвести итогъ самоотверженной дѣятельности защиты Скитскихъ; ей придется еще проявить послѣднія усилія на придется новомъ разбирательствѣ дѣла Кіевской Судебною Палатою, на рассмотрѣніе коей дѣло Скитскихъ передано рѣшеніемъ Сената, отмѣнившимъ обвинительный приговоръ Харьковской Судебной Палаты. Но уже теперь долгъ побуждаетъ отмѣтить, не единичное, впрочемъ, въ исторіи нашей молодой адвокатуры, явленіе самоотверженной, горячей и вполне безкорыстной защиты, какую нашли нищіе, бывшіе мелкіе чиновники Полтавской консисторіи, братья Скитскіе въ лицѣ ихъ защитниковъ.

Можно было встрѣтить на столбцахъ нѣкоторыхъ газетъ намеки,

направленные противъ первоначальнаго защитника Скитскихъ, не принадлежащаго къ составу адвокатуры.

Не имѣя никакого повода войти въ оцѣнку этихъ неумѣстныхъ намековъ, мы должны указать на то, что, не смотря на крайне неблагоприятныя условія, этотъ защитникъ, однако, безкорыстно потратилъ не мало убѣжденія, труда и энергіи на защиту Скитскихъ, и веденіе имъ послѣдней не указываетъ на какіе либо промахи, которые, быть можетъ, были бы и простительны для добровольца; благодаря его усиліямъ, мы, быть можетъ, избавлены отъ судебной ошибки.

Но нельзя не остановиться съ особою благодарностью на трудахъ, понесенныхъ въ этомъ дѣлѣ двумя представителями адвокатуры обѣихъ столицъ, смѣло и неутомимо понесшихъ дары своего таланта на алтарь защиты, вложившихъ свою душу въ святое адвокатное дѣло защиты обвиняемыхъ; они не задумались отозваться на призывъ мѣстныхъ товарищей и поспѣшили туда, гдѣ ихъ помощь нужна была.

Волненіе, охватившее Н. П. Карабчевскаго, когда онъ поддерживалъ свои кассационные поводы въ засѣданіи Сената, тотъ первый „почти истерическій“, какъ выразился Н. П. Карабчевскій въ своей рѣчи, крикъ, вырвавшійся изъ груди Б. П. Куликова при произнесеніи въ Харьковѣ обвинительнаго приговора: „занесите въ протоколъ о фотографіяхъ“, — свидѣтельствовали, сколько души обоими адвокатами вложено въ дѣло братьевъ Скитскихъ. Невольно проникаешься любовью и уваженіемъ къ миссіи адвокатуры...

Не оскудѣла земля русская ни талантами, ни добрыми сердцами, ни сознаниемъ общественнаго долга!...

Въ нашей статьѣ, посвященной дѣлу Скитскихъ, мы назвали его „безпримѣрнымъ во всѣхъ стадіяхъ его производства и во всѣхъ отношеніяхъ“ (В. Пр. IV, стр. 204), эту характеристику его мы должны повторить и теперь.

Обвинительный приговоръ Харьковской палаты состоялся большинствомъ четырехъ голосовъ противъ трехъ. Оправдательные три голоса не были только голосами, растворившимися въ большинствѣ,—3 члена особаго присутствія не ограничились только подачею голосовъ: ими мотивированы три, отъ нихъ исходящія, оправдательные приговоры. Членъ палаты А. К. Жежеро составилъ особое мнѣніе, въ коемъ почтенный судья съ большимъ мастерствомъ разбираетъ всѣ обстоятельства дѣла, разбиваетъ на голову

всѣ, до мельчайшей, улики противъ подсудимыхъ, и не ограничиваясь этимъ, приводитъ рядъ соображеній въ подтвержденіе того, что убійство Комарова совершено не братьями Скитскими. Къ этому мнѣнію присоединился другой членъ палаты А. Г. Казначеевъ, прибавившій къ соображеніямъ А. К. Жежеро еще важный доводъ.

Особый интересъ представляетъ также и особое мнѣніе, члена особаго присутствія, волостного старшины Я. Н. Уса,—краткое, но дышащее жизненною правдою, отрицаніе *всякой улики* противъ Скитскихъ.

Эти особыя мнѣнія, имѣющія теперь, въ ожиданіи новаго и, будемъ надѣяться, окончательнаго приговора, только историческое значеніе, должны, однако, быть извлечены изъ нѣдръ дѣла и преданы гласности. Будущему изслѣдователю „теоріи косвенныхъ доказательствъ“ и всѣмъ тѣмъ защитникамъ, которымъ на практикѣ придется встрѣтиться съ надобностью бороться противъ косвенныхъ уликъ,—особыя мнѣнія по дѣлу Скитскихъ, въ связи съ приговоромъ, принесутъ громадную пользу и дадутъ характерный образчикъ обоюдоостроты косвенныхъ уликъ.

Вотъ особое мнѣніе члена палаты А. К. Жежеро:

„Въ обвинительномъ актѣ, которымъ Степанъ и Петръ Скитскіе преданы суду по 1451 и 3 п. 1453 ст. улож. о нак., приведены противъ нихъ слѣдующія улики: 1) враждебное отношеніе Степана Скитскаго къ Комарову на служебной почвѣ; 2) подсудимые не доказали своего *alibi* около 3-хъ часовъ дня 14 іюля 1897 года, когда было совершено убійство Комарова; 3) подозрительное поведеніе подсудимыхъ въ теченіе 15 и 16 іюля, выразившееся въ томъ, что они не принимали участія въ розыскѣ Комарова и процессіи при погребеніи его тѣла; 4) нахожденіе на рукахъ и ногахъ обоихъ подсудимыхъ царапинъ и опухоли на пальцѣ руки Степана Скитскаго; 5) нахожденіе на мѣстѣ преступленія: а) остатковъ отъ колбасъ, сходныхъ съ купленными подсудимымъ Степаномъ Скитскимъ въ колбасномъ заведеніи Лангера 13 или 14 іюля; б) корокъ хлѣба, которымъ торгуетъ Воронель, а у этого послѣдняго покупалъ тотъ хлѣбъ Степанъ Скитскій; в) бумажнаго пакета изъ лавки того же Воронеля, у котораго Степанъ Скитскій забираетъ товаръ и г) картуза, находившагося въ комнатѣ консисторскихъ сторожей и подброшеннаго подсудимыми для отвода подозрѣнія; 6) сходство бичевы, взятой изъ консисторіи, съ бичевою, снятой съ шеи Комарова, и, наконецъ, 7) пастухъ Ткаченко ви-

дѣлъ 14-го іюля, какъ по направленію отъ того мѣста, гдѣ былъ убитъ Комаровъ прошли въ разстояніи отъ него на 100 сажень два человѣка, одѣтые одинъ въ бѣлое, а другой въ черное платье, съ покрытыми платками головами. При повѣркѣ на судебномъ слѣдствіи приведенныхъ уликъ, однѣ изъ нихъ оказались настолько несостоятельными, что обвинитель отказался отъ нихъ (царапины на рукахъ и ногахъ подсудимыхъ и сходство веревки, взятой въ консисторіи, съ веревкой, оказавшейся на шеѣ Комарова); другія же улики не подтвердились, или стояли въ явномъ противорѣчій съ обстоятельствами дѣла. 1) Существованіе у Степана Скитскаго враждебныхъ отношеній къ Комарову главнымъ образомъ удостовѣряла вдова покойнаго Надежда Комарова, которая, по ея заявленію, мало знала Степана Скитскаго, а характеризовала его со словъ мужа. Напротивъ, сослуживцы Степана Скитскаго, чиновники консисторіи Федоръ Просяниевъ и Федоръ Знайковъ отрицали существованіе враждебныхъ отношеній у Степана Скитскаго къ Комарову; изъ нихъ Знайковъ удостовѣрилъ въ судебномъ засѣданіи палаты, что осенью 1895 года, во время 2-хъ мѣсячнаго отпуска Комарова, этотъ послѣдній, возложивъ исправленіе своей должности на Степана Скитскаго, находился съ послѣднимъ въ дружеской перепискѣ, и онъ, свидѣтель, видѣлъ одно изъ писемъ Комарова къ Скитскому озаглавленное „любезнѣйшій Степанъ Леонтьевичъ“; кромѣ того же свидѣтель показалъ, что по хозяйственнымъ дѣламъ консисторіи Комаровъ неоднократно ѣздилъ вмѣстѣ съ Степаномъ Скитскимъ. Изъ показанія преосвященнаго Иларіона можно вывести заключеніе, что Степанъ Скитскій былъ недоволенъ на Комарова за лишеніе его награды къ пасхѣ 1897 года и вообще не любилъ Комарова. При этомъ нужно имѣть въ виду, что Комарова, конечно, не любили и тѣ сорокъ лицъ (л. д. 241), которыхъ онъ уволилъ отъ службы въ консисторіи въ промежутокъ времени съ 4-го февраля 1893 года по 14 іюля 1897 года. Сопоставляя обнаруженные на судѣ силу и складъ ума Степана Скитскаго съ объемомъ и характеромъ незначительнаго вреда, причиненнаго ему Комаровымъ, нельзя согласиться съ обвиненіемъ, чтобы эта неприязнь нашла у Степана Скитскаго исходъ въ убійствѣ Комарова при томъ съ участіемъ брата Петра, не имѣвшаго никакого повода къ совершенію этого преступления и отличавшагося, по отзыву его сослуживцевъ, добрымъ и мягкимъ характеромъ. 2) Подсудимые Скитскіе вполне доказали, что во время убійства Комарова они не могли находиться на мѣстѣ со-

вершенія преступленія: Комаровъ вышелъ изъ консисторіи 14-го іюля въ 2 ч. 20 м. дня, такъ какъ въ 2 ч. 25 м. кабинетъ его уже былъ запертъ, по удостовѣренію чиновниковъ изъ консисторіи. Вороницына; Знайкова и Никольскаго. Разстояніе отъ консисторіи до дачи Комаровъ проходилъ, по собственному его заявленію, какъ то сдѣланному швейцару Котелевцу, въ промежутокъ времени отъ 40—50 мин. Въ день событія, Комаровъ особо торопился возвращеніемъ, давъ женѣ обѣщаніе придти на дачу раньше обыкновеннаго, а потому могъ пройти это разстояніе въ 40 мин. и быть на дачѣ въ 3 часа, но онъ до дачи не дошелъ, а найденъ мертвымъ вблизи мостика, который отстоитъ отъ дачи въ полуверстѣ; для того чтобы пройти это разстояніе, требуется, по заявленію свидѣтелей, не менѣе семи минутъ, слѣдовательно, Комаровъ былъ убитъ приблизительно въ 2 ч. 53 мин. Главное и рѣшающее значеніе въ подлежащемъ дѣлѣ имѣетъ установленіе мѣста и времени пребыванія Степана и Петра Скитскихъ съ момента выхода изъ зданія консисторіи Комарова и до его смерти. Доказано, что Комаровъ вышелъ изъ консисторіи 14-го іюля въ 2 ч. 20 м. по показанію же признаваемой сторонами вполне достовѣрной свидѣтельницы Елизаветы Мартыновой, Степанъ Скитскій приходилъ 14-го іюля въ ея домъ послѣ 2-хъ часовъ пополудни, приблизительно, какъ она заявила, въ 2 ч. 15 м. Пребываніе Степана Скитскаго во дворѣ епархіальнаго училища не ранѣе 2 ч. 15 м. подтверждаетъ и свидѣтельница Халецкая, удостовѣрившая, что она обыкновенно обѣдаетъ послѣ 2-хъ часовъ; 14-го іюля послѣ двухъ часовъ она послала свою горничную за обѣдомъ, и такъ какъ она долго не возвращалась, то она высматривала ее въ окно, причѣмъ увидѣла, какъ раскрылась дверь квартиры начальницы епархіальнаго училища, и оттуда вышла горничная начальницы, а за нею Степанъ Скитскій. Свидѣтельница Матрена Попова видѣла 14-го іюля послѣ 2¹/₂ часовъ пополудни, слѣдовательно, приблизительно въ 2 ч. 35 м., на Лазаревой горѣ на спускѣ къ рѣкѣ Ворсклѣ братьевъ Степана и Петра Скитскихъ, изъ которыхъ меньшій Петръ былъ пьянъ, и его поддерживалъ старшій Степанъ. Мѣсто спуска къ рѣкѣ Ворсклѣ на Лазаревой горѣ, гдѣ Попова видѣла братьевъ Скитскихъ, находится совершенно въ противоположной сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ убитъ Комаровъ, и отстоитъ отъ него въ разстояніи не менѣе 3¹/₂ верстъ. Владѣлецъ, такъ называемаго, Лазаревскаго участка, Зиновій Лазаревъ удостовѣрилъ въ судебномъ засѣданіи палаты, что путь, избранный Скитскими къ рѣкѣ

Ворсклѣ, тотъ самый, которымъ пользуются всѣ купающіеся, и спускъ къ рѣкѣ по этой дорогѣ не представляетъ никакихъ затрудненій, даже для маленькихъ дѣтей. Если допустить, въ видѣ предположенія, что Скитскіе убили Комарова, то пришлось бы признать, что въ теченіе имѣвшихся въ ихъ распоряженіи 18 минутъ, они пробѣжали въ жаркой лѣтней день $3\frac{1}{2}$ версты, по гористой, изрытой оврагами мѣстности, засѣли въ лѣсу поджидать свою жертву, выпили бутылку водки, съѣли двѣ колбасы и, напавъ на Комарова, лишили его жизни чрезъ прекращенію свободнаго доступа воздуха въ легкія, при посредствѣ мягкихъ предметовъ въ родѣ подушки и одѣяла (см. заключеніе экспертовъ въ протоколѣ засѣданія), которыхъ несомнѣнно у нихъ не могло быть. Очевидно, что такое предположеніе немислимо допустить; по обстоятельствамъ дѣла оказывается, что дѣйствительные убійцы располагали значительнымъ промежуткомъ времени для засады, къ каковому заключенію, кромѣ остатковъ водки, пищи и „вытоленности“ мѣста, приводятъ слѣдующія данныя, установленныя на судебномъ слѣдствіи: водовозы: Кошевой и Короцюпа весь день 14-го іюля возили на кирпичный заводъ воду изъ пруда, находившагося вблизи мѣста засады, съ перерывомъ для обѣда отъ 12 до 2-хъ часовъ, и притомъ такъ, что одинъ выѣзжаетъ изъ завода за водой, когда другой возвращался на заводъ; оба эти свидѣтеля видѣли, послѣ 2-хъ часовъ пополудни, шедшаго по дорогѣ на дачу Комарова, изъ нихъ Кошевой встрѣтилъ его около кирпичнаго завода, а Короцюпа обогналъ его не доходя мостика, другого же никого по дорогѣ не видѣли; отсюда слѣдуетъ допустить, что засада была сдѣлана въ обѣденное время, между 12—2 часами дня, когда братья Скитскіе безусловно находились въ г. Полтавѣ. Показаніе свидѣтельницы Матрены Поповой имѣетъ рѣшающее значеніе по дѣлу, и таковымъ оно признано прокуроромъ, заявившимъ въ обвинительной рѣчи, что если повѣрить показанію Поповой, то ему пришлось бы отказаться отъ обвиненія, но представитель обвиненія не довѣряетъ показанію это свидѣтельницы лишь потому, что она выставлена защитой послѣ перваго засѣданія по дѣлу. Приведенное прокуроромъ основаніе къ недовѣрію къ свидѣтельницамъ Поповой стоитъ въ явномъ противорѣчій съ высказаннымъ имъ довѣріемъ свидѣтельницамъ Меланьѣ Бородаевой, вызванной также послѣ перваго засѣданія по дѣлу, но лишь по его требованію. Свидѣтельница Меланья Бородаева показала, что въ періодъ времени между 12 и 15 іюля 1897 г., въ 3-мъ часу дня, когда была

совершенно тихая и безвѣтренная погода, она вышла на балконъ своего дома и всматривалась въ даль, поджидая возвращенія домой брата; увидѣвъ фигуры двухъ людей, направлявшихся по дорогѣ къ еврейскому кладбищу, она посмотрѣла въ бинокль, и тогда убѣдилась, что одинъ изъ мужчинъ былъ въ сѣромъ кителѣ съ ясными пуговицами, а другой въ черной одеждѣ; эти неизвѣстные ей люди, лицъ которыхъ она не разсмотрѣла, дойдя до канавки, перепрыгнули черезъ нее и пошли еще быстрее, чуть не бѣгомъ, направляясь къ Яковцамъ, т. е. къ той мѣстности, гдѣ дача Склифасовскаго и лагеря. Относясь съ полнымъ довѣріемъ къ показанію Бородаевой, не смотря на то, что она вызвана послѣ перваго засѣданія по дѣлу, слѣдуетъ признать, что она видѣла въ бинокль двухъ бѣжавшихъ мужчинъ вблизи еврейскаго кладбища не 14-го, а 15 іюля, по слѣдующимъ соображеніямъ: періодъ времени описаннаго событія Бородаева опредѣляетъ между 12—15 іюля потому, что 12 числа она пріѣзжала изъ Кіева, 13 число приходилось въ воскресенье, когда братъ ея не ходилъ на службу, а потому не было повода поджидать его возвращенія домой, и такимъ образомъ остаются 14 и 15 числа іюля мѣсяца, къ одному изъ которыхъ и должно быть приурочено указанное событіе; по показанію Бородаевой, тотъ день, въ который она смотрѣла въ бинокль на бѣжавшихъ двухъ мужчинъ, былъ совершенно тихій и безвѣтренный, по удостовѣренію же Комаровой, днемъ 14-го іюля былъ сильный вѣтеръ, въ родѣ бури, слѣдовательно, удостовѣряемое Бородаевой событіе не можетъ быть отнесено къ 14-му іюля, а такъ какъ затѣмъ остается только одно 15-е число іюля, то къ этому числу оно и должно быть приурочено. Такой логическій выводъ вполне согласуется съ показаніемъ свидѣтельницы Поповой, видѣвшей Скитскихъ 14-го іюля, въ 3-мъ часу дня, на Лазаревской горѣ, въ мѣстности совершенно противоположной еврейскому кладбищу и находящейся отъ него въ разстояніи не менѣе $3\frac{1}{2}$ версты. Наконецъ, и по ходу событій нужно заключить, что Бородаева видѣла около еврейскаго кладбища двухъ бѣжавшихъ мужчинъ именно 15-го іюля, когда происходили въ той мѣстности розыски исчезнувшаго Комарова чиновниками и сторожами консисторіи, имѣвшими такіе же костюмы, въ которыхъ видѣла Бородаева двухъ мужчинъ. 3) Ничего подозрительнаго не обнаружилось въ поведеніи Степана и Петра Скитскихъ въ теченіи 15 и 16 іюля. Петръ Скитскій ушелъ 15 іюля изъ консисторіи ранѣе обыкновеннаго, жалуюсь на головную боль послѣ пьянства, имѣвшаго мѣсто нака-

нунѣ того дня. Степанъ Скитскій приносилъ утромъ 15 іюля Ковалевскому деньги за епархіальныя вѣдомости и, между прочимъ, жаловался ему на дурное съ нимъ обращеніе Комарова; дѣйствительный убійца не обнаруживалъ бы мотива, побудившаго его на совершеніе преступленія. Затѣмъ въ тотъ же день передъ вечеромъ Степанъ Скитскій былъ въ монастырѣ, рѣзалъ ленты и развѣшивалъ медали на груди іеромонаховъ; узнавъ тамъ же отъ Молчанова объ убійствѣ Комарова, былъ тронутъ этимъ извѣстіемъ. Степанъ и Петръ Скитскіе не принимали участія въ розыскахъ Комарова, но и многіе другіе чиновники консисторіи также не принимали въ томъ участія, напр. Знайковъ, Головки. Петръ Скитскій, воспользовавшись освобожденіемъ чиновниковъ консисторіи отъ занятій для розыска Комарова, предпочелъ, по свойственной ему наклонности къ спиртнымъ напиткамъ, провести свободное отъ занятій время въ лѣсу съ Головкой за бутылкой водки. Петръ Скитскій встрѣчалъ похоронную процессію вмѣстѣ съ чиновникомъ консисторіи Грищенко, а потомъ отправился купаться. Степанъ Скитскій былъ недоволенъ на Комарова и собирался подать на него жалобу оберъ-прокурору Правительствующаго Синода, а потому естественно не принялъ участія ни въ его розыскахъ, ни въ похоронной процессіи; при обратномъ образѣ дѣйствій, Степану Скитскому поставили бы въ улику, что онъ поступилъ такъ изъ лицемѣрія, для отвода подозрѣнія. Психическое состояніе подсудимыхъ Скитскихъ въ день убійства Комарова, спустя четыре часа послѣ совершенія преступленія, очень рельефно обрисовано учителемъ Полтавскаго реального училища Михаиломъ Гнатевичемъ, который до того времени не зналъ подсудимыхъ. По показанію этого свидѣтеля, онъ по обыкновенію вышелъ 14-го іюля купаться на р. Ворсклу въ 6-ть часовъ вечера и пришелъ на берегъ той рѣки въ 6 ч. 45 м., гдѣ засталъ купавшихся неизвѣстныхъ ему двухъ мужчинъ, которые, гикая переключались, ходили по берегу рѣки, выдирали изъ норъ раковъ и опять бросали ихъ въ рѣку; въ выставленныхъ въ послѣдствіи въ г. Полтавѣ фотографическихъ портретахъ Степана и Петра Скитскихъ, Гнатевичъ узналъ тѣхъ двухъ мужчинъ, которые, при описанныхъ условіяхъ, купались 14-го іюля въ р. Ворсклѣ. Подсудимые Скитскіе не имѣли основаній симулировать свое психическое состояніе вечеромъ 14-го іюля предъ Гнатевичемъ, котораго они не знали, и сослались на него, въ качествѣ свидѣтеля, лишь въ январѣ мѣсяцѣ 1899 года. Описанное Гнатевичемъ поведеніе Скитскихъ на рѣкѣ Ворсклѣ

вечеромъ 14 іюля, т. е. чрезъ четыре часа по совершеніи преступленія, съ психологической точки зрѣнія, исключаетъ предположеніе о совершеніи убійства Комарова подсудимыми Скитскими.

4) Противъ подсудимыхъ выставлены уликой царапины на рукахъ и ногахъ обоихъ братьевъ Скитскихъ и опухоль руки у Степана Скитскаго, каковыя поврежденія приписывались акту самообороны Комарова; въ обстоятельствахъ дѣла нѣтъ никакихъ указаній на самооборону, и вѣроятность таковой отрицается экспертами. Степанъ Скитскій объяснилъ происхождение опухоли руки тѣмъ, что братъ Петръ случайно ударилъ его весломъ при катаньи на лодкѣ, и объясненіе это нашло подтвержденіе въ заключеніи эксперта. Относительно царапинъ на рукахъ и голеняхъ, подсудимые объяснили, что они были послѣдствіемъ ловли раковъ вечеромъ 14-го іюля, и возможность этой причины не только нашла подтвержденіе въ заключеніи эксперта, но и въ показаніи свидѣтеля Гнатовича. Если предположить, что царапины на рукахъ произошли у Скитскихъ оттого, что они тащили трупъ убитаго Комарова и о сучья кустовъ оцарапали себѣ руки, то пришлось бы допустить, что они продѣлали это безъ бѣльа, оказавшагося не порваннымъ, такъ какъ на обѣихъ голеняхъ ихъ ногъ обнаружены царапины совершенно однородныя съ таковыми же на рукахъ. Несостоятельность этой улики, очевидно, признана и обвинителемъ, который въ рѣчи своей обошелъ эту улику совершеннымъ молчаніемъ.

5) а) Остатки отъ колбасъ, найденныхъ вблизи мѣста совершенія преступленія, обвиненіе считаетъ весьма важной уликой противъ Скитскихъ, на томъ основаніи, что приказчикъ колбаснаго заведенія Лангера, несовершеннолѣтній Коцюра, заявилъ при дознанія пристава Царенко, а затѣмъ подтвердилъ и на допросѣ у судебного слѣдователя, что Степанъ Скитскій покупалъ колбасы 13 или 14 іюля въ магазинѣ Лангера и признавалъ тогда предъявленные ему остатки отъ колбасъ за издѣлія Лангера. Допрошенный подъ присягой Коцюра заявилъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ судебныхъ засѣданіяхъ палаты, что онъ не можетъ удостовѣрить ни тождества остатковъ отъ колбасъ съ издѣліемъ колбаснаго заведенія Лангера, ни покушку колбасъ Степаномъ Скитскимъ въ магазинѣ Лангера 13-го или 14-го іюля. При оцѣнкѣ показаній свидѣтеля Коцюры, очевидно, надлежитъ дать довѣріе его присяжному показанію, тѣмъ болѣе, что оно согласуется съ показаніями хозяйки магазина Анны Лангеръ и другого совершеннолѣтняго ея приказчика Якова Матвѣева, удостовѣрившихъ, что

по найденнымъ остаткамъ отъ колбасъ нельзя опредѣлить, составляютъ-ли они издѣлія колбаснаго заведенія Лангера. Если обвиненіе признавало существенной уликой остатки отъ колбасъ, найденныхъ вблизи мѣста совершенія преступленія, то оно должно было озаботиться болѣе вѣскимъ, чѣмъ голословное заявленіе несовершеннолѣтняго Коцюры, установленіемъ тождества остатковъ отъ колбасъ съ издѣліями колбаснаго заведенія Лангера, а между тѣмъ не взяты даже образцы произведеній колбасной Лангера, для сличенія чрезъ экспертовъ. Кромѣ того, приставъ Семеновъ нашель въ квартирѣ Степана Скитскаго объѣдки отъ колбасъ, но они не взяты и не осмотрѣны, а между тѣмъ могло быть установлено, что колбасы изъ издѣлія магазина Лангера. Если допустить, что найденныя вблизи мѣста убійства Комарова остатки отъ колбасъ сославляютъ издѣліе колбасной Лангера, то только тогда это обстоятельство могло бы имѣть значеніе улики противъ Степана Скитскаго, если бы такая колбаса продавалась 13 или 14 іюля одному Скитскому, между тѣмъ какъ колбасная Лангера одна на г. Полтаву, и ежедневная выручка отъ продажи колбасъ доходила до 25 рублей. 5) б) Хотя и установлено тождество остатковъ отъ хлѣба, найденныхъ вблизи мѣста преступленія, съ хлѣбомъ, которымъ торговалъ Воронель, а у этого послѣдняго покупалъ такой хлѣбъ, между прочимъ, и Степанъ Скитскій, но это обстоятельство, до очевидности, не составляетъ никакой улики противъ Степана Скитскаго; хлѣбъ этотъ Воронель прибрѣлъ изъ пекарни, которая отпускала его и другимъ торговцамъ, а потому не исключается возможность покупки кѣмъ-либо такого же хлѣба и у не Воронеля. 5) в) Въ бумажныхъ пакетахъ, одинъ изъ которыхъ найденъ вблизи мѣста совершенія преступленія, Воронель отпускалъ своимъ покупателямъ сыпучій товаръ: рисъ, муку и крупу; въ числѣ покупателей Воронеля были, между прочимъ Степанъ Скитскій, Комаровъ, чиновники и сторожа консисторіи; за два мѣсяца до убійства Комарова, Воронель не отпускалъ Степану Скитскому въ бумажныхъ пакетахъ, подобныхъ найденному на мѣстѣ преступленія, сыпучаго товара, такъ какъ Степанъ Скитскій въ эти послѣдніе два мѣсяца не имѣлъ своей кухни, за отъѣздомъ жены. Обширность круга лицъ, покупавшихъ у Воронеля сыпучій товаръ въ такихъ пакетахъ, одинъ изъ которыхъ оставленъ на мѣстѣ преступленія, не только не исключаетъ возможности оставленія такого пакета кѣмъ-либо изъ покупателей Воронеля, помимо Степана Скитскаго, но даетъ основа-

ніе къ большому въ этомъ отношеніи вѣроятію, такъ какъ по удостовѣренію Воронеля, онъ за два мѣсяца до убійства Комарова не отпускалъ Степану Скитскому товара въ такихъ пакетахъ.

5) г) Нахождение на мѣстѣ преступленія картуза, бывшаго дня три въ сторожкѣ консисторіи и исчезнувшаго оттуда въ маѣ мѣсяцѣ 1897 г., не составляетъ улики противъ Степана Скитскаго: обвинитель совершенно вѣрно признаетъ Степана Скитскаго за умнаго и развитаго человѣка, при обладаніи же такими качествами нельзя допустить, чтобы Скитскій подбросилъ на мѣстѣ преступленія предметъ, находившійся нѣкое время въ консисторской сторожкѣ и извѣстной не только сторожамъ, но и приходившимъ туда курить чиновникамъ консисторіи; такимъ образомъ дѣйствій Скитскій не отвлекалъ, а напротивъ наводилъ-бы подозрѣніе въ убійствѣ Комарова на чиновъ консисторіи, въ числѣ которыхъ состоялъ и онъ съ братомъ Петромъ.

6) При сличеніи экспертами бичевы, взятой изъ консисторіи, съ бичевой, снятой съ шеи Комарова, оказалось, что и по качеству пряжи и способу плетенія, консисторская бичевка совершенно отлична отъ бичевки, найденной на шеѣ Комарова. Полнѣйшая неосостоятельность этой выставленной улики признана и обвинителемъ, обошедшимъ ее совершеннымъ молчаніемъ въ своей обвинительной рѣчи.

7) Пастухъ Ткаченко видѣлъ, какъ 14-го іюля, черезъ часъ, а можетъ быть и больше послѣ прохода Комарова, вышли, „какъ-бы изъ монастырскаго лѣса“, двое мужчинъ, которые прошли отъ него на разстояніи болѣе 100 сажень; лица прохожихъ были закрыты платками и одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ свѣтлое, а другой въ темное платье, но Ткаченко не замѣтилъ ни покроя платья, ни пуговиць. Показаніе этого свидѣтеля не имѣетъ никакого отношенія къ Скитскимъ, которые приблизительно въ то время находились на р. Ворсклѣ, такъ какъ на спускѣ къ этой рѣкѣ ихъ видѣла въ 2 ч. 35 м. свидѣтельница Попова; проходившіе люди могли быть дачники или кадеты ближайшаго лагеря, отправлявшіеся купаться, и по случаю жары закрывали лица полотенцами. Обвиненіе признаетъ Петра Скитскаго естественнымъ соучастникомъ Степана Скитскаго въ убійствѣ Комарова. Однако никто изъ свидѣтелей не сдѣлалъ даже намека на то, что Петръ Скитскій былъ недоволенъ на Комарова, который къ пасхѣ 1897 года выдалъ Петру Скитскому награду и прибавилъ жалованье. Петръ Скитскій ни въ чемъ не проявилъ безусловнаго подчиненія брату Степану въ такой степени, чтобы стать слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ брата. Напро-

тивъ, чиновникъ консисторіи Федоръ Просяникъ удостовѣрилъ, что Петръ Скитскій, хотя добрый и кроткій, но съ твердыми собственными убѣжденіями и не находился подъ вліяніемъ брата. Отсутствіе у Петра Скитскаго мотива къ совершенію преступленія приводитъ къ убѣжденію, что онъ не участвовалъ въ убійствѣ Комарова. Въ свою очередь отсутствіе участія въ преступленіи Петра Скитскаго, порождаетъ новое доказательство невинности Степана Скитскаго, такъ какъ убійство Комарова, по заключенію экспертовъ, было совершено двумя лицами, соучастникомъ же Степана Скитскаго могъ быть только братъ его Петръ, съ которымъ онъ провелъ весь день 14-го іюля. Въ подтвержденіе того, что убійство Комарова, совершено не братьями Скитскими, служатъ слѣдующія соображенія: 1) Скитскимъ было извѣстно, что Комаровъ всегда имѣлъ при себѣ заряженный револьверъ, а при возвращеніи изъ консисторіи на дачу его ежедневно встрѣчала на дорогѣ жена; при такихъ условіяхъ Скитскіе не могли рѣшиться на убійство Комарова, и при томъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ навѣрное должны были расчитывать встрѣтить Надежду Комарову и тѣмъ осложнить приведеніе въ исполненіе задуманнаго преступленія. О распоряженіи Комарова, чтобы 14 іюля его не встрѣчала жена, знали только супруги Комаровы, чѣмъ же было вызвано это распоряженіе со стороны мужа, остается неизвѣстнымъ. Объясненіе Надежды Комаровой, что распоряженіе это обуславливалось боязнью мужа о нападеніи на нее собакой, представляется далеко не убѣдительнымъ, такъ какъ во все предшествовавшее время жительства Комаровыхъ на дачѣ, т. е. съ 26-го апрѣля, такая боязнь никогда не проявлялась у Комарова и не указывается на какой-либо инцидентъ, породившій эту боязнь. Такою же таинственностью облечена и записка, найденная въ карманѣ Комарова и писанная рукою его жены: „если да—будетъ балъ О! О!“ 2) Комаровъ вель регулярный образъ жизни, и Скитскимъ было извѣстно распределеніе его времени, а потому имъ не представлялось необходимости задолго устраивать засаду и запастись съѣстными припасами. По той же причинѣ Скитскимъ не представлялось надобности бѣжать 14-го іюля къ дачѣ Склифасовскаго, для убійства Комарова, который ежедневно проходилъ эту мѣстность, а потому, если имъ что либо помѣшало привести въ исполненіе задуманное преступленіе 14-го іюля, они могли отложить до другого времени. 3) По заключенію врачей экспертовъ смерть Комарова послѣдовала вслѣдствіе прегражденія свободнаго доступа воздуха въ легкія, при по-

средствѣ какого-либо мягкаго предмета, какъ то одѣяла, подушки и т. п.; оказавшаяся же веревка на шеѣ Комарова служила лишь для перетаскиванія трупa. Во весь день 14-го іюля никто изъ свидѣтелей не видѣлъ въ рукахъ Скитскихъ никакихъ вещей, въ карманы же ихъ не могли помѣститься такіе предметы, какъ одѣяло или подушка, тѣмъ болѣе, что карманы ихъ лѣтнихъ костюмовъ, по предположенію обвинителя, были наполнены: двумя колбасами, булкой, бутылкой водки, четырехъ аршинной длины веревкой и двумя полотенцами и 4) Покойный Комаровъ былъ залить кровяной пѣной, хлынувшей изъ рта и носа, на спинѣ пиджака убитаго были усмотрѣны полиціймейстеромъ Ивановымъ слѣды отъ окровавленной руки убійцы. Между тѣмъ платье Скитскихъ, въ которомъ они были 14 іюля, подвергалось тщательному осмотру и изслѣдованію, причемъ оказалось цѣлымъ, не окровавленнымъ и не замытымъ. По изложеннымъ основаніямъ я не признаю виновными Степана и Петра Скитскихъ въ убійствѣ Комарова“.

Присоединяясь вполне къ особому мнѣнію члена палаты А. К. Жежеро, изложенному имъ въ окончательной формѣ, членъ палаты, А. Г. Казначеевъ, въ своемъ мнѣніи находитъ нужнымъ добавить, „что предположеніе о томъ, что Бородаева видѣла двухъ шедшихъ по горѣ людей (изъ коихъ одинъ въ свѣтломъ кителѣ) не 14-го, а 15-го іюля, тѣмъ болѣе вѣроятно, что она въ своемъ показаніи въ заведеніи палаты приурочила это время ко дню корпуснаго праздника, бывающаго въ день св. Владиміра, (т. е. 15 іюля), и предположила, что означенные люди шли изъ корпуса въ лагерь“.

Словесный представитель особаго присутствія Харьковской судебной палаты, волостной старшина Я. Н. Усѣ, оставшись также при особомъ мнѣніи, излагаетъ его слѣдующимъ образомъ. „Обвиненіе, предъявленное къ подсудимымъ, я не могу считать доказаннымъ по слѣдующимъ основаніямъ: Комаровъ ушелъ изъ конисторіи въ 2 ч. 25 мин., а Степанъ Скитскій былъ у Мартыновой въ 2 ч. 15 мин. Степану Скитскому нужно было еще встрѣтиться съ своимъ братомъ, на что нужно положить нѣкоторое время. Вспомнимъ, что Комаровъ ходилъ очень скоро и при такихъ условіяхъ окажется, что Скитскіе и Комаровъ должны были идти почти вмѣстѣ; Скитскіе должны были находиться въ виду у Комарова и, конечно, не имѣли времени вытолочь траву, выпить водку и съѣсть колбасу. Непрофессиональные убійцы, какими были Скитскіе, непременно волновались бы передъ убійствомъ; чтобы приняться за водку и колбасу имъ нужно было нѣсколько часовъ

ожиданія, а не 5—10 мин., какія они имѣли. Свидѣтельница Бородаева рѣшительно ничего не доказала; она, Бородаева, не указала, что это были или бѣжали Скитскіе, она не указала дня и часа, что же касается свидѣтельницы Поповой, то она указала, что видали Скитскихъ на Лазаревой горѣ въ 2¹/₂ ч., назвала ихъ имя, фамилію и 14-е число. Другіе свидѣтели также болѣе или менѣе устанавляютъ, что подсудимые были въ другихъ мѣстахъ. Предположеніе подкупа должно быть рѣшительно отвергнуто; чтобы подкупить около 30 свидѣтелей нужно располагать значительными средствами, а разъ Скитскіе служили въ консисторіи на жалованіи въ 600 р., значить они такихъ средствъ не имѣли. Такое жестокое преступленіе, какъ убійство изъ мести, не могло быть совершено безъ достаточной причины. Многіе свидѣтели установили, что вражда была со стороны Комарова къ Степану Скитскому, но чтобы Степанъ Скитскій платилъ Комарову тѣмъ же—это не доказано. Петръ Скитскій былъ, напротивъ, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Комаровымъ и трудно допустить, чтобы по просьбѣ брата онъ пошелъ на такое злое дѣло. Несовершенство предварительнаго слѣдствія заставляеть думать, что настоящіе убійцы легко могли избѣжать судебнаго преслѣдованія; но и при настоящемъ положеніи дѣла противъ Скитскихъ, я не нахожу никакой улики“.

Приговоръ, нашедшій такую безпощадную критику въ средѣ членовъ присутствія палаты, разсматривавшаго дѣло Скитскихъ,—могъ ли быть оставленъ въ силѣ?

Какъ бы формально ни было кассационное производство,—формализмъ его не могъ бы дойти до того, чтобы въ приговорѣ, признавшемъ вполне доказательную силу за уликами, которыя такой силы не могли имѣть и не имѣютъ, въ приговорѣ, соображенія коего не могутъ выдержать логическаго состязанія съ доводами, которыя на основаніи тѣхъ же уликъ приводятъ къ обратному выводу,—чтобы въ этомъ приговорѣ не усмотрѣть кассационнаго повода къ отмѣнѣ его. Мы позволяемъ себѣ утверждать, что самую лучшею кассационною жалобою были особыя мнѣнія только что приведенныя нами.

Ст. 766 уст. угол. суд. обязываетъ судъ основать свое убѣжденіе на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Сравните приговоръ палаты съ особымъ мнѣніемъ А. К. Жежеро,—и вы безъ кассационныхъ тонкостей, безъ надобности изучать длинную практику Сената по примѣненію, въ смыслѣ кассационномъ,

ст. 766, придете къ заключенію, что обвинительный приговоръ былъ результатомъ убѣжденія, основаннаго не на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Ибо мыслимо ли, чтобы судьи одного и того же присутствія столь рѣзко разошлись въ окончательномъ выводѣ объ однихъ и тѣхъ же фактическихъ данныхъ дѣла, при несомнѣнной наличности у нихъ вполне достаточной, по положенію ихъ, способности логически мыслить, рассуждать, умозаключать. Очевидно, что такія разногласія, могутъ быть только результатомъ того, что убѣжденіе однихъ основано на одной совокупности, а другихъ—на другой совокупности обстоятельствъ, и что, слѣдовательно, обвинительный приговоръ не основанъ на *всей* совокупности—всегда единой.

Изслѣдователю принципа кассационнаго разсмотрѣнія дѣлъ—особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда по закону приговоры должны быть мотивированы—ст. 766 несомнѣнно должна стать поперекъ его дороги. Случаи отмѣны приговоровъ по нарушенію ст. 766 участились у насъ со времени расширенія компетенціи особыхъ присутствій судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей по закону 1889 г. (ст. 201¹ уст. угол. суд.), когда увеличилась область мотивированныхъ приговоровъ.

Необходимость обсужденія въ кассационномъ порядкѣ приговоръ съ точки зрѣнія соответствія ихъ ст. 766, служить, съ другой стороны, однимъ изъ существенныхъ доводовъ въ пользу суда присяжныхъ засѣдателей. Въ этомъ отношеніи дѣло братьевъ Скитскихъ весьма знаменательно, и никакія теоретическія и практическія соображенія противъ института особыхъ присутствій съ сословными представителями не могли нанести такой жестокой ударъ этому институту, какой ему нанесенъ дѣломъ Скитскихъ съ его обоими приговорами,—Полтавскимъ и Харьковскимъ,—со всѣми особыми мнѣніями,—дѣломъ, справедливо возбуждавшимъ общественную совѣсть. Постѣдными замѣчаніями мы прямо переносимся на почву кассационнаго разсмотрѣнія въ засѣданіи 28 сентября дѣла Скитскихъ.

В. К. Случевскій въ своемъ дѣйствительно замѣчательномъ заключеніи раздѣлилъ всѣ кассационные доводы защитниковъ Скитскихъ на двѣ группы,—въ одну собраны имъ доводы неосновательные, въ другую—доводы, заслуживающіе, по заключенію г. оберъ-прокурора, уваженія. Это дѣленіе—нѣсколько субъективнаго свойства, и во всякомъ случаѣ предполагаетъ предварительное обсужденіе каждаго довода въ отдѣльности. Мы же—въ цѣ-

ляхъ уясненія значенія дѣла Скитскихъ съ общей кассационной точки зрѣнія, раздѣлили бы всю массу доводовъ на неравномѣрныя группы по иному признаку—и къ одной отнесли бы тѣ немногіе доводы, которые имѣютъ общее значеніе; къ другой же—всѣ тѣ, которые имѣютъ значеніе лишь для даннаго дѣла, обсужденіе коихъ не зависитъ отъ установленія того или другого принципа, недостаточно разъясненнаго общаго начала. При такомъ распредѣленіи доводовъ оказалось бы въ результатѣ, что не всѣ доводы, отнесенныя г. оберъ-прокуроромъ къ группѣ неосновательныхъ—какъ разъ лишены общаго значенія; всѣ же доводы—признанные существенными и уважительными оказались, и совершенно, скажемъ тутъ же, справедливо, имѣющими значеніе только для дѣла Скитскихъ, дѣла чрезвычайнаго, безпримѣрнаго. Остановимся только на одной парѣ доводовъ.

Главнѣйшій изъ доводовъ первой группы—это вопросъ о подсудности; главнѣйшій изъ второй—устраненіе, по заявленію палаты, изложенному въ приговорѣ, отъ своего разсмотрѣнія недостатковъ и неполноты предварительнаго слѣдствія.

Скитскіе преданы суду по обвиненію въ убійствѣ своего начальника „изъ мести къ нему, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній, возникшихъ исключительно на служебной почвѣ“. Какому суду подсудно такое дѣяніе,—суду ли съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей? Вотъ вопросъ общаго свойства, вытекающій изъ дѣла Скитскихъ и имѣющій общее значеніе.

Заключеніе г. оберъ-прокурора по этому вопросу было весьма кратко, и какъ разъ приурочено было къ соображенію, едва ли безспорному, и во всякомъ случаѣ частному; если Правительствующій Сенатъ, который, какъ видно изъ резолюціи его—объ отмѣнѣ по нарушенію 687, 688, 766 и 797 ст. уст. угол. суд.—передалъ дѣло въ Кіевскую судебную палату, въ рѣшеніи своемъ остановится на томъ же соображеніи, то это рѣшеніе не дастъ общаго руководящаго указанія относительно вопроса о примѣненіи ст. 201¹ уст. угол. суд.

Соображеніе это заключалось въ томъ, что вопросъ о подсудности дѣла не можетъ быть возбужденъ послѣ того, какъ Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ кассационный протестъ прокурора Харьковской Судебной Палаты на оправдательный приговоръ, состоявшійся въ Полтавѣ, и отмѣнивъ этотъ приговоръ, передалъ дѣло на новое разсмотрѣніе той же палаты въ другомъ составѣ,

а не на разсмотрѣніе Полтавскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Иначе говоря, возбужденный въ жалобѣ защитника Скитскихъ вопросъ о подсудности—устраненъ отъ разсмотрѣнія, а не разсмотрѣнъ.

Было ли рѣшеніе Сената объ отмѣнѣ перваго приговора дѣйствительнымъ препятствіемъ для обсужденія указаннаго кассационнаго довода по существу его? Мы сомнѣваемся въ этомъ. Не говоря уже о томъ, что вопросъ о правильной подсудности дѣла можетъ быть возбужденъ во всякомъ положеніи дѣла,—во всякомъ случаѣ, пока нѣтъ приговора, вошедшаго въ законную силу, а такого приговора по дѣлу Скитскихъ еще не было,—нельзя не указать на то, что для защиты не было момента, когда она могла бы возбудить этотъ вопросъ раньше: на опредѣленіе о преданіи суду отдѣльно отъ обжалованія приговора жалобы приносимы быть не могутъ; на оправдательный приговоръ жаловаться подсудному не приходится. Правда, при наличности протеста могла бы быть подана жалоба на преданіе суду (рѣш. угол. кассац. департ. 1883 г. № 27), но такая жалоба, очевидно, возможна только въ случаѣ неправильной квалификаціи дѣянія, отсутствія, по мнѣнію кассатора, состава преступленія и ходатайства, на основаніи этого, о прекращеніи дѣла по нарушенію ст. 1 уст. угол. суд. и ст. 1 улож. о нак. Такую жалобу, въ которой оправданный подсудимый заявлялъ бы, что онъ проситъ объ отмѣнѣ оправдательнаго приговора, потому что его судилъ не подлежащій судъ—себѣ представить невозможно.

Рѣшеніе Сената, отмѣнившее оправдательный приговоръ, не устанавливало подсудности дѣла по той простой причинѣ, что оно его вовсе не касалось; сила этого рѣшенія уже исчерпана для дѣла, оно использовано и при новомъ разсмотрѣніи дѣла въ Сенатѣ прежнее рѣшеніе, очевидно, никакого бытія уже не имѣло,—оно, какъ эфиръ, испарилось въ новомъ разсмотрѣніи, и Сенату теперь предстояло обсуждать правильность опредѣленія палаты о преданіи суду не по ст. 201, а по ст. 201⁴.

Подробная оцѣнка кассационнаго довода о подсудности, однако, можетъ привести къ выводу, что дѣло Скитскихъ неправильно и какъ показалъ опытъ—небывалая двукратная отмѣна приговоровъ,—такъ сказatzь, не безнаказанно получило направленіе въ порядкѣ ст. 201⁴.

Убийство при исполненіи или вслѣдствіе исполненія служебныхъ обязанностей стало подсуднымъ суду особаго присутствія

Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей по закону 9 мая 1878 г. (П. С. З. 1878 г. № 58488). Ни редакція этого закона, вошедшаго во вторую половину нынѣшней ст. 201¹ уст. угол. суд., ни соображенія, на коихъ законъ 9 мая былъ основанъ, ни обстоятельства, вызвавшія его изданіе (дѣло Засуличъ), не оправдываютъ подсудность дѣла объ убійствѣ изъ мести, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній, возникшихъ на служебной почвѣ, особому присутствію палаты. Достаточно сослаться на соображенія, вызвавшія необходимость осуществленія въ 1878 г. „временнаго измѣненія подсудности и порядка производства дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ“,—а именно то, что существовавшій до того порядокъ былъ установленъ въ то время, „когда невозможно было предвидѣть чрезмѣрнаго проявленія случаевъ насилія и сопротивленія правительственнымъ органамъ“, между тѣмъ какъ опытъ показалъ, что указанные явленія требуютъ большей репрессіи, вслѣдствіе чего „представилось необходимымъ безотлагательно принять такія мѣры, съ введеніемъ коихъ строгая по закону, наказуемость случаевъ насилія и сопротивленія органамъ правительства была бы обезпечена и не зависѣла бы отъ случайныхъ причинъ“. Этой цѣли и предполагалось достигнуть передачей этихъ случаевъ компетенціи палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Изъ одного этого видно, какъ далеко отстоитъ дѣло Скитскихъ отъ той категоріи убійствъ должностныхъ лицъ вслѣдствіе исполненія служебныхъ обязанностей, которыя должны вѣдаться особыми присутствіями.

Сравнительно съ только что разобраннымъ поводомъ,—тотъ поводъ, который признанъ былъ уважительнымъ, а именно, оставленіе безъ вниманія предварительнаго слѣдствія, не можетъ не оказаться спорнымъ.

Въ резолюціи IV отдѣленія Угол. Кас. Деп., кою отмѣненъ первый оправдательный приговоръ особаго присутствія, среди указанныхъ поводовъ къ отмѣнѣ, между прочимъ, имѣется и такой, что „въ явное нарушеніе ст. 797 уст. гражд. суд. въ постановленный по большинству голосовъ членовъ присутствія приговоръ палаты включены такія данныя, которыя до существа дѣла не относились и предметомъ судебного слѣдствія и преній сторонъ не могли и быть, а именно: въ подтвержденіе выводовъ о невинности Скитскихъ въ приговорѣ сдѣлана ссылка, . . . во 2-хъ, на особое мнѣніе одного члена палаты, заявленное въ обвинительной камерѣ о необходимости обратить дѣло къ дослѣдованію“. Очевидно, что рѣчь

шла не о словахъ и выраженіяхъ, а о томъ, что въ отмѣненномъ приговорѣ указывалось на недостаточность предварительнаго слѣдствія, не выяснившего много существенныхъ сторонъ дѣла. Это соображеніе въ приговорѣ Сенатъ призналъ нарушающимъ ст. 797 уст. угол. суд. Очевидно, подъ влияніемъ этого указанія со стороны Сената, другой составъ особаго присутствія и выразился въ приговорѣ, что присутствіе „прежде всего устраняетъ отъ своего разсмотрѣнія вопросы о недостаткахъ и неполнотѣ предварительнаго слѣдствія, какъ неподлежащіе въ настоящемъ составѣ присутствія разсмотрѣнію палаты“. Возможно ли серьезно утверждать, что палата этими словами хотѣла сказать, что она устранила отъ своего разсмотрѣнія предварительное слѣдствіе,—т. е., выражаясь словами заключенія г. оберъ-прокурора, что въ этихъ словахъ судебная палата „высказала свой взглядъ на значеніе для нея какъ суда, предварительнаго слѣдствія“.

При всемъ желаніи—если бы даже таковое прямо высказано было—палата не могла бы устраниваться отъ разсмотрѣнія предварительнаго слѣдствія; если не въ приговорѣ, то во всемъ разбирательствѣ дѣла—ею провѣрялось, именно, предварительное слѣдствіе.

Мы меньше всего склонны отстаивать правильность отмѣненнаго нынѣ, къ счастью, обвинительнаго приговора палаты; наши замѣчанія, скорѣе, клонятся къ тому, чтобы еще однимъ указаніемъ подтвердить, что дѣло Скитскихъ—безпримѣрное, и что быть можетъ, никогда еще для кассационной инстанціи не представлялось столь труднымъ удерживаться на границѣ, отдѣляющей, такъ называемое, существо дѣла отъ кассационной почвы. И уже, конечно, мы не посѣтуемъ на то, что въ глазахъ Сената существо этого дѣла представилось настолько вопіющимъ, что оно оказалось сплошнымъ „кассационнымъ поводомъ“, и что Сенатъ, не признавъ основательнымъ дѣйствительно кассационной—по своему характеру, доводъ о подсудности, не замкнулся, однако, въ формальную рамку, обычныхъ формулъ—„протоколомъ не подтверждено“, „провѣркѣ не подлежитъ“, „выводъ по существу“ и т. д., а вслѣдъ за краснорѣчивымъ заключеніемъ г. оберъ-прокурора призналъ, что нельзя осуждать людей на каторгу на основаніи внушеннаго биноклемъ показанія свидѣтельницы о видѣнномъ ею явленіи двухъ бѣгущихъ людей въ костюмахъ съ блестящими пуговицами, безъ провѣрки осмотромъ того мѣста, съ котораго смотрѣла въ бинокль эта свидѣтельница.

А только это показаніе, какъ нами указано было уже въ статьѣ о дѣлѣ Скитскихъ (В. Пр. апрѣль, стр. 282), явилось самостоятельнымъ доводомъ въ приговорѣ палаты, повторившемъ во всемъ прочемъ содержаніе обвинительнаго акта, въ которомъ, выражаясь словами сословнаго представителя Уса,—нѣтъ никакой улики противъ Скитскихъ.

7. Новый германскій уставъ военно-уголовнаго судопроизводства.

(Переводъ статьи Dr. Benedix'a, Deutsche Juristen-Zeitung, 1899 г. № 13).

16-го декабря 1897 г. имперскій канцлеръ открылъ въ рейхстагѣ дебаты по первому чтенію проекта устава военно-уголовнаго судопроизводства, указаніемъ на то, что проектъ выработанъ на основаніи новыхъ правовыхъ принциповъ. Это заявленіе было подтверждено рѣзко очерченными девятью вѣскими доводами, а именно: 1) проектъ, въ противоположность дѣйствующему уставу съ письменнымъ и слѣдственнымъ производствомъ, вводитъ устное и непосредственное; 2) онъ раздѣляетъ задачи судьи, обвинителя и защитника; 3) даетъ судьямъ право свободной оцѣнки доказательствъ; 4) предоставляетъ право обжалованія частнаго, апелляціоннаго и ревизіоннаго; 5) оставляетъ окончательное рѣшеніе вопросовъ факта и наказанія самостоятельно судамъ; 6) обезпечиваетъ въ высокой степени должностной характеръ суда; 7) допускаетъ въ широкомъ объемѣ защиту; 8) вводитъ какъ основное правило публичность судебного разбирательства, и 9) учрежденіемъ высшаго военнаго суда создаетъ единообразное толкованіе и примѣненіе законовъ. Также кратко обозначилъ кн. Гогенлоэ необходимость сообразоваться съ учрежденіями арміи и сохраненіемъ дисциплины при опредѣленіи предѣловъ, до какихъ можно довести сближеніе формъ и принциповъ военнаго судопроизводства съ формами и началами обще-гражданскаго процесса. Этимъ было дано точное указаніе, чѣмъ долженъ и чѣмъ не долженъ быть новый законъ. Онъ долженъ объединить три отдѣльныхъ судопроизводства для трехъ континентовъ германской арміи, а именно прусское, (3-го апрѣля 1845 г.) вюртенбергское (20 іюля 1818 г.) и баварское (29 апрѣля 1889 г.), а съ другой стороны,—слить ихъ все вмѣстѣ съ гражданскимъ обще-

германскимъ уголовнымъ судопроизводствомъ (1-го февраля 1877 г.) въ единое общее реформированное судопроизводство для германскихъ арміи и флота. Но при этомъ, однако, должны быть сохранены особенности военного званія и строгость дисциплины въ арміи.

Уставъ военно-уголовнаго судопроизводства, какъ результатъ кропотливаго обсужденія со стороны парламентской комисіи и дебатовъ, вмѣстѣ съ закономъ о введеніи его въ дѣйствіе и дисциплинарномъ уставѣ для чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, утвержденъ 1-го декабря 1898 г. и опубликованъ въ № 53 R. G. Bl. За нимъ послѣдовалъ 9-го марта 1899 г. законъ объ учрежденіи отдѣльнаго сената въ имперскомъ военномъ судѣ для баварской арміи. Критика, какъ общей, такъ и специальной прессы встрѣтила новый законъ довольно благопріятно.

Для вѣрной оцѣнки новаго закона необходимо знаніе своеобразныхъ свойствъ и учреждений арміи; безъ такового оцѣнка будетъ ошибочно. „Организація нашей арміи“, сказалъ военный министръ (см. стеногр. отч. Reichstag'a 15-го марта 1898 г. стр. 1498) и успѣхи, которыми мы ей обязаны, основаны, въ общемъ, на простотѣ и ясности учреждений, каковыя свойства легли въ основу устава судопроизводства“. Это замѣчаніе относится прежде всего до построения и до объема; заключая въ себѣ и учрежденіе военно-учебныхъ установленій, уставъ содержитъ только 471 статью распределенныхъ по 2-мъ частямъ, 1-я часть ст. 1—114 содержитъ въ трехъ титлахъ учрежденія установленій.

А. Первая часть: Учрежденія.

Въ военномъ мірѣ имѣется одна только власть,—власть командира; военно-судебная власть не представляется только приобщенною къ власти командира,—ея придаткомъ, а есть существенная, составная часть ея. Она обнимаетъ обѣ функціи—и подвѣдомственность и право суда (*jurisdictio* и *judicium*). Взгляда общаго германскаго государственнаго права—что только судьи являются носителями судебной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ произносителями приговоровъ,—этого взгляда военно-уголовное судопроизводство не раздѣляетъ; оно скорѣе координируетъ два фактора, сливающихся въ карательной власти командира: вѣдѣніе судебнымъ дѣломъ и самый судъ.

Согласно испытанному легальному опредѣленію Прусскаго Ланд-рехта (t. II tit. 17 § 6), къ уголовному суду относятся двѣ задачи—

изслѣдованіе преступленій и наказаніе преступниковъ. Въ общегражданскомъ правѣ эти задачи обнимаютъ *всѣ*, (не исключая и полицейскихъ нарушеній), обозначенныя въ законѣ какъ наказуемыя, дѣянія *всѣхъ* гражданъ. Уставъ воен. суд. сохраняетъ за военно-уголовною подвѣдомственностью до сего времени ей присущій особенный характеръ, какъ въ отношеніи круга лицъ, такъ и въ отношеніи объема дѣяній, дѣйствія ея по мѣсту и по времени. Она также относится только къ дѣяніямъ, въ самомъ законѣ обозначеннымъ, какъ наказуемая. Незатронутыми уставомъ остаются: уставъ дисциплинарный, постановленіе о судахъ чести офицеровъ и все матеріальное право. Одинаково съ гражданскимъ процессуальнымъ правомъ, уставъ военно-судебный имѣетъ дѣйствіе на всю Имперію.

Въ отношеніи *лично*му уставу подчинены: 1) постоянно, и какъ общее правило, по обвиненію во всѣхъ наказуемыхъ дѣяніяхъ,—всѣ военные дѣйствующей арміи и флота, уволенные въ запасъ офицеры, военно-врачебные чины и инженеры военного званія, воспитанники военной академіи Императора Вильгельма, содержащіеся въ инвалидныхъ заведеніяхъ офицеры и нижніе чины, а во флотѣ—также служащіе на судахъ; 2) временно, или ограниченно въ отношеніи дѣяній,—офицеры свиты, отставные офицеры во время исполненія временно возложенныхъ на нихъ обязанностей, корабельные юнги, пока они находятся на суднѣ и вообще всѣ находящіеся по службѣ за бортомъ судна; 3) находящіеся въ отпуску чины за нарушенія дѣйствующихъ по отношенію къ нимъ военныхъ законовъ; также офицеры за дуэль и секунданство; 4) въ военное время—всѣ лица, находящіеся на службѣ, или въ договорныхъ отношеніяхъ съ арміей и вообще лица, слѣдующія за нею, не исключая иностранныхъ офицеровъ, плѣнныхъ, шпионовъ и т. д.

Въ уставѣ не содержится постановленій относительно жандармовъ; подчиненіе ихъ военной подсудности предоставлено (§ 23 зак. о введ. въ дѣйствіе) партикулярному законодательству; какъ общее же правило, они почитаются лицами военного званія.

Въ отношеніи *предметно*му военно-уголовному суду подвѣдомственны всѣ дѣйствія, караемыя уголовнымъ законодательствомъ, специально-военнымъ и общимъ. Гражданскому вѣдомству представлены лишь: 1) дѣла о нарушеніяхъ законовъ фискальныхъ, полицейскихъ, законовъ объ охотѣ и рыболовствѣ; 2) должностныя преступленія и проступки, совершенные лицами не офицерскаго званія, состоявшими временно на службѣ; 3) могутъ быть

предоставлены въ вѣдѣніе общегражданскихъ судовъ дѣла о преступленіяхъ, въ которыхъ участвовали лица гражданского и военного вѣдомства, въ частности объ взаимныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ.

Относительно времени когда начинается и оканчивается подчиненіе военно-уголовной подсудности, уставъ (см. § 5 прусскаго устава военно-угол. судопр.) не содержитъ подробныхъ опредѣленій. Начало и конецъ ея дѣйствія совпадаетъ, по прежнему, съ состояніемъ на службѣ. Относительно проступковъ, совершенныхъ до поступленія на службу, слѣдуетъ различать профессионально военныхъ лицъ отъ лицъ, отбывающихъ службу въ силу повинности. Первые безусловно подлежатъ дѣйствию устава военно-уголовнаго судопроизводства, вторые изъяты отъ дѣйствія, когда при поступленіи на службу уже приговоръ или приказъ о наказаніи (въ полицейскихъ нарушеніяхъ) уже послѣдовалъ, или когда вмѣняется въ вину преступное дѣяніе, облагаемое, по крайней мѣрѣ, 6-недѣльнымъ лишеніемъ свободы. Въ этомъ случаѣ призванные на службу солдаты по прежнему увольняются. Съ другой стороны, маловажныя преслѣдованія противъ солдатъ, принятыхъ на службу, которыя дошли въ обще-гражданскихъ судахъ до стадіи судебного разбирательства, должны быть разрѣшены по военнымъ законамъ. Тѣ же различія существуютъ при окончаніи военно-судебной подчиненности: въ случаѣ нарушенія военного закона со стороны лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, военно-судебная подсудность остается въ своей силѣ; но послѣдняя сходитъ со сцены, если нарушенъ общій уголовный законъ, развѣ только военнымъ начальствомъ уже возбуждено обвиненіе. Новую особенность представляетъ постановленіе, вызвавшее въ рейхстагѣ продолжительныя пренія и заключавшееся въ § 8 проекта (§ 11, устава въ связи съ § 113). Имъ удлиняется періодъ подчиненія военно-судебной власти въ тѣхъ случаяхъ, когда лица, состоявшія на дѣйствительной службѣ въ арміи и флотѣ, въ теченіе года по прекращеніи отношенія, обосновывающаго указанное подчиненіе, обвиняются въ оскорбленіи своего бывшаго начальника или иного лица военного сословія, въ посягательствѣ на тѣлесную неприкосновенность или въ вызовѣ на дуэль своего бывшаго военного начальника, состоящаго на дѣйствительной службѣ. Значеніе этого спеціальнаго параграфа, какъ закона новаго и исключительнаго, обусловленнаго потребностями времени, ясно само по себѣ.

Также мало подробно потребовалось опредѣлить дѣйствіе устава

военно-уголовнаго судопроизводства по мѣстной подсудности;—оно соответствуетъ пространству дѣйствія власти главы германской арміи. Слѣдуетъ отмѣтить, что и во второй части не содержится опредѣленій о мѣстной подсудности.

Судъ первой инстанціи для разсмотрѣнія дѣла опредѣляется каждый разъ приказомъ командира. Для „поля“ и „борта“ изданъ рядъ специальныхъ постановленій.

Переходимъ къ сравненію устава военно-судебнаго производства съ общегерманскимъ учрежденіемъ судебныхъ установленій 27 января 1877 г. Въ обще-гражданскомъ правѣ компетенція судовъ строго опредѣляется исключительно по предмету: суду шеффеновъ подсудны легкіе проступки, уголовной палатѣ—проступки средней важности, суду присяжныхъ—тяжкія преступленія. Въ области военно-судебнаго производства имѣются *нисшая и высшая подсудность*. Хотя и здѣсь суды первой инстанціи, рѣшающіе дѣло, ограничены своей предметной подсудностью (сословные и военные суды), однако, рѣшающимъ факторомъ является командиръ.

Здѣсь прежде всего потребовалось отыскать ту „среднюю линію“, на которой могли бы быть объединены прусскіе и баварскіе взгляды, гражданскія и военныя учрежденія. Рѣшеніе найдено счастливое. Тѣмъ юристамъ, которые вслѣдъ за маститымъ д-ромъ Штенглейномъ, напали на „средневѣковаго“, ничего не смыслящаго въ юриспруденціи, командира, можно возразить, что роль послѣдняго, какъ регулятора и настоящаго господина процесса, непосредственно вытекаетъ изъ самого устройства арміи, ея іерархіи и дисциплины: какъ было уже сказано, власть командовать включаетъ въ себѣ власть наказывать. Начальники несутъ отвѣтственность за сохраненіе въ чистотѣ среди подвѣдомственнаго имъ войска чувства чести, вѣрности въ службѣ, за прочное сохраненіе дисциплины. Право розыска и наказанія—проявленіе этой отвѣтственности. Поэтому всякая попытка отождествить гражданскія и военныя отношенія обречены на неуспѣхъ, и неправильно мнѣніе д-ра Бассермана, будто, командиръ только высшій органъ прокуратуры въ подвѣдомственномъ его округѣ“.

Уголовно-судебная власть проявляется въ правѣ розыска и наказанія преступленія. Въ обще-гражданскомъ правѣ обѣ функціи строго распределены между прокуратурой и судомъ. Первая рѣшаетъ вопросъ о возбужденіи обвиненія: ея роль кончается съ предъявленіемъ обвиненія. Уже опредѣленіе объ открытіи судебного засѣданія исходитъ отъ суда. Согласно уставу военно-уголов-

наго судопроизводства, командиръ квалифицируетъ дѣяніе, опредѣляетъ вопросъ о возбужденіи обвиненія, указываетъ, какъ оно должно быть обосновано, и поддерживаемо, и назначаетъ судъ, предъ которымъ имѣетъ происходить процессъ. Кромѣ того, онъ вправѣ (подобно участковому судѣ по § 447 устава уголовного судопроизводства), приказомъ присуждать къ наказанію (арестъ до 14 дней, денежный штрафъ).

Въ судебномъ засѣданіи онъ не принимаетъ участія, но опредѣляетъ порядокъ приведенія приговора въ исполненіе. Органами командира для указанныхъ цѣлей служатъ въ нисшей инстанціи судебные офицеры, въ высшей—военно-судебные чиновники (военные и высшіе военные совѣтники).

Постановленіе приговора принадлежитъ судамъ. Въ этомъ отношеніи военные суды подобно обще-гражданскимъ, имѣютъ организацію независимую и подчинены исключительно закону. Постановляющіе приговоры суды суть: сословные, военные, высшіе военные суды и судъ имперскій. Послѣдній представляетъ собою высшее постоянное единое учрежденіе, раздѣленное на департаменты; онъ находится въ Берлинѣ. На случай войны императоръ можетъ перенести его въ другое мѣсто. Суды трехъ остальныхъ категорій созываются лишь по приказу командира. Высшіе военные суды созываются при главномъ командирѣ.

Гдѣ созываются сословные и военные суды, не указано. Современное требованіе, чтобы судья былъ должностной и несмѣняемъ, не можетъ имѣть полной силы относительно военно-судебнаго персонала, такъ какъ суды комплектуются изъ офицеровъ и военно-судебныхъ чиновниковъ. Лишь для послѣднихъ судебное дѣло составляетъ профессію. Они должны обладать цензомъ для занятія судейской должности; опредѣляются на службу подобно гражданскимъ судьямъ. Что касается офицеровъ, то въ измѣненіе существующаго нынѣ порядка командировки на данное дѣло, извѣстная „профессиональность“ достигается тѣмъ, что они опредѣляются на годъ, при имперскомъ судѣ—на два года. Чины офицеровъ-судей различны, въ зависимости отъ служебнаго чина обвиняемаго. Сословные суды рѣшаютъ дѣла въ составѣ 4 офицеровъ, военные суды—изъ 5 судей, именно 4 офицера и 1 совѣтникъ военнаго суда; для рассмотрѣнія дѣлъ болѣе легкихъ. и 3 офицера и 2 совѣтника—для дѣлъ тяжкихъ. Высшіе суды состоятъ изъ 7 судей—5 офицеровъ и 2 совѣтника; департаментъ Имперскаго суда состоятъ изъ 4 офицеровъ и 3 членовъ—юристовъ.

Повышеніе юридическаго элемента, выражаясь языкомъ почтеннаго вюртембергскаго депутата Гребера—произошло по предложенію парламентской комисіи.

Сопоставлять совмѣстную дѣятельность офицеровъ и военныхъ юристовъ съ тѣмъ, что мы видимъ въ общемъ уголовномъ правѣ при соединеніи и разъединеніи „профановъ“ и судей-специалистовъ, значило-бы упускать изъ виду особенности военнаго дѣла. Нѣмецкаго офицера уже потому нельзя приравнять къ шеффену или присяжному засѣдателю общихъ судовъ, что отправленіе военной юстиціи проникнуто военно-профессиональными взглядами. Поэтому въ правѣ былъ генеральный аудиторъ Иттенбахъ сказать, что современнымъ военнымъ судамъ нечего бояться критики за свои рѣшенія, хотя юристы въ этихъ судахъ не засѣдаютъ.

Военная прокуратура организована при имперскомъ военномъ судѣ точно также, какъ прокуратура обще-гражданскаго вѣдомства. Члены ея не состоятъ изъ чиновъ судебнаго вѣдомства; онѣ должны имѣть судебный цензъ и назначаются императоромъ по предложенію союзнаго совѣта. Во главѣ имперскаго военнаго суда стоитъ назначаемый императоромъ „президентъ“—генераль въ чинѣ генерала-командующаго войсками. Президенты департаментовъ имперскаго военнаго суда и судьи военнаго суда должны быть не моложе 35 лѣтняго возраста.

При имперскомъ судѣ и въ штабѣ каждаго изъ командировъ, имѣющихъ въ своемъ вѣдѣніи высшій военный судъ, состоятъ военно-судебные секретари. Съ необходимыми оговорками, можно было бы приравнять сословный судъ суду шеффеновъ, военный судъ—уголовной палатѣ, высшій военный судъ—уголовному департаменту высшаго мѣстнаго суда, если-бы подобно уставу военно-уголовнаго судопроизводства, и общее право допускали-бы обжалованіе приговоровъ первой инстанціи; имперскій военный судъ соотвѣтствуетъ уголовному департаменту имперскаго суда.

Нисшая подвѣдомственность обнимаетъ, въ личномъ отношеніи, лицъ военнаго сословія, не состоящихъ въ офицерскихъ чинахъ; изъ проступковъ, она, какъ и судъ шеффеновъ, касается тѣхъ, которые влекутъ за собою наказаніе, не превышающее 6 недѣль. Нисшую инстанцію образуютъ сословные суды; если они дѣйствуютъ въ „полѣ“, они называются „полевыми“ судами, если на „бортѣ“—сословными. Въ судахъ обѣихъ категорій правомочіе командира—назначать судъ значительно расширено. Высшая подвѣдомственность обнимаетъ всѣхъ лицъ и всѣ проступки. Судами первой инстанціи являются воен-

ные суды. Обжалованіе приговоровъ сословнаго суда направляется въ военный судъ, обжалованіе приговоровъ военнаго суда въ высшій военный судъ, а ревизія приговоровъ послѣдняго принадлежитъ имперскому военному суду. Командиромъ въ отношеніи нисшей подсудности является полковой командиръ, батальонный и ближайшій военный чинъ; для высшей подсудности—генераль-комендантъ, дивизионный командиръ, губернаторъ Берлина, начальникъ перво-классной крѣпости и начальники округовъ, объявленныхъ на военномъ положеніи.

Б. Вторая часть. Судопроизводство.

Здѣсь ограничимся небольшими сравненіями. Процессъ по уставу военно-уголовнаго судопроизводства въ общихъ чертахъ тотъ же что и въ уставѣ уголовнаго судопроизводства. Опытный юристъ, близко знакомый съ общимъ уголовнымъ правомъ, встрѣтитъ общеизвѣстныя формы и обряды. Если при изученіи новаго устава нельзя оставить безъ вниманія нѣкоторыя особенности и черты, характеризующія болѣе сконцентрированное устройство и централизацию, то въ общемъ эти отличія не представляютъ интереса. Оба законодательства въ многочисленныхъ своихъ статьяхъ почти дословно схожи другъ съ другомъ. Нужно упомянуть только о нѣкоторыхъ особенностяхъ. При первомъ допросѣ слѣдуетъ напоминаніе (§ 106), что упорное разбирательство или наглая ложъ увеличиваетъ наказаніе, а также слѣдуютъ вопросы, не желаетъ ли обвиняемый что либо сказать противъ обвиненія. Предсѣдательствуетъ въ судебномъ засѣданіи старшій по чину офицеръ; руководитъ засѣданіемъ старшій по службѣ юристъ. Публичность засѣданій, вызвавшая такіе восторги, въ глазахъ юриста представляется лишенною значенія, ибо гдѣ можно найти въ германской имперіи судью, который въ публичномъ засѣданіи хотя на волосокъ дѣйствовалъ или говорилъ бы иначе, нежели при закрытыхъ дверяхъ ¹⁾. Свидѣтельская присяга асерторная, т. е. она слѣдуетъ за показаніемъ. Много споровъ возбудилъ вопросъ о защитѣ. Извѣстная петиція совѣта берлинскихъ повѣренныхъ направлена была на допущеніе къ защитѣ всякаго нѣмецкаго адвоката. Правиль-

¹⁾ Въ этой увѣренности нельзя не видѣть, помимо столь обычной у нѣмецкихъ писателей вѣры въ непогрѣшимость національныхъ институтовъ, и скрытаго намека на французскій военный судъ.

ное рѣшеніе вопроса лежитъ больше всего въ словахъ депутата Шмидта (Майнцъ)—мой профессиональныя желанія должны уступить мѣсто интересамъ нашихъ солдатъ.

Конфирмація приговоровъ не имѣетъ по уставу значенія *утвержденія* ихъ: она скорѣе—удостовереніе того, что приговоръ вошелъ въ законную силу и приказъ привести его въ исполненіе. Кто подаетъ этотъ приказъ—въ уставѣ еще не опредѣлено, —для флота это сдѣлано будетъ Императоромъ, для арміи—главами подлежащихъ контингентовъ арміи.

Восьмой титулъ второй части устава примыкаетъ къ постановленіямъ закона 20 мая 1898 г., дѣйствующаго относительно общегражданскаго процесса.

Въ заключеніе укажемъ, что вся организація военно-судебнаго строя позволяетъ полкамъ и дивизіямъ, находящимся въ походѣ, имѣть при себѣ суды, и что особыми постановленіями можетъ быть достигнута въ походѣ скорая работа механизма.

8. Избраніе Министра Юстиціи Почетнымъ Членомъ Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ.

С.-Петербургское Юридическое Общество до сихъ поръ насчитывало всего два почетныхъ члена: одного изъ „стаи славной“ дѣятелей, бывшихъ творцами Судебныхъ Уставовъ, маститаго Николая Ивановича Стояновскаго, много лѣтъ стоявшаго въ главѣ нашего Общества, и бывшаго Министра Юстиціи Дмитрія Николаевича Набокова, дѣятельностью котораго укрѣплены были устои великой Судебной реформы, калечатъ которые было столько охотниковъ. Нынѣ число почетныхъ членовъ обогатилось еще однимъ,—таковымъ избранъ въ общемъ собраніи Общества 9 октября 1899 г. министръ Юстиціи, Н. В. Муравьевъ. Слѣшимъ занести это избраніе, которое будетъ привѣтствуемо всѣми друзьями Юридическаго Общества, желающими ему споспѣшествованія. Вотъ часть протокола происходившаго подѣ председательствомъ председателя Юридическаго Общества Сенатора Э. Я Фукса, общаго собранія 9 октября, относящаяся до избранія Н. В. Муравьева въ почетные члены Общества:

„По открытіи засѣданія Собранію было сообщено слѣдующее постановленіе Совѣта Общества:

„Совѣтъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 3 сего октября, заслушавъ, предложеніе Предсѣдателя Общества Э. Я. Фукса объ избраніи почетнымъ членомъ Общества Министра Юстиціи, Статсъ-Секретаря Николая Валеріановича Муравьева и принимая во вниманіе:

„1) Что распространеніе судебной реформы на всѣ мѣстности Россійской Имперіи, будучи дѣломъ огромной государственной важности могло быть осуществлено главнѣйшимъ образомъ благодаря энергіи и просвѣщеннымъ стремленіямъ Министра Юстиціи Н. В. Муравьева и должно быть признано, такимъ образомъ, особой и бозспорной его заслугой въ глазахъ всего русскаго юридическаго міра;

„2) Что дѣятельность Н. В. Муравьева, выдающагося судебного оратора, высокоталантливаго юриста теоретика и практика, проявлялась неоднократно и въ самомъ Юридическомъ Обществѣ, членомъ коего онъ состоитъ болѣе двадцати лѣтъ;

„3) Что и въ настоящее время Н. В. Муравьевъ постоянно содѣйствуетъ интересамъ общества и въ частности оказалъ существенную поддержку учрежденію въ составѣ Юридическаго Общества русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ и изданію Журнала Юридическаго Общества;

„и 4) Что лучшимъ признаніемъ со стороны Юридическаго Общества указанныхъ заслугъ Н. В. Муравьева было бы избраніе его въ почетные члены общества,—

„руководствуясь § 13 устава, постановилъ: предложить ближайшему общему собранію избрать въ почетные члены Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ Министра Юстиціи, Статсъ-Секретаря Николая Валеріановича Муравьева.

„Выслушавъ изложенное, Общее Собраніе приступило къ баллотировкѣ предложенія и избрало Министра Юстиціи Статсъ-Секретаря Николая Валеріановича Муравьева почетнымъ членомъ Общества.

„Результатъ баллотировки былъ встрѣченъ рукоплесканіями присутствовавшихъ членовъ“.

VIII.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. А. Эсмень. *Профессоръ Парижскаго юридическаго факультета. Основныя начала государственнаго права. Переводъ съ французскаго Н. Кончевской подъ редакціей и съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Тома первый и второй. Москва, 1898 и 1899 гг.*

При сочиненіи этой книги авторъ имѣлъ въ виду составить трактатъ въ одно и то же время элементарный и научный. Въ первомъ томѣ его онъ вывелъ и построилъ юридическую теорію основныхъ учреждений и высшихъ нормъ конституціоннаго права запада XIX в. Второй же томъ посвященъ конституціонному праву французской республики, какимъ оно является подъ дѣйствіемъ законовъ 1875 года. На французскомъ языкѣ сочиненіе Эсмена вышло весной 1896 года.

Но, если оно и для французовъ съ ихъ богатой политической литературой является необходимымъ пособіемъ для изученія современнаго конституціоннаго права, такъ какъ авторъ сопоставляетъ въ немъ дѣйствующее французское право, какъ съ прежними конституціями Франціи, такъ и съ конституціями иностранныхъ государствъ, то для русской бѣдной политической литературы переводъ его былъ тѣмъ болѣе необходимъ. Вѣдь, для знакомства съ конституціоннымъ правомъ вообще была у насъ до сихъ поръ только очень хорошая въ свое время, но теперь уже устарѣлая и къ тому же изданная весьма небрежно въ 1895 г. (о

чемъ подробнѣе см. рецензію на эту книгу въ V томѣ „Сборника Правовѣдѣнія“) книга проф. Градовскаго „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ“, а для знакомства съ французскимъ конституціоннымъ правомъ въ частности мы до сихъ поръ ровно ничего не имѣли, если не считать отдѣльныхъ страничекъ въ нѣкоторыхъ учебникахъ по государственному праву (напр. Градовскаго и Коркунова).

И дѣйствительно, первый томъ выдающагося произведенія Эсмена вышелъ уже въ 1898 году сразу въ двухъ русскихъ переводахъ, одинъ въ изданіи г-жи Поповой подъ редакціей проф. Дерюжинскаго, другой въ изданіи г. Солдатенкова подъ редакціей М. М. Ковалевскаго, причѣмъ оба перевода одинаково удовлетворительны и одинаково изобилуютъ опечатками, только петербургскій переводъ болѣе тяжелъ по языку и болѣе дорогъ по цѣнѣ, московскій же переводъ хромаетъ на счетъ терминологіи, за то въ немъ имѣется предисловіе такого знатока дѣла, какъ М. М. Ковалевскій, и кромѣ того дешевизна его просто поражаетъ. Теперь лежитъ предъ нами русскій переводъ и второго тома книги Эсмена въ московскомъ изданіи съ его отличительными особенностями. Но первый томъ мы уже рецензировали въ Ж. Ю. О. (1898 г., мартъ) въ его петербургской редакціи. Поэтому остановимся въ этой замѣткѣ подробно лишь на второмъ томѣ, иллюстрируя однако, гдѣ надо, наши замѣчанія и соответствующими мѣстами изъ перваго тома.

Начинается второй томъ главой о возникновеніи французской конституціи 1875 г. (3—37) и заканчивается главой, о способахъ и случаяхъ ея пересмотра (369—387). Въ первой главѣ авторъ рассказываетъ, какъ національное собраніе, избранное въ 1871 году подъ вліяніемъ прусскаго разгрома и состоявшее по большей части изъ монархистовъ, дѣлало попытки помѣшать установленію во Франціи республики и какъ въ концѣ концовъ оно принуждено было въ 1875 г. подъ давленіемъ обстоятельствъ дать Франціи республиканскую конституцію. Компромиссы и взаимныя уступки партій, а также и практической характеръ французской конституціи и являются причиной ея отрывочности и необычайной краткости. Въ ней нѣтъ ничего, кромѣ постановленій строго необходимыхъ для опредѣленія порядка организаціи и функціонирования законодательной и исполнительной власти. Не говоритъ она ни о личныхъ правахъ ни о судебномъ устройствѣ (27).

Вмѣстѣ съ тѣмъ во французскую конституцію вошли нѣкоторыя учрежденія приличныя не республикѣ, а конституціонной монархіи. Особенно же это относится къ президенту республики, который, какъ увидимъ ниже, подобно монарху, править съ соучаствіемъ отвѣтственныхъ парламентарныхъ министровъ и не подлежитъ формальной отвѣтственности, отличаясь однако отъ монарха срочностью полномочій и ихъ выборнымъ основаніемъ.

Эсменъ объясняетъ монархическій характеръ французской конституціи двумя причинами (19—25). Во первыхъ, при Наполеонѣ III либеральные сторонники конституціонной монархіи и республиканцы пришли къ соглашенію относительно учреждений, примѣнимыхъ къ той или другой формѣ правленія, считая таковыми парламентскій образъ правленія и гарантіи личной свободы. Сочиненія Брольи и Прево-Парадоля и повліяли, по Эсмену, на конституціонные законы 1875 г. Второй же причиной разношерстности французской конституціи 1875 г. Эсменъ считаетъ общій законъ историческаго развитія—законъ преемственности. Участіе монархистовъ въ выработкѣ конституціи Эсменъ сводитъ лишь къ допущенію ею пересмотра конституціи.

Такимъ образомъ, по Эсмену французская конституція, будучи лишена гармоніи въ ея основныхъ началахъ, имѣетъ за то на своей сторонѣ логику исторіи и обладаетъ жизненностью (36). Къ тому же она легко можетъ быть усовершенствована, по мнѣнію Эсмена, путемъ очень просто организованныхъ и легко доступныхъ ея пересмотровъ, каковыя уже и были въ 1879 г., когда было рѣшено перенесеніе палатъ изъ Версаля въ Парижъ, и въ 1884 г., когда, между прочимъ, были уничтожены пожизненные сенаторы.

Но въѣдъ законы 1875 г. составляло собраніе, гдѣ большинство состояло изъ сторонниковъ парламентской монархіи, чего не отрицаетъ и Эсменъ. Поэтому въ наукѣ уже почти принято за аксіому, что это, именно, и есть главная (но, конечно, не единственная) причина монархической окраски французской конституціи; ср. Коркуновъ, рус. гос. пр., I, стр. 61). Также либералы требовали не только парламентаго правленія, но и гарантій личной свободы. Между тѣмъ послѣднихъ Франція до сихъ поръ не имѣетъ.

Едва ли можно согласиться съ Эсменомъ и на счетъ жизненности французской конституціи. Если она до сихъ поръ существуетъ, то лишь благодаря ряду счастливыхъ случайностей. Откажись Генрихъ V отъ бѣлаго знамени, или будь Буланже или Роже или претен-

денты немного способнѣе и энергичнѣе, отъ республики не осталось бы во Франціи и слѣда.

Въ самомъ дѣлѣ, жизненность представительнаго правленія обусловливается прежде всего политическимъ воспитаніемъ народа и его нравами, какъ это признаетъ самъ Эсменъ въ первомъ томѣ. Но идеалы французовъ самые буржуазные, и нигдѣ такъ сильно не развито тяготѣніе къ монархическому принципу и воплощенію абстрактной власти въ конкретной личности, какъ во Франціи (Р. Б. 99. III). Политическое же воспитаніе народа здѣсь только что началось.

Затѣмъ лишь корпоративная связь, образующая крѣпкіе союзы у самостоятельныхъ общинъ и областей, а также широко развитыя и хорошо обезпеченныя личныя права даютъ представительнымъ учреждениямъ прочность и силу. Во Франціи же съ Людовика XI все шло къ тому, чтобы дѣлать центральную власть всемогущей и вмѣстѣ съ тѣмъ задавить мѣстную политическую жизнь, сломать инициативу личностей и естественную ассоціацію ихъ общественныхъ стремленій и поставить изолированную и приниженную личность лицомъ къ лицу съ колоссальной организаціей центра.

Всѣ элементы здоровой мѣстной автономіи во Франціи логически разрушены и подавлены. Органы самоуправленія по законамъ 1871, 1876, 1882 и 1884 гг. влчатъ жалкое существованіе, отбывающее у населенія всякую охоту дѣлательно заниматься непосредственными интересами. Не говоря уже о центральной власти, даже префектъ давить на мѣстныя учреждения изо всей силы своей опекой. Очень характерно въ этомъ отношеніи и то, что законы 1875 г. отмѣнили по Эсмену законъ 15—23 февраля 1872 года, касавшійся роли генеральныхъ совѣтовъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ (295—297).

Не лучше во Франціи и положеніе личности, этой части „верховнаго народа“. Лишь свобода печати по закону 1881 г. сдѣлала здѣсь значительный шагъ впередъ. Право же публичныхъ собраній регулируется закономъ 1868 г., а право ассоціацій даже закономъ 1834 г. и такимъ образомъ оба эти крайне важныхъ права здѣсь сведены къ нулю. Не имѣетъ французскій гражданинъ и другихъ элементарнѣйшихъ правъ личности, уже вошедшихъ въ плоть и кровь англійской націи. Да и удивляться этому нечего, въ виду сильной изолированности личности во Франціи въ общественномъ смыслѣ. Вся надежда въ этомъ отношеніи на законъ о синдикатахъ 1884 г. Правда, онъ говоритъ лишь о про-

фессіональныхъ ассоціаціяхъ, но въ своей эволюціи онѣ неизбѣжно дадутъ то, чего не достаетъ современной Франціи, именно, прочныя общественно-политическіе союзы личностей, и тогда только французская конституція перестанетъ быть бумажной и сдѣлается въ самомъ дѣлѣ жизненной..

Слѣдующія двѣ главы книги, говоряція о президентѣ республики (37—164), содержатъ въ себѣ очень мало спорнаго. Поэтому мы здѣсь ограничимся лишь краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія. Единолично эта должность организована почти вездѣ, чтобы ей придать силу и независимость и уравнивать ее съ все усиливающимся могуществомъ представительныхъ собраній, хотя въ прошломъ во Франціи и были примѣры коллегіальной организаціи этой власти. Избирается французскій президентъ на семь лѣтъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ и безъ предварительныхъ преній палатой депутатовъ и сенатомъ, объединенными въ одно національное собраніе, такъ какъ въ 1848 г. Франція на дѣлѣ испытала, къ чему приводятъ выборы президента всеобщю и прямою подачею голосовъ. Право переизбранія не ограничено. Члены царствовавшихъ династій не могутъ быть выбраны въ президенты.

Полномочія президента республики на первый взглядъ какъ будто очень обширны. Онъ *de jure* глава исполнительной власти. Такимъ образомъ, онъ обнародываетъ законы и издаетъ административные регламенты (71—85), предсѣдательствуетъ на національныхъ торжествахъ, въ совѣтѣ министровъ и въ высшемъ военномъ совѣтѣ, назначаетъ служащихъ на всѣ гражданскія и военныя должности (86—104), имѣетъ право помилованія (но не амнистіи), распоряжается военными силами государства (104—106), имѣетъ право требовать отъ палатъ новаго обсужденія вотиrowаннаго ими закона и право законодательнаго почина (последнее на ряду съ обѣими палатами), созываетъ палаты, отсрочиваетъ и закрываетъ сессіи (причемъ интересенъ вопросъ о взаимоотношеніи системъ сессій и законодательныхъ періодовъ, 109—125), выпускаетъ палату депутатовъ до истеченія срока ея полномочій (съ согласія сената, 131), письменно обращается съ посланіями къ палатамъ (106—133) и является единственнымъ представителемъ Франціи въ сношеніяхъ съ иностранными державами (съ участіемъ государственнаго совѣта, мнѣнія котораго для президента однако не обязательны, 135—149), будучи ограниченъ только въ вопросахъ о присоединеніи и уступкѣ территоріи (149—153);

важенъ тутъ вопросъ и о совѣщательномъ плебесцитѣ, (152) и объ объявленіи войны (153—158).

Но на дѣлѣ президентъ пользуется больше моральнымъ авторитетомъ, какъ представитель всего вѣчнаго и непреходящаго въ странѣ и въ ея жизни внутренней и внѣшней и какъ лицо, стоящее внѣ и выше партій (69), хотя и этотъ авторитетъ умалется самымъ способомъ избранія президента (67). Реальныя же полномочія президента, предоставленныя ему конституціею, какъ бы велики они ни были, сами по себѣ не значатъ ничего. Дѣло въ томъ, что французская республика 1875 г. по существу своему парламентская. Такимъ образомъ, всѣ свои полномочія президентъ можетъ осуществлять только при содѣйствіи и съ согласія министерства, зависящаго въ значительной степени отъ палатъ. Этимъ мы объясняемъ отчасти и безответственность президента. Хотя конституція и устанавливаетъ эту отвѣтственность въ случаѣ государственной измѣны президента, но Коркуновъ и въ этомъ случаѣ считаетъ ее формально невозможной (рус. гос. пр., I, стр. 62; ср. также у Градовскаго, стр. 526), Эменъ же въ этомъ случаѣ ограничиваетъ ее однимъ изложе-ніемъ президента (164).

И такъ гигантская машина управленія, перешедшая по наслѣдству отъ Наполеона, *de facto* всецѣло находится въ рукахъ министровъ, являющихся какъ бы постояннымъ комитетомъ палатъ по исполнительной части (Градовскій, 464) и контрагигирующихъ каждый актъ и распоряженіе президента (Градовскій, 526). Такимъ образомъ центръ парламентскаго правленія лежитъ въ министерской отвѣтственности (67). Этому важному вопросу и посвящена четвертая глава книги (165—208). Здѣсь особенно интересно защищаемое Эменомъ (193) положеніе, что министры политической отвѣтственности подлежатъ только передъ палатой депутатовъ, а не передъ Сенатомъ, и что поэтому Сенатъ не имѣетъ права своимъ голосованіемъ заставить министерство выйти въ отставку. Въ особомъ приложеніи (388—399) Эменъ подробно развиваетъ это положеніе, такъ какъ во время самаго печатанія его книги Сенатъ цѣлымъ рядомъ голосованій заявилъ о своемъ правѣ привлекать къ политической отвѣтственности министровъ и отказомъ въ кредитахъ вынудилъ отставку радикальнаго министерства Буржуа. Въ доказательство своего положенія Эменъ ссылается и на практику конституціонныхъ парламентскихъ монархій, и на основныя положенія Бролли и Прево-Парадоля, и на нераспускаемость француз-

скаго Сената. Интересенъ въ этой главѣ и вопросъ о младшихъ государственныхъ секретаряхъ (172—179). Вопросовъ же о колоссальной власти министровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно неустойчивомъ общемъ положеніи ихъ (средняя продолжительность жизни французскаго министерства лишь 9 мѣсяцевъ!), въ результатъ чего являются злоупотребленія властью и чисто наполеоновская подозрительность по отношенію къ низшимъ агентамъ, а также рутины и бюрократизма, царящихъ въ канцеляріяхъ министровъ, Эменъ, къ сожалѣнію, въ своей книгѣ не касается. А стоило бы дѣло того.....

Глава пятая говоритъ о законодательной власти (209—360). Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе вопросъ о двухъ палатахъ (248—272). Въ первомъ томѣ Эменъ защищалъ уже необходимость второй палаты (во Франціи—Сената), какъ элемента ослабляющаго фактическую силу законодательной власти (*sic*), посредствующаго, исправляющаго увлеченія и ошибки и даже обезпечивающаго личныя права гражданъ (*sic*). Но Эменъ же во второмъ томѣ намъ показываетъ, какъ французскій Сенатъ то и дѣло мѣшаетъ правильной законодательной жизни страны, вторгаясь въ сферу компетенціи нижней палаты (финансовыя вопросы, 325—346, министерская отвѣтственность, 388—399, и т. д.). Когда же Сенатъ могъ дѣйствительно сыграть роль палладіума закона и свободы во Франціи, отвергнувъ законъ о передачѣ дѣла Дрейфуса въ общее собраніе кассационнаго суда, то онъ этого не сдѣлалъ, причемъ особенно курьезно то, что во время преній въ Сенатѣ за министерство Дюпюи подало свой голосъ большинство какъ разъ той трети сенаторовъ, которая должна будетъ по конституціи подвергнуться выборамъ въ январѣ будущаго года....

На дѣлѣ конституціонная жизнь Франціи постоянно и неуклонно стремится къ сближенію и способа избранія и состава двухъ палатъ, какъ это признаетъ самъ Эменъ (270). Исторически тоже нѣтъ во Франціи корней для второй палаты. Да и въ теоріи она несовмѣстима съ народнымъ суверенитетомъ. Такъ какой же спрашивается *raison d'être* французскаго сената?

Если же и можно защищать вторую палату, то только въ формѣ государственной палаты Винтера, которой однако не мѣсто въ нынѣшнемъ военно-бюрократическомъ государствѣ (Градовскій, 207). Если же положить въ основу двухъ палатъ принципъ представительства интересовъ и группъ, то самъ Эменъ считаетъ его не-

согласимымъ съ принципомъ народнаго самодержавія (271), что, впрочемъ, сомнительно.

Переходимъ теперь къ функціямъ парламентаризма (или точнѣе одной нижней палаты). Ихъ три. Во-первыхъ, парламентъ долженъ показывать и выражать господствующее общественное сознание въ данный моментъ. И съ этой точки зрѣнія вполнѣ удовлетворительна распространяющаяся повсюду самому вездѣ теперь съ неудержимою силою и принятая и во Франціи система прямой и всеобщей подачи голосовъ (за нѣкоторыми исключеніями, установленными для обезпеченія дѣйствительной свободы выбора, интересовъ арміи и національной защиты, а также и въ виду чисто политическихъ соображеній, 209—310). Но еще болѣе удовлетворяетъ этой функціи система пропорціональнаго представительства, какъ отражающая всѣ теченія народной жизни, дающая возможность самимъ избирателямъ группироваться по сходству и различію ихъ воззрѣній и интересовъ, устраняющая возможность случайнаго извращенія исхода выборовъ и дающая возможность и меньшинству имѣть свое представительство (Коркуновъ, „Пропорціональные выборы“). Поэтому, какъ это признаетъ самъ Эсменъ (233), и эта система встрѣчаетъ замѣтное сочувствіе въ самыхъ различныхъ странахъ и постепенно завладѣваетъ ими. Тѣмъ не менѣе къ этой системѣ Эсменъ относится враждебно.

Вторая функція парламентаризма состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворять интересамъ и потребностямъ современности (311—369). Такимъ образомъ палаты призываются къ участію въ законодательствѣ. Ихъ согласіе требуется для установленія налоговъ и на употребленіе государственныхъ средствъ для покрытія издержекъ по внутреннему и внѣшнему управленію, причемъ, однако, у Эсмена осталась невыясненной разниа между правомъ налоговъ и бюджетнымъ правомъ (325—346; см. также „Сборникъ Правовѣдѣнія“, V, 132—133). Въ связи съ финансовымъ правомъ стоятъ и нѣкоторыя смежныя права, напр. права относительно военнаго управленія и т. п. Затѣмъ палатамъ предоставляется право контроля надъ дѣйствіями исполнительной власти и защита общихъ правъ, гарантированныхъ конституціею гражданамъ страны (Градовскій, 391). Но эта часть парламентской машины во Франціи (да и въ одной ли Франціи?) дѣйствуетъ наименѣе удовлетворительно. Испорченность и развращенность депутатовъ и избирателей, утомительную борьбу партій въ парламентѣ, верченіе на одномъ мѣстѣ, частую и бесплодную смѣну министерствъ—вотъ что

мы наблюдаемъ въ современной Франціи. Но виной этому не парламентаризмъ самъ по себѣ, а борьба классовъ и интересовъ и разложеніе, наблюдаемыя въ самомъ современномъ обществѣ, а также и общій характеръ и духъ французскаго народа. Но всѣхъ этихъ очень интересныхъ вопросовъ о функціонированіи парламентской машины во Франціи Эсменъ въ своей книгѣ не касается, говоря въ ней только о вредѣ и опасности французской системы интерпелляцій (353).

Наконецъ, третья функція парламентаризма заключается въ томъ, что онъ является школою будущихъ болѣе совершенныхъ формъ человеческой коллективной дѣятельности, въ какомъ смыслѣ особенно знаменательно все болѣе и болѣе широкое распространеніе прямого законодательства народа (въ формѣ referendum'a, напр.). Но эту сторону дѣла Эсменъ оставилъ въ своей книгѣ, къ сожалѣнію, вовсе безъ разсмотрѣнія. Къ referendum'у же въ первомъ томѣ онъ относится прямо враждебно, хотя и сознается, что результаты referendum'a тамъ, гдѣ онъ примѣняется, удовлетворительны, а потому этотъ институтъ находитъ много сторонниковъ во всѣхъ странахъ и быстро распространяется.

Не даетъ книга Эсмена и ученія о территоріи (если не считать таковымъ стр. 149—153, говорящихъ объ обмѣнѣ, уступкѣ и приобрѣтеніи территорій) и о населеніи, а также о мѣстномъ управленіи и о судебной власти, если не принимать во вниманіе главы о верховномъ судѣ (360—369), представляющемъ скорѣе политической органъ. Такимъ образомъ французскій и петербургскій заголовокъ книги („*Elements de droit constitutionnel*“) намъ кажется болѣе соответствующимъ ея содержанію, чѣмъ московскій („Основныя начала государственнаго права“).

Сергій Шумановъ.

2. Т. Фауль. *Призрѣніе бѣдныхъ въ Англии. Пер. съ англійскаго А. М. Бьлова.* Спб. 1899 г.

Графъ д'Оссонвилъ, членъ Французской академіи. *Нужда, пороки и благотворительность. Пер. съ французскаго и введение Б. К. Ордина.* Спб. 1899 г.

П. Гонзень. *Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ. Исч. по распоряж. канц. Е. В. Государыни Императрицы Александры Теодоровны.* Спб. 1899 г.

Что такое пауперизмъ? Какія его причины? Гдѣ его неизсякающій источникъ?

Отвѣтъ на эти вопросы даетъ процессъ капиталистическаго

накопленія, классическое изображеніе котораго мы находимъ въ 1 т. „Капитала“ К. Маркса по отношенію къ классической странѣ капитализма и пауперизма — Англій. Связь между богатствомъ и бѣдностью была ясна пронизательнымъ умомъ еще въ началѣ XVIII вѣка, но только въ своей телеологической формѣ: существованіе бѣдныхъ необходимо для того, чтобы могли существовать богатые, а потому бѣдность слѣдуетъ не уничтожать, а поддерживать. Мандевиль, въ извѣстной „Баснѣ о пчелахъ“, говоритъ слѣдующее: „Гдѣ собственность достаточно ограждена, тамъ легче жить безъ денегъ, чѣмъ безъ бѣдныхъ; ибо кто сталъ бы тогда работать? Интересъ всѣхъ богатыхъ націй требуетъ, чтобы большая часть бѣдныхъ никогда не оставалась безъ дѣла, и чтобы они всегда проживали то, что получаютъ... У тѣхъ, кто живетъ поденнымъ трудомъ, нѣтъ ничего, что подстрекало бы ихъ быть услужливыми, кромѣ ихъ нужды, смягчать которыя благоразумно, но удовлетворять вполнѣ было бы глупо. Единственная вещь, которая можетъ сдѣлать прилежнымъ рабочаго человѣка, это умѣренная рабочая плата... Въ свободной націи, гдѣ рабство запрещено, самое вѣрное богатство заключается въ множествѣ трудолюбивыхъ бѣдныхъ“. Но какимъ образомъ достигается эта цѣль — сохраненіе и увеличеніе числа „трудолюбивыхъ бѣдныхъ“ — путемъ естественнаго развитія самаго процесса накопленія капитала, — это превосходно выяснилъ К. Марксъ. Самымъ важнымъ факторомъ при этомъ является то, что Марксъ называетъ органическимъ строеніемъ капитала, и тѣ измѣненія, которымъ оно подвергается въ продолженіе процесса накопленія. Могучимъ рычагомъ накопленія является развитіе производительности труда, которое выражается цѣлымъ рядомъ измѣненій въ техническомъ строеніи капитала, дающихъ возможность данному количеству рабочей силы приводить въ движеніе все болѣе и болѣе возрастающее количество средствъ производства. „Возрастаніе производительности труда, говоритъ Марксъ, проявляется въ уменьшеніи количества труда въ сравненіи съ количествомъ средствъ производства, приводимыхъ имъ въ дѣйствіе, или въ уменьшеніи субъективнаго фактора рабочаго процесса въ сравненіи съ объективными его факторами. Такое измѣненіе техническаго строенія капитала, такое возрастаніе количества средствъ производства въ сравненіи съ количествомъ оживляющей ихъ рабочей силы, отражается, въ свою очередь, на органическомъ его строеніи, на увеличеніи постоянной части капитала на счетъ переменнѣйшей“. Напримѣръ, первона-

чально изъ всего количества затраченнаго капитала 50% шли на средства производства и 50% на покупку живой рабочей силы; съ развитіемъ производительности труда, отношеніе это измѣняется— 80% идутъ на средства производства и только 20% на рабочую силу и т. д.; переменная часть капитала, сравнительно съ постоянной, становится все меньше и меньше. А такъ какъ запросъ на трудъ опредѣляется не размѣромъ всего капитала, а размѣромъ его переменной части, то, слѣдовательно, запросъ этотъ прогрессивно падаетъ съ возрастаніемъ всего капитала. „Мало того, говоритъ Марксъ, что требуется ускореніе накопленія всего капитала въ возрастающей прогрессіи для того, чтобы поглотить извѣстный приростъ числа рабочихъ, или даже для того, чтобы дать работу уже имѣвшимъ ее прежде, но потерявшимъ ее влѣдствіе преобразованія прежняго капитала. Но это возрастаніе накопленія и сосредоточенія, въ свою очередь, обращается въ источникъ новаго измѣненія строенія капитала, новаго уменьшенія его переменной части, въ сравненіи съ постоянною. Само капиталистическое накопленіе постоянно производитъ, и притомъ пропорціонально своей собственной энергіи и своему размѣру, относительный излишекъ рабочаго населенія... словомъ, производитъ перенаселеніе“.

Этотъ избытокъ рабочаго населенія, создаваемый процессомъ развитія богатства на капиталистической почвѣ, становится, въ свою очередь, факторомъ дальнѣйшаго накопленія и даже условіемъ существованія капиталистическаго производства. Онъ образуетъ запасную промышленную армію, которая, по энергическому выраженію Маркса, столь же безусловно принадлежитъ капиталу, какъ если бы онъ выростилъ это населеніе на свой собственный счетъ. вмѣстѣ съ накопленіемъ и сопровождающимъ его прогрессомъ производительности труда возрастаетъ также сила внезапной растяжимости капитала, допускающая быстрое обращеніе массъ общественнаго богатства въ средства производства; эти массы бѣшено устремляются или въ старыя отрасли промышленности, рынокъ которыхъ внезапно расширился, или въ возникающія вновь. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ должна имѣться возможность направлять на опредѣленные пункты громадныя массы людей, направлять сразу и безъ уменьшенія производства въ другихъ отрасляхъ. Этотъ запасный контингентъ и доставляется относительнымъ избыткомъ рабочаго населенія; онъ позволяетъ капиталисту напрячь или ослабить быстроту и размѣръ своихъ операцій, смотря по положенію рынка, и эксплуатировать наиболѣе благопріятный моментъ сильнѣйшаго

запроса, вознаграждая себя этимъ за періоды застоя. Другая роль этой резервной арміи, не менѣ важная, состоитъ въ томъ, что она оказываетъ давленіе, предложеніемъ своихъ рукъ, на дѣйствующую рабочую армію и обуздываетъ ея требованія. Этимъ дается возможность возлагать на каждаго отдѣльнаго рабочаго наибольшую долю труда, что ведетъ къ дальнѣйшему росту рабочаго „резерва“ въ лицѣ безработныхъ и инвалидовъ. Потребленіе капиталомъ рабочей силы идетъ такъ быстро, что рабочій среднихъ лѣтъ большею частью уже дряхлѣ; онъ попадаетъ въ ряды сверхкомплектныхъ или сталкивается съ высшей ступени на низшую, а его мѣсто занимаетъ другимъ, болѣе молодымъ и свѣжимъ.

Вотъ, эта то резервная армія капиталистическаго производства, выдѣляемая въ силу самыхъ условій его развитія, изъ общаго рабочаго населенія, является постояннымъ, неизсякающимъ источникомъ пауперизма въ тѣсномъ смыслѣ, того пауперизма, который вращается теплыми припарками благотворительности и болѣе холодной фармакопеей государственнаго призрѣнія. Пауперизмъ—это низшій слой относительнаго избытка населенія. Если исключить изъ разсчета бродягъ, преступниковъ, проституткокъ и всѣхъ, кого называютъ опаснымъ элементомъ, то въ этомъ нисшемъ слое Марксъ различаетъ три категоріи. Первую категорію составляютъ способные работать, но не находящіе приложенія своимъ рабочимъ силамъ; въ періоды промышленныхъ кризисовъ эта категорія сильно возрастаетъ и уменьшается при каждомъ оживленіи дѣлъ. Вторая категорія—сироты и дѣти нищихъ; это кандидаты запасной промышленной арміи и въ періоды высшаго процвѣтанія они также поглощаются дѣйствующей рабочей арміей, вступаютъ въ ея ряды. Третья категорія—калѣки, обнищавшіе и неспособные работать; это тѣ рабочіе, которые очутились за штатомъ, благодаря какимъ либо новымъ техническимъ усовершенствованіямъ, которые пережили нормальную продолжительность жизни рабочаго, наконецъ, жертвы промышленности, число которыхъ растетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа опасныхъ машинъ, вредныхъ химическихъ производствъ, калѣки, больные, вдовы и пр. „Нищенство, говоритъ Марксъ, представляетъ инвалидный домъ дѣйствующей рабочей арміи и балластъ запасной промышленной арміи. Возникновеніе его подразумѣвается при возникновеніи перенаселенія; необходимость его заключается въ необходимости послѣдняго, и вмѣстѣ съ тѣмъ это нищенство составляетъ условіе существованія капиталистическаго производства и развитія

богатства. Оно относится къ *faux frais* (накладнымъ расходамъ) капиталистическаго производства, большую часть которыхъ капиталъ, однако, умѣетъ сваливать съ себя на плечи рабочаго и мелкаго средняго класса“.

Извиняемся за этотъ — слишкомъ длинный для размѣровъ рецензіи и въ то же время слишкомъ недостаточный и укороченный — очеркъ происхожденія пауперизма, его непрерывнаго возникновенія изъ условій и потребностей капиталистическаго строя. Пониманіе этой связи одно только позволяетъ установить критерій для правильной оцѣнки разныхъ формъ и системъ призрѣнія, для уясненія законмѣрности ихъ историческаго чередованія, въ зависимости отъ разныхъ стадій процесса капиталистическаго накопленія и развитія, для оцѣнки тѣхъ принциповъ, которые кладутся въ ихъ основу. Быть можетъ, какъ необходимое заключеніе изъ приведеннаго очерка, выступить та истина, что хорошее рабочее законодательство это лучшая система призрѣнія. Нормированіе часовъ работы, сокращеніе труда малолѣтнихъ, огражденіе безопасности рабочихъ, страхованіе ихъ на случай старости и инвалидности — вотъ что является наиболѣе могущественнымъ, при данныхъ условіяхъ, и наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ для сокращенія численности запасной промышленной арміи — количества незанятыхъ и ищущихъ занятій рабочихъ рукъ — и для уменьшенія нисшаго слоя этой арміи, образующаго ряды пауперизма. Только послѣ того, какъ такимъ путемъ будетъ достигнуто значительное разрѣженіе густыхъ батальоновъ этой арміи, сдѣлается возможной сколько нибудь дѣйствительная и плодотворная борьба съ ея остатками для частной, общественной и государственной благотворительности.

Въ двухъ переводныхъ сочиненіяхъ, заглавія которыхъ помѣчены выше, вопросы пауперизма и призрѣнія разсматриваются авторами съ такой точки зрѣнія, которой совершенно чуждо пониманіе связи этихъ явленій съ особеннымъ историческимъ характеромъ и съ специфическими условіями капитализма; оба они съ одинаковымъ усердіемъ стремятся перенести отвѣтственность съ историческихъ законовъ капиталистическаго развитія на естественные, вѣчные, неизмѣнные и неустрашимые законы природы. Оба они, и англичанинъ Фауль, и французъ д'Оссонвиль, являютъ собою типичныхъ представителей буржуазной среды, типичныхъ по своей ограниченности, по неумѣнію выбиться изъ опутывающей ихъ сѣти общихъ мѣстъ и нравственно-утѣшительныхъ сентенцій, составляющихъ ходячую монету государственно-экономической премудрости въ

буржуазномъ обществѣ, вѣждущемся на пауперизмъ. Англичанинъ Фауль, не столь сладкорѣчивый, какъ его французскій коллега, болѣе прямой, еще смутно подозрѣваетъ, повидимому, настоящую цѣну этой монеты. Объ этомъ можно заключить изъ одного любопытнаго признанія, дѣлаемаго имъ, правда, вскользь, что призрѣніе своимъ появленіемъ обязано „не гуманности и не чистому утилитаризму, но единственно интересомъ классоваго эгоизма. Эгоизмъ высшихъ классовъ сумѣлъ обратить въ свою пользу развивающійся духъ гуманности и заключилъ съ нимъ родъ тайной сдѣлки. Подъ условіемъ, что мѣстныя власти примутъ мѣры для призрѣнія дряхлыхъ, высшіе классы получили разрѣшеніе обращать здоровыхъ работниковъ фактически въ рабство подъ предлогомъ принудительной работы“. Это признаніе относится, впрочемъ, только къ одной эпохѣ въ англійской системѣ призрѣнія, къ той эпохѣ, которая захватывается и Марксомъ въ его очеркѣ первоначальнаго накопленія; жестокіе и варварскіе законы, которыми тогда (въ XVI в.) экспропрированное населеніе вгонялось въ дисциплину наемнаго труда, включаются нашимъ авторомъ въ исторію призрѣнія, какъ совокупности мѣръ борьбы съ пауперизмомъ, и являются для него нѣкоторымъ побочнымъ историческимъ обоснованіемъ самой обязанности призрѣнія, лежащей на современномъ обществѣ. Графъ д'Оссонвиль не знаетъ никакихъ сомнѣній въ буржуазномъ катехизисѣ, только слегка имъ разбавляемомъ розовой водицей неокатолическихъ тенденцій. Кстати укажемъ, что если не первой, то и не послѣдней заботой графа д'Оссонвиля, орлеаниста и католика, является полемика съ современными французскими учрежденіями и преимущественно съ антиклерикальнымъ законодательствомъ третьей республики о духовныхъ конгрегаціяхъ. Но если такимъ образомъ теоретическіе и теоретико-историческіе вопросы, касающіеся пауперизма, разработаны въ разсматриваемыхъ сочиненіяхъ крайне слабо, то фактическія данныя, содержащіяся въ нихъ — очеркъ современной системы призрѣнія въ Англіи, даваемый Фаулемъ, очерки нѣкоторыхъ явленій порочности и преступности въ Парижѣ, собранные въ книгѣ д'Оссонвиля, — представляютъ безспорный интересъ и оправдываютъ до известной степени появленіе русскаго перевода этихъ книгъ. Изданы переводы прекрасно съ внѣшней стороны и съ благотворительной цѣлью: вся сумма, вырученная отъ продажи этихъ изданій, поступаетъ полностью въ пользу С.-Петербургскаго дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ и дѣтскаго пріюта трудолюбія Св. Ольги.

„Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ“ это подробный фактический отчетъ о изученіи авторомъ, по официальному порученію, постановки трудовой помощи въ Даніи, Швеціи и Норвегіи. Особенно много вниманія авторъ отчета посвятилъ организаци прізрѣнія заброшенныхъ, дурно-воспитанныхъ и заблудшихъ дѣтей. Изданъ отчетъ роскошно со множествомъ иллюстрацій-автотипій, художественно исполненныхъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Вся сумма, вырученная отъ продажи изданія, должна поступить въ пользу попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ.

Д. Л.

3. Н. Растеряевъ. *Таможенныя законоположенія и правила по Европейской границѣ о привозѣ, отпускѣ, досмотрѣ, перевозѣ, складкѣ, очисткѣ пошлиною и выпускѣ товаровъ, со включеніемъ карательныхъ статей за нарушеніе таможенныхъ постановленій.*

„Настоящій трудъ,—заявляетъ составитель въ предисловіи,— не имѣетъ цѣлью дать научное изслѣдованіе устава таможеннаго, имѣющее значеніе академическое, но удовлетворяетъ требованіямъ справочнаго характера для лицъ—практиковъ, причастныхъ къ таможенному дѣлу, къ каковому удовлетворенію книга и подготовлялась, почему для сихъ лицъ, повидимому, она будетъ достаточно выгодною“.

Можно опасаться, что плохая грамотность этихъ первыхъ нѣсколькихъ строкъ предисловія (грамотность остальныхъ, впрочемъ, не высшаго качества) оттолкнетъ отъ этой книги тѣхъ, на кого она рассчитана, внушивъ имъ опасеніе, что они имѣютъ дѣло съ продуктомъ какой-нибудь беззастѣнчивой издательской спекуляціи. Мы считаемъ долгомъ предупредить ихъ, что первое впечатлѣніе является въ данномъ случаѣ ошибочнымъ. Составитель далеко отъ академическихъ претензій и слогъ его еще дальше отъ академическаго совершенства. Но свое дѣло онъ исполнилъ вполне удовлетворительно и сборникъ его дѣйствительно оправдываетъ свое назначеніе. Особенно цѣннымъ въ справочномъ отношеніи представляется предметный указатель, приложенный къ сборнику; указатель составленъ съ большимъ тщаніемъ и исчерпывающей полнотой, о чемъ свидѣтельствуетъ самый его объемъ (отъ 241 до 293 стр.).

4. Н. И. Крафтъ, *старшій совѣтникъ Тургайскаго областного правленія. Судебная часть въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ*. Оренбургъ, 1898 годъ.

Появленіе этой книги вполнѣ своевременно въ виду только что проведенной реформы судебной части въ нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ. Въ составъ ея вошли: краткій историческій очеркъ судебной части въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ; временныя правила 2 іюня 1898 года объ устройствѣ судебной части въ среднеазиатскихъ областяхъ, съ текстомъ узаконеній, на которыя сдѣланы во временныхъ правилахъ ссылки, съ одобренными законодательною властью заключеніями и разъясненіями министра юстиціи и съ приложеніемъ штатовъ судебныхъ учреждений; узаконенія о народномъ судѣ, съ разъясненіями правительства сената и министерства внутреннихъ дѣлъ, и положеніе объ особыхъ преимуществахъ службы въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ.

Литературный интересъ представляетъ, конечно, только первая часть книги—историческій очеркъ, въ которомъ авторъ задается цѣлью „изложить постепенное водвореніе на этой обширной окраинѣ суда и расправы и высказать свой взглядъ на значеніе судебной реформы въ связи съ недостатками существующаго въ краѣ сословнаго (?), такъ называемаго народного суда“. Историческій очеркъ написанъ не только *ad pagandum*, но и *ad probandum*. Главный тезисъ, къ доказательству котораго направленъ историческій очеркъ, состоитъ въ томъ, что народный судъ долженъ быть уничтоженъ и замѣненъ учрежденіемъ крестьянскихъ начальниковъ—сибирская трансформация европейскихъ земскихъ начальниковъ. Кромѣ этого главнаго тезиса, авторъ мимоходомъ выступаетъ въ защиту нѣкоторыхъ, такъ сказать, побочныхъ положеній. По поводу крайне нелестной аттестаціи, которой удостоилась судебная дѣятельность областныхъ правленій какъ въ объяснительной запискѣ министра юстиціи къ проекту судебной реформы въ среднеазиатской окраинѣ, такъ и журналѣ государственнаго совѣта, авторъ беретъ на себя неблагодарный, повидимому, трудъ реабилитаціи судебныхъ отдѣленій областныхъ правленій и въ частности—Тургайскаго областного правленія, въ которомъ авторъ имѣетъ честь состоять старшимъ совѣтникомъ.

Главный тезисъ о народныхъ судахъ остается однако недоказаннымъ; самому автору приходится признать, что указываемыя имъ

недостатки въ дѣятельности этого суда зависать вовсе не отъ внутренней непригодности составляющихъ его элементовъ, а отъ неудачнаго вмѣшательства со стороны законодательства и администраціи въ его организацію и отправление. Вотъ что пишетъ онъ, напримѣръ, объ отношеніи населенія къ народному суду: „Населеніе въ народномъ судѣ видитъ надежную гарантію за цѣлость своего имущества отъ похищенія. Все богатство киргиза: золотыя и серебряныя вещи, десятки тысячъ наличныхъ денегъ, дорогіе ковры и прочее добро сохраняются въ незапираемой на замокъ легкой кибиткѣ, построенной изъ деревянныхъ палочекъ, и никто не боится, что его обокрадутъ. Скотъ киргиза свободно пасется по степи безъ всякой охраны и владѣлецъ стада знаетъ, что если какой нибудь злой человѣкъ угонитъ скотину, то, во всякомъ случаѣ черезъ извѣстный промежутокъ времени, дойдетъ до него *узунъ кулонъ* (длинное ухо, т. е. слухъ издалека) о похитителѣ и народный судъ черезъ присягу заставитъ виновнаго возвратить съ лихвою похищенное“. „Къ сожалѣнію, замѣчаетъ далѣе авторъ, бюрократическія начала, проникшія въ народный судъ, и сложная, до крайности медленная организація чрезвычайныхъ сѣздовъ сильно тормозятъ разборъ дѣлъ, а это въ свою очередь способствуетъ развитію въ степи конокрадства и другихъ преступныхъ дѣяній“.

Послѣ такой характеристики дѣятельности народнаго суда, трудно понять авторское ожесточеніе противъ него.

Д. Л.

5. Prof. Heimberger. *Strafrecht und Medicin. München 1899.*

Вышедшая на дняхъ книга проф. Heimberger'a идетъ на встрѣчу чрезвычайно острому вопросу, особенно занимающему общественное мнѣніе Германіи за послѣднее время. Вопросу этому посвящаются цѣлый рядъ работъ, какъ статей въ юридическихъ и медицинскихъ журналахъ, такъ и отдѣльныхъ монографій. Поводомъ къ такому подъему научной мысли послужилъ весьма интересный случай изъ судебной практики.

Къ дрезденскому врачу по женскимъ болѣзнямъ Ihle пришла дама, жалующаяся на желудочныя боли. Послѣ изслѣдованія врачъ пришелъ къ убѣжденію, что пациенткѣ необходимо сдѣлать значительную операцію въ нижней части живота. Пациентка согласилась на операцію и прибыла для этого въ частную клинику

доктора Ihle. Занаркотизировавъ больную и подвергнувъ ее вторичному изслѣдованію, врачъ увидѣлъ, что предстоитъ не только та операція, которую онъ сначала предполагалъ, но, кромѣ того, другая, трудная и опасная, такъ какъ оказалось, что больная страдала грозящимъ ей неминуемымъ калѣчествомъ и смертью перерожденіемъ половыхъ органовъ, въ каковыхъ случаяхъ медицинская практика требуетъ немедленнаго оперативнаго вмѣшательства. Передъ врачомъ стояла альтернатива, сообщить объ этомъ больной и испросить ея согласія на операцію, или выполнить операцію, пользуясь безсознательнымъ состояніемъ пациентки. Онъ рѣшился на послѣднее. Операція удалась. Черезъ нѣсколько дней послѣ операціи больной сообщено было, что съ ней произошло, и она бесконечно благодарила доктора за его рѣшительную помощь. Спустя нѣкоторое время, она снова подверглась невыполненной первой операціи и совершенно выздоровѣла. Когда-же зашла рѣчь о гонорарѣ, пациентка не только отказалась заплатить врачу за первую операцію, такъ какъ она была совершена безъ ея согласія, но и начала судебное преслѣдованіе противъ врача, требуя съ него вознагражденія за причиненную ей боль и страданія. Дрезденскій Oberlandesgericht отказалъ врачу Ihle въ удовлетвореніи его требованія гонорара, такъ какъ онъ предпринялъ первую операцію противъ воли своей пациентки, и призналъ, что его дѣяніе представляетъ умышленное и противоправное тѣлесное поврежденіе, за что, конечно, ему не можетъ быть присуждено гонорара. Но и потерпѣвшей судъ отказалъ, такъ какъ изъявленіями своей признательности она показала, что простила врачу его поступокъ, и *es ipso* отказалась отъ требованія вознагражденія за причиненныя ей страданія. Дѣло врача Ihle было передано прокуратурѣ, но послѣдняя отклонила обвиненіе. Если бы этого не случилось, и докторъ Ihle подвергся судебнo-уголовному преслѣдованію, онъ рисковалъ-бы въ результатѣ быть приговореннымъ къ 2—10-лѣтнему заключенію въ Zuchthaus'ѣ, и его могло спасти лишь то обстоятельство, что обсужденіе дѣла подлежало-бы компетенціи суда присяжныхъ.

Этотъ фактъ и вызвалъ къ жизни обширную литературу, детально изслѣдующую вопросъ о правѣ врачебнаго вторженія въ сферу тѣлесной неприкосновенности.

Господствующимъ нынѣ мнѣніемъ ученой Германіи (Гуго, Мейеръ, Листъ, Гейеръ, Бернеръ, Биндингъ, Меркель) является то, что дѣйствіе врача въ такихъ случаяхъ даетъ картину тѣлес-

наго поврежденія, но на сторонѣ врача есть особый моментъ, сообщающій его дѣянію не только безнаказанность, но и правомѣрность: дѣйствіе врача представляется признаннымъ въ положительномъ правѣ отправленіемъ врачебнаго призванія. Мнѣніе это не чуждо и нашей литературѣ,—его защищаетъ проф. Таганцевъ (Лекціи II, 555).

Противъ этого мнѣнія возстаетъ проф. Heimberger. Онъ полагаетъ, что такое мнѣніе служить въ пользу только дипломированнымъ врачамъ, а инныя лица, хотя-бы они съ равнымъ искусствомъ и успѣхомъ выполняли ту же работу, подлежатъ судебному преслѣдованію. Между тѣмъ ежедневная жизнь указываетъ на массу случаевъ частнаго врачеванія, такого преслѣдованія не влекущаго. Кромѣ того, указанное мнѣніе лишь утверждаетъ фактъ, что государство допускаетъ дипломированное врачеваніе, и не углубляется въ непосредственно возникающій вопросъ, почему оно это дѣлаетъ.

Попытку отвѣтить на эти сомнѣнія сдѣлалъ уже Н. Dietrich (*Die Straflosigkeit ärztlicher Eingriffe*, 1896). Онъ утверждаетъ, что врачебная дѣятельность потому правомѣрна, что необходима. Ясно, что такой критерій далекъ отъ всякаго юридическаго значенія, ибо простая необходимость ни коимъ образомъ не можетъ сообщить дѣянію правомѣрнаго характера. Другой путь избираетъ проф. Лиліенталь (*Festgabe der Heidelberger Juristischen Facultät für E. J. Bekker*, 1899). По его мнѣнію, правомѣрность, а потому и ненаказуемость врачебнаго вторженія дается цѣлью врачебной дѣятельности—въ томъ предположеніи, что имѣется согласіе паціента. Такое мнѣніе однако не находитъ себѣ подтвержденія ни въ положительномъ правѣ, ни въ основахъ уголовно-юридической науки. О томъ, что цѣль дѣйствія не является основаніемъ, устраняющимъ противоправность дѣянія, ясно и категорически говорятъ старыя нѣмецкіе кодексы, напр. баварское уложеніе 1813 г. ст. 39, саксонское 1838 г. ст. 68 и др. Тоже начало, несомнѣнно, является присущимъ и дѣйствующему положительному праву, и вполнѣ установлено наукой уголовного права. Вторая же часть мнѣнія проф. Лиліенталья, въ его общемъ значеніи, представляется въ наукѣ давно опровергнутой, ибо въ массѣ случаевъ врачебнаго вмѣшательства о имѣющемъ юридическое значеніе согласіи не можетъ быть и рѣчи. Иного рода попытку сдѣлалъ проф. Оппенгеймъ (*Das ärztliche Recht zu körperlichen Eingriffen*, 1893), усматривающій основу ненаказуемости врача въ обычномъ правѣ. Однако,

если выводъ въ сторону обычнаго права можетъ быть сдѣланъ, то онъ болѣе будетъ говорить не о томъ, что врачебное вторженіе ненаказуемо, а о томъ, что оно вовсе не даетъ состава преступленія, въ данномъ случаѣ—тѣлеснаго поврежденія.

Это послѣднее мнѣніе и защищаетъ проф. Heimbeger. Въ дѣяніи, совершенномъ врачомъ, предпринявшимъ лечение или оперированіе больного, онъ вовсе не видитъ преступленія. Тѣлесное поврежденіе, если таковое и принять, совершенное врачомъ,—не выполняетъ состава, предполагаемаго статьями закона о тѣлесномъ поврежденіи. Взглядъ свой авторъ доказываетъ разборомъ соответствующихъ положеній германскихъ партикулярныхъ кодексовъ изъ изслѣдованія коихъ вытекаетъ, что ни одинъ изъ нихъ не усматриваетъ въ дѣятельности врача состава преступленія тѣлеснаго поврежденія. Такой дѣятельности недостаетъ главнымъ образомъ субъективныхъ признаковъ состава. И мнѣніе, что врачъ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ такомъ преступленіи, поскольку его дѣятельность входитъ въ рамки отправленія его профессиональной обязанности, выразилось уже въ гиппократовской формулѣ: *quod medicamenta non sanant, ferrum sanat; quod ferrum non sanat, ignis sanat*: врачъ лечитъ, врачуетъ, а не нарушаетъ тѣлесной неприкосновенности. Старые нѣмецкіе криминалисты,—Квисторпъ, Фейербахъ, Грольманъ, Титтманъ, Абергъ и др.—нигдѣ не говорятъ о томъ, что врачъ въ данномъ случаѣ выполняетъ составъ преступленія. Касаясь вопроса, они останавливаются только на случаяхъ перфорациі и здѣсь дѣйствительно видятъ составъ убійства, остальные же случаи совершенно игнорируютъ, какъ не имѣющіе уголовно-юридическаго значенія. И лишь за послѣднее время выдвигаются иныя мнѣнія.

Съ точки зрѣнія автора, мнѣнія эти уже потому нельзя признать удачными, что они вообще говорятъ о „тѣлесномъ поврежденіи“ (*Körpervetletzung*), тогда какъ положительное германское право ведетъ рѣчь о „*körperliche Misshandlung*“ и о „*Gesundheitsstörung*“ (§ 223). Перваго дѣятельность врача не выполняетъ потому, что она съ субъективной стороны не характеризуется требуемыми закономъ чертами, а съ объективной согласна съ требованіями медицинской профессіи, она „*angemessene Behandlung*“, а не „*Misshandlung*“. Конечно, затѣмъ, она можетъ вызвать поврежденіе здоровья, но при указанномъ согласіи дѣятельности врача съ медицинскими правилами, его нельзя назвать выполняющимъ составъ § 223. Литература говоритъ въ такихъ случаяхъ о

„промежуточныхъ фактахъ“ (Лиліенталь), и несомнѣнно, если расчленивъ дѣятельность хирурга, то она дастъ картину тѣлеснаго поврежденія: наркозъ, прекращеніе кровообращенія въ данной части тѣла, разрѣзъ мускуловъ и пр. Но аналогичныя разрушительныя дѣйствія предпринимаетъ напр. и портной съ кускомъ матеріи, кухарка съ провизіей и т. д., и безъ этихъ разрушающихъ моментовъ не можетъ быть достигнута главная цѣль,—излечить, шить платье, изготовить кушанье... Врачъ не повреждаетъ, а лечитъ, и это стоитъ въ полномъ согласіи съ народнымъ языкомъ (Sanage, mederi, Heilkunst) и съ идеями законодателя. Государство, допуская дѣятельность врача, не говоритъ ему, что онъ можетъ предпринимать тѣлесныя поврежденія, которыя приносятъ съ собой его призваніе, а говоритъ, напротивъ: „я считаю тебя настолько знающимъ дѣло, что ты не будешь совершать тѣлесныхъ поврежденій при отправленіи твоего призванія“. Если-же дѣятельность врача не представляетъ тѣлеснаго поврежденія, то она не становится таковой и тогда, когда предпринимается безъ согласія паціента. Такимъ образомъ не создается опасности, что больные будутъ отданы на жертву врачамъ, ибо на помощь приходитъ законъ, ограждающій человѣческую свободу, нарушать каковой врачъ такъ-же не въ правѣ, какъ и всякій другой.

Изъ изложеннаго получаютъ слѣдующія положенія: 1) врачъ долженъ испросить согласіе паціента на операцію, если паціентъ находится въ состояніи вмѣняемости; иначе, врачъ виновенъ въ принужденіи или лишеніи свободы; 2) если паціентъ доставленъ врачу въ безсознательномъ состояніи, или, съ его согласія, приведенъ въ таковое, то совершенное по началамъ медицинской науки оперированіе больного не представляетъ преступленія, хотя-бы паціентъ, быть можетъ, и не изъявилъ согласія на оказавшуюся необходимой операцію. Рискъ больного непрятеиъ, но было-бы неправильно подвергать врача судебному преслѣдованію, когда операція, можетъ быть, спасла жизнь человѣка; 3) если операція повела къ неблагопріятному результату, то на лицо объективный составъ тѣлеснаго поврежденія, но полный составъ его лишь тогда, когда дѣяніе врача можетъ быть вмѣнено ему въ умыселъ или неосторожность, что уже не представляетъ юридическихъ трудностей при обсужденіи. Несогласіе паціента можетъ послужить лишь обстоятельствомъ, повышающимъ мѣру наказанія.

Таково содержаніе книги проф. Heimberger'a. Его мнѣніе раз-

дѣляется большимъ количествомъ авторовъ,—Stooss'омъ, Frank'омъ, проф. Beling'омъ, Zürcher'омъ и др. Невольно напрашивается мысль, не является-ли этотъ походъ противъ господствующаго мнѣнія совершенно излишней Spiegelfechtereі? Трудно усмотрѣть юридическое основаніе, по которому группа указанныхъ авторовъ находить болѣе правильнымъ разсматривать дѣяніе врача-хирурга, какъ не выполняющее состава тѣлеснаго поврежденія, а не какъ дѣяніе правомѣрное. Становясь правомѣрнымъ, оно перестаетъ быть преступнымъ и, такимъ образомъ, ни въ какомъ случаѣ не выполняетъ указанного состава, для коего, какъ для каждаго преступленія, необходимо главное условіе—противоправность. Совершенно естественно поэтому, что и выводы проф. Heimberger'a въ существенныхъ чертахъ своихъ вполнѣ совпадаютъ напр. съ выводами проф. Виндинга (Handbuch 802—803) и, если расходятся съ послѣдними, то лишь въ неимѣющихъ значенія частностяхъ. Господствующее мнѣніе, которое оспариваетъ авторъ, приводитъ къ тому же результату и въ вышеуказанномъ дѣлѣ доктора Ihle. Рѣшеніе Oberlandesgericht неправильно потому, что ставитъ обвиненіе врача въ умышленномъ тѣлесномъ поврежденіи въ зависимость отъ отсутствія со стороны пациентки согласія на операцію. Въ наукѣ уже давно установлено, что правомѣрность дѣятельности врача обуславливается согласіемъ пациента, къ коему врачъ призванъ, лишь въ томъ случаѣ, когда пациентъ можетъ въ данный моментъ сознательно изъявить свое согласіе. Это не отрицается, а, напротивъ, основательно доказывается и проф. Heimberger'омъ ссылкой на законы о принужденіи и лишеніи свободы. И мнѣніе, что врачъ-хирургъ можетъ не справляться съ согласіемъ пациента, находящагося въ безсознательномъ состояніи,—когда усматриваетъ, что операція существенно необходима для здоровья больного,—много имѣетъ за себя, ибо иначе врачебная дѣятельность, и не только хирургическая, поставлена была-бы внѣ возможности приносить ту пользу, къ коей она призвана. Въ связи съ этимъ господствующее мнѣніе имѣетъ много за себя и по инымъ соображеніямъ, и именно тѣмъ, которыя подвергаетъ сомнѣнію проф. Heimberger',—оно признаетъ правомѣрною дѣятельность лишь признанныхъ государствомъ, дипломированныхъ врачей, а не иныхъ лицъ, хотя-бы послѣднія въ извѣстномъ случаѣ и съ успѣхомъ примѣнили свое искусство. Этимъ оно идетъ на встрѣчу чрезвычайно важнымъ соображеніямъ общественной безопасности. И проф. Heimberger въ результатѣ говорить лишь о врачахъ, а не

о лицахъ, случайно сказывающихъ медицинскую помощь и не обладающихъ медицинскимъ образованіемъ. Наконецъ, изъ совокупности постановленій положительнаго права о врачебной практикѣ (хотя-бы напр. ст. 870—874 ул. о нак.), несомнѣнно слѣдуетъ, что врачъ въ случаяхъ, гдѣ требуется его помощь, не только управомоченъ, но и обязанъ къ своей дѣятельности. Мотивы этого найти не трудно,—они лежатъ въ высокомъ общественномъ значеніи медицинской дѣятельности, но поиски за этими мотивами въ виду указанныхъ постановленій закона излишни. И если-бы проф. Heimberger, утверждая, что дѣйствіе врача хирурга не составляетъ тѣлеснаго поврежденія, т. е. не является преступленіемъ, сдѣлалъ попытку квалифицировать это дѣйствіе съ юридической стороны, то, въ указанныхъ границахъ, онъ могъ-бы признать его только правомѣрнымъ, ибо для противоположнаго рѣшенія мѣста не остается, а юридически безразличной дѣятельность врача никоимъ образомъ не является.

Н. Розинъ.

6. *Симферопольское Общество состоящихъ подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ исправительныхъ Приютовъ. Отчетъ о дѣятельности за 1896, 1897 и 1898 годы.* Симферополь. 1899 г.

Задача Таврическаго исправительнаго приюта для мальчиковъ, открытіе котораго состоялось въ 1890 г., осложнилась за послѣдній отчетный годъ въ виду изданія закона 2 іюня 1897 г., призваннаго исправительныя заведенія къ болѣе широкой дѣятельности. На ряду съ осужденными въ приютъ была принимаема въ 1898 г. и другая категорія преступниковъ—подслѣдственные. Затѣмъ самый составъ первой категоріи сталъ болѣе разнообразнымъ, и помимо обычныхъ преступниковъ, осужденныхъ за простыя кражи, мы встрѣчаемъ и болѣе серьезныхъ преступниковъ. Общее число воспитанниковъ къ 1 января текущаго года достигаетъ 44, между тѣмъ какъ въ предыдущіе отчетные годы эта цифра оказывалась ниже 25.

Цѣнный, въ высшей степени любопытный, матеріалъ представляютъ тѣ страницы отчета, которыя содержатъ въ себѣ біографіи и кондуиты воспитанниковъ приюта. Предъ нами проходитъ обширная разнохарактерная серія людей, которые въ ранней своей юности (преобладаетъ возрастъ 15—17 л.) по тѣмъ или другимъ причинамъ уклонялись отъ нормальнаго пути и нарушили уголовный законъ.

Можно заранѣе догадываться, что подавляющее большинство малолѣтнихъ преступниковъ, бывшихъ на попеченіи таврическаго пріюта, не усвоило элементарныхъ основъ культуры, что они не знали школы. Дѣйствительно, среди общаго числа воспитанниковъ—30 чел., поступившихъ въ 1898 г., насчитывалось лишь 3 грамотныхъ; остальные же 27—принадлежали къ разряду малограмотныхъ или неграмотныхъ. Печально сложилась для нѣкоторыхъ воспитанниковъ жизнь въ родительской семьѣ. У одного воспитаника, какъ повѣствуетъ его біографія, отецъ пьетъ запоемъ, мать занимается проституціей и профессиональнымъ воровствомъ, послѣ того какъ бросила своего мужа, другого толкаетъ на путь преступленія мачиха-пьяница, ненавидящая пасынка, родная * мать третьяго сидитъ въ тюрьмѣ за истязаніе своего сына.

Неудивительно, что на этой почвѣ могутъ народиться люди больные, неуравновѣшенные, склонные къ тайнымъ порокамъ. Этимъ людямъ не чуждъ и голодъ, подъ вліяніемъ котораго, вѣроятно, происходило не одно преступленіе, приведшее затѣмъ виновнаго въ стѣны пріюта. Отчетъ утверждаетъ, что у нѣкоторыхъ воспитанниковъ, особенно въ первое время пребыванія ихъ въ пріютѣ—часто замѣчалась большая жадность къ пищѣ, что вызывало всякія желудочно-кишечныя расстройства.

Въ общей массѣ воспитанниковъ пріюта, по словамъ отчета, встрѣчаются три категоріи преступниковъ. Большинство—случайные преступники, характеризующіеся далеко не всегда дурными нравственными качествами. Вторую категорію составляютъ нравственно больные субъекты, не поддающіеся исправленію тѣми средствами, которыя находятся въ рукахъ у пріюта; наконецъ, третья категорія состоитъ изъ людей лѣнивыхъ, зависимыхъ отъ окружающей обстановки.

Учебно-воспитательная часть поставлена въ пріютѣ довольно высоко: при пріютѣ имѣется основанная въ 1893 г., симферопольская школа садоводства, огородничества и пчеловодства 2-го разряда съ двумя отдѣленіями приготовленнаго клатса и тремя спеціальными классами (3-ій классъ образовался въ декабрѣ 1898 г.), а также столярная плотническая мастерская. Въ послѣднее время стали принимать въ школу постороннихъ лицъ и опытъ этотъ какъ удостовѣряетъ отчетъ, далъ удовлетворительные результаты: интересъ съ школьнымъ занятіямъ у воспитанниковъ пріюта значительно возросъ, явилось сознательное отношеніе къ дѣлу ученія на ряду съ лицами не принудительно, а свободно

учащимися. Прибавимъ отъ себя, что такія совмѣстныя занятія на школьной скамьѣ окажутъ большую услугу и въ другомъ отношеніи. Ослабѣтъ то чувство недовѣрія вражды, съ которымъ общество относится къ бывшимъ воспитанникамъ пріюта при выходѣ ихъ на свободу, и которые верѣдко наталкиваетъ ихъ на путь рецидива. Къ сожалѣнію, изъ школъ большой % учениковъ выбываетъ до окончанія ея, благодаря тому, что предѣльный возрастъ для пребыванія въ пріютѣ наступаетъ ранѣе окончанія ими курса школы, и немногіе изъ учениковъ выражаютъ желаніе остаться въ школѣ по окончаніи курса въ качествѣ патронируемыхъ.

Принудительное заключеніе въ пріютѣ для нѣкоторыхъ воспитанниковъ является невыносимо тяжелымъ. Ихъ манитъ приволье свободной жизни, и они бѣгутъ при первой возможности. Читая біографію воспитанника В. И-ва (ст. 93), невольно вспомнишь „Мицрей“ Лермонтова. И—въ трижды совершилъ побѣгъ изъ пріюта въ теченіе двухъ лѣтъ; мальчикъ нравственно не дурной, довольно отзывчивый и откровенный; побѣги его вызывались наклонностью къ свободной беззаботной жизни, къ которой онъ привыкъ до поступленія въ пріютъ, живя среди рыбаковъ; какъ онъ сознался, его тянуло море съ его привольемъ, и своему стремленію онъ не въ состояніи былъ противостоять.

Какъ поддерживается дисциплина среди воспитанниковъ пріюта? Можно съ удовольствіемъ отмѣтить, что въ системѣ карательныхъ мѣръ, примѣняемой администраціею пріюта, нѣтъ мѣстѣлеснымъ наказаніямъ. Самое высшее наказаніе заключеніе въ карцерѣ съ ограниченіемъ пищи не долѣе сутокъ и затѣмъ отдѣленіе отъ товарищей, въ свободное время и при работѣ, безъ ограниченія въ пищѣ. Администрація держится того справедливаго принципа, что нравственно исправлять провинившагося воспитанника можно и должно не причиненіемъ ему физическихъ страданій, а вызываніемъ у него чувства стыда за совершенный проступокъ, который какъ бы подчеркивается наказаніемъ.

Для поощренія воспитанниковъ установлены пріютомъ особыя правила, сущность которыхъ заключается въ томъ, что каждый воспитанникъ по пробывтіи въ пріютѣ одного мѣсяца, при удовлетворительномъ поведеніи и прилежаніи получаетъ въ списокѣ воспитанниковъ одну марку; 8 такихъ марокъ даютъ ему право на зачисленіе въ разрядъ; дальнѣйшее повышеніе въ разрядахъ достигается также полученіемъ извѣстнаго числа марокъ. Воспитанники, находящіеся въ 4-мъ разрядѣ, могутъ быть условно, до до-

стиженія ими 18 лѣтъ, освобождены изъ пріюта, при чемъ получаютъ на экипировку и другіе расходы до 30 руб. Находясь въ пріютѣ, они въ извѣстныхъ случаяхъ получаютъ денежное вознагражденіе за труды.

Въ числѣ вышедшихъ изъ пріюта въ 1896 г. воспитанниковъ извѣстны составителямъ отчета лишь четыре рецидивиста.

Пріютъ сохраняетъ связь со своими бывшими питомцами и даетъ имъ пристанище, если они остаются временно безъ заработка въ сторонѣ.

Такова въ немногихъ чертахъ симпатичная дѣятельность симферопольскаго пріюта.

7. *Систематическіи сборникъ узаконеній и распоряженій правительства по поземельному устройству крестьянъ Царства Польскаго на земляхъ, подошедшихъ подъ дѣйствіе указовъ 19 февраля 1864 года и пріобрѣтенныхъ при помощи крестьянскаго поземельнаго банка. Съ примѣчаніями составителя. Составилъ М. Д. Скрыбинъ, комиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ Козеницкаго уѣзда Радомской губ. Радомъ. 1896 г., цѣна 4 руб.*

Обширная работа г. Скрыбина, занимающая свыше 700 стр., потребовала отъ автора не мало кропотливаго, умѣлаго и усидчиваго труда. Авторомъ сдѣлана впервые попытка объединить разнообразѣйшій по составу матеріалъ, разбросанный въ многочисленныхъ узаконеніяхъ, административныхъ постановленіяхъ и рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ, снабдивъ его въ нѣкоторыхъ частяхъ, хотя немногими, но всегда цѣнными своими примѣчаніями. Наиболѣе важные акты приведены цѣликомъ, другіе—въ извлеченіи, поскольку они затрагиваютъ вопросы крестьянскаго права Привислянскихъ губерній.

Почти весь сборникъ трактуетъ объ устройствѣ крестьянъ на земляхъ, подлежащихъ дѣйствию указовъ 19 февраля 1864 г.; лишь сравнительно немногія послѣднія страницы, составляющія 2-ую книгу, посвящены устройству крестьянъ на земляхъ, пріобрѣтенныхъ при помощи крестьянскаго поземельнаго банка.

Матеріалъ, заключающійся въ 1-й книгѣ, распредѣленъ по правильной и цѣлесообразной системѣ на 18 отдѣловъ, подвергаясь затѣмъ внутри отдѣла дальнѣйшей логической систематизаціи.

Нужно съ благодарностью отнестись къ работѣ г. Скрыбина, тщательно и добросовѣстно сдѣланной. Она даетъ намъ возмож-

ность ориентироваться среди хаотическаго богатства источниковъ крестьянскаго права Царства Польскаго. Нельзя забыть и того, что предъ нами первый опытъ объединенія одной изъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ отраслей дѣйствующаго права. Матеріаль этотъ, кромѣ того, мало доступный, особенно для русскихъ дѣятелей, которымъ приходится имѣть дѣло съ крестьянскимъ правомъ Привислянскаго края.

Пособіями при составленіи даннаго сборника послужили изданіе б. временной комиссіей сборники правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу въ губерніяхъ Царства Польскаго и рѣшеній временной комисіи 1876 и 1879 годовъ, сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената по крестьянскимъ дѣламъ, изданный въ 1889 г. И. Л. Горемыкинымъ, и матеріалы руководственнаго характера по крестьянскому дѣлу, разрѣшенные къ пользованію составителя г. радомскимъ губернаторомъ. Матеріаль, конечно, не обладаетъ совершенной полнотой: авторъ не воспользовался богатыми архивами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Правительствующаго Сената, охватывающими практику послѣднихъ мѣствъ, но, какъ выражается самъ авторъ въ предисловіи „за недостижимостью для составителя (связаннаго службой въ провинціи) въ данное время желаемой исчерпывающей абсолютно полноты изданія, онъ долженъ былъ поставить себѣ цѣлью посильную систематизацію дѣйствующаго права по крестьянскому дѣлу, которое развивалось 32 года въ замѣчательно стройномъ и цѣлесообразномъ порядкѣ, было весьма затруднительно для изученія и практическаго примѣненія, въ виду отсутствія свода его, во первыхъ, и невозможности приобрѣсти руководства, во вторыхъ“.

8. Г. О. Розенцвейгъ. *Изъ залы суда. Судебные очерки и картины.* Спб. 1900 г.

Г. Розенцвейгъ печаталъ судебные отчеты въ нѣсколькихъ столичныхъ газетахъ; отчеты его обратили на себя вниманіе судебской публики литературностью и дѣльностью изложенія; можно сказать, что г. Розенцвейгъ создалъ особый типъ судебной хроники, одинаково приноровленный къ требованіямъ юриста и обыкновеннаго газетнаго читателя, удовлетворяя перваго точной и осмысленной передачей фактическихъ и юридическихъ особенностей дѣла, а втораго—живымъ освѣщеніемъ бытовой стороны и картины судоговоренія. Теперь г. Розенцвейгъ собралъ этотъ

хроникерскій матеріалъ, придавъ ему полу-повѣствовательную, полу-публицистическую обработку и выпустилъ въ свѣтъ отдѣльной книгой, заглавіе которой приведено выше. Авторъ живо и занимательно рассказываетъ судебныя, а иногда и житейскія приключенія своихъ героевъ и книга его, вѣроятно, найдетъ себѣ широкій кругъ читателей. Непріятное впечатлѣніе производятъ только слишкомъ „сенсаціонныя“ заглавія отдѣльныхъ очерковъ (Сновидѣніе полицейскаго, Загадочная смерть, Жертва оболъщенія, Бѣлая невольница и т. п.), да еще то, что г. Розенцвейгъ вездѣ пропечаталъ полностью имена всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ описываемыхъ и рассказываемыхъ имъ судебныхъ процессахъ, какъ бы это участіе ни было случайно и мимолетно. Книга г. Розенцвейга вовсе не нуждалась въ этой приправѣ.

9. М. Шрамченко. *Уставъ о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и уставъ пробирный т. XI ч. 2 изд. 1893 г.). Съ узаконеніями обнародованными по 1 іюля 1899 г., законодательными мотивами, рѣшеніями Правительствующаго Сената и циркулярами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ. Изд. 2-е дополн. и исправл. Спб. 99 г. Ц. 2 р.*

Подъемъ промышленности въ нашей странѣ значительно опредѣлилъ наше законодательство о промышленности заводской, фабричной и ремесленной. Существенныя пробѣлы его приходилось и приходится восполнять разъясненіями административныхъ органовъ высшаго надзора,—со стороны Министерства и 1 Департамента Сената, а также рѣшеніями Уголовнаго и Кассационнаго Департамента, на усмотрѣніе котораго восходятъ дѣла по нарушеніямъ уставовъ и распоряженій. Такое состояніе фабричнаго права вызываетъ большую надобность въ сборникахъ, гдѣ были бы сосредоточены всѣ относящіеся до промышленности законоположенія, инструкціи и разъясненія. Къ удовлетворенію этой надобности прекрасно служитъ сборникъ г. Шрамченко, умѣло и весьма добросовѣстно составленный и вышедшій нынѣ 2 изданіемъ, значительно пополненнымъ. Въ сборникъ включены и новѣйшіе законы, не исключая и новаго закона 7 іюня 1899 г. о фабричномъ надзорѣ (расп. въ собр. узак. № 74 ст. 994); всѣ источники исчерпаны составителемъ. Внѣшній видъ изданія прекрасный, пользованіе имъ весьма удобно.

410
к

СПбГУ

50041459
СФ СПбГУ

Объ изданіи въ 1900 году
„ВѢСТНИКА ПРАВА“,

ЖУРНАЛА ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
 С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ іюля и августа)
 въ количествѣ 10 книгъ въ годъ

подъ редакціею Г. Б. СЛЮЗВЕРГА.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

	на годъ		по полугодіямъ	
	Январь	Іюнь	Январь	Іюнь
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
„ „ съ доставкою	8 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ — „	4 „ — „
Въ другихъ городахъ съ доставкою	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За-границей	12 „ — „	7 „ — „	5 „ — „	5 „ — „
Отдѣльныя книги журнала	1 „			

Съ приложеніемъ сборника рѣшеній Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ официальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи (въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ); за Журналъ съ Сборникомъ, съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою въ другіе города—13 р., или по полугодіямъ—въ январѣ 8 р. и въ іюнѣ 5 р.

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платять при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к. Подписчики на 1900 г. могутъ получить всѣ 10 книгъ 1899 г. при высылкѣ 5 р. 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ: „Вѣстника Права“ въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 5 линія, д. 28 и въ отдѣленіяхъ конторы въ книжныхъ магазинахъ.

Въ С.-Петербургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр. уголъ Б. Садовой № 50—15; 2) И. П. Анисимова, рядомъ съ Публичной Библиотеккой; 3) „Новое Время“ А. С. Суворина, Невскій 38; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинверлингъ, Невскій пр. 20; 5) Магазины Юридической Литературы Д. В. Члчинадзе, Невскій пр. 59; 6) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр. 46.

Въ Москвѣ: Въ книжномъ магазинѣ Журнала „Русская Мысль“ В. Никитскаго. Въ Кіевѣ: 1) Н. Я. Оглобнина, Крещатикъ 33; 2) И. А. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: С.-Петербургскій книжный складъ, Новый Свѣтъ, 67.

Въ Одессѣ: 1) И. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада.

Въ Харьковѣ: Кн. Маг. Дредера.

Въ Казани: 1) Бр. Балмазовыхъ, Городской Пассажи; 2) А. А. Дубровина.

Гостинный дворъ № 1.

Въ Пермѣ: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евренновой.

Въ Томскѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Вѣстникѣ Права“ принимаются въ Главной Конторѣ по расчету 16 руб. за страницу.

Адресъ Редакціи:
 Спб., Мал. Итальянская, 47.

Адресъ Главной Конторы.
 Вас. Остр., 5 л., д. 28. Книжный складъ
 М. Стасюлевича.

Экспедиція Журнала: Вас. Остр. Академическій пер. 7.

Редакторъ Г. Слюзбергъ.